

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2016. Т. 18

№ 3 (154)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 2
Humanities and Arts

2016. Vol. 18

№ 3 (154)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. В. Алексеев**, акад. РАН
А. Е. Аникин, чл.-корр. РАН
В. А. Виноградов, чл.-корр. РАН
А. В. Головнев, чл.-корр. РАН
С. В. Гольнец, акад. РАН
Ю. С. Пивоваров, акад. РАН
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
Д. Беннер, проф. (Германия)
Дж. Боулт, проф. (США)
П. Бушкович, проф. (США)
Л. Инчуань, проф. (Тайвань)
Н. Коллман, проф. (США)
Т. Краус, проф. (Венгрия)
К. Кроо, проф. (Венгрия)
Дж. Майклсон, проф. (США)
А. Мустайоки, проф. (Финляндия)
Б. Ю. Норман, проф. (Белоруссия)
М. Перри, проф. (Великобритания)
Х. Рюсс, проф. (Германия)
Г. Саймонс, проф. (Швеция)
Ф. Сенешал, проф. (Франция)
Г. Торвальдсен, проф. (Норвегия)
А. Федотов, проф. (Болгария)
К. Хьюитт, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

- Главный редактор
Т. В. Куш,
докт. ист. наук, доц.
- Заместители главного редактора
Е. П. Алексеев,
канд. искусствоведения, доц.
Ю. В. Матвеева,
докт. филол. наук, доц.

- Ответственный секретарь
Н. В. Мосеева

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- Н. Н. Баранов**,
докт. ист. наук, доц.
Л. А. Будрина, канд.
искусствоведения, доц.
Е. М. Главацкая,
докт. ист. наук, доц.
Г. В. Гольнец, канд.
искусствоведения, чл.-корр. РАН
О. В. Зырянов,
докт. филол. наук, проф.
М. В. Капкан, канд.
культурологии, доц.
А. В. Маркин,
канд. филол. наук, доц.
А. М. Плотникова,
докт. филол. наук, доц.
Ю. А. Русина,
канд. ист. наук, доц.
Д. В. Спиридонов,
канд. филол. наук, доц.
А. В. Шаманаев,
канд. ист. наук, доц.
Т. С. Кузнецова,
канд. филол. наук (перевод)

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Индексирование: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS).

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

- V. V. Alekseev**, Full Member of RAS
A. E. Anikin, Corresponding Member of RAS
A. V. Golovnev, Corresponding Member of RAS
S. V. Golynets, Full Member of RAA
Yu. S. Pivovarov, Full Member of RAS
V. A. Vinogradov, Corresponding Member of RAS
- T. E. Avtuchovich**, Professor (Belarus)
D. Benner, Professor (Germany)
J. Bowlt, Professor (USA)
P. Bushkovitch, Professor (USA)
A. Fedotov, Professor (Bulgaria)
K. Hewitt, Professor (Great Britain)
N. Kollmann, Professor (USA)
T. Krausz, Professor (Hungary)
K. Kroo, Professor (Hungary)
G. Mikkelson, Professor (USA)
A. Mustajoki, Professor (Finland)
B. Yu. Norman, Professor (Belarus)
M. Perry, Professor (Great Britain)
H. Rüß, Professor (Germany)
P. Sénéchal, Professor (France)
G. Simons, Professor (Sweden)
G. Thorvaldsen, Professor (Norway)
L. Ying Chuan, Professor (Taiwan)

EDITORIAL STAFF OF THE SERIES

- Editor-in-Chief
T. V. Kushch,
 Dr. hab. (History), Associate Professor
- Deputy Editors
E. P. Alekseev,
 PhD (Art Studies), Associate Professor
Yu. V. Matveeva,
 Dr. hab. (Philology), Associate Professor
- Managing Editor
N. V. Moseeva
- EDITORIAL BOARD
N. N. Baranov,
 Dr. hab., Associate Professor
L. A. Budrina,
 PhD, Associate Professor
E. M. Glavatskaya,
 Dr. hab., Associate Professor
G. V. Golynets,
 PhD, Full Member of RAA
M. V. Kapkan,
 PhD, Associate Professor
A. V. Markin,
 PhD, Associate Professor
A. M. Plotnikova,
 Dr. hab., Associate Professor
Yu. A. Rousina,
 PhD, Associate Professor
A. V. Shamanaev,
 PhD, Associate Professor
D. V. Spiridonov,
 PhD, Associate Professor
O. V. Zyryanov,
 Dr. hab., Professor
T. S. Kuznetsova,
 PhD (Philology), translation

The Journal is included into the List of Peer-reviewed Academic Journals and Editions publishing academic results of doctoral theses.

The Journal is indexed in Science Index (eLibrary); Russian Science Citation Index (RSCI), and the Web of Science™ (WoS).

СОДЕРЖАНИЕ

НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ XIX—XX вв.: ДЕМОГРАФИЯ И СТАТИСТИКА

- Торвальдсен Г.* Номинативные источники в контексте всемирной истории переписей: Россия и Запад 9
- Владимиров В. Н., Сарафанов Д. Е., Щетина А. С.* «Новая историческая демография» в России: эволюция или скачок в развитии? 29
- Горак А.* Метрические книги католического прихода в Казани в XIX — начале XX в. 54
- Главацкая Е. М., Боровик Ю. В., Бобицкий А. В.* Католики Екатеринбурга в конце XIX — начале XX в. по материалам переписей и метрических книг 68
- Мазур Л. Н.* Семья коммунистов Екатеринбургской губернии (по материалам Всероссийской партийной переписи 1922 г.) 85
- Розенблат Е. С.* Протоколы паспортизации еврейского населения как статистический источник по истории брестского гетто 106

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КРЫМА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ И АКТУАЛИЗАЦИИ

- Храпунов Н. И.* Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии 116
- Шаманаев А. В.* Проект создания «Христианского музея» в Херсонесе во второй половине XIX в. 133
- Непомнящий А. А.* К истории личных коллекций Александра Львовича Бертье-Делагарда: по документальным материалам 145

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ШАРЛОТТЫ БРОНТЕ

- Сидорова О. Г.* Переписывавшая Шарлотту Бронте («Джейн Эйр» Шарлотты Бронте и «Широкое Саргассово море» Джин Рис) 157

ФИЛОЛОГИЯ

- Семина А. И.* О сатирических кыт'а в средневековой турецкой литературе (на материале диванов XV—XVIII вв.) 170
- Подлубнова Ю. С.* Поэтика долгого и замедленного кадров в поэзии Алексея Сальникова 179
- Брыкова А. А.* Эвиденциальный потенциал обращений (на материале журналов для детей «Еж» и «Чиж» 1928–1941 гг.) 194

ИСТОРИЯ

- Болгова А. М.* К вопросу о закрытии Афинской Академии в 529 г. 205
- Бородина Е. В.* Условия содержания заключенных во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. (на примере мест заключения Урала и Западной Сибири) 215
- Романюк Т. С.* Начало распространения староверия среди яицкого казачества 231
- Косых Т. А.* Дискуссия о патриотах и патриотизме в Британии 60–70-х гг. XVIII в. 241
- Смирнов С. В.* Корпус Императорской Армии и Флота в борьбе за лидерство в среде российской военной эмиграции в Китае (1920-е — начало 1940-х гг.) 250

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Понькина А. М.* «Квартет для четырех саксофонов» А. Глазунова: к проблеме традиций и обновления 266

РЕЦЕНЗИИ

- Шистеров М. В.* Восемь ликов римского империализма. Рец. на кн.: *Revell L. Roman Imperialism and Local Identities.* — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009. — xvi + 221 p. 274
- Козлов А. С.* Позднеримская монархия в развитии. Рец. на кн.: *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD* / ed. J. Wienand. — Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 2015. — xix + 530 p. (Oxford Studies in Late Antiquity) 287

ЮБИЛЕИ

- «Усердней с каждым днем гляжу в словарь...». К юбилею Людмилы Григорьевны Бабенко 295

MEMORIA

- Историк Нижнего Тагила. Памяти Татьяны Константиновны Гуськовой (*Е. Г. Неклюдов*) 299
- Научное предвидение как способность преодолевать идеологические барьеры. К 70-летию со дня рождения Николая Назаровича Попова (1946–2009) (*О. С. Поршнева, М. А. Фельдман*) 304
- Список сокращений 310

TABLE OF CONTENTS

THE POPULATION OF 19 TH AND 20 TH CENTURIES RUSSIA: DEMOGRAPHY AND STATISTICS	
<i>Thorvaldsen, G.</i> Nominative Data and Global Census History: Russia and the West	9
<i>Vladimirov, V. N., Sarafanov, D. E., Shcheti- nina, A. S.</i> “New Historical Demogra- phy” in Russia: Evolution or a Leap in Development?.....	29
<i>Górák, A.</i> Catholic Parish Registers in Ka- zan between the 19 th and Early 20 th Centuries.....	54
<i>Glavatskaya, E. M., Borovik, Ju. V., Bobits- ky, A. V.</i> The Catholic Community of Yekaterinburg between the Late 19 th and Early 20 th Centuries according to the 1897 Census and Church Records ..	68
<i>Mazur, L. N.</i> The Family of Yekaterinburg Governorate Communists (With Reference to the 1922 All-Russian Party Census).....	85
<i>Rozenblat, E. S.</i> Jewish Population Passport Issue Protocols as a Statistical Source for the History of the Brest Ghetto	106
THE CULTURAL HERITAGE OF CRIMEA: HISTORICAL STUDIES AND ACTUALIZATION	
<i>Khrapunov, N. I.</i> Crimean Antiquities through the Eyes of Edward Daniel Clarke: From Archaeology to Ideology... 116	
<i>Shamanaev, A. V.</i> The “Christian Museum” Project in Chersonesus (2 nd Half of the 19 th Century).....	133
<i>Nepomnyashchy, A. A.</i> On the History of Alexander Lvovich Berthier-Delagar- de’s Private Collections (With Referen- ce to Documentary Materials)	145
CHARLOTTE BRONTË’S 200 TH BIRTH ANNIVERSARY	
<i>Sidorova, O. G.</i> Rewriting Charlotte Brontë (<i>Jane Eyre</i> by Charlotte Brontë and <i>Wide Sargasso Sea</i> by Jean Rhys).....	157

PHILOLOGY

<i>Semina, A. I.</i> Satirical Qit’as in Turkish Medieval Literature (With Reference to 15 th –18 th Centuries Divans).....	170
<i>Podlubnova, Yu. S.</i> Film Techniques in the Poetry by Alexey Salnikov	179
<i>Brykova, A. A.</i> The Evidential Potential of Forms of Address (With Reference to Children’s Magazines <i>Yózh</i> and <i>Chizh</i> (1928–1941)).....	194

HISTORY

<i>Bolgova, A. M.</i> On the Issue of Athens School Closing in 529 AD	205
<i>Borodina, E. V.</i> Conditions of Confinement of Russian Prisoners between the 2 nd Half of the 17 th – 1 st Quarter of the 18 th Centuries (With Reference to Ural and Western Siberian Prisons).....	215
<i>Romaniuk, T. S.</i> The Start of Old Belief Dissemination in the Yaik Cossack Troop.....	231
<i>Kosykh, T. A.</i> Discussion about Patriots and Patriotism in Britain in the 1760s–1770s.....	241
<i>Smirnov, S. V.</i> The Corps of the Imperial Army and Navy in Its Struggle for the Leadership of the Russian Military Emigration in China (1920s – Early 1940s)	250

ART STUDIES

<i>Ponkina, A. M.</i> <i>Quartet For Four Saxophones</i> by Alexander Glazunov: On Tradition and Renewal.....	266
---	-----

REVIEWS

<i>Shisterov, M. V.</i> The Eight Faces of Roman Imperialism. <i>Review of</i> Revell, L. (2009). <i>Roman Imperialism and Local Identities</i> . Cambridge: Cambridge University Press	274
<i>Kozlov, A. S.</i> Monarchy of Late Rome in Development. <i>Review of</i> Wienand, J.	

(Ed.). (2015). <i>Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD. Oxford Studies in Late Antiquity</i> . Oxford; New York: Oxford University Press.....	287	MEMORIA	
BIRTHDAY ANNIVERSARIES		A Historian of Nizhny Tagil. In <i>Memoriam of Tatiana Konstantinovna Guskova (E. G. Neklydov)</i>	299
“More Zealously Do I Use a Dictionary Every Day...” For Liudmila Grigoryevna Babenko’s Birth Anniversary	295	Academic Foresight as a Means to Overcome Ideological Barriers. For Nikolai Nazarovich Popov’s 70 th Birth Anniversary (1946–2009) (O. S. Porshneva, M. A. Feldman).....	304
		List of abbreviations	310

НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ XIX—XX ВВ.: ДЕМОГРАФИЯ И СТАТИСТИКА

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.041
УДК 314.02(09) + 351.755(09) + 930.2

Г. Т. Торвальдсен

1) *Университет Тромсё*
Тромсё, Норвегия

2) *Уральский федеральный университет*
Екатеринбург, Россия

НОМИНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ В КОНТЕКСТЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ ПЕРЕПИСЕЙ: РОССИЯ И ЗАПАД*

В статье на широком фактическом материале впервые представлен комплексный анализ эволюции системы учета населения в мире. Акцент сделан на выявлении особенностей в традициях сбора информации о населении в странах Запада и России: рассмотрен этап создания ранних переписей; переход от статистических к номинативным переписям и процесс развития международной стандартизации; выдвинута гипотеза о том, что практика регистрации населения пришла в Европу из России. Важную роль в формулировании базовых принципов проведения современных переписей сыграл бельгийский академик Адольф Кетле, а благодаря развитию международного сотрудничества в области организации переписей практика их проведения утвердилась в большинстве стран.

Учет населения осуществлялся и в рамках регистрации жизненно важных событий в метрических книгах. Помимо этого, часть стран вела ежегодно обновляемые реестры населения, начиная с XVIII в. В XXI в. часть стран Запада перешла к практике создания реестров населения для конструирования своих национальных переписей. Объединение данных переписей с информацией из метрических книг и других номинативных источников дает уникальную возможность конструирования исторически непрерывных реестров населения.

* Исследование выполнено за счет Российского научного фонда, проект 16-18-10105 «Этно-религиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX — начале XX вв. на примере Урала и Скандинавии» (анализ материалов метрических книг).

© Торвальдсен Г. Т., 2016

© Главацкая Е. М., перевод с английского, 2016

Поскольку круг номинативных источников на Западе уже выявлен, оцифрован и в значительной степени введен в научный оборот, а в России этот процесс только начинается, можно утверждать, что будущее исторической демографии находится в России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: номинативные источники; исторический реестр населения; история переписей; переписи населения; Россия и Запад; метрические книги.

...Будущее исторической демографии связано с Россией...

*Миколай Жолтычек.
Выступление на международном семинаре
«North Atlantic Population Project Meeting»
Копенгаген, 15.04.2016*

Термин «номинативные источники» непривычен для российской историографии, между тем *nominative data* успешно используется в зарубежной традиции исследования истории народонаселения на протяжении нескольких десятилетий [Henry; Bouchard, Roy, Otis; Thorvaldsen, 2011]. Отличительной чертой номинативных источников, классические примеры которых представляют собой ревизские сказки, метрические книги, первичные материалы переписей, посемейные списки и т. д., является наличие имен, которые не всегда содержатся в микроисточниках, как это будет показано ниже на примере западноевропейских и американских переписей. Именно это обстоятельство делает номинативные источники особенно интересными в современном историческом исследовании, поскольку позволяет установить связь между конкретными людьми и событиями, разведенными во времени и пространстве, с помощью метода *longitudinal record linkage* (букв. «выявление дистанционных связей»). Актуальность введения термина «номинативные источники» в отечественный научный дискурс связана с активным разворотом российской исторической демографии к использованию первичных материалов учета населения, содержащих имена и другие персональные данные о конкретных людях [Главацкая, Торвальдсен].

История создания и типы номинативных источников

Практика номинативной регистрации населения, как ни странно, пришла в Европу из России и имеет гораздо более длительную историю на Востоке, чем на Западе. Достаточно сравнить довольно точную перепись в Китае периода династии Хань во II в. н. э. с несистематизированными записями собственности в «Domesday Book», составленной в Англии тысячелетие спустя. Монголы, стремительно продвигавшиеся на Запад Евразии, усовершенствовали китайскую систему налогообложения и распространили ее на захваченные территории Руси в XIII в. Русские князья, а затем и московские цари, продолжили практиковать монгольский вариант регистрации населения с целью сбора дани и после свержения татаро-монгольского ига. В XV–XVII вв. номинативная регистрация

населения существовала в форме Писцовых книг для городов и земель. Ярким примером ранних форм номинативного учета населения в Русском государстве могут служить ежегодно обновляемые Ясачные книги, куда поименно переписывали представителей этнических меньшинств, основу экономики которых составляли охота, рыболовство и оленеводство, и которые платили ясак — налог в пользу государства шкурками зверей ценных пушных пород¹.

Важным этапом в развитии системы регистрации населения в стране стало проведение Подворной переписи 1710 г., в которой впервые учитывалось не только мужское, но и женское население. Опыт, полученный в ходе ее проведения, лег в основу периодически организуемых Ревизий. Административные ресурсы, использованные Петром I, а затем и другими российскими монархами, позволили периодически собирать Ревизские сказки по всей стране до 1858 г. Однако то, что являлось передовым опытом в XVIII в., стало в конце XIX в. анахронизмом в сравнении с развивавшимся европейскими практиками учета населения.

Возможно, на именные списки Писцовых книг обратили внимание европейцы, и в числе прочих австрийский дипломат, барон Сигизмунд фон Герберштейн, посетивший Московское государство в начале XVI в. [Герберштейн]. Отсутствие доказательств существования преемственности между переписями римского периода и современными европейскими переписями населения позволяет предположить, что сама идея регистрации населения с указанием персональных данных, в том числе имени, была привнесена в Европу с Востока.

Попытки введения персонального учета населения встретили упорное сопротивление европейских дворян, особенно английских, которые всячески препятствовали созданию номинативных списков вплоть до начала современной эпохи. В результате, до конца XVIII в. все европейские переписи (общенационального масштаба) методологически были основаны на статистическом, а не на номинативном принципе, т. е. не содержали сведений о персональных именах граждан. Попытки провести персональный учет населения во Франции в общенациональном масштабе не завершились успехом из-за хаоса революционных событий и войн. В итоге, королевство Дания, включавшее Норвегию, Исландию и Фарерские острова, оказалось той западной державой, на территории которой состоялась первая общенациональная номинативная перепись в 1801 г. В 1803 г. Дания организовала аналогичную перепись населения и в принадлежавших ей герцогствах Шлезвиг и Гольштейн. Участие в Наполеоновских войнах на стороне потерпевшей поражение Франции подорвало экономическое положение страны, а проведение переписей требовало больших затрат. В результате, Дания вынуждена была отложить очередную перепись до 1834 г., уступив первенство другим.

Между тем, талантливый бельгийский академик Адольф Кетле (Lambert Adolphe Jacques Quetelet), наиболее известный по исследованиям феномена *average man* (букв. «средний, простой человек»), принял участие в подготовке

¹ Анализ системы учета численности коренных народов Ямала см. в статье Е. Главацкой [Glavatskaya, 2016].

и проведении номинативной переписи населения Брабанта в 1829 г. Учитывая тесные контакты Бельгии, Франции и Дании, вполне вероятно, что Адольф Кетле использовал их опыт и идеи при разработке брабантского формуляра. Далее практика номинативной регистрации стала распространяться по миру. Сначала номинативная перепись была проведена в Великобритании (1841), затем в США (1850), а в последующие десятилетия, благодаря проведению международных статистических конференций, и в других странах [Thorvaldsen, 2016].

В США требование проведения переписей населения каждые 10 лет закреплено в конституции и строго соблюдается. Благодаря этому факту и усилиям Центра изучения народонаселения в Университете Миннесоты (Minnesota Population Center, далее – МРС), США имеет самую длинную по хронологии и почти непрерывную базу компьютеризированных микроданных (номинативных и статистических) переписей за 1850–2011 гг., за исключением материалов переписи 1890 г., погибших при пожаре. МРС значительно расширил свою базу данных (далее БД), включив в них переписи стран Северной Атлантики за XIX в. в рамках проекта «Nothern Athlantic Population Project (NAPP)». Одновременно МРС инициировал более широкий международный проект «Integrated Public Use Microdata Series» (IPUMS), в базы которого внесены электронные версии переписей послевоенного периода из 82 стран мира. Базы находятся в открытом доступе на официальном сайте МРС².

Россия провела Первую Всероссийскую перепись населения, охватившую почти всю страну, за исключением Великого княжества Финляндского³ в 1897 г. В какой-то степени ее организация стала результатом международного сотрудничества, в том числе двух прошедших в стране международных статистических съездов. Одним из активных организаторов Первой Всероссийской переписи населения был географ и статистик Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский (1827–1914), вице-председатель Императорского географического общества, возглавивший Центральное статистическое бюро. П. П. Семенов-Тянь-Шанский начал свою научную карьеру в качестве студента в Санкт-Петербурге, затем изучал географию и геологию в Берлине под руководством профессоров Александра фон Гумбольдта и Карла Риттера, которые заслуженно считаются основателями современной географии. Благодаря использованию международного опыта, Первая Всероссийская перепись населения была проведена на уровне лучших европейских образцов. Ее результаты были опубликованы с 1898 по 1905 гг. и составили 121 том. Что касается карточек первичного учета, то они после сведения данных в таблицы, к сожалению, были уничтожены [Edlund].

Если утрата номинативных источников на Западе являлась исключением, в России уничтожение первичных материалов переписей, увы, стало правилом.

² См. официальный сайт проекта «Integrated Public Use Microdata Series»: <https://www.ipums.org/> (дата обращения: 17.07.2016).

³ Финляндия не была включена в программу переписи из-за особого статуса в составе Российской империи и того, что еще со времен своей истории в составе Шведского королевства она располагала достаточно точными реестрами населения, составлявшимися священниками.

Карточки Первой Всероссийской переписи 1897 г., как и материалы всех советских переписей, не сохранились из-за ограниченных возможностей хранения в архивах⁴. Кроме того, не только первичные, но даже агрегированные результаты переписи 1937 г. были преднамеренно уничтожены по политическим причинам, хотя это особый случай, к которому мы вернемся чуть позже. Счастливым исключением стали небольшие массивы учетных карточек переписи 1897 г. и фрагменты переписи 1926 г., известной как Приполярная — самой информативной из когда-либо проводившихся: с подробными описаниями экономики и этнографии народов Севера. Случилось ли это благодаря принципиальной гражданской позиции местных архивистов и статистиков или в результате банального разгильдяйства, остается только предполагать.

Другим типом номинативных источников, дополняющих сведения о народонаселении между переписями, являются списки, составлявшиеся приходскими священниками. В них содержалась информация о числе рождений, смертей и браков, а также о вновь прибывших в приход людях. Одни из самых ранних сохранившихся записей актов гражданского состояния датируются началом XIV в. и были обнаружены в Северной Италии. Содержащаяся в них информация была проанализирована Марком Скольником (Mark Skolnick) [1975] при изучении демографических особенностей в Парме. В Англии священники начали вести записи актов гражданского состояния по всей стране с середины XVI в., однако руководители нон-конформистских общин и церквей не всегда соблюдали эту практику, в результате чего в общем по стране массиве номинативных источников этого типа имеются лакуны. Метрические книги Великобритании никогда не передавались в центральные архивы, так что до сих пор хранятся в местных церковных общинах.

В Дании практика обязательного заполнения церковных книг была введена с 1646 г., а спустя 40 лет она была распространена и на Норвегию, входившую в состав королевства [Thorvaldsen, 1996, p. 83]. Хотя были и исключения, например, священник одного из норвежских приходов Андебу (Andebu) из региона, имевшего тесные связи с Англией, начал вести записи о рождениях и похоронах с указанием персональных данных еще в 1623 г. Передача метрических книг в архивы, к сожалению, не была обязательной в Норвегии до 1876 г., поэтому коллекция церковных книг страны включает не все из ранних записей. Что касается особенностей ведения метрических книг соседней Швеции, то краткая характеристика дана в статье Е. М. Главацкой [2015].

В России метрические книги с информацией о крещениях, браках и смертях были централизованно введены с начала XVIII в., составлялись в двух экземплярах, один из которых отправлялся в центр, другой оставался на хранении в приходе. Практика ведения записей актов гражданского состояния была

⁴ Лишь фрагменты материалов первичного учета по Тобольской губернии, к счастью, сохранились в Тобольском филиале Тюменского архива, а в Хельсинки сохранились карточки первичного учета, заполненные российскими военнослужащими, расквартированными на территории Финляндии.

прекращена в 1919 г., копии метрических книг были изъяты из церквей и переданы на хранение в районные отделы ЗАГСов, а оттуда — в государственные архивы. К сожалению, лишь незначительная часть метрических книг стран Восточной Европы и России была транскрибирована и доступна для исследователей. Проекты по созданию региональных баз данных на основе метрических книг активно развиваются в Университете Бабеш-Боляй (Трансильвания) — «Historical Population Database of Transylvania»⁵ и в Уральском федеральном университете — «Исторический реестр населения Урала»⁶.

Между двумя полюсами — США с их богатейшими номинативными данными из переписей, транскрибированными в базы данных (далее БД) (до двух миллиардов человек), и Россией, с номинативными данными ревизских сказок и метрических книг в процессе транскрибирования, — находятся страны, где сохранились церковные реестры населения, переписи и метрические книги. Больше всех в этом отношении повезло Швеции и Нидерландам, которые располагают готовыми реестрами населения, составившимися священниками, начиная с XVIII в. Три шведские БД, созданные на основе этих источников университетами Умео, Лунда и Городским архивом Стокгольма, содержат информацию о населении пяти провинций, включая столицу с 1876 до 1928 г., в том числе данные о миграции и уровне образования, которые редко встречаются в исторических документах. Объем сохранившихся в стране номинативных источников требует использования компьютерных методов нового поколения для их обработки, поскольку при имеющихся технологиях материалы по всей Швеции будут внесены в общую БД только в XXII в.

«Historical Sample» — БД Нидерландов, аналогичная шведской, включает репрезентативную для страны выборку данных о 78 000 граждан с 1812 г. до 1922 г. Это составляет от 0,25 до 0,75 % всего населения Нидерландов в рассматриваемый период, что позволяет проводить на этом источнике исследования общенационального значения. Результаты, полученные на основе аналогичного анализа БД Швеции, будут, строго говоря, действительны только для регионов, по которым имеются данные. Однако достоинство шведской БД в разнообразии ее информации и в том, что две области включают данные за более длительный период в три столетия, с XVIII до XX в. включительно. Кроме того, национальные архивы Швеции ведут работу по транскрибированию всех переписей населения страны с 1860 по 1950 г., которые будут в открытом доступе. Такие материалы позволят проводить исследования и получать результаты уже общенационального значения. В отличие от Швеции и Финляндии, в Датском королевстве, включая Исландию и Норвегию, только в редких случаях сохранились церковные реестры с ежегодно обновляемой информацией о домохозяйствах. В системе «Decode» — единой системе номинативных данных

⁵ См. официальный сайт проекта «Historical Population Database of Transylvania»: <http://hpdt.granturi.ubbcluj.ro/> (дата обращения: 17.07.2016)

⁶ См. официальный сайт проекта «Исторический реестр населения Урала» (Ural Population Project): <http://urapp.igni.urfu.ru> (находится в процессе разработки).

Исландии, — фрагментарные церковные записи и переписи населения, начиная с XVIII в., связаны с другими письменными источниками и устной традицией. Анализируя материалы этой системы, можно исследовать семьи исландцев на протяжении нескольких веков, некоторые даже с XIII в. Особенности системы номинативного учета в Исландии отмечены в статье Е. М. Главацкой [2015].

В Норвегии научное сообщество при поддержке Национального научно-исследовательского совета (Research Council) создает общенациональный исторический реестр населения, включающий данные о гражданах страны с 1801 до 1964 г., с которого начинается современный Центральный реестр населения Норвегии. В Дании осуществляются аналогичные планы по созданию исторического реестра населения страны на весь XX в.

Многие европейские страны использовали данные современных реестров при подготовке и проведении переписей 2011 г., уточняя их с помощью заполнения дополнительных анкет [Olson; Eurostat]. Основная цель этого предприятия была в получении одноформатных для Европы агрегированных данных переписей, хотя номинативные списки также были созданы. Доступ к (анонимным) микроданным также технически осуществим, хотя эти данные будут извлечены из реестров. Появление современных реестров населения в европейских странах сгладило исторически сложившуюся разницу между теми, кто делал основной акцент на переписях населения, и теми, кто больше внимания уделял регистрации жизненно важных событий. Из-за усиления единообразия и унификации реестров населения, из них, к сожалению, исчезла значительная часть информации, которая позволила бы отслеживать специфику отдельных групп населения, как на национальном, так и на международном уровне. С другой стороны, поскольку реестры позволяют значительно сократить расходы на проведение переписей и дают возможность решать многочисленные дополнительные административные задачи, вполне вероятно, что все большее число стран последует примеру создания национальных реестров населения и перестанет проводить переписи.

Что касается перспектив создания БД на основе номинативных исторических источников, то централизованное финансирование транскрипций, кодирования и установления дистанционных связей между упомянутыми в них людьми будет сокращаться. Его место займут коммерческие проекты финансирования генеалогических изысканий, часть средств которых пойдет на оплату работ профессиональных историков, гарантирующих качество транскрипций, корректировку и кодирование. Кроме того, активно развивается направление, связанное с использованием компьютерных методов для осуществления автоматической транскрипции рукописных источников. На данном этапе уже возможно распознавание информации в полях, где записаны простые данные: дата или пол. Однако есть основания рассчитывать, что вскоре станет возможным автоматическое распознавание записей имен и профессий. Несоответствия, выявленные при сравнении транскрипций, сделанных компьютером и генеалогами на коммерческой основе, будут корректироваться профессионалами на этапе проведения контроля за качеством транскрипций.

В тех случаях, когда сохранились номинативные источники с перечнем рождений, браков, смертей и миграций, информация, содержащаяся в них, заполнит десятилетние промежутки между переписями. В итоге, на основе единой БД можно будет сконструировать перепись на любой исторический момент: например, сформировать переписи 1940–1941 гг., которые не состоялись во многих европейских странах из-за войны. Сотрудничество с генеалогами актуально и для установления и уточнения возможных связей между людьми, упомянутыми в источниках, поскольку реконструированные ими родословные помогут уточнять и детализировать исторический реестр населения. В Норвегии уже создан веб-интерфейс, успешно действующий на основе краудсорсинга для построения национального исторического реестра населения страны с 1801 по 1930 гг.⁷

Сбор микроданных о населении: эволюция идей и практик

Истоки социальных исследований и демографической статистики были тесно связаны с развитием исторической научной мысли. Картезианский метод, используемый со времен Декарта, предполагал выделение и тщательное изучение простейшего компонента в каждом ряде исследуемого объекта. Именно по этому принципу собиралась информация о каждом человеке из церковных записей или переписей. Далее, все детали складывались в единое целое, формируя общее представление об объекте исследования, скажем, о численности или миграциях населения, на основе данных из различных частей источника. Все вместе они обеспечивали общее представление о демографических изменениях в обществе [Olson].

Изначально сбор информации о численности населения, безусловно, был связан с необходимостью решения чисто практических, прежде всего военных и фискальных задач. В дальнейшем переписи и регистрация актов гражданского состояния стали проводиться властями для оценки человеческих ресурсов страны и определения направлений экономического развития. Перепись населения являлась инструментом контроля за населением, рост численности которого считался показателем благополучия государства. В XVIII в., в частности, численность населения страны являлась основным критерием в оценке успешности политики меркантилизма и общественного процветания. Именно последняя цель подчеркивалась последователями традиции камерализма: власти должны направлять экономику на рост общественного благосостояния, благополучия, морального духа и физического здоровья населения [Olson, p. 134]. Эти идеи оказали серьезное влияние на повышение качества ведения церковного учета населения в течение XVIII в. Правительство требовало, чтобы священники

⁷ См. официальный сайт проекта «Historical Population Register»: <http://histreg.no/> (дата обращения: 15.07.2016).

снабжали их информацией, необходимой для организации сбора налогов, судебных разбирательств, призыва на военную службу и наследования.

Таким образом, установление размеров населения в определенный исторический момент и изучение миграций и роста численности населения обусловлено как развитием исторической науки, так и практическими потребностями управления государством. Церковные круги, в свою очередь, всячески противодействовали развитию демографического учета и исследований на основании того, что, согласно Священному писанию, это, якобы, противное Богу дело [Glass, p. 19]. В Библии действительно есть сюжет о том, что Бог наказал Израиль «моровой язвой», поразившей 70 000 человек за «счисление» мужского населения, способного нести воинскую повинность, проведенное в царствование Давида (Пар. 1. 21:1–7; Цар. 24:1–15). Именно к этому сюжету о «божьей каре» за перепись апеллировали священнослужители в оправдание своего сопротивления проведению учета населения. Хотя можно предположить и более прозаическую причину нелюбви священников к переписям: они прекрасно знали, кому именно предстояло осуществлять всю работу. Переписка датских и норвежских епископов и их отчеты о посещении приходов страны свидетельствуют о том, какие усилия они прилагали, чтобы заставить священников вести церковные записи [Dyrvik, p. 36].

Есть и политическая причина сопротивления проведению учета населения: его организация требует наличия сильной государственной власти, способной запросить необходимые сведения у представителей местных властей. Последние не без оснований чувствовали угрозу утраты контроля над подведомственными территориями. Яркий тому пример — перманентное сопротивление проведению переписи в Великобритании, особенно со стороны членов Палаты лордов, представлявших местное дворянство [Glass]. В результате, первую перепись в Великобритании удалось провести лишь в 1801 г., но и тогда были получены микроданные на уровне чистой статистики: ни один лист с именами не был передан центральным властям.

Результатом перехода от статистических к номинативным переписям стало то, что государство получило контроль за процессом учета населения и вся процедура регистрации стала проходить на более высоком научном уровне. Располагая информацией, собранной переписчиками в форме анкет о каждом гражданине, стало возможно проводить более точные подсчеты по разным параметрам населения. Если возникали неувязки или сомнения, статистики центральной администрации могли запросить дополнительную информацию и разъяснения от переписчиков на местах. Сначала Дания и Франция, а затем Бельгия, Великобритания и США перешли на проведение номинативных переписей.

Норвегия, как ни странно, отставала в этом отношении и не была вовлечена в общеевропейский процесс вплоть до 1865 г., когда директор Центрального статистического бюро Норвегии Аннеш Николай Кхяр (*Annesh Nikolai Kier*) активно включился в международный дискурс по проведению переписей. Первая

номинативная перепись в Норвегии, являвшейся частью Дании, была проведена еще в 1801 г. [Lie, Roll-Hansen]. Однако центр по ее организации и администрированию находился в Копенгагене, и после выхода Норвегии из состава королевства все специалисты в этой области оказались за ее рубежами. Кроме того, большинство членов парламента Норвегии в равной степени опасались увеличения государственных расходов и создания дополнительного ресурса усиления влияния Швеции.

Отцом современных переписей вполне можно назвать талантливого бельгийского академика Адольфа Кетле (1796–1874). В ходе организации регистрации населения в Брюсселе в 1842 г., Кетле выработал основные принципы ее проведения, которые были одобрены городскими властями Брюсселя, а позднее и Центральным статистическим комитетом Бельгии. Модель Адольфа Кетле основывалась на следующих восьми принципах:

1. Перепись должна быть номинативной и должна проводиться путем заполнения типографских анкетных листов во всем Брюсселе, по ситуации на определенный день (15 мая 1842 г.).

2. Информация заполняется по принципу одна анкета — одно домохозяйство⁸. Каждая анкета нумеруется, и этот номер записывается в книгу регистрации в день передачи анкеты с указанием улицы и дома, по которому данное домохозяйство зарегистрировано.

3. Анкеты для заполнения должны быть розданы не более чем за восемь дней до даты проведения переписи. Раздачу анкет осуществляют восемь регистраторов в сопровождении местного полицейского; каждый в закрепленном за ним районе города.

4. Эти же восемь регистраторов, начиная со дня переписи, должны собрать заполненные анкеты и рассортировать согласно номерам, присвоенным в день раздачи и записанным в книгу регистрации.

5. Заполненные анкеты должны быть немедленно переданы в ратушу для первичной инспекции. В случае необходимости анкеты возвращаются в домохозяйства для заполнения пропущенных полей, уточнений и исправлений.

6. Представители центрального комитета осуществляют контроль за проведением регистрации и помогают регистраторам провести единообразный учет во всех восьми районах города.

7. По окончании переписи городская администрация подводит предварительные итоги, сведенные в таблицу определенного образца⁹.

8. После подведения итогов на уровне муниципалитета все анкеты должны быть переданы в Центральный статистический комитет, который подводит окончательные итоги переписи, исходя из того, какая информация необходима для администрации и исследовательских целей¹⁰.

⁸ Пример анкеты для проведения переписи 1842 г., предложенный Кетле, см.: [Quetelet].

⁹ Образец таблицы для подведения предварительных итогов, предложенный Кетле, см.: [Ibid.].

¹⁰ Перевод сделан Г. Торвальдсенем и Е. Главацкой с французского издания книги [Ibid.].

Именно эта Брюссельская перепись была взята за основу, активно обсуждалась, корректировалась и была рекомендована международному сообществу статистическими конференциями, которые с 1853 г. регулярно проводились в крупных европейских городах. Адольф Кетле был главным организатором восьми из них и прилагал немало усилий для убеждения зарубежных коллег-статистиков использовать международные стандарты при организации национальных переписей.

Международное сотрудничество в проведении переписей: успехи и неудачи

Как было показано выше, двухсторонние контакты между странами оказывали позитивное влияние на проведение переписей и в прошлом, но с 1850-х гг. международные организации начали координировать переписи населения в различных странах, прежде всего через систему проведения международных статистических конгрессов. Однако несистематическое участие в них крупных стран, в том числе США и Германии, привело к тому, что в 1870-х гг. конгрессы перестали проводиться. Их возобновление на регулярной основе связано с созданием в 1885 г. Международного статистического института. После окончания Первой мировой войны Лига наций приняла на себя обязанности по координации в организации учета населения, однако, лишь руководству Организации Объединенных Наций удалось скоординировать проведение переписей [Woollard].

Международное сотрудничество в области регистрации населения касалось различных аспектов, в том числе координации времени проведения. Многие страны последовали примеру США и стали проводить переписи в годы, оканчивающиеся на «0». Однако Великобритания, а вслед за ней и все страны ЕС, продолжили организовывать свои переписи в годы, заканчивающиеся на «1».

До середины XX в. не удавалось выработать единую международную систему классификации профессий. Разница позиций проявилась и в решении вопроса о том, следует ли в переписях относить домашних хозяек к категории «работающих»? В США, например, тех, кто в своем персональном листке учета не записал занятия, которое бы приносило доход, в агрегированные таблицы просто не включали. Кроме того, в разных странах существовали принципиальные различия в системе иерархии занятий, исторически и культурно обусловленные. Это затрудняло достижение компромисса и не давало возможности проводить сравнительный анализ данных переписей. Норвежские статистики, например, разработали трехуровневую систему классификации профессий, введя понятие «среднего класса», которая почти столетие успешно использовалась ими, пока Международная организация труда не ввела в 1960 г. унифицированную систему классификации занятий ISCO (International System Classification of Occupations) [Lie]. Разработанная норвежскими статистиками система, связывавшая профессию и доход, позволяла понять, как, реформируя избирательную систему,

можно повлиять на состав избирателей. Таким образом, они попытались связать перепись и демократизацию страны.

Наибольшего успеха международному сообществу статистиков удалось достичь в стандартизации раздела, в котором регистрировалась этническая принадлежность или, как они ее называли в то время, «национальность». Большинство стран последовали рекомендации регистрировать национальность, исходя из языка и культурных особенностей человека, а не его происхождения. На первом международном съезде статистиков было рекомендовано включить вопрос о языке в опросный лист переписи, а по решению съезда, прошедшего в 1872 г. в Санкт-Петербурге, этот вопрос окончательно вошел в перечень обязательных при проведении переписи населения [Hobsbawm, p. 97–100]. Национальность было легче стандартизировать, поскольку не все страны включали этот вопрос в переписные листы; он имел смысл только при регистрации представителей этнических меньшинств и мониторинге распространения доминирующей культуры и языка.

Любопытная ситуация сложилась и вокруг еще одного важного маркера идентичности — религиозной принадлежности. В поликонфессиональных США, например, никогда не задавался вопрос о религии в переписях, в то время как Великобритания ввела его в начале XXI в. именно в связи с тем, что стала становиться все более разнообразной в религиозном отношении. Вопросы о религии в переписях не столь стандартизированы, как хотелось бы с научной точки зрения, но даже в нестандартизованном варианте они дают возможность получить интересную информацию о населении. Большинство переписей, содержащих в опросных листах раздел о религии, нацелены на определение численности религиозных сообществ. Интересное исключение представляла собой советская перепись 1937 г., при подготовке которой власти ставили целью получить результаты, свидетельствующие о росте числа атеистов в стране. Заполняя формуляры этой переписи граждане сначала должны были сообщить, являются ли они верующими, а потом, в случае утвердительного ответа на первый вопрос, указать свое вероисповедание [Жиромская].

Пока более чем в половине стран мира при проведении переписей не задается вопрос о религиозной принадлежности, нет возможности определить численность сторонников той или иной религии в мире даже с точностью до одного миллиона. Именно исходя из этих обстоятельств, Евростат во время очередного раунда переписей в 2011 г. рекомендовал странам — членам ЕС включить в свои переписные листы вопрос о религии в формате необязательного ответа. Этой рекомендации последовали многие европейские страны, в том числе Великобритания, Германия и Польша. Что касается стран Северной Европы, то они вместо проведения переписи сконструировали одномоментные реестры населения, в которых религиозная принадлежность, к сожалению, не отражается [Thorvaldsen, 2015].

Разные подходы проявились у стран и в решении вопроса о принципе сбора информации во время проведения переписей. Россия, Великобритания и ряд других стран при регистрации людей придерживались принципа *de facto*, в то

время как США, Канада и Швеция переписывали население по принципу *de jure*. В целом, в странах, где налогообложение или выборы были основным обоснованием необходимости проведения переписи, применялся метод регистрации населения *de jure*. Однако международные статистические конгрессы, изначально рекомендовавшие комбинированные методы регистрации, в конце концов приняли решение в пользу поддержки принципа *de facto*, считая его самым простым способом глобального мониторинга населения. Информация о населении, собранная по принципу *de facto*, дает возможность проводить демографические исследования разного типа, однако может создать и искаженное представление о составе больших семей из-за отсутствия в момент проведения переписи кого-то из родственников [Thorvaldsen, 2006]. До второй половины XX в. метод проведения переписи *de facto* был более распространен в мире по той простой причине, что его использовали в России/СССР, Британской империи и большинстве стран Латинской Америки [Chackiel]. В какой-то степени использование принципа *de jure* при проведении переписей можно связать с демократическими тенденциями в обществе, а *de facto* — с колониальными. Хотя были и исключения, например, Алжир, являвшийся французской колонией, с 1881 г. использовал комбинированный метод регистрации населения при проведении переписей [Domschke, Goyer, p. 36]. К концу тысячелетия принцип *de jure* получил большую поддержку. В условиях высокой мобильности населения, растущей популярности туризма, результаты переписи, проведенной по принципу *de facto*, не дают возможности оценить реальную численность населения и его демографические особенности. Исследования состава домохозяйств и миграционных процессов, основанные на материале, собранном с использованием методологии *de jure* при проведении переписей, гораздо более точные. Кроме того, утверждению принципа *de jure* способствовало то, что значительное число стран перешло на конструирование единовременных переписей на основе национальных реестров населения. Указание на постоянное место жительства абсолютно необходимо в тех случаях, когда нет сведений о местонахождении каждого конкретного человека на день переписи.

Регистрация населения до начала Второй мировой войны

Еще до конца XIX в. США, безусловно, стали пионерами в области технического усовершенствования проведения переписей благодаря использованию уже с 1890 г. электрических счетных машин. Но они же были одними из последних в деле создания статистического комитета, который бы продолжал работать и в период между переписями. США ввели эту практику лишь в 1902 г., спустя четверть века после Норвегии, отстававшей в других областях организации современных переписей, в частности в переходе на номинативную регистрацию. Консерватизм США проявился и в том, что они оставляли формуляры учетных листков переписи практически неизменными с 1890 по 1930 г., когда в условиях разразившегося в стране экономического кризиса был введен вопрос о безработице. Это

была срочно необходимая информация, и Бюро переписи захлебнулось в подсчетах, будучи вынужденным подвести итоги в кратчайшие сроки. В результате, статистики США ввели такие новинки, как выборка данных по определенным показателям и введение дополнительных вопросов, таких как место рождения родителей у одного-двух человек в каждом домохозяйстве [Anderson].

Великобритания, Франция и скандинавские страны смогли наладить регулярное проведение переписей еще до начала Второй мировой войны, а Дания и Швеция отчасти смогли провести перепись и в 1940 г. Однако в Германии и России (с 1922 г. Советский Союз) нестабильные политические условия не дали возможности регулярной организации переписей. Запланированную в России на 1910 г. Вторую всероссийскую перепись населения пришлось отложить из-за нехватки финансирования до 1913 г., а после вступления страны в Первую мировую войну от нее вовсе отказались. Лишь в августе 1920 г. на части территорий страны, охваченной Гражданской войной, была проведена регистрация населения. Таким образом, между переписью в 1897 г. и Всероссийской переписью 1926 г. года прошло три десятилетия. Перепись 1926 г. была организована и проведена в соответствии с лучшими международными традициями, а ее результаты были опубликованы в 56 томах на русском и французском языках. В рамках проведения переписи 1926 г. большевики организовали еще и Приполярную перепись, во время которой экспедиции этнографов и статистиков, передвигаясь от поселка к поселку, собрали уникальный материал о жизни, быте и культуре народов Севера [Андерсон; The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions; Клоков, Зайкер; Glavatskaya, 2011; Уральская экспедиция...]. К сожалению, следующая перепись, назначенная на несчастливый 1937 г. российской истории, стала частью «московского процесса», в ходе которого главные ее руководители были репрессированы, поскольку пришедшая к власти номенклатура была недовольна результатами. Итоги переписи не были опубликованы, вместо этого была проведена внеплановая перепись в 1939 г., «давшая» удовлетворившие власть результаты, которые частично были опубликованы в 1939–1940 гг.

Что касается Веймарской республики, то в ней удалось провести только одну общенациональную перепись в 1925 г., на четыре года позднее очередного международного раунда переписей. Противостояние между национальными и региональными учреждениями привело к тому, что и следующую перепись, которая должна была пройти в 1930 г., также отложили. Пришедшие к власти нацисты провели переписи в 1933 и 1939 гг. По их поводу существует мнение, что информация о местонахождении евреев и представителей других преследуемых меньшинств, содержащаяся в переписных листах, могла быть использована фашистами во время Холокоста. Это мнение вызвало настороженное отношение к практике регистрации религии и национальной принадлежности в послевоенной Германии и других европейских странах. Но и без материалов переписей количество жертв гитлеровского режима вряд ли было бы менее значительным. Обманом и угрозами фашисты получали списки с именами и адресами и от представителей преследуемых меньшинств.

Номинативные источники после Второй мировой войны

Во время Второй мировой войны переписи населения были отложены или вовсе отменены в большинстве европейских стран, практика их проведения возобновилась лишь в послевоенное время. Что касается стран Нового света, то они воспользовались относительно мирным периодом своей истории, чтобы начать сотрудничество по проведению переписей. Этот опыт был в дальнейшем использован Организацией Объединенных Наций и распространен в других странах вместе с навыками контроля за их проведением.

Советский Союз смог вернуться к практике регулярного проведения переписей лишь в 1959 г., а в 2010 г. Россия провела очередную перепись одновременно с рядом других стран, включившись в общемировой график. В Германии были свои проблемы, в частности из-за антипереписных кампаний, в ходе которых активисты требовали установления анонимных форм переписи ради защиты неприкосновенности частной жизни. В новом тысячелетии, однако, Германия выполнила требования Евростата и включила в переписной лист обязательное поле с указанием имени и необязательное — с указанием религии [Goyen]. Эти факты доказывают значение международного сотрудничества в целях повышения качества переписей населения во всем мире.

Между тем, все еще существуют страны и группы людей в отдаленных местах, где не проводятся переписи населения. Африканские государства: Конго (2007)¹¹, Центрально-Африканская Республика (2003), Эритрея, Сомали (1987), Западная Сахара и Мадагаскар (1993) не проводили учета населения в очередном раунде национальных переписей в 2010 г. В Азии к числу таких стран относятся Ирак (1997), Сирия (2004), Йемен (2004), Узбекистан (1989), Пакистан (1988) и Афганистан (1979)¹². Из числа европейских стран лишь Украина (2001) несколько раз откладывала проведение национальной переписи, назначенной на 2011 г., и, в конце концов, отменила ее вовсе. Все остальные страны, входившие до 1991 г. в состав СССР, хотя и с опозданием, но провели национальные переписи населения.

Заключение

Обзор этапов эволюции номинативной регистрации населения позволяет предположить, что традиция эта, зародившись на Востоке, была привнесена в Европу из России. Практика ведения учета населения с указанием имен существовала в России с XIII в., в то время как большинство переписей, проведенных в первой половине XIX в., в том числе в США, Великобритании и Норвегии, не являлись номинативными из соображений экономии или опасения, что власти, получив списки имен, могли ужесточать контроль за регионами. Первая

¹¹ В скобках указан год, когда перепись населения была проведена в данной стране в последний раз.

¹² Подробную информацию см.: <http://unstats.un.org/unsd/demographic/sources/census/censusdates.htm> (дата обращения: 15.07.2016).

общенациональная номинативная перепись населения на Западе была проведена в Дании лишь в 1801 г. Важную роль в развитии переписей современного типа и их стандартизации сыграл талантливый бельгийский академик Адольф Кетле, автор базовых принципов проведения переписей и инициатор международного сотрудничества в области статистики.

Программа Организации Объединенных Наций по проведению переписей населения на общемировом уровне, к сожалению, так и не была полностью реализована. Тем не менее, многое было достигнуто: только две из африканских стран не имеют данных о своем населении и менее десяти не смогли провести ни одной переписи в наступившем XXI в. Существует проблема учета лиц без определенного места жительства, беженцев или тех, кто проживает в небезопасных районах, куда переписчики просто боятся заглядывать. Сомнения в точности данных современного учета возникают и в других случаях. Например, когда каждый из находящихся в разводе родителей записывает детей в свои новые семьи, в результате чего они оказываются зарегистрированными дважды. Искажения в статистическом учете случаются и тогда, когда иммигранты возвращаются на родину, не извещая об этом органы власти. Так произошло с тысячами сезонных рабочих из Восточной Европы, которые до сих пор числятся в Центральном реестре населения Норвегии, хотя давно покинули страну.

В конце XX в. ряд стран отказались от практики заполнения переписных листов и вместо этого конструируют переписи на основе информации, хранящейся в электронном виде и других системах учета: например, БД организаций социальной защиты населения, которая включает индивидуальные данные и уникальный идентификационный номер каждого гражданина. Другие статистические агентства сочетают переписи, сконструированные на основе реестров населения, с дополнительной информацией, получаемой с помощью рассылки специальных форм для сбора недостающих сведений о месте жительства. Использование реестров снизило стоимость переписей, и это дает основания полагать, что многие государства последуют этому примеру в будущем. Проблема заключается в том, что некоторые страны, например, США, Франция и Германия, должны сначала создать центральные реестры населения, что само по себе является дорогостоящим предприятием и может спровоцировать протесты со стороны защитников идеи неприкосновенности частной жизни. Существует также опасность того, что некоторые характеристики населения в переписях, сконструированных на основе реестров, могут быть искажены даже больше, чем при использовании обычных переписных листов, поскольку информация о маргинальных группах в реестрах, как правило, не обновляется.

Помимо проведения переписей учет населения осуществлялся и в рамках регистрации жизненно важных событий в метрических книгах и ежегодно обновляемых реестрах. Объединение данных переписей с информацией из метрических книг и других номинативных источников дает уникальную возможность конструирования исторически непрерывных реестров населения. Поскольку круг номинативных источников на Западе уже выявлен, оцифрован

и в значительной степени введен в научный оборот, а в России этот процесс только начинается, можно вполне согласиться с мнением доктора истории Миколая Жолтычека, вынесенным в эпитафию к этой статье, о том, что будущее исторической демографии действительно связано с Россией.

Андерсон Д. Дж. Туруханская экспедиция приполярной переписи: этнография и демография малочисленных народов Севера : сб. науч. тр. / отв. ред. Д. Дж. Андерсон. Красноярск : Поликор, 2005.

Герберштейн С. Записки о Московии / под ред. А. Л. Хорошкевич ; пер. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М. : Памятники исторической мысли, 2008.

Главацкая Е. М., Торвальдсен Г. Т. Этно-религиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX — начале XX вв.: проект создания Регистра населения Урала // Специальный выпуск. Материалы XV конференции ассоциации «История и компьютер». Москва, 7–9 октября 2016 года. М. : МАКС пресс, 2016. (В печати).

Главацкая Е. М. Религиозные сообщества и демографические процессы в материалах церковного учета: методы статистического анализа // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2015. № 4 (145). С. 262–271.

Жиромская В. Б. Религиозность народа в 1937. По материалам Всесоюзной переписи населения // Ист. вестн. 2000. № 5 (1). С. 105–114.

Клоков К. Б., Зайкер Д. П. Приполярная перепись 1926/27 гг. на Европейском Севере. Архангельская губерния и автономная область Коми / отв. ред. К. Б. Клоков и Д. П. Зайкер. СПб. : МПСС, 2010.

Уральская экспедиция на Обдорском Севере: Приполярная перепись 1926–1927 гг. / авт.-сост. Е. М. Главацкая, Ю. В. Ключкина-Боровик. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013.

Anderson M. J. The American census: a social history. New Haven : Yale Univ. Press, 1988.

Bouchard G., Roy R., Otis Y. Registre de population et substitutions nominatives // Population (French Edition). 1985. Vol. 40 (3). P. 473–490.

Chackiel J. Censuses in Latin America: new approaches. Symposium on Global Review of 2000 Round of Population and Housing Censuses: Mid-Decade Assessment and Future Prospects. New York : Statistics Division, Department of Economic and Social Affairs, United Nations Secretariat, 2001 [Electronic resource]. URL: http://unstats.un.org/unsd/demog/docs/symposium_01.htm (accessed: 15.07.2016).

Domschke E., Goyer D. The handbook of national population censuses : Africa and Asia. New York : Greenwood Press, 1986.

Dyrvik S. Historisk demografi. Ei innføring i metodane. Bergen : Universitetsforlaget, 1983.

Edlund T. K. The Russian National Census of 1897 // AVOTAYNU. 2000. № 16 (3). P. 29–39.

Eurostat 2011. Population census framework Factsheets on population censuses in the Enlargement countries. 2013 [Electronic resource]. URL: https://circabc.europa.eu/sd/a/aa6b9065-45f5-48f7-9262-0a067584b48b/EU_Enlargement_countries_census_Factsheets_upd-Mar2014.pdf (accessed: 15.07.2016).

Glass D. V. Numbering the people. The eighteenth-century population controversy and the development of census and vital statistics in Britain. Farnborough, Hants : Saxon House, 1973.

Glavatskaya E. Undaunted Courage: The Polar Census in the Obdor Region // The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions. New York ; Oxford : Berghahn Books, 2011. P. 97–117.

Glavatskaya E. Polygamy among indigenous people of northern West Siberia in ethnographic and early census materials // The History of the Family. 2016. № 21 (1). P. 87–100.

Goyer D. The handbook of national population censuses — Europe. New York : Greenwood Press, 1992.

Henry L. Historical Demography // Historical Population Studies. 1968 (Spring). P. 385–396.

- Hobsbawm. E. J.* Nations and nationalism since 1780 : programme, myth, reality. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992.
- Lie E.* Socioeconomic categories in Norwegian censuses up to about 1960 // Nordic demography: trends and differentials / ed. by J. Carling. Oslo : Nordic Demographic association, 2002. P. 31–52.
- Lie E., Roll-Hansen H.* Faktisk talt: statistikkens historie i Norge. Oslo : Universitetsforl, 2001.
- Olson R.* The Emergence of the Social Sciences 1642–1792. New York : Twayne Publishers, 1993.
- Quetelet A.* Sur le recensement de la population de Bruxelles en 1842 // Bulletin de la Commission Centrale de Statistique de la Belgique. Brussels : Commission Centrale de Statistique, 1843. Vol. 1. P. 27–164.
- Skolnick M.* The construction and analysis of genealogies from parish registers: with a case study of Parma Valley, Italy. Ann Arbor : Univ. Microfilms International, 1975.
- The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions / ed. by D. G. Anderson. New York ; Oxford : Bergahn Books, 2011.
- Thorvaldsen G.* Håndbok i registrering og bruk av historiske persondata. Oslo : Tano Aschehoug, 1996.
- Thorvaldsen G.* Away on Census Day. Enumerating the Temporarily Present or Absent // Historical Methods. 2006. Vol. 39 (2). P. 82–96.
- Thorvaldsen G.* Using NAPP Census Data to Construct the Historical Population Register for Norway // Historical Methods. 2011. Vol. 44 (1). P. 37–47.
- Thorvaldsen G.* Religion in the census // Social science history. 2015. Vol. 38 (1–2). P. 203–220.
- Thorvaldsen G.* Three centuries of northern population censuses // The History of the Family. 2016. 21 (1). P. 1–4.
- Woollard M.* The International Statistical Congresses and their influence on the taking of the nineteenth century censuses. Colchester : Univ. of Essex, 2002.

Статья поступила в редакцию 17.07.2016 г.

Торвальдсен Гюннар Тригвиевич

PhD, профессор,
директор Центра исторической
документации
Университет Тромсё
9037, Тромсё, Норвегия
главный научный сотрудник
Международный центр
демографических исследований
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: gunnar.thorvaldsen@uit.no

Thorvaldsen, Gunnar

PhD (History), Professor, Manager of Research,
Norwegian Historical Data Centre
University of Tromsø
9037 Tromsø, Norway
Chief Research Fellow
International Centre of Demographic Research
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 62000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: gunnar.thorvaldsen@uit.no

**NOMINATIVE DATA AND GLOBAL CENSUS HISTORY:
RUSSIA AND THE WEST**

The article presents an original, comprehensive analysis of the evolution of the civil registration system in the world, based on wide empirical materials. The emphasis is on how information about the population in the Western countries and Russia has traditionally been collected. The development of the methods for taking the earliest censuses; the transition from numeric to nominative censuses and the development

of international standardization; it is hypothesized that the practice of registration of the population came to Europe through Russia. Belgian academician Adolphe Quetelet played an important role in the formulation of the basic principles of modern census taking, and thanks to the development of international cooperation in the sphere of population enumeration, most countries established a more standardized methodology.

Population statistics were complemented with records of vital events in the church protocols from the 16th century. In addition, from the 18th century onwards, some countries conducted annually updated population registers. Combining census information from parish registers and other nominative sources of data provides a unique opportunity — to construct a historically continuous population register. In the late 20th century, some Western European countries started to combine their population registries with other electronic sources for the construction of national censuses.

Since the range of nominative sources in the West has been identified, digitized and largely introduced in scholarly work, while in Russia this process has just begun, it can be argued that the future of innovative historical demography lies in Russia.

Key words: nominative data; historical population registers; history of the census; population censuses; Russia and the West; church books; microdata.

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Science Foundation*, Grant #16-18-10105 “Ethno-religious and Demographic Dynamics in Mountainous Eurasia around 1900. A Comparison of the Urals and Scandinavia”.

Translated from English by E. Glavatskaya, 2016.

Anderson, M. J. (1988). *The American Census: A Social History*. New Haven: Yale University Press.

Anderson, D. (Ed.). (2005). *Turukhanskaia ekspeditsiia pripoliarnoi perepisi: Etnografiia i demografiia malochislennykh narodov Severa: sbornik nauchnykh trudov* [Turukhansk Expedition of the Polar Census: Ethnography and Demography of Indigenous Peoples of the North: Proceedings]. Krasnoyarsk: Polikor. (In Russian)

Anderson, D. (Ed.). (2011). *The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2011.

Bouchard, G., Roy, R., & Otis, Y. (1985). Registre de population et substitutions nominatives [Population Registers and Nominative Links]. *Population (French Edition)*, 40 (3), 473–490. (In French)

Chackiel, J. (2001). *Censuses in Latin America: New Approaches. Symposium on Global Review of 2000 Round of Population and Housing Censuses: Mid-Decade Assessment and Future Prospects*. New York: Statistics Division, Department of Economic and Social Affairs, United Nations Secretariat. Retrieved from http://unstats.un.org/unsd/demog/docs/symposium_01.htm

Domschke, E., & Goyer, D. (1986). *The Handbook of National Population Censuses: Africa and Asia*. New York: Greenwood Press.

Dyrvik, S. (1983). *Historisk demografi. Ei innføring i metodane* [Historical Demography: An Introduction to Methods]. Bergen: Universitetsforlaget. (In Norwegian)

Edlund, T. K. (2000). The Russian National Census of 1897. *AVOTAYNU*, 16 (3), 29–39.

Eurostat. (2013). *2011 Population Census Framework Factsheets on Population Censuses in the Enlargement Countries*. Luxembourg: The European Commission.

Gerbershtein, S. (1973). *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. A. L. Khoroshkevich (Ed.), A. I. Maleina, & A. B. Nazarenko (Transl.). Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli. (In Russian)

Glass, D. V. (1973). *Numbering the People. The Eighteenth-century Population Controversy and the Development of Census and Vital Statistics in Britain*. Farnborough: Hants, Saxon House.

Glavatskaya, E. (2011). Undaunted Courage: The Polar Census in the Obdor Region. In D. Anderson (Ed.), *The 1926/27 Soviet Polar census Expeditions* (pp. 97–117). New York; Oxford: Berghahn Books.

Glavatskaya, E. M. (2015). Religioznye soobshchestva i demograficheskie protsessy v materialakh tserkovnogo ucheta: metody statisticheskogo analiza [Religious Communities and Demographic Processes in Church Books: Methods of Statistical Analysis]. *Izvestia Ural'skogo universiteta. Seria 2. Gumanitarnye nauki*, 4 (145), 262–271. (In Russian)

Glavatskaya, E. (2016). Polygamy among Indigenous People of Northern West Siberia in Ethnographic and Early Census Materials. *The History of the Family*, 21 (1), 87–100.

Glavatskaya, E. M., & Klykina-Borovik, J. V. (Eds.). (2013). *Ural'skaia ekspeditsiia na Obdorskom Severe: Pripoliarnaia perepis' 1926–1927 gg.* [A Ural Expedition in Yamal: Polar Census of 1926–27]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)

Glavatskaya, E., & Thorvaldsen, G. (2016). Etno-religioznaia i demograficheskaia dinamika v gornoi Evrazii v kontse XIX – nachale XX vv.: proekt sozdaniia Registra naseleniia Urala [Ethno-religious and Demographic Dynamics between the Late 19th and Early 20th Centuries in Mountainous Eurasia: A Ural Population Register Project]. *Spetsial'nyi vypusk. Materialy XV konferentsii assotsiatsii «Istoriia i komp'uter»*. Moskva, 7–9 oktiabria 2016 goda. Moscow: MAKS press. (In print). (In Russian)

Goyer, D. S. (1992). *The Handbook of National Population Censuses: Europe*. New York: Greenwood Press.

Henry, L. (1968, Spring). Historical Demography. *Historical Population Studies*, 385–396.

Hobsbawm, E. J. (1992). *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press.

Klokov, K. B., & Zaiker, D. P. (2010). *Pripoliarnaia perepis' 1926/27 gg. na Evropeiskom Severe. Arkhangel'skaia guberniia i avtonomnaia oblast' Komi* [Polar Census of 1926–27 in the European North. Arkhangelsk Province and the Autonomous Region of Komi]. Saint Petersburg: MPSS. (In Russian)

Lie, E. (2002). Socioeconomic Categories in Norwegian Censuses up to about 1960. In J. Carling (Ed.), *Nordic Demography: Trends and Differentials* (pp. 31–52). Oslo: Nordic Demographic association.

Lie, E., & Roll-Hansen, H. (2001). *Faktisk talt: statistikkens historie i Norge* [Factually Speaking: The History of Statistics in Norway]. Oslo: Universitetsforlaget. (In Norwegian)

Olson, R. (1993). *The Emergence of the Social Sciences 1642–1792*. New York: Twayne Publishers.

Quetelet, A. (1843). Sur le recensement de la population de Bruxelles en 1842 [About the Population Census in Brussels in 1842]. *Bulletin de la Commission Centrale de Statistique de la Belgique* (Vol. 1, pp. 27–164). Brussels: Commission Centrale de Statistique. (In French)

Thorvaldsen, G. (1996). *Håndbok i registrering og bruk av historiske persondata* [Guide to the Transcription and Use of Historical Microdata]. Oslo: Tano Aschehoug. (In Norwegian)

Thorvaldsen, G. (2006). Away on Census Day. Enumerating the Temporarily Absent or Present. *Historical Methods*, 39 (2), 82–96.

Thorvaldsen, G. (2011). Using NAPP Census Data to Construct the Historical Population Register for Norway. *Historical Methods*, 44 (1), 37–47.

Thorvaldsen, G. (2015). Religion in the Census. *Social Science History*, 38 (1–2), 203–220.

Thorvaldsen, G. (2016). Three Centuries of Northern Population Censuses. *The History of the Family*, 21 (1), 1–4.

Woollard, M. (2002). *The International Statistical Congresses and Their Influence on the Taking of the Nineteenth Century Censuses*. Colchester: University of Essex.

Zhiromskaia, V. B. (2000). Religioznost' naroda v 1937. Po materialam Vsesoiuznoi perepisi naseleniia [Soviet People's Religiousness according to the Materials of the All-Union Census of 1937]. *Istoricheskii vestnik*, 5 (1), 105–114. (In Russian)

Received 17 July 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.042
УДК 314.02(470) + 930.2 + 004.65

В. Н. Владимиров
Д. Е. Сарафанов
А. С. Щетинина

Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

«НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ» В РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ СКАЧОК В РАЗВИТИИ?*

В статье рассматриваются основные факторы, определяющие и характеризующие «новую историческую демографию», сформировавшуюся в России в 1990-е гг. Анализируются факторы и тенденции социальных и гуманитарных наук, повлиявшие на формирование «новой исторической демографии». Рассматриваются основные проблемные и дискуссионные вопросы об определении, статусе и методологии этого научного направления. Проанализированы изменения в источниковой базе, в методах и технологиях историко-демографических исследований, а также их влияние на изменение исследовательского поля. На основе историографического анализа российских исследований приводятся данные о сложившихся на сегодняшний день в России центрах изучения историко-демографических проблем, дается их сравнительная характеристика. Проводится сравнение европейского и российского опыта исследований в рамках указанного направления.

Делается вывод о том, что историческая демография стала своеобразным локомотивом, мощным ускорителем внедрения компьютерных технологий в исторические исследования. На общемировом уровне налицо качественный скачок историко-демографических работ: расширение проблематики исследований, методологического и методического арсенала. Отмечаются определенные успехи «новой исторической демографии» в России, при этом говорится о необходимости перехода от экстенсивного развития к интенсивному, подразумевающему интеграцию с современными европейскими программами и переход от локальных баз данных и исследований к общероссийским.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историческая демография; история; методология; метрические книги; базы данных.

Историческая демография в России за последние годы претерпела существенные изменения. С начала 1990-х гг. появилось значительное количество работ, выходящих за рамки традиционных подходов отечественной науки. Этот процесс стал реакцией на активное внедрение информационных технологий в научные исследования, в том числе гуманитарные. Новые возможности обработки больших массивов данных приводят к тому, что на первый план

* Исследование поддержано Российским гуманитарным научным фондом, грант № 15-01-00207а, РФФИ и Администрацией Алтайского края в рамках научного проекта 16-46-220374 p_a.

выходят первичные материалы. Работа с последними более трудоемка, однако существенно увеличивается глубина анализа явлений и процессов, появляются новые векторы исследования, в частности, возможность изучения социальных процессов на базе историко-демографических источников. Одновременно становятся доступными достижения зарубежной исторической демографии, которая активно интегрировала методы социологии, социальной психологии, исторической антропологии и других наук о человеке.

С конца XX в. формируется междисциплинарное научное направление «новая историческая демография», выходящее за рамки изучения чисто демографических вопросов, включающее в контекст исследования экономическую и социальную историю, опирающееся на компьютерные технологии и математические методы обработки массового материала. Отметим, что уже с 1990-х гг. наблюдается процесс «терминологического поиска» наименования направления, обусловленный разным пониманием исторической демографии за рубежом и в отечественной историографии и стремлением исследователей расширить рамки российской демографической истории [Владимиров, Сарафанов, Щетинина]. С этой точки зрения анализ имеющегося опыта отечественных историко-демографических исследований, связанных с активным применением компьютерных технологий и постановкой широкого круга социальных вопросов представляется нам актуальным и своевременным.

Цель настоящей работы — поиск и анализ историографических аргументов в пользу положения о становлении такого научного направления, как «новая историческая демография» современной России. При этом основной акцент делается не на выявлении слабоизученных вопросов, а на изучении историографических традиций и тенденций различных региональных центров в плане проблематики, методологии и методики исследования, а также достигнутых результатов. Эта работа важна для более точного понимания сути «новой исторической демографии». Мы хотим дать ответ на вопрос, послужил ли методологический импульс начала 1990-х гг. причиной и фактором «горизонтального» развития исторической демографии, сформировались ли на этой основе полноценные региональные научные школы. Важным моментом является и оценка влияния западной науки на развитие российских историко-демографических исследований, а также установление основного вектора этого влияния.

Значительное число отечественных исследователей, работающих в сфере исторической демографии, объединены в рамках одной из ведущих профессиональных ассоциаций историков России, носящей название «История и компьютер» (АИК) и образованной в 1992 г. В рамках Ассоциации началось бурное развитие направления, которое статуйровалось в международном историческом сообществе сначала как «History and Computing», а позже получило название «Historical Information Science» [Boonstra, Breure, Doorn]. Поскольку АИК изначально объединила ту часть исторического научного сообщества, которая активно применяла математические методы и компьютерные технологии в своих исследованиях, именно в рамках этого научного сообщества произошла быстрая

трансформация исследований народонаселения, характерных для отечественной историографии второй половины XX в., в «новую историческую демографию».

Быстрое распространение персональных компьютеров как следствие микрокомпьютерной революции привело к тому, что в различных научных центрах России стали применять новые техники изучения источников. Роль и значение современной исторической демографии в плане развития методологической и методической базы применения математических методов и компьютерных технологий в исторических исследованиях столь велико, что ее можно смело назвать локомотивом российской исторической информатики в ее движении к новым достижениям.

Анализ библиографии работ по материалам информационного бюллетеня АИК за период с 2006 по 2015 гг. позволил выявить перечень из 119 авторов, работающих в области исторической демографии. Большинство из них являются членами Ассоциации и представляют научные центры и вузы России и некоторых других стран. Широкий территориальный охват является особенностью изучаемого направления. К региональным центрам Российской Федерации, определяющим вектор развития исторической демографии в рамках АИК, можно отнести Барнаул, Екатеринбург, Москву, Петрозаводск, Санкт-Петербург, Тамбов, Ярославль и другие города.

Несмотря на то, что членов АИК объединяют общие интересы в рамках профессиональной организации, следует отметить выделение и взаимное влияние региональных школ исторической демографии. Это обусловлено как сложившимися традициями в выборе источников и методов их исследования, так и сохранностью источниковой базы. Анализ работ разных региональных коллективов показал наличие как общих, так и особенных моментов в плане выбора проблематики, методики и техники исследования, характера достигнутых результатов.

Исследования коллектива кафедры документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета (Барнаул) под руководством В. Н. Владимирова, посвященные вопросам исторической демографии региона, развиваются в русле комплексного использования разных видов источников. Привлекаются как вторичные источники, содержащие уже агрегированную информацию (материалы губернского статистического комитета, экстракты церковных источников, данные переписей населения и др.), так и первичные материалы. На основе данных церковных источников изучаются различные аспекты истории народонаселения региона. Тематика работ определяется сложившимися в современной науке подходами к анализу социально-демографической ситуации. Так, изучаются вопросы, связанные с анализом динамики численности и структуры населения, процессов воспроизводства населения и миграции [Владимиров, Сарафанов, 2013в; Сарафанов, 2007; 2011; 2015; Щетинина, 2007; и др.]. Активное применение находят геоинформационные технологии в историко-демографических исследованиях [Владимиров, Силина; Владимиров, 2005; Владимиров, Силина, Чибисов; Колдаков; и др.].

В рамках работы широкие возможности для анализа предоставляет база данных «Население Барнаула второй половины XVIII — начала XX вв. по материалам метрических книг» [Владимиров, Сарафанов, 2013а], пополняемая по мере выявления новых источников.

С начала 2000-х гг. усилиями сотрудников кафедры, при информационной поддержке европейских коллег, прежде всего профессора Утрехтского университета (Нидерланды) Марко Х. Д. ван Лейвена, разрабатывается новое исследовательское направление, получившее название «историческое профессиоведение». На основе разных типов и видов исторических источников, главным образом массовых, идет процесс создания русскоязычного варианта исторической классификации профессий HISCO, ведутся исследования профессионального состава различных регионов России. Результаты исследований изложены в сборниках научных трудов «Историческое профессиоведение», изданных в Алтайском государственном университете [Историческое профессиоведение, 2004; 2008; 2009; 2012]. Активно вовлекаются в научный оборот как агрегированные, так и первичные данные Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., на основе которых был проведен анализ профессиональной структуры и занятости населения. В качестве инструмента исследования используется международный исторический стандарт классификации профессий HISCO (Historical International Standard Classification of Occupation) [Leeuwen, Maas, Miles], геоинформационные технологии [Брюханова, Владимиров; Неженцева]. Ведется разработка теоретических (методологических и методических), историографических вопросов в области «новой исторической демографии» [Владимиров, Сарафанов, 2013б; Владимиров, Сарафанов, Щетинина; Владимиров, Щетинина; Владимиров, Рыгалова; и др.]. Разрабатывается ряд онлайн-проектов, таких как информационная система «Социально-демографические процессы на Алтае в материалах церковного учета XVIII — начала XX вв.», концентрирующих информационные ресурсы по широкому спектру проблем.

Кроме указанных, можно также отметить работы А. Р. Ивонина, В. А. Скубневского, Ю. М. Гончарова и других барнаульских исследователей, которые относятся скорее к традиционной исторической демографии. В них на основе широкого круга статистических источников рассматривается специфика социально-демографических процессов в городах Западной Сибири, демографическое развитие семьи, динамика численности населения, вопросы естественного движения населения [Ивонин; Скубневский; Скубневский, Гончаров; Гончаров]. При этом основная масса исследований базируется на агрегированных данных.

Весьма интенсивные научные разработки в области исторической демографии ведутся новосибирскими исследователями — сотрудниками Института истории СО РАН. Тематика, связанная с дореволюционным периодом развития народонаселения Сибири, изучалась Л. М. Горюшкиным, А. Н. Сагайдачным и др. На сегодняшний день в этих временных границах продолжает плодотворно работать В. А. Зверев [Зверев]. Исследования этого периода написаны большей частью в традиционном ключе, хотя еще А. Н. Сагайдачный являлся

сторонником применения информационных технологий для ретроспективы социодемографического анализа населения Сибирского региона, отмечая, что появление персонального компьютера и современных технологий обработки, хранения и анализа больших массивов однородной статистической информации открыло принципиально новые возможности в работе с историческими источниками [Сагайдачный, с. 3]. В то же время значительный корпус статей составляют работы исследователей, хронологически охватывающие более поздний период — XX в. [Исупов; Коробейникова; Дашинамжилов; и др.]. Таким образом, в развитии исследований по изучению историко-демографических процессов в Сибири параллельно сосуществуют две традиции — это развитие локальных исследований в русле «новой исторической демографии» и подготовка «классических» работ по истории народонаселения.

Последние годы стали периодом бурного развития исследований в русле «новой исторической демографии», проводимых группой исследователей исторического факультета Уральского федерального университета (Екатеринбург) в рамках лаборатории «Международный центр демографических исследований», научное руководство которой осуществляет известный норвежский исследователь Г. Торвальдсен. Основная тема исследований — «Восток — Запад: модели эволюции региональных сообществ в условиях демографических переходов» [Научная лаборатория «Международный центр...»]. В ее рамках развивается несколько научных направлений, связанных с созданием и анализом баз данных на основе источников различного характера (данные текущего и ревизского учета населения Урала, материалы переписей населения). Планируется достичь сопоставимости демографической информации в рамках международной сети EHPS-Net, что предполагает активное сотрудничество с зарубежными коллегами и применение мирового опыта в изучении массовых источников [Горбачев, 2014; Главацкая]. Исследователи нацелены на проведение разработок в области изучения региональных моделей естественного движения населения в России и Европе во второй половине XIX–XXI вв.; анализа региональных моделей семьи в условиях демографического перехода второй половины XIX–XX вв.; изучения миграционных процессов и сообществ в регионах России и зарубежья во второй половине XIX–XX вв.; формирования комплексного регионального информационного ресурса по демографической тематике [Главацкая и др.; Мазур, Горбачев; Горбачев, 2015; и др.].

Значительный опыт применения компьютерных технологий и математических методов в исторических исследованиях накоплен исследователями кафедры исторической информатики МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством Л. И. Бородкина. Научные интересы коллектива связаны, в частности, с разработкой и применением алгоритмов и компьютерных программ обработки сведений массовых источников по социально-экономической истории России конца XIX — начала XX вв., изучением миграций населения с использованием ГИС-технологий [Бородкин, 2014; 2015], разработкой проблем картографического отображения процесса урбанизации в России и СССР в 1897–1959 гг.

[Валетов; Валетов, Володин]. Исследования проводятся на основе материалов переписей населения, главным образом, советского периода. Большой интерес представляют серия работ и диссертация О. В. Хабаровой, посвященные вопросам социально-демографической структуры населения Севастополя в XIX в. на основе данных метрических книг [Хабарова, 2008; 2009; 2013]. Часть исследований демографической направленности развивалась в контексте экономической и социальной истории [Тематический блок «Демография»; Бородкин, 2009; 2012; Мишина]. Показано, что историческая демография, испытывая влияние информационных технологий, все больше ассоциируется с вопросами анализа баз данных, созданием статистических интернет-ресурсов, обращением к новым видам источников и переосмыслением подходов к уже известным материалам, компьютерному моделированию историко-демографических процессов и т. д. [Гарскова].

Следует отметить работы сотрудников экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова А. А. Авдеева и И. А. Троицкой. Являясь профессиональными экономистами и демографами, исследователи во второй половине 1990-х гг. приняли участие в совместном российско-французском проекте, ориентированном на изучение демографических процессов в прошлом. Участие известного французского исследователя, автора учебника по исторической демографии Алена Блюма, дало возможность применить зарубежные методики анализа к российским источникам массового характера. На основе изучения архивной документации (метрических книг, ревизских сказок) было проведено комплексное исследование населения трех деревень Московского уезда (Выхино, Жулебино и Вязовки). По результатам работы был опубликован ряд статей в российских и зарубежных изданиях [Blum, Troitskaya; Blum, Troitskaya, Avdeev; Авдеев, Блюм, Троицкая, 2002; 2008; Авдеев, Ульянова, Троицкая; и др.].

Серьезный вклад в развитие историко-демографических исследований в России вносят сотрудники Института демографии НИУ ВШЭ. Хронологические рамки исследований, по большей части, охватывают период XX — начала XXI в., т. е. время, когда источниковая база позволяет проводить полноценный демографический анализ, «не делая упор» на первичные источники. Часть работ исследователей написаны в русле «новой исторической демографии» — используются, например, материалы баз данных на уровне персоналий [Винник, 2010; 2012].

На историческом факультете Петрозаводского университета уже длительное время ведется работа по изучению социально-демографической истории Северо-Запада России и Карелии XVI–XIX вв. Исследования проводятся в рамках «Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии», созданной в 2004 г. по инициативе И. А. Черняковой [Исследовательская лаборатория...]. Коллектив лаборатории имеет большой опыт сотрудничества в академической среде с зарубежными коллегами. Так, в 1980–1994 гг. был осуществлен один из первых международных проектов, связанный с выявлением в архивах России, Швеции и Финляндии и введением в научный оборот

источников массового характера по истории Карелии. Историко-демографические исследования ученых рассматриваются в локальном и микрокурсе и ориентированы на изучение различных аспектов крестьянского населения региона (семья, домохозяйство, поселение, волость), развитие системы церковных приходов, создание междисциплинарных проектов с использованием ГИС-технологий. Активно используются методические принципы зарубежных школ исторической демографии (например, кембриджской группы) при анализе баз данных, созданных по материалам массовых источников [Chernyakova, 2012a; 2012b; Чернякова; Сулова].

Высокая степень сохранности массовых источников (метрических книг, исповедных росписей и ревизских сказок) Северо-Запада России конца XVIII — начала XX в. позволила исследователям Санкт-Петербургского университета под руководством профессора С. Г. Кащенко активно включиться в процесс их изучения. Ко второй половине 1990-х гг. относится появление первых опытов создания баз данных и применения количественных методов анализа. Сотрудничество с рабочими группами из университетов Гронингена (Нидерланды) и штата Айова (США) [Hoch, Kashchenko, Mizis; Кащенко] было нацелено на работу с массовыми микроданными историко-демографического характера. Результаты исследований отражены в многочисленных публикациях петербургских исследователей¹, защищенных диссертационных работах [Твердюкова; Смирнова; Князева; Маркова; и др.]. Исследования, написанные в русле ставшей уже «классической» традиции применения технологий баз данных, позволили раскрыть широкий спектр вопросов, характеризующих рождаемость, смертность, брачное поведение, изменение уровня социальной мобильности, размеры и направления миграций и пр. Пристальное внимание уделяется вопросам сохранности комплекса первичных материалов текущего и ревизского учета населения, отбора источников, их информационных возможностей.

Активно в области исторической демографии работает санкт-петербургский исследователь Б. Н. Миронов [Миронов, 1990; 1999, т. 1; и др.]. С одной стороны, его труды отличает активное использование количественных методов, методов социологии, исторической антропологии, с другой — широкие территориальные рамки, преимущественное использование агрегированных материалов. В любом случае рассмотрение его работ заслуживает отдельного внимания и далеко выходит за рамки настоящей статьи.

Интенсивно развиваются исследования по исторической демографии в Сыктывкаре на базе Института языка, литературы и истории Уральского отделения Российской академии наук. С 2008 г. издается научный журнал «Историческая демография», в котором публикуются главным образом материалы международных и всероссийских научных форумов, ежегодно проходящих в Сыктывкаре [Жеребцов, Игнатова, 2015a; 2015b]. Исследования в русле «новой исторической

¹ Наиболее полный библиографический перечень работ петербургских исследователей приведен в издании: [Кащенко, Маркова, с. 5–7, 55–58].

демографии» регулярно появляются на страницах журнала [см.: Сердюк; Бороденко; и др.], в том числе и подготовленные сотрудниками Института [см.: Вишнякова; Вишнякова, Семенов; и др.].

Активное применение находят информационные технологии в изучении широкого круга вопросов социально-демографического развития сельского и городского населения в работах исследователей Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина под руководством В. В. Канищева. Результаты исследований отражены в ряде диссертаций [Кончаков, 2001; Аскользина; Морозова; Стрекалова, 2003; Жиров; и др.] и значительном количестве работ по указанной проблематике [Канищев, Кончаков, Мизис; Артемов, Дьячков, Канищев; Канищев; Кончаков, 2014; Стрекалова, 2012; и др.]. Участие тамбовских исследователей в российско-голландском и российско-американском проектах в области социально-демографической истории в середине 1990-х гг. позволило наладить сотрудничество с зарубежными коллегами [Протасов; Мизис]. Это способствовало освоению зарубежных методик исследования в области исторической демографии. Сотрудники созданной в 1995 г. лаборатории социальной истории достигли заметных результатов в методической разработке и программно-технической реализации вопросов, связанных с восстановлением истории семей, классификацией видов социальной мобильности и т. д. [Лаборатория социальной истории...].

Технологии создания и исследования баз данных в сочетании с геоинформационными технологиями позволили исследовательскому коллективу получить существенные результаты при анализе уровня и сезонности рождаемости, брачности и смертности, изучении возрастной структуры и причин смертности, миграций и пр. В 2009 г. открыт Центр фрактального моделирования социальных и политических процессов [Центр фрактального моделирования...]. На основе изучения и обобщения первичных источников с применением технологии фрактального моделирования историко-демографических процессов [Zhukov, Kanishchev, Lyamin; Жуков, Канищев, Лямин; и др.] были получены новые результаты в области исторической демографии, в частности, построена картина демографического поведения населения сельской местности Тамбовской губернии за период с 1862 по 1926 гг. В Тамбове успешно решается проблема сочетания высокого профессионализма историков и грамотного подхода к использованию современных компьютерных технологий в гуманитарной сфере, что позволяет решать технологически сложные вопросы.

Следует отметить вклад тульских исследователей Д. Н. и И. А. Антоновых, перу которых принадлежат работы, посвященные вопросам источниковедения массовых источников, возможностям применения метода ВИС (восстановление истории семей) в отношении российских источников [Антонов, Антонова, 1996; Антонова; Антонов; и др.]. В 2006 г. вышла монография авторов, посвященная метрическим книгам [Антонов, Антонова, 2006].

Сделанный обзор развития историко-демографических исследований в России за последние годы с акцентом на «новую историческую демографию»

приводит к выводу о быстром развитии региональных научных центров, более или менее равномерном рассредоточении научных исследований по территории России и преобладании «горизонтальных» связей между научными центрами. Обратной стороной этого явления стало перемещение центра тяжести с общероссийской тематики в сторону региональных и сугубо локальных исследований.

Отмечая существенные изменения в развитии зарубежной исторической демографии, обратим внимание прежде всего на кардинальные изменения в работе с источниками, произошедшие благодаря открытию свободного доступа к большим массивам оцифрованных данных из первичных источников по учету населения. Перед исследователями открылись новые возможности в изучении самых разных историко-демографических проблем, включая масштабные междисциплинарные исследования. Широкое применение здесь нашли как методы гуманитарных и социальных наук, так и математические методы и информационные технологии. В историческую демографию были включены такие аспекты исследований, как жизненный цикл, межпоколенные связи, мобильность (социальная, профессиональная), влияние семьи, ее состава, общины на дальнейшую судьбу индивида, вопросы выбора брачного партнера и др. В результате стали появляться крупные национальные и международные проекты в области исторической демографии, основанные на использовании больших массивов оцифрованных данных [Campbell].

Более глубоко и с новых позиций стала изучаться история семьи, ее состав и изменения в историческом развитии. Основываясь на современных историко-демографических методах и технологиях, исследователи получили возможности сравнительного анализа истории семьи на территории Северо-Западной Европы и Северной Америки [Ruggles]. Активно изучается жизненный курс индивида, изменения в составе семьи и выборе брачного партнера, соотношение больших и малых семей и т. п. Анализируются процессы, приведшие к трансформации детства, и влияние этого фактора на дальнейшую жизнь индивида и семьи в целом. Обращается внимание на связи между поколениями как на один из основных моментов в жизненном пути человека. В целом, изучение жизненного курса, межпоколенных связей, переходов и трансформаций прочно вошло в практику зарубежных исследователей, в том числе и в области исторической демографии [Alter].

Расширение исследовательского поля произошло также в сторону изучения социальной мобильности с точки зрения историко-демографического подхода. Частью таких исследований стало изучение профессий населения, их изменения во времени и пространстве, гендерного фактора в истории профессий и занятости, профессиональной мобильности и т. п. Изучение перечисленных проблем основывается, в том числе, и на первичных источниках по учету и регистрации населения [McGeever]. Повышается и актуальность исследования источниковедческих проблем. Помимо традиционных источников — всевозможных переписей и материалов церковного учета, — исследуются свидетельства о рождении,

браке, смерти, так называемые гражданские регистры (записи о рождении, браке и смерти) [Kok]. Поднимается вопрос об использовании технологии «связанных данных» в работе с источниками по исторической демографии и в построении исследований на этой основе. Использование связанных данных — сложная, но и очень перспективная технология, в которой можно увидеть ближайшие перспективы развития исторической демографии [Merodio-Peñuela et al.].

Представленные процессы и явления позволяют говорить о том, что мировая историческая демография сделала качественный скачок в расширении как проблематики исследования, так и своего методологического и методического арсенала. Сегодня историко-демографические исследования являются составной частью такого активного междисциплинарного исследовательского поля, как Social Science History. Историческая демография на присущих ей источниках разрабатывает тематику, характерную для социальной истории, обогащая ее и расширяя информационную базу достоверности и репрезентативности исследований в области социальной истории и исторической социологии. Все это позволяет нам говорить о зарубежной (по отношению к российской) исторической демографии тоже как о «новой» в аналогичном смысле этого слова [Population Reconstruction]. При этом мы рассматриваем указанные процессы и явления как ближайшие перспективы развития российской исторической демографии.

Подводя итог, отметим, что современная историческая демография в России характеризуется следующими отличительными чертами.

1. Существует ряд научных коллективов, работающих главным образом в направлении, обозначаемом нами как «новая историческая демография», применяющих новые информационные технологии в исторических исследованиях и работающих с массовыми источниками. Хронологические рамки подобных исследований ограничены, как правило, XVIII — началом XX вв. и связаны с существованием первичных материалов досоветского периода российской истории (метрические книги, исповедные росписи, ревизские сказки и т. д.). Работы проводятся на основе локальных баз данных, созданных исследовательскими коллективами для своих научных целей. У многих исследовательских групп имеется опыт сотрудничества с зарубежными специалистами в области исторической демографии. Российские исследователи заинтересованы прежде всего в получении новых знаний в области методики анализа демографических и социальных процессов. Направления работы региональных коллективов в области «новой исторической демографии» имеют отличия, обусловленные рядом факторов: сохранностью и доступностью источниковой базы; традициями в работе с историческими источниками; общей специализацией коллектива (тематической направленностью работ); возможностями в создании баз данных (имеют значение возможности доступа к массовым источникам, наличие сотрудников, выполняющих техническую работу по заполнению базы данных, финансирование).

2. Продолжают традиционные историко-демографические исследования коллективы профессиональных историков (и отдельные специалисты),

работающие в первую очередь с агрегированными материалами. Используется широкий перечень методов дескриптивной статистики, работы имеют широкий территориальный охват.

3. Существуют коллективы профессиональных демографов, использующих в своих исследованиях широкий спектр методов современной демографии. Хронологические рамки исследований по большей части охватывают период XX — начала XXI в., т. е. время, когда источниковая база позволяет проводить полноценный демографический анализ, не делая «упор» на первичные источники.

4. Ведется активная деятельность по выпуску специализированных печатных изданий по исторической демографии, демографии, исторической информатике и пр. При этом наблюдается тенденция роста числа исследований в области «новой исторической демографии». В 1990-е гг. велись дискуссии о месте и значении локальных историко-демографических исследований, основанных на материалах массовых источников и о возможностях советской исторической демографии. На сегодняшний день эти два направления сосуществуют и дополняют друг друга.

Мы считаем, что, несмотря на успехи в России «новой исторической демографии», экстенсивный путь ее развития завершается. Необходим прорыв как в области методики исследований и интеграции с современными европейскими историко-демографическими программами, так и в области перехода от локальных исследований и локальных баз данных к крупным проектам, охватывающим группы регионов и территорию России в целом. Мы уверены, что именно таких крупных проектов национального масштаба остро не хватает в первую очередь российской исторической демографии. Только с созданием больших массивов данных национального уровня и масштаба мы сможем прийти к ситуации, когда термин «новая историческая демография» обретет привычное и традиционное звучание.

Авдеев А., Блом А., Троицкая И. Сезонный фактор в демографии российского крестьянства в первой половине 19 века: брачность, рождаемость, младенческая смертность // Российский демографический журнал. 2002. № 1. С. 35–45.

Авдеев А. А., Блом А., Троицкая И. А. Наречение имени в России // Историческая демография : сб. ст. / под ред. М. Б. Денисенко, И. А. Троицкой М. : МАКС Пресс, 2008. С. 210–238.

Авдеев А. А., Ульянова Г. Н., Троицкая И. А. Сословные различия в структурах домохозяйств в XIX веке: Москва и ее окрестности // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 2. С. 74–91.

Акользина М. К. Изменение социальной структуры населения среднего русского уездного города в первой половине XIX в. (по материалам Моршанска Тамбовской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2002.

Антонов Д. Н. Восстановление истории семей: метод, источники, анализ : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги: время собирать камни // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 15–28; № 5. С. 26–39.

Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России XVIII — начала XX в. М. : РГГУ, 2006.

Антонова И. А. Метрические книги XVIII — начала XX в. в России: источниковедческое исследование : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

Артемов А. А., Дьячков В. Л., Канищев В. В. Длинные ряды демографических данных: поиск оптимальных методов математической обработки и визуального представления // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2010. № 36. С. 58–60.

Бороденко Е. А. Повторное замужество овдовевших женщин Левобережной Украины (на материалах метрических книг XVIII века) // Историческая демография. 2014. № 2 (14). С. 4–9.

Бородкин Л. И. К вопросу о социальной и профессиональной мобильности промышленных рабочих дореволюционной России: методологические и методические аспекты исследования // Историческое профессиональное образование: создание HISCO и исследования профессиональной социальной мобильности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 129–147.

Бородкин Л. И. Была ли устойчивой социальной динамикой русского крестьянства в XIX веке? Памяти Д. Филда // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2012. № 39. С. 124–129.

Бородкин Л. И. ГИС-анализ миграционных потоков в России / СССР в конце XIX — первой четверти XX вв. по данным переписи населения 1926 г. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 42. Спец. вып. Материалы XIV конф. АИК. Москва, 3–5 октября 2014 г. С. 135–137.

Бородкин Л. И. Пространственная структура крестьянских переселений в России / СССР по материалам переписи населения 1926г.: ГИС-анализ и формирование объясняющих гипотез // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 43. Материалы междунар. науч. конф. «Геоинформационные системы и технологии в исторических исследованиях». Сентябрь 2015 г. С. 3–7.

Брюханова Е. А., Владимиров В. Н. Кодирование исторических профессий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015.

Валетов Т. Я. Проблемы картографического отображения процесса урбанизации (на примере России / СССР, 1897–1959 гг.) // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 43. Материалы междунар. науч. конф. «Геоинформационные системы и технологии в исторических исследованиях». Сентябрь 2015 г. С. 16–21.

Валетов Т. Я., Володин А. Ю. Проблема сопоставления разных временных слоев в ГИС (на примере данных о городском населении России в 1897–1959 гг.) // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 42. Спец. вып. Материалы XIV конф. АИК. Москва, 3–5 октября 2014 г. С. 137–138.

Винник М. В. Метрические книги как источник для изучения сословно-профессиональной структуры населения г. Барнаула в последней трети XIX в. // Проблемы народонаселения в зеркале истории: Шестые Валентеевские чтения: Москва, 22–24 апреля 2010 г. МГУ им. М. В. Ломоносова : сб. докл. Т. 2 / ред. В. В. Елизаров, И. А. Троицкая. М. : МАКС Пресс, 2010. С. 80–87.

Винник М. В. Какой должна быть идеальная демографическая база данных? [Электронный ресурс] // Демоскоп. 2012. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0533/analit06.php> (дата обращения: 03.06.2016).

Вишнякова Д. В. Матримониальное поведение населения европейского Северо-востока России в XIX — начале XX в.: гендерные характеристики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6–1. С. 62–66.

Вишнякова Д. В., Семенов В. А. Брачность населения европейского северо-востока России во второй половине XIX — начале XX в. // Изв. Коми науч. центра УрО РАН. 2010. № 4. С. 87–93.

Владимиров В. Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005.

Владимиров В. Н., Рыгалова М. В. Зарубежная историография о проблемах и перспективах применения геоинформационных систем в исторических исследованиях // Вестн. Перм. ун-та. Сер. : История. 2014. № 3 (26). С. 99–106.

Владимиров В. Н., Сарафанов Д. Е. Информационные технологии в изучении метрических книг (население Барнаула в конце XVIII — начале XX в.). Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013а.

Владимиров В. Н., Сарафанов Д. Е. Социально-демографическое развитие населения Алтая в XIX — начале XX вв.: методологические и методические аспекты исследования // Вестн. алт. тайфской науки. 2013б. № 1. С. 74–77.

Владимиров В. Н., Сарафанов Д. Е. Сословный «портрет» брачующихся в Покровском приходе Барнаула в последней четверти XIX в.: анализ базы данных по материалам метрических книг // Круг идей: базы данных в исторических исследованиях. Барнаул : Азбука, 2013в. С. 72–91.

Владимиров В. Н., Сарафанов Д. Е., Щетинина А. С. К истокам «новой исторической демографии»: от формы к содержанию // Изв. Алт. гос. ун-та. 2015. № 4/2 (88). С. 38–42.

Владимиров В. Н., Силина И. Г. Геоинформационные технологии в изучении миграций // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34. С. 89–90.

Владимиров В. Н., Силина И. Г., Чибисов М. Е. Приходы Барнаульского Духовного Правления в 1829–1864 годах (по материалам клировых ведомостей). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006.

Владимиров В. Н., Щетинина А. С. Social Science History: моменты истории // Вестн. Перм. ун-та. Сер. : История. 2014. № 4 (27). С. 7–14.

Гарскова И. М. Историческая информатика как профессиональное сообщество: контент-анализ полнотекстовой базы по материалам конференций 2000–2010 гг. // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 44–53.

Главацкая Е. М. Религиозные сообщества и демографические процессы в материалах церковного учета: методы статистического анализа // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2015. Т. 145. № 4. С. 262–270.

Главацкая Е. М., Торвальдсен Г., Боровик Ю. В., Заболотных А. А. Религиозные сообщества Екатеринбурга в конце XIX — начале XX вв.: опыт картографирования // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 43. Материалы междунар. науч. конф. «Геоинформационные системы и технологии в исторических исследованиях». Сентябрь 2015 г. С. 30–36.

Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX — начала XX в. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002.

Горбачев О. В. Историко-демографические базы данных в контексте европейских компаративных исследований: проект EHPS-NET // Историческая информатика. 2014. № 2–3. С. 4–9.

Горбачев О. В. Миграция населения в историческом дискурсе: возможности и ограничения теоретических интерпретаций // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. : сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Алексеев ; ФГБУН Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : УрО РАН, 2015. С. 42–48.

Дашинамжилов О. Б. Рождаемость в городах Западной Сибири в 1960–1970-е гг. // Проблемы исторической демографии Сибири : сб. науч. тр. Вып. 4 / отв. ред. В. А. Исупов ; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2015. С. 312–334.

Жеребцов И. Л., Игнатова Н. М. Журнал «Историческая демография» в 2008–2014 гг. (обзор) // Историческая демография. 2015а. № 1 (15). С. 67–70.

Жеребцов И. Л., Игнатова Н. М. Историко-демографическим научным форумам в Сыктывкаре — 10 лет // Историческая демография. 2015б. № 1 (15). С. 73–75.

Жиров Н. А. Демографическая история Орловской губернии в начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2012.

Жуков Д. С., Канищев В. В., Лямин С. К. Возможности использования теории самоорганизованной критичности в изучении демографических процессов в российском позднем аграрном обществе // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2014. № 1 (7). С. 70–91.

Зверев Владимир Александрович : библиограф. указ. / сост. Библиогр. информ. центр. Новосибирск : НГПУ, 2015.

Ивошин А. Р. Западносибирский город в последней четверти XVIII — 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000.

Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии [Электронный ресурс]. URL: <http://illmik.petsu.ru/illmik/Welcome.html> (дата обращения: 03.06.2016).

Историческое профессиоведение : сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Владимиров. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004.

Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа / под ред. В. Н. Владимиров, М. Х. Д. ван Леувена. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008.

Историческое профессиоведение: создание HISCO и исследования профессиональной и социальной мобильности / под ред. В. Н. Владимиров, М. Х. Д. ван Леувена. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009.

Историческое профессиоведение: профессия, карьера, социальная мобильность / под ред. В. Н. Владимиров, М. Х. Д. ван Леувена. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012.

Исупов В. А. Население Сибири в годы войн и революций (1914–1922 гг.) // Проблемы исторической демографии Сибири : сб. науч. тр. Вып. 4 / отв. ред. В. А. Исупов ; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2015. С. 78–111.

Канищев В. В. Кластерный анализ демографического поведения сельского населения Европейской России в начале XX в. и в начале XXI в. К постановке вопроса // Ineternum. М. ; Тамбов : Тамбовская региональная общественная организация «Сетевой центр футурологии и прогнозтики “Инетернум”», 2011. № 1–2. С. 43–55.

Канищев В. В., Кончаков Р. Б., Мизис Ю. А. Соотношение когортного и сплошного анализа демографического поведения российского крестьянства XIX — начала XX в. (по материалам прихода с. Малые Пупки Тамбовской губернии) // Социально-демографическая история России XIX–XX вв. Современные методы исследования : материалы науч. конф. (апр. 1998 г.). Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та, 1999. С. 60–71.

Кащенко С. Г. Изучение исторической демографии Российской империи на кафедре источниковедения истории России Санкт-Петербургского государственного университета // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 41, декабрь 2013. С. 137–141.

Кащенко С. Г., Маркова М. А. Население уездов столичной губернии в XVIII — первой половине XIX века. Историко-демографические очерки. Брянск : Курсив, 2013.

Князева Е. Е. Метрические книги Санкт-Петербургского консисториального округа как источник по истории лютеранского населения Российской империи XVIII — начала XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.

Колдаков Д. В. Геоинформационные технологии в изучении поселенческой сети Алтая в 1920-е гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2011. № 4. С. 11–14.

Кончаков Р. Б. Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX — начале XX в., новые методы исследования : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2001.

Кончаков Р. Б. Сезонность браков в пристанционных селах: к вопросу изучения модернизации демографического поведения крестьянства в 1860–1900 гг. // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 1 (59). С. 136–142.

Коробейникова Н. С. Динамика разводимости в городах Западной Сибири в годы Второй мировой войны // Проблемы исторической демографии Сибири : сб. науч. тр. Вып. 4 / отв. ред. В. А. Исупов ; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2015. С. 214–234.

Лаборатория социальной истории Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.2.letops.peterhost.ru/fcp/> (дата обращения: 03.06.2016).

Мазур Л. Н., Горбачев О. В. Всероссийская партийная перепись 1922–1924 гг. как источник по истории семьи // Актуальные проблемы источниковедения : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 8–9 октября 2015 г. / редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.] ; Вит. гос. ун-т. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. С. 285–288.

Маркова М. А. Первичные документы по учету населения Санкт-Петербургской губернии в XVIII — первой половине XIX вв. как исторический источник (метрические книги, исповедные росписи, ревизские сказки) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

Мизис Ю. А. Российско-американский семинар по исторической демографии России // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. : Гуманитар. науки. 1996. Вып. № 1. С. 103–105.

Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л. : Наука, 1990.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX в.) : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999.

Мишина Е. М. Профессиональный состав репрессированных в 1935–1937 гг.: анализ базы данных на основе «книг памяти» Алтайского края с 1991 г // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 41. Материалы Междунар. науч. конф. «История профессий в ретроспективе: от анализа источников к технологиям обработки данных». Барнаул, 2014. С. 88–106.

Морозова Э. А. Особенности социально-демографического облика населения торгово-промышленного села в первой половине XIX в. (на примере села Рассказово Тамбовской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.

Научная лаборатория «Международный центр демографических исследований» [Электронный ресурс]. URL: <http://idun.urfu.ru/ru/o-laboratorii/> (дата обращения: 03.06.2016).

Неженцева Н. В. Методика работы с агрегированными данными всеобщей переписи населения 1897 г. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2012. № 38. С. 59–60.

Протасов С. Л. Некоторые предварительные результаты работы над российско-голландским проектом «Интегральная история на локальном уровне» // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 14, апрель 1995. С. 93–94.

Сагайдачный А. Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX века. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2000.

Сарафанов Д. Е. Смертность населения в Барнауле в XIX в. // Миграции и постмиграционные сообщества (Алтай — Казахстан, XIX–XX вв.). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 182–212.

Сарафанов Д. Е. Структура населения Бийска в XIX в. (по данным церковного и административного учетов населения) // Проблемы исторической демография Сибири : сб. науч. тр. / редкол.: В. А. Исупов (отв. ред.), В. А. Ламин, В. А. Зверев [и др.]. Новосибирск : Параллель, 2011. Вып. 2. С. 69–90.

Сарафанов Д. Е. Внебрачная рождаемость в Барнауле в XIX в. // Изв. Алт. гос. ун-та. 2015. № 4/1 (88). С. 215–221.

Сердюк И. А. Детская смертность и точность метрического учета населения Гетманщины во второй половине XVIII в. // Историческая демография. 2014. № 1 (13). С. 14–19.

Скубневский В. А. Урбанизационные процессы в Сибири второй половины XIX — начала XX в. : избр. ст. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2010.

Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Ч. 1 : Население. Экономика. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003.

Смирнова С. С. Демографические процессы в Олонецкой губернии в XIX — начале XX вв. Опыт компьютерного анализа метрических книг : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.

Стрекалова Н. В. Социальная мобильность городских средних слоев в период трансформации российского общества начала XX в.: проблемы и перспективы исследования // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. : Гуманитар. науки. 2012. № 9. С. 320–327.

Стрекалова Н. В. Социальная стратификация и социальная мобильность городских средних слоев в 1907–1917 гг. (на материалах Тамбова) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.

Суслова Е. Д. Reconstruction of Karelian parish net in early modern time: an experience of database formation // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 37. Тр. междунар. конф. «Компьютерные технологии и математические методы в исторических исследованиях» (Петрозаводск, Урозеро, 11–16 июня 2011 г.). С. 101–106.

Твердюкова Е. Д. Административные и церковные источники по истории народонаселения Новгородской губернии XIX — начала XX вв. Опыт комплексного анализа : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.

Тематический блок «Демография» [Электронный ресурс] // Динамика экономического и социального развития России в XIX – начале XX в. URL: <http://www.hist.msu.ru/Dynamics/> (дата обращения: 03.06.2016).

Хабарова О. В. Динамика показателей брачного поведения жителей Севастополя в XIX в.: анализ базы данных, созданной по материалам метрических книг // Историческая информатика. 2013. № 2 (4). С. 86–100.

Хабарова О. В. Изучение спектра профессий населения города Севастополя в XIX в. на основе данных метрических книг: методика и общая характеристика исследования // Историческое профессиональное: источники, методы, технологии анализа : сб. ст. / под ред. В. Н. Владимирова, М. Х. Д. ван Леувена. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 182–212.

Хабарова О. В. Эволюция социально-демографической структуры населения г. Севастополя в XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

Центр фрактального моделирования социальных и политических процессов [Электронный ресурс]. URL: http://www.ineternum.ru/ineternum/aaa_fractal_centre/sotr.html (дата обращения: 03.06.2016).

Чернякова И. А. База данных, составленная по архивным документальным источникам масового характера, как способ историко-демографического исследования семьи и домохозяйства карельского крестьянства XIX века // Информационные технологии и письменное наследие : материалы IV междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 г.) / отв. ред. В. А. Баранов, А. Г. Варфоломеев. Петрозаводск : [б. и.], 2012. С. 279–285.

Щетинина А. С. Беженцы на юге Западной Сибири 1914–1923 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007.

Alter G. C. Generation to Generation: Life Course, Family, and Community // Social Science History. Spring 2013. Vol. 37. Number 1. P. 1–26.

Blum A., Troitskaya I. Mortality in Russia during the eighteenth and nineteenth centuries: Local assessments based on the Revizii // Population: An English Selection. Vol. 9 (1997). P. 123–146.

Blum A., Troitskaya I., Avdeev A. Family, marriage and social control in Russia — Three villages in Moscow region // Family Structures, Demography and Population. A Comparison of Societies in Asia and Europe / eds. M. Neven and C. Carpon. Liege : Laboratoire de Démographie de l'Université de Liège, 2000. P. 88–92.

Boonstra O., Breure L., and Doorn P. Past, Present and Future of Historical Information Science. Amsterdam : NIWI_KNAW, 2004.

Campbell C. Historical Demography // California Center for Population Research. On-Line Working Paper Series. June 2012. P. 2–32.

Chernyakova I. A. Local karelian parish community as object for social and demographic research: Yalguba area in context of XIXth century archival quantitative documentary sources // Уч. зап. Петрозав. гос. ун-та. Сер. : Обществ. и гуманитар. науки. 2012а. № 5. С. 30–35.

Chernyakova I. A. Parameters of life and death in karelian local parish community: Yalguba area in context of XIX century archival quantitative documentary sources // Уч. зап. Петрозав. гос. ун-та. Сер. : Обществ. и гуманитар. науки. 2012б. Т. 2. № 7 (128). С. 26–30.

Hoch S. L., Kashchenko S., Mizis Yu. Project in Russian population history, 1700–1917: Preliminary results // Data Modelling, Modelling History. Abstracts of XI International Conference of the Association for History and Computing. P. 89–91.

Kok J. Sources for the historical demography of The Netherlands in the 19th and early 20th centuries // Positive or preventive. Fertility developments in Taiwan and the Netherlands, 1850–1950 / eds. Y.-C. Chuang, T. Engelen & A. P. Wolf. Amsterdam : Aksant, 2006. P. 41–51.

Leeuwen M. H. D. van, Maas I., Miles A. HISCO: Historical International Standard Classification of Occupations. Leeuwen : Leuven Univ. Press, 2002.

McGeevor S. How well did the 19th century census record women's 'regular' employment in England and Wales? A case study of Hertfordshire in 1851 // The History of the Family. 2014. 19 (4). P. 489–512.

Meroño-Peñuela A., Ashkpour A., Rietveld L., Hoekstra R., and Schlobach S. Linked Humanities Data: The Next Frontier? A Case-study in Historical Census Data [Electronic resource]. URL: <http://ceur-ws.org/Vol-951/paper3.pdf>.

Population Reconstruction / ed.: G. Bloothoof, P. Christen, K. Mandemakers, M. Schraagen. Heidelberg : Springer, 2015.

Ruggles S. The Future of Historical Family Demography // The Annual Review of Sociology. April 2012. № 38. P. 423–441.

Zhukov D., Kanishchev V., Lyamin S. Fractal modeling of historical demographic processes // Historical Social Research. 2013. Т. 38. № 2. P. 271–287.

Статья поступила в редакцию 28.06.2016 г.

Владимиров Владимир Николаевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой документоведения,
архивоведения и исторической информатики
Алтайский государственный университет
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: vlad@hist.asu.ru

Vladimirov, Vladimir Nikolaevich

Dr. Hab. (History), Professor,
Head of the Chair of Documentation
Science, Archival Science and Historical
Informatics
Altai State University
61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russia
E-mail: vlad@hist.asu.ru

Сарафанов Дмитрий Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры документоведения, архиво-
ведения и исторической информатики
Алтайский государственный университет
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: d_sarafanov@mail.ru

Sarafanov, Dmitry Evgenievich

PhD (History), Associate Professor,
Chair of Documentation Science,
Archival Science and Historical
Informatics
Altai State University
61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russia
E-mail: d_sarafanov@mail.ru

Щетинина Анна Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры документоведения, архиво-
ведения и исторической информатики
Алтайский государственный университет
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: anyash83@mail.ru

Shchetinina, Anna Sergeevna

PhD (History), Associate Professor,
Chair of Documentation Science,
Archival Science and Historical
Informatics
Altai State University
61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russia
E-mail: anyash83@mail.ru

**“NEW HISTORICAL DEMOGRAPHY” IN RUSSIA:
EVOLUTION OR A LEAP IN DEVELOPMENT?**

The article studies the main factors that determine and characterize the “new historical demography” which formed in Russia in the 1990s. The authors analyse factors and trends in social science and the humanities that have influenced the formation of the “new historical demography” and review the main issues related to its definition,

status and methodology. The authors also analyse the changes of the source base, methods and technologies of historical and demographic research as well as their influence on the research field alteration. On the basis of historiographic analysis of Russian studies, the authors present comparative data on modern Russian centres involved in historical and demographic research. The European and Russian research practices are compared.

The authors conclude that historical demography has become a locomotive and a driving force for introducing computer technologies in historical research. One can see a worldwide qualitative leap in historical and demographic research as far as the expansion of issues and methodological and methodical tools are concerned. The article notes certain achievements of “new historical demography” in Russia, but emphasizes the necessity to shift from the extensive to the intensive development that means integration with modern European programmes and transition from local databases and research to all-Russian ones.

Key words: historical demography; history; methodology; parish registers; databases.

Acknowledgements

The study is supported by the *Russian Foundation for the Humanities*, grant #15-01-00207a, the *Russian Foundation for Basic Research* and Altai Krai local authorities as part of research project 16-46-220374 p_a.

Akol'zina, M. K. (2002). *Izmenenie sotsial'noj struktury naselenija srednego russkogo uездnogo goroda v pervoj polovine XIX v. (po materialam Morshanska Tambovskoj gubernii)* [The Change of Social Structure of an Average Uyezd City in the First Half of the 19th Century (with Reference to Morshansk, Tambov Governorate) (doctoral dissertation abstract). Tambov. (In Russian)

Alter, G. C. (2013, Spring). Generation to Generation: Life Course, Family, and Community. *Social Science History*, 37, 1, 1–26.

Antonov, D. N. (2000). *Vosstanovlenie istorii semej: metod, istochniki, analiz* [Family History Reconstruction: Methods, Sources, Analysis] (doctoral dissertation abstract). Moscow. (In Russian)

Antonov, D. N., & Antonova, I. A. (1996). *Metricheskie knigi: vremja sobirat' kamni* [Parish Registers: A Time to Gather Stones]. *Otechestvennye arkhivy*, 4, 15–28; 5, 26–39. (In Russian)

Antonov, D. N., & Antonova, I. A. (2006). *Metricheskie knigi Rossii XVIII – nachala XX v.* [Parish Registers in Russia in the 18th – Early 20th Centuries]. Moscow: RGGU. (In Russian)

Antonova, I. A. (1998). *Metricheskie knigi XVIII – nachala XX v. v Rossii: istochnikovedcheskoe issledovanie* [Russian Parish Registers in the 18th – Early 20th Centuries: Source Study Research] (doctoral dissertation abstract). Moscow. (In Russian)

Artemov, A. A., D'iachkov, V. L., & Kanishchev, V. V. (2010). Dlinnye riady demograficheskikh dannyx: poisk optimal'nykh metodov matematicheskoi obrabotki i vizual'nogo predstavlenija [Long Lists of Demographic Data: A Search of Optimal Methods of Mathematical Processing and Visual Representation]. *Informacionnyj bjulleten' assotsiatsii «Istorija i komp'juter»*, 36, 58–60. (In Russian)

Avdeev, A. A., Blum, A., & Troitskaya, I. A. (2008). Narechenie imeni v Rossii [Naming in Russia]. In M. B. Denisenko, & I. A. Troitskaya, *Istoricheskaja demografija: Sbornik statei* [Historical Demography: Collected Works] (pp. 210–238). Moscow: MAKS Press. (In Russian)

Avdeev, A. A., Ul'janova, G. N., & Troitskaya, I. A. (2015). Soslovnnye razlichija v strukturakh domokhozjaistv v XIX veke: Moskva i ee okrestnosti [Class Differences within Household Structures in the 19th Century: Moscow and Its Suburbs]. *Demograficheskoe obozrenie*, 2, 2, 74–91. (In Russian)

Avdeev, A., Blum, A., & Troitskaya, I. (2002). Sezonnij faktor v demografii rossijskogo krest'ianstva v pervoi polovine 19 veka: brachnost', rozhdaemost', mladencheskaja smertnost' [The Seasonal Factor of Russian Peasant Demography in the First Half of the 19th Century: Marriages, Births, Infant Deaths]. *Rossiiskij demograficheskij zhurnal*, 1, 35–45. (In Russian)

Bloothoof, G., Christen P., Mandemakers K., & Schraagen, M. (Eds.). (2015, August 4). *Population Reconstruction*. Published by Springer.

Blum, A., & Troitskaya, I. (1997). Mortality in Russia during the Eighteenth and Nineteenth Centuries: Local Assessments Based on the Revizii. *Population: An English Selection*, 9, 123–146.

Blum, A., Troitskaya, I., & Avdeev, A. (2000). Family, marriage and social control in Russia — Three villages in Moscow region. In M. Neven, & C. Carpon (Eds.), *Family Structures, Demography and Population. A Comparison of Societies in Asia and Europe* (pp. 88–92). Liege: Laboratoire de Démographie de l'Université de Liège.

Boonstra, O., Breure, L., & Doorn, P. (2004). *Past, Present and Future of Historical Information Science*. Amsterdam: NIWI_KNAW.

Borodenko, E. A. (2014). Povtornoje zamuzhestvo ovdovevshikh zhenshchin Levoberezhnoj Ukrainy (na materialakh metriceskikh knig XVIII veka) [Remarriage of Widows of the Left-bank Ukraine (18th Century Parish Registers Data)]. *Istoricheskaja demografija*, 2 (14), 4–9. (In Russian)

Borodkin, L. I. (2009). K voprosu o sotsial'noj i professional'noj mobil'nosti promyshlennykh rabochikh dorevoliutsionnoj Rossii: metodologicheskie i metodicheskie aspekty issledovanija [The Question of Social and Occupational Mobility of Industrial Workers in Pre-Revolutionary Russia: Methodological and Methodical Research]. In V. N. Vladimirov, & M. H. D. van Leeuwen (Eds.), *Istoricheskoe professionovedenie: sozdanie HISCO i issledovanija professional'noj sotsial'noj mobil'nosti* [Historical Occupation Studies: HISCO Creation and Occupational Mobility Studies] (pp. 129–147). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian)

Borodkin, L. I. (2012). Byla li ustoichivoj sotsial'naja dinamika russkogo krest'ianstva v XIX veke? Pamiati D. Filda [Was the Social Dynamics of 19th Century Russian Peasants Stable? In Memory of D. Field]. *Informatsionnyj bjulleten' assotsiatsii "Istorija i komp'juter"*, 39, 124–129. (In Russian)

Borodkin, L. I. (2014). GIS-analiz migratsionnykh potokov v Rossii/SSSR v kontse XIX — pervoj chetverti XX vv. po dannym perepisi naselenija 1926 g. [GIS-Analysis of Migration Flows in Russia/the USSR in the Late 19th — First Quarter of the 20th Centuries. 1926 Census Data]. *Informatsionnyj bjulleten' assotsiatsii «Istorija i komp'juter»*, 42. *Spetsial'nyj vypusk. Materialy XIV konferentsii AIK. Moskva, 3–5 oktjabria 2014 g.* [Special Edition. Materials of the 14th History and Computer Association Conference. Moscow, 3–5 October, 2014], 135–137. (In Russian)

Borodkin, L. I. (2015). Prostranstvennaja struktura krest'ianskikh pereselenij v Rossii/SSSR po materialam perepisi naselenija 1926g.: GIS-analiz i formirovanie ob'iasniaiushchikh gipotez [Spatial Structure of Peasant Migrations in Russia/the USSR. 1926 Census Data. GIS-Analysis and Formation of Explanatory Hypotheses]. *Informatsionnyj bjulleten' assotsiatsii "Istorija i komp'juter"*, 43. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii "Geoinformatsionnye sistemy i tekhnologii v istoricheskikh issledovanijakh"*. *Sentiabr' 2015 g.* [Materials of the International Conference "Geoinformational Systems and Technologies in Historical Studies". September, 2015], 3–7. (In Russian)

Brjukhanova, E. A., & Vladimirov, V. N. (2015). *Kodirovanie istoricheskikh professij* [Coding of Historical Occupations]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian)

Campbell, C. (2012, June). Historical Demography. *California Center for Population Research. On-Line Working Paper Series*, p. 2–32.

Chernyakova, I. A. (2012a). Baza dannyx, sostavlennaja po arkhivnym dokumental'nym istochnikam massovogo kharaktera, kak sposob istoriko-demograficheskogo issledovanija sem'i i domokhoziajstva karel'skogo krest'ianstva XIX veka [Database Created on the Basis of Archival Mass Documents as a Way to Study Socio-Demographic Features of Families and Households of Karelian Peasants in the 19th Century]. In V. A. Baranov, & A. G. Varfolomejev (Eds.), *Informatsionnye tekhnologii i pis'mennoe nasledie. Materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii El'Manuscript–2012* [Information Technologies and Written Heritage. Materials of the 4th International Conference "El'Manuscript–2012"] (pp. 279–285). Petrozavodsk. (In Russian)

Chernyakova, I. A. (2012b). Local Karelian Parish Community as Object for Social and Demographic Research: Yalguba Area in the Context of XIXth Century Archival Quantitative Documentary

Sources. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Obshchestvennyye i gumanitarnye nauki*, 5, 30–35.

Chernyakova, I. A. (2012c). Parameters of Life and Death in Karelian Local Parish Community: Yalguba Area in the Context of 19th Century Archival Quantitative Documentary Sources. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Obshchestvennyye i gumanitarnye nauki*, Vol. 2, 7 (128), 26–30.

Dashinamzhilov, O. B. (2015). Rozhdaemost' v gorodakh Zapadnoj Sibiri v 1960–1970-e gg. [Birth Rate in West Siberian Cities between the 1960s and 1970s]. In V. A. Isupov (Ed.), *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri. Sbornik nauchnykh trudov* [Historical Demography Issues in Siberia. Collected Works] (Vol. 4, pp. 312–334). Novosibirsk. (In Russian)

Garskova, I. M. (2012). Istoricheskaja informatika kak professional'noe soobshchestvo: kontent-analiz polnotekstovoj bazy po materialam konferentsij 2000–2010 gg. [Historical Computer Science as a Professional Community: Content Analysis of the Full-text Database on the Basis of 2000–2010 Conferences Data]. *Istoricheskaja informatika*, 1, 44–53. (In Russian)

Glavatskaya, E. M. (2015). Religioznye soobshchestva i demograficheskie protsessy v materialakh tserkovnogo ucheta: metody statisticheskogo analiza [Religious Communities and Demographic Processes in Parish Records: Statistical Analysis Methods]. *Izvestia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2: Gumanitarnye nauki*, 4 (145), 262–270. (In Russian)

Glavatskaya, E. M., Torvaldsen, G., Borovik, Yu. V., & Zabolotnykh, A. A. (2015). Religioznye soobshchestva Ekaterinburga v kontse XIX — nachale XX vv.: opyt kartografirovaniya [Religious Communities of Yekaterinburg in the Late 19th — Early 20th Centuries: Mapping Practices]. *Informatsionnyj byulleten' assotsiatsii "Istorija i komp'yuter"*, 43. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii "Geoinformatsionnye sistemy i tekhnologii v istoricheskikh issledovaniyakh"*. Sentiabr' 2015 g. [Materials of the International Conference "Geoinformational Systems and Technologies in Historical Studies". September, 2015], 30–36. (In Russian)

Goncharov, Yu. M. (2002). *Gorodskaja sem'ja Sibiri vtoroj poloviny XIX — nachala XX v.* [Urban Family in Siberia in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian)

Gorbachev, O. V. (2014). Istoriko-demograficheskie bazy dannykh v kontekste evropejskikh komparativnykh issledovanij: proekt EHPS-NET [Historical and Demographic Databases in the Context of European Comparative Studies: Project EHPS-NET]. *Istoricheskaja informatika*, 2–3, 4–9. (In Russian)

Gorbachev, O. V. (2015). Migratsija naselenija v istoricheskom diskurse: vozmozhnosti i ogranichenija teoreticheskikh interpretatsij [Population Migration in the Historical Discourse: Opportunities and Limitations of Theoretical Interpretations]. In V. V. Alekseev (Ed.), *Chelovek v uslovijakh modernizatsii XVIII–XX vv. Vserossijskaja nauchnaja konferentsija s mezhdunarodnym uchastiem, sbornik nauchnykh statei* [People in Modernization Circumstances between the 18th and 20th Centuries. All-Russian Conference with International Participation, Collected Works] (pp. 42–48). Yekaterinburg: UrO RAN. (In Russian)

Hoch, S. L., Kashchenko, S., & Mizis, Yu. Project in Russian Population History, 1700–1917: Preliminary Results. In *Data Modelling, Modelling History. Abstracts of XI International Conference of the Association for History and Computing* (pp. 89–91).

Issledovatel'skaja laboratorija lokal'noj i mikroistorii Karelii [Research Laboratory for Local and Microhistory of Karelia]. Retrieved from <http://illmik.petsru.ru/illmik/Welcome.html>. (In Russian)

Isupov, V. A. (2015). Naselenie Sibiri v gody vojn i revoliutsij (1914–1922 gg.) [Siberian Population in Wartime and Revolutionary Years (1914–1922)]. In V. A. Isupov (Ed.), *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri. Sbornik nauchnykh trudov* [Issues of Siberian Historical Demography. Collected Works] (Vol. 4, pp. 78–111). Novosibirsk: Institut istorii SO RAN. (In Russian)

Ivonin, A. R. (2000). *Zapadnosibirskij gorod v poslednej chetverti XVIII — 60-kh gg. XIX v. (Opyt istoriko-demograficheskogo issledovaniya)* [West Siberian City between the Last Quarter of the 18th Century and the 1860s (A Historical and Demographic Study)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian)

Kanishchev, V. V. (2011). Klasternyj analiz demograficheskogo povedenija sel'skogo naselenija Evropejskoj Rossii v nachale XX v. i v nachale XXI v. K postanovke voprosa [Cluster Analysis of Demographic Behaviour of the European Russia Rural Population in the Early 20th – Early 21st Centuries. Statement of the Question]. *Ineternum*, 1–2, 43–55. (In Russian)

Kanishchev, V. V., Konchakov, R. B., & Mizis, Yu. A. (1999). Sootnoshenie kogortnogo i sploshnogo analiza demograficheskogo povedenija rossijskogo krest'ianstva XIX – nachala XX v. (po materialam prikhoda s. Malye Pupki Tambovskoj gubernii) [Comparison of Cohort and Mass Analysis of Russian Peasants' Demographic Behaviour in the 19th – Early 20th Centuries (Data of Malye Pupki Parish, Tambov Governorate)]. In *Sotsial'no-demograficheskaja istorija Rossii XIX–XX vv. Sovremennye metody issledovanija* [Socio-Demographic History of Russia in the 19th–20th Centuries. Modern Research Methods] (pp. 60–71). Tambov: Izd-vo Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)

Kashchenko, S. G. (2013). Izuchenie istoricheskoi demografii Rossijskoj imperii na kafedre istochnikovedenija istorii Rossii Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta [The Study of Historical Demography of the Russian Empire at the Russian History Source Study Department of Saint Petersburg State University]. *Informacionnyj bjulleten' assotsiatsii «Istorija i komp'juter»*, 41, 137–141. (In Russian)

Kashchenko, S. G., & Markova, M. A. (2013). *Naselenie uezdov stolichnoj gubernii v XVIII – pervoj polovine XIX veka. Istoriko-demograficheskie očerki* [Uyezd Population of the Capital Governorate in the 18th – First Half of the 19th Centuries. Historical and Demographic Essays]. Briansk: Kursiv. (In Russian)

Khabarova, O. V. (2008). Izuchenie spektra professij naselenija goroda Sevastopolia v XIX v. na osnove dannykh metriceskikh knig: metodika i obshchaja kharakteristika issledovanija [The Study of Stavropol Occupations in the 19th Century with Reference to Parish Registers Data: Methods and General Characteristic of the Study]. In V. N. Vladimirov, & M. H. D. van Leeuwen (Eds.), *Istoricheskoe professiovedenie: istochniki, metody, tekhnologii analiza: sb. statei* [Historical Occupation Studies: Sources, Methods and Techniques of Analysis: Collected Works] (pp. 182–212). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian)

Khabarova, O. V. (2009). *Evoljucija sotsial'no-demograficheskoi struktury naselenija g. Sevastopolia v XIX v.* [The Evolution of the Socio-Demographic Structure of Stavropol Population in the 19th Century] (doctoral dissertation abstract). Moscow. (In Russian)

Khabarova, O. V. (2013). Dinamika pokazatelej brachnogo povedenija zhitelej Sevastopolia v XIX v.: analiz bazy dannykh, sozdannoj po materialam metriceskikh knig [Marriage Behaviour Dynamics among Sevastopol Citizens in the 19th Century: Parish Register Database Analysis]. *Istoricheskaja informatika*, 2 (4), 86–100. (In Russian)

Knjazeva, E. E. (2004). *Metricheskie knigi Sankt-Peterburgskogo konsistorial'nogo okruga kak istochnik po istorii liuternskogo naselenija Rossijskoj imperii XVIII – nachala XX vv.* [Parish Register Books of Saint Petersburg Consistory Okrug as a Source on Lutheran Population History of the Russian Empire in the 18th – Early 20th Centuries] (doctoral dissertation abstract). Saint Petersburg. (In Russian)

Kok, J. (2006). Sources for the Historical Demography of The Netherlands in the 19th and Early 20th Centuries. In Y.-C. Chuang, T. Engelen, & A. P. Wolf (Eds.), *Positive or Preventive. Fertility Developments in Taiwan and the Netherlands, 1850–1950* (pp. 41–51). Amsterdam: Aksant.

Koldakov, D. V. (2011). Geoinformacionnye tekhnologii v izuchenii poselencheskoj seti Altaja v 1920-e gg. [Geoinformation Technologies in Altai in the 1920s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, 4, 11–14. (In Russian)

Konchakov, R. B. (2001). *Demograficheskoe povedenie krest'ianstva Tambovskoj gubernii v XIX – nachale XX v., novye metody issledovanija* [Demographic Behaviour of Tambov Governorate Peasants in the 19th – Early 20th Centuries] (doctoral dissertation abstract). Tambov. (In Russian)

Konchakov, R. B. (2014). Sezonnost' brakov v pristantsionnykh selakh: k voprosu izuchenija modernizatsii demograficheskogo povedenija krest'ianstva v 1860–1900 gg. [Wedding Season Dependence in Station Villages: Research Issue of Peasant Demographic Behaviour Modernization between 1860 and 1900]. *Sotsial'no-ekonomicheskie iavlenija i protsessy*, 1 (59), 136–142. (In Russian)

Korobeynikova, N. S. (2015). Dinamika razvodimosti v gorodakh Zapadnoj Sibiri v gody Vtoroj mirovoj vojny [Divorce Dynamics in West Siberian Cities during World War II]. In V. A. Isupov (Ed.), *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri. Sbornik nauchnykh trudov* [Issues of Historical Demography in Siberia. Collected Works] (Vol. 4, pp. 214–234). Novosibirsk: Institut istorii SO RAN. (In Russian)

Laboratorija sotsial'noj istorii Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta im. G. R. Derzhavina [Social History Laboratory of Tambov State University]. Retrieved from <http://www.2.letops.peterhost.ru/fcp/>. (In Russian)

Leeuwen, M. H. D. van, Maas, I., & Miles, A. (2002). *HISCO: Historical International Standard Classification of Occupations*. Leuven University Press.

Markova, M. A. (2005). *Pervichnye dokumenty po uchetu naselenija Sankt-Peterburgskoj gubernii v XVIII – pervoj polovine XIX vv. kak istoricheskij istochnik (metricheskie knigi, ispovednye rospisi, revizskie skazki)* [Primary Population Registration Documents of Saint Petersburg Governorate in the 18th – First Half of the 19th Centuries as a Historical Source (Parish Registers, Confession Lists, Census Records)] (doctoral dissertation abstract). Saint Petersburg. (In Russian)

Mazur, L. N., & Gorbachev, O. V. (2015). Vserossiiskaja partijnaja perepis' 1922–1924 gg. kak istochnik po istorii sem'i [All-Russia 1922–1924 Party Census as a Source of Family History]. In A. N. Dulov, & M. F. Rumianzeva (Eds.), *Aktual'nye problemy istochnikovedeniia. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Topical Source Studies Issues. Materials of the 3rd International Conference] (pp. 285–288). Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova. (In Russian)

McGeevor, S. (2014). How Well Did the 19 Century Census Record WOMEN'S 'Regular' Employment in England and Wales? A Case Study of Hertfordshire in 1851. *The History of the Family*, 19 (4), 489–512.

Meroño-Peñuela, A., Ashkpour, A., Rietveld, L., Hoekstra, R., & Schlobach, S. *Linked Humanities Data: The Next Frontier? A Case-study in Historical Census Data*. Retrieved from <http://ceur-ws.org/Vol-951/paper3.pdf>.

Mironov, B. N. (1990). *Russkij gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie* [Russian City in 1740–1860: Demographic, Social and Economic Development]. Leningrad: Nauka. (In Russian)

Mironov, B. N. (1999). *Sotsial'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII nachala XX v.)*. [Social History of Russia during the Empire Period (18th – Early 20th Centuries)] (Vols. 1–2). Saint Petersburg. (In Russian)

Mishina, E. M. (2014). Professional'nyj sostav repressirovannykh v 1935–1937 gg.: analiz bazy dannykh na osnove «knig pamiati» Altajskogo kraia s 1991 g. [Occupational Composition of the Repressed in 1935–1937: Database Analysis on the Basis of “Memory Books” of Altai Krai since 1991]. *Informacionnyj bjulleten' assotsiatsii «Istorija i komp'juter»*, 41. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii «Istorija professij v retrospektive: ot analiza istočnikov k tekhnologijam obrabotki dannykh»* [Materials of International Conference “History of Occupations in Retrospection: From Source Analysis to Database Processing”], 88–106. (In Russian)

Mizis, Yu. A. (1996). Rossijsko-amerikanskij seminar po istoricheskoi demografii Rossii [Russian-American Seminar on Russian Historical Demography]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*, 1, 103–105. (In Russian)

Morozova, E. A. (2003). *Osobennosti sotsial'no-demograficheskogo oblika naselenija torgovo-promyshlennogo sela v pervoj polovine XIX v. (na primere sela Rasskazovo Tambovskoj gubernii)* [Peculiarities of the Socio-Demographic Image of Population of a Trade and Industrial Village in the First Half of the 19th Century (with Reference to Rasskazovo Village of Tambov Governorate)] (doctoral dissertation abstract). Tambov. (In Russian)

Nauchnaja laboratorija «Mezhdunarodnyj tsentr demograficheskikh issledovanij» [Research Laboratory “International Center of Demographic Studies”]. Retrieved from <http://idun.urfu.ru/ru/o-laboratorii>. (In Russian)

Nezhentseva, N. V. (2012). Metodika raboty s agregirovannymi dannymi vseobshchej perepisi naselenija 1897 g. [1897 Census Aggregated Data Processing Methods]. *Informacionnyj bjulleten' assotsiatsii «Istorija i komp'juter»*, 38, 59–60. (In Russian)

Protasov, S. L. (1995). Nekotorye predvaritel'nye rezul'taty raboty nad rossijsko-gollandskim proektom «Integral'naja istorija na lokal'nom urovne» [Some Preliminary Results of Russian-Dutch Project "Integrated History at the Local Level"]. *Informatsionnyj bjulleten' assotsiatsii "Istorija i komp'juter"*, 14, 93–94. (In Russian)

Ruggles, S. (2012, April). The Future of Historical Family Demography. *The Annual Review of Sociology*, 38, 423–441.

Sagajdachnyj, A. N. (2000). *Demograficheskie protsessy v derevne Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka* [Demographic Processes in the Western Siberian Village in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN. (In Russian)

Sarafanov, D. E. (2007). Smertnost' naselenija v Barnaule v XIX v. [Death Rate in Barnaul in the 19th Century]. In *Migratsii i postmigratsionnye soobshchestva (Altaj — Kazakhstan, XIX–XX vv.)* [Migrations and Post-Migration Communities (Altai — Kazakhstan, 19th–20th Centuries)] (pp. 182–212). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian)

Sarafanov, D. E. (2011). Struktura naselenija Bijska v XIX v. (po dannym tserkovnogo i administrativnogo uchetov naselenija) [Biysk Population Structure in the 19th Century (Church and Administrative Population Registration Data)]. In *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri. Sbornik nauchnykh trudov* [Issues of Historical Demography of Siberia. Collected Works] (Vol. 2, pp. 69–90). Novosibirsk: Parallel'. (In Russian)

Sarafanov, D. E. (2015). Vnebrachnaja rozhdaemost' v Barnaule v XIX v. [Extramarital Birthrate in Barnaul in the 19th Century]. *Izvestia Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4/1 (88), 215–221. (In Russian)

Serdyuk, I. A. (2014). Detskaja smertnost' i tochnost' metricheskogo ucheta naselenija Getman-shchiny vo vtoroj polovine XVIII v. [Infant Mortality and Parish Registration Precision under Hetman in the Second Half of the 18th Century]. *Istoricheskaja demografija*, 1 (13), 14–19. (In Russian)

Shchetinina, A. S. (2007). *Bezhentsy na juge Zapadnoj Sibiri 1914–1923 gg.* [Refugees of the South of Western Siberia between 1914 and 1923] (doctoral dissertation abstract). Barnaul. (In Russian)

Skubnevskij, V. A. (2010). *Urbanizatsionnye protsessy v Sibiri vtoroj poloviny XIX — nachala XX v. Izbrannye stat'i* [Urbanization Processes in Siberia in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries. Selected Articles]. Barnaul: Izd-vo AltGU. (In Russian)

Skubnevskij, V. A., & Goncharov, Ju. M. (2003). *Goroda Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. Chast' I: Naselenie. Ekonomika* [Western Siberia Cities in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries. Part I: Population. Economy]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian)

Smirnova, S. S. (2002). *Demograficheskie protsessy v Olonetskoj gubernii v XIX-nachale XX vv. Opyt komp'juternogo analiza metricheskikh knig* [Demographic Processes of Olonets Governorate in the 19th — Early 20th Centuries. A Computer Analysis of Parish Registers] (doctoral dissertation abstract). Saint Petersburg. (In Russian)

Strekalova, N. V. (2003). *Sotsial'naja stratifikatsija i sotsial'naja mobil'nost' gorodskikh srednikh sloev v 1907–1917 gg. (na materialakh Tambova)* [Social Stratification and Social Mobility of the Urban Middle Class in 1907–1917 (Tambov Data)] (doctoral dissertation abstract). Tambov. (In Russian)

Strekalova, N. V. (2012). Sotsial'naja mobil'nost' gorodskikh srednikh sloev v period transformatsii rossijskogo obshchestva nachala XX v.: problemy i perspektivy issledovanija [Social Mobility of the Urban Middle Class during the Period of Russian Society Transformation in the Early 20th Century: Issues and Research Prospects]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*, 9, 320–327. (In Russian)

Suslova, E. D. (2011). Reconstruction of Karelian parish net in early modern time: an experience of database formation. *Informatsionnyj bjulleten' assotsiatsii «Istorija i komp'juter»*, 37. *Trudy mezhdunarodnoj konferentsii «Komp'juternye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovanijakh»*. (Petrozavodsk, Urozero, 11–16 ijunia 2011 g.) [Works of International Conference "Computer Technologies and Mathematical Methods in Historical Studies" (Petrozavodsk, Urozero, 11–16 June 2011)], 101–106. (In Russian)

Tematicheskij blok «Demografija» [Thematic Block «Demography»]. In *Dinamika ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiia Rossii v XIX – nachale XX v.* [Dynamics of Russia's Economic and Social Development in the 19th – Early 20th Centuries]. Retrieved from <http://www.hist.msu.ru/Dynamics/>. (In Russian)

Tsentr fraktal'nogo modelirovanija sotsial'nykh i politicheskikh protsessov [The Centre of Fractal Modeling of Social and Political Processes]. Retrieved from http://www.ineternum.ru/ineternum/aaa_fractal_centre/sotr.html. (In Russian)

Tverdiukova, E. D. (2001). *Administrativnye i tserkovnye istochniki po istorii narodonaselenija Novgorodskoj gubernii XIX – nachala XX vv. Opyt kompleksnogo analiza* [Administrative and Church Sources on Novgorod Governorate Population in the 19th – Early 20th Centuries. A Complex Analysis] (doctoral dissertation abstract). Saint Petersburg. (In Russian)

Valetov, T. Ya. (2015). Problemy kartograficheskogo otobrazhenija protsessa urbanizatsii (na primere Rossii/SSSR, 1897–1959 gg.) [The Problem of Cartographic Representation of the Urbanization Process (with Reference to Russia/the USSR, 1897–1959)]. *Informatsionnyj bjulleten' assotsiatsii «Istorija i komp'juter»*, 43. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii “Geoinformatsionnye sistemy i tekhnologii v istoricheskikh issledovanijakh”*. Sentiabr' 2015 g. [Materials of International Conference “Geoinformational Systems and Technologies in Historical Studies”. September, 2015], 16–21. (In Russian)

Valetov, T. Ya., & Volodin, A. Yu. (2014). Problema sopostavlenija raznykh vremennykh sloev v GIS (na primere dannykh o gorodskom naselenii Rossii v 1897–1959 gg.) [The Issue of Different Time Layers Comparison within GIS (with Reference to Russian Urban Population between 1897 and 1959)]. *Informatsionnyj bjulleten' assotsiatsii «Istorija i komp'juter»*, 42. *Spetsial'nyj vypusk. Materialy XIV konferentsii AIK. Moskva, 3–5 oktiabria 2014 g.* [Special Edition. Materials of the 14th History and Computer Association Conference. Moscow, 3–5 October, 2014], 137–138. Moscow. (In Russian)

Vinnik, M. V. (2010). Metricheskie knigi kak istochnik dlja izuchenija soslovno-professional'noj struktury naselenija g. Barnaula v poslednej treti XIX v. [Parish Registers as a Source of Estate and Occupational Structure Study in Barnaul in the Last Third of the 19th Century]. In V. V. Elizarov, & I. A. Troitskaya (Eds.), *Problemy narodonaselenija v zerkale istorii* [Population Issues in the History Mirror] (Vol. 2, pp. 80–87). Moscow: MAKS Press. (In Russian)

Vinnik, M. V. (2012). Kakoj dolzhna byt' ideal'naja demograficheskaja baza dannykh? [What Should an Ideal Demographic Data Base Be Like?]. *Demoskop*. Retrieved from <http://demoscope.ru/weekly/2012/0533/analit06.php>. (In Russian)

Vishniakova, D. V. (2012). Matrimonial'noe povedenie naselenija evropeiskogo Severo-vostoka Rossii v XIX – nachale XX v.: gendernye kharakteristiki [Matrimonial Behavior in European North-East Russia in the 19th – Early 20th Centuries: Gender Characteristics]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 6–1, 62–66. (In Russian)

Vishniakova, D. V., & Semenov, V. A. (2010). Brachnost' naselenija evropeiskogo severo-vostoka Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Marriage in European North-East Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*, 4, 87–93. (In Russian)

Vladimirov, V. N. (Ed.). (2004). *Istoricheskoe professiovedenie: sb. nauch. tr.* [Historical Occupation Studies: Collected Works]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta. (In Russian)

Vladimirov, V. N. (2005). *Istoricheskaja geoinformatika: geoinformatsionnye sistemy v istoricheskikh issledovanijakh* [Historical Geoinformatics: Geoinformation Systems in Historical Studies]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian)

Vladimirov, V. N., & Leeuwen, M. H. D. van (Eds.). (2008). *Istoricheskoe professiovedenie: istochniki, metody, tekhnologii analiza* [Historical Occupation Studies: Sources, Methods, Analysis Technologies]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian)

Vladimirov, V. N., & Leeuwen, M. H. D. van (Eds.). (2009). *Istoricheskoe professiovedenie: sozdanie HISCO i issledovanija professional'noj i sotsial'noj mobil'nosti* [Historical Occupation Studies: Creation of HISCO and Occupational and Social Mobility Studies]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian)

Vladimirov, V. N., & Leeuwen, M. H. D. van (Eds.). (2012). *Istoricheskoe professiovedenie: professija, kar'era, sotsial'naja mobil'nost'* [Historical Occupation Studies: Occupation, Career, Social Mobility]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian)

Vladimirov, V. N., & Rygalova, M. V. (2014). Zarubezhnaja istoriografija o problemakh i perspektivakh primeneniya geoinformatsionnykh sistem v istoricheskikh issledovanijakh [Foreign Historiography on the Issues and Prospects of Geoinformation Systems Application in Historical Studies]. *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Istorija*, 3 (26), 99–106. (In Russian)

Vladimirov, V. N., & Sarafanov, D. E. (2013a). *Informatsionnye tekhnologii v izuchenii metricheskikh knig (naselenie Barnaula v kontse XVIII – nachale XX v.)* [Information Technologies in Parish Register Studies (Barnaul Population in the Late 18th – Early 20th Centuries)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian)

Vladimirov, V. N., & Sarafanov, D. E. (2013b). Soslovnij «portret» brachujushchikhsia v Pokrovskom prikhode Barnaula v poslednej chetverti XIX v.: analiz bazy dannykh po materialam metricheskikh knig [Class “Portrait” of the Marriage Partners in Pokrov Parish of Barnaul in the Last Quarter of the 19th Century: Database Analysis on the Basis of Parish Registers]. In *Krug idej: bazy dannykh v istoricheskikh issledovanijakh* [The Circle of Ideas: Databases in Historical Research] (pp. 72–91). Barnaul: Azbuka. (In Russian)

Vladimirov, V. N., & Sarafanov, D. E. (2013c). Sotsial'no-demograficheskoe razvitie naselenija Altaja v XIX – nachale XX vv.: metodologicheskie i metodicheskie aspekty issledovanija [Sociodemographic Development of Altai Population in the 19th – Early 20th Centuries: Methodological and Methodical Research Aspects]. *Vestnik altajskoj nauki*, 1, 74–77. (In Russian)

Vladimirov, V. N., & Sarafanov, D. E., & Shchetinina, A. S. (2015). K istokam «novoj istoricheskoj demografii»: ot formy k sodержaniju [On the Origins of “New Historical Demography”: From the Form to the Content]. *Izvestiia Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4/2 (88), 38–42. (In Russian)

Vladimirov, V. N., & Shchetinina, A. S. (2014). Social Science History: momenty istorii [Social Science History: Moments of History]. *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Istorija*, 4 (27), 7–14. (In Russian)

Vladimirov, V. N., & Silina, I. G. (2006). Geoinformatsionnye tekhnologii v izuchenii migratsii [Geoinformation Technologies in Migration Studies]. *Informatsionnyj bjulleten' assotsiatsii “Istorija i komp'juter”*, 34, 89–90. (In Russian)

Vladimirov, V. N., Silina, I. G., & Chibisov, M. E. (2006). *Prihody Barnaul'skogo Dukhovnogo Pravenija v 1829–1864 godakh (po materialam klirovnykh vedomostej)* [Barnaul Parishes in 1829–1864 (with Reference to Clerical Lists Data)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian)

Zherebtsov, I. L., & Ignatova, N. M. (2015a). Istoriko-demograficheskim nauchnym forumam v Syktyvkare – 10 let [Historical and Demographic Science Forums in Syktyvkcar Turn 10]. *Istoricheskaja demografija*, 1 (15), 73–75. (In Russian)

Zherebtsov, I. L., & Ignatova, N. M. (2015b). Zhurnal «Istoricheskaja demografija» v 2008–2014 gg. (obzor) [Historical Demography Journal in 2008–2014 (Review)]. *Istoricheskaja demografija*, 1 (15), 67–70. (In Russian)

Zhirov, N. A. (2012). *Demograficheskaja istorii Orlovskoj gubernii v nachale XX v.* [Demographic History of Oryol Governorate in the Early 20th Century] (doctoral dissertation abstract). Tambov. (In Russian)

Zhukov, D., Kanishchev, V., & Lyamin, S. (2013). Fractal Modeling of Historical Demographic Processes. *Historical Social Research*, 38, 2, 271–287.

Zhukov, D. S., Kanishchev, V. V., & Lyamin, S. K. (2014). Vozmozhnosti ispol'zovanija teorii samoorganizovannoj kritichnosti v izuchenii demograficheskikh protsessov v rossijskom pozdnem agrarnom obshchestve [The Use of Self-Organized Criticality in the Study Demographic Processes in Russian Late Agrarian Society]. *Istoricheskaja informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovanijakh i obrazovanii*, 1 (7), 70–91. (In Russian)

Zverev Vladimir Aleksandrovič: *biobibliograficheskij ukazatel* [Zverev Vladimir Aleksandrovič: Biobibliographic Index]. (2015). Novosibirsk: NGPU. (In Russian)

Received 28 June 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.043
УДК 94(470.41-25) + 272/273 + 314.02 +
+ 930.2

Артур Горак
Университет Марии Кюри-Склодовской
Люблин, Польша

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ КАТОЛИЧЕСКОГО ПРИХОДА В КАЗАНИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В статье изучаются метрические книги казанского католического прихода до-революционного периода. Казань была центром католической церкви для всей территории Среднего Поволжья, Прикамья и Урала. Поэтому метрические книги охватывают большую территорию и содержат социальные характеристики многочисленных прихожан католической общины, в которую входили профессора и студенты Императорского университета, офицеры и чиновники, мещане, а также пленные и ссыльные. В статье рассматриваются история формирования прихода и динамика численности прихожан. Книги позволяют охарактеризовать изменения социального облика прихожан в период Первой мировой войны в связи с увеличением количества католиков за счет пленных и беженцев.

В статье приведена характеристика шести метрических книг, сохранившихся в Национальном архиве Республики Татарстан. В четырех книгах содержатся сведения о крещениях, а в двух — о погребениях. Для учета браков велись дела, а не книги. Одна из самых ценных книг находится в фонде № 709 (Казанская римско-католическая церковь), в ней содержатся записи о крещенных в 1849–1863 гг. Остальные книги включены в фонд № 4 (Православные и магометанские приходы). Большое внимание уделено анализу формуляра книг о родившихся и умерших. Помимо метрических книг рассматриваются другие документы, составляемые приходом, в частности протоколы предбрачных экзаменов.

На основе анализа записей о рождениях и смертях проведен анализ основных демографических процессов и отмечены факторы, влияющие на динамику рождаемости и смертности. Автор отмечает, что, учитывая небольшое число записей в метрических книгах, одного лишь количественного анализа недостаточно, требуется использование методов качественного анализа, которые в этом случае могут быть более эффективными.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Российская империя; католическая церковь; метрические книги; Казань.

Общая для XIX в. тенденция состоит в увеличении количества документов. Однако этот рост не был решающим фактором, повлиявшим на исчезновение прописных книг, уступивших место делам и фасцикулам¹. Не менее значимым оказался рост объемов корреспонденции, который способствовал появлению журналов регистрации входящих актов, а впоследствии привел к формированию дел, в которых акты были систематизированы по содержанию и пронумерованы.

¹ В отличие от дел, фасцикулы не сшивались (лат. *fascio* 'связка').

Еще одним важным фактором так называемой модернизации канцелярии церкви стало законотворческое и административное воздействие. Это влияние, однако, не носило системного характера. Иногда государственная власть регламентировала и унифицировала форму книг, поднимала их значение вплоть до придания официального статуса. Так случилось с метрическими книгами приходов.

Конечно, метрические книги были введены гораздо раньше, чем они появились в России. Их использование опиралось на канонический закон католической церкви, но в XIX в. государство наделило настоятелей дополнительными полномочиями гражданских чиновников и определило унифицированную структуру формуляра метрических книг. Выписки из этих книг имели статус удостоверения личности. Как правило, существовало три вида книг:

- 1) крещеных (*libri baptisatorum*) или рожденных (*libri natorum*);
- 2) сочетавшихся браком (*libri matrimoniorum* или *copulatorum*);
- 3) умерших (*libri mortuorum* или *defunctorum*) либо похороненных (*libri sepultorum*) [Kufel, s. 49–59].

Ведение таких книг на территории Российской империи было возложено на настоятелей приходов и куратов [ПСЗРИ, собр. 1, т. 28, № 21467].

Необходимо подчеркнуть, что первым центром католической церкви для всей территории Среднего Поволжья, Прикамья и Урала была Казань [Хариотонова, с. 52]. Город был центром IV округа Отдельного корпуса внутренней стражи, в состав которого входили несколько губерний: Вятская, Казанская, Нижегородская, Пермская и Симбирская, а также расположенные там полки (Нижегородский № 19, 1-й Казанский 20, 2-й Казанский 21, Симбирский 22, Вятский 23, Пермский 24) [ПСЗРИ, собр. 2, т. 4, № 3199]. С этим обстоятельством было связано присутствие пленных; кроме того, во второй половине XIX в. в Королевстве Польском была введена рекрутская повинность, и поэтому многие поляки оказались в отрядах, дислоцированных в Казанском округе. После Польского восстания 1830–1831 гг. в Казани насчитывалось несколько сотен польских солдат и офицеров [Липаков, Нугманова, с. 14]. Увеличение численности католиков происходило также во время Первой мировой войны за счет пленных (поляков из Австро-Венгрии и Пруссии), а также изгнанников и беженцев (эти две категории необходимо различать) из западных частей империи [Суржикова]. Центрами притяжения для католиков (профессоров и студентов) были Казанский университет и другие учреждения Казанского учебного округа [см.: Шофман; Рузевич; Биографический словарь; Суynczuk; Гатилова; Гильмутдинова]. Кроме того, численность католиков пополнялась за счет военных и чиновников гражданской службы [см.: Горизонтов].

В 1830-е гг. численность католиков в армии настолько выросла, что это привело к появлению должности римско-католических военных священников (капелланов) при округах внутренней стражи. Они занимались приведением к присяге нижних чинов, а также исполнением их духовных треб. Должность была учреждена приказом Военного министерства от 29 июля 1833 г. Военные капелланы Казани должны были подчиняться начальству IV округа отдельного

корпуса внутренней стражи и получать жалование из казны. При этом они могли исполнять духовные требы всех лиц проживающих в губерниях, входивших в состав IV округа [Машковцев]. Это объясняет причины влиятельности казанского капеллана и прихода, в который входили Нижегородская, Вятская, Казанская, Пермская, Пензенская, Саратовская и Симбирская губернии, а также выделенная в 1850 г. из последней Самарская. Даже включение Саратовской губернии в Тираспольскую епархию не отменило полномочий казанского капеллана, и не только в отношении военных и пленных. Права капелланов были подтверждены императорским указом от 12 апреля 1835 г., по которому дозволялось «Римско-Католическим священникам и причетникам их, назначенным в округа Корпуса Внутренней Стражи, для исправления духовных треб нижним польским чинам, пользоваться обывательскими квартирами на том же основании, как оными пользуются полковые священники православного исповедания, возложив на начальство Внутренней Стражи, каждый раз, давать знать местным полициям о времени их прибытия» [ПСЗРИ, собр. 2, т. 10, № 8050].

Важным для организации прихода был указ от 21 марта 1836 г. Он был продиктован сомнениями, возникшими в Олонецкой губернии при исполнении предыдущего указа об отводе квартир римско-католическим священникам и их причетникам. Надо было разъяснить, следовало ли специально отводить помещения для римско-католической церкви. Ответ был положительным: дозволено «для имеющихся при внутренних гарнизонных батальонах Римско-Католических церквей... отводить в натуре, или нанимать квартиры на общих, существующих по тому или другому городу, на счет отправления квартирной повинности, правилах» [Там же, т. 11, № 900418]. Вплоть до 1884 г. в Казанский приход официально входили все губернии Казанского военного округа. При учреждении храмов или приходов в других городах священники этих приходов отчитывались перед казанским куратором, а местные власти продолжали каждый год аккуратно составлять списки католиков и отсылать в Казань (рис. 1).

До середины XIX в. все католики в губерниях Российской империи, кроме территории бывшей Речи Посполитой, входили в состав Могилевской епархии. Подписанный 3 августа 1847 г. конкордат позволил учредить Тираспольскую епархию со столицей в Херсоне. Эта епархия также входила в состав Могилевской архиепархии. Такое положение утвердил папа Пий IX буллой *Universalis Ecclesiae cura* от 3 июля 1848 г. После протестов представителей православной церкви столица этой епархии 6 августа 1852 г. была перенесена в г. Тирасполь, а потом в Саратов [Шостак].

Основным источником при изучении католических общин являются метрические книги приходов. Важным шагом в регламентации формуляра книг в России было введение 7 мая 1806 г. печатных книг [ПСЗРИ, собр. 1, т. 29, № 2211823]. Образец представлял собой одну книгу, разделенную на три части, которые включали сведения о родившихся, о сочетающихся браком и об умерших. Книга имела вид таблицы. В последующих указах содержались уточнения (см., напр., указ от 1838 г. [ПСЗРИ, собр. 2, т. 13, № 10956]). Примерно

Рис. 1. Часть карты г. Казань от 1887 г.
с обозначением католического костела и кладбища

с середины века начинается практика ведения трех отдельных книг, сформированных и скрепленных печатью в консистории, а потом передаваемых в приход [ПСЗРИ, собр. 2, т. 41, № 43773]. Первоначально книги велись на латыни, а потом на русском языке [см.: Новиков].

Следующим этапом в регламентации формуляра этих книг был циркуляр римско-католической духовной консистории «О доставлении в приходы книг о крещении, бракосочетании и погребении» от 29 ноября 1849 г. Им было предписано разослать новые метрические книги, в которые «аккуратно записывались бы на русском диалекте на сей год и в последующие времена — метрики». В 1849 г. каждый приход получил по три русскоязычные книги — о крещении, бракосочетании и погребении [см.: Лиценбергер, Ерина].

Не стал исключением и казанский католический приход. Книги прихода содержат записи за период с 1849 по 1917 гг. Имеющиеся в Казани книги являются частью объемного массива (12 книг за 1899–1915 гг. хранятся в Петербурге) [ЦГИА, ф. 2291, оп. 1, д. 8, 29, 37, 53, 89, 96, 115, 141, 176, 317, 388, 401] и разнообразны по содержанию. В четырех книгах содержатся сведения о крещениях, а в двух — о погребениях (см. табл. 1). Интересно, что для учета браков велись дела, а не книги.

Таблица 1

*Метрические книги католических приходов,
хранящиеся в Национальном архиве Республики Татарстан**

№ п/п	Заглавие	Даты	Состав	Язык
1.	Книга / Метрика Крещаемых / Казанской Римско-Католической / Церкви / с 1849. года по 1863 год	1849– 1863	книга, 146 л. Ф. 709, оп. 9, № 2	рус.
2.	Книга / о погребении за 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854, 1855, 1856 / Умерших Католиков Римско-Католической Казанской Церкви с 1849 года по 1869 г.	1849– 1868	книга, 70 л.; Ф. 4, оп. 181, № 2	рус.
3.	Метрическая книга о родившихся римско-католического испов. 1863 до 1875 года	1863– 1875	книга, 173 л.; Ф. 4, оп. 181, № 3	рус.
4.	Метрическая книга о родившихся римско-католического [карандашом написано — 1875 год, 1876] с 1877 до 1889	1875– 1884	книга, 90 л.; Ф. 4, оп. 181, № 4	рус.
5.	Книга о родившихся за 1890–1917 гг.	1890– 1915	книга, 151 л.; Ф. 4, оп. 181, № 5	рус.
6.	Метрическая книга умерших римско-католического казанского прихода	1892– 1917	книга, 202 л.; Ф. 4, оп. 181, № 6	рус.

* Перечень приводится по: [Горак].

Книги хранятся в Национальном архиве Республики Татарстан. Одна из самых ценных книг находится в фонде № 709 (Казанская римско-католическая церковь). Это книга с записями крещенных в 1849–1863 гг. Остальные книги включены в фонд № 4 (Православные и магометанские приходы), что сильно затрудняет доступ к ним.

Обратим внимание на две первые книги. Наиболее старой является указанная под № 1. Записи начинаются с 1849 г.; в начале помещена печатная «Форма для записывания крестных метрик» (табл. 2).

В заголовке первой печатной страницы написано: «получено 20 Декабря 1848 г.». Видны следы шнурования, хотя самих шнуров уже нет. После записей 1850 г. находим следующую информацию: «Из сей книги за 1850 год отослана выпись в одном экземпляре за № 2 в Коллегию, а другая за № 3 г-ну Декану [московскому] 3 Января 1851 года Ксендз Остиян Галимский». В следующих годах вторая «выпись» послана уже не декану, а в Могилевскую католическую духовную консисторию.

Записи на странице 22 об. «Драверт» и 23 «Пеньковский» имеют тот же номер 3. Вторая запись касалась рождения в ноябре прошедшего года, и, видимо, ксендз не знал, как надо записать этот факт. Наверно, поэтому он попытался заново перечислить записи с 1850 г. По отношению к последующей записи о рождении под № 8 от 8 ноября 1859 г. таких сомнений у него уже не было.

Таблица 2

Метрическая книга [Могилевской] Римско-Католической Приходской Церкви
за 18... год

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ О РОДИВШИХСЯ							
Фамилия родителей (чей ребенок). Членовских, Крестинских и т. п.	№	Число		Когда? где? кто? и кем? одною ли водою или со всеми обрядами таинства окрещен	Каких родителей и где, т. е. в каком приходе родился крещаемый	Кто были по имени и прозванию восприемники при Св. Крещении и кто присутствовал	Рукприкладство свидетелей записи по желанию
		рождения	крещения				
				Январь тысяча восемьсот двадцать седьмого года Января первого дня [в Могилевской] приходской римско-католической Церкви, окрещен младенец по имени Н, подобным отцем Н Настоятелем или Викарием оной Н Черкви, с совершением всех обрядов таинства	Благородных [или мещан или крестьян] Ивана и Анастасии, урожденной Вернецкой Крестинских, законных супругов сын или дочь, родившийся или родившаяся прошлаго тысяча восемьсот двадцат шестого года Декабря 21 дня, поутру или около полудня или вечером [тогож прихода в городе Н] или в мызе Н или в деревне Н	Восприемниками были: Дворянин [или мещанин или крестьянин] Н с девицею Н или вдовою Н или супругою дворянина Н в присутствии дворянина Н и девицы Н или вдовы Н или жены дворянина Н	Отец рожденного купец Петр Власов Урусов, мать рожденного Марья Петрова, восприемник купец Яков Терентьев подписываются свидетели (такие то)

В книге имеется несколько внесенных в книгу метрик из Симбирска, полученных от кс. Фульгентия Лясковского. Есть записи и из других отдаленных местностей. Количество записей о крещении в последующие годы было от 10 до 25 (1849 г. – 16, 1850 г. – 23, 1851 г. – 14, 1852 г. – 10, 1853 г. – 25, 1854 г. – 13, 1855 г. – 21, 1856 г. – 14, 1857 г. – 12, 1858 г. – 25, 1859 г. – 21, 1860 г. – 18, 1861 г. – 24, 1862 г. – 24, 1863 г. – 12) (рис. 2).

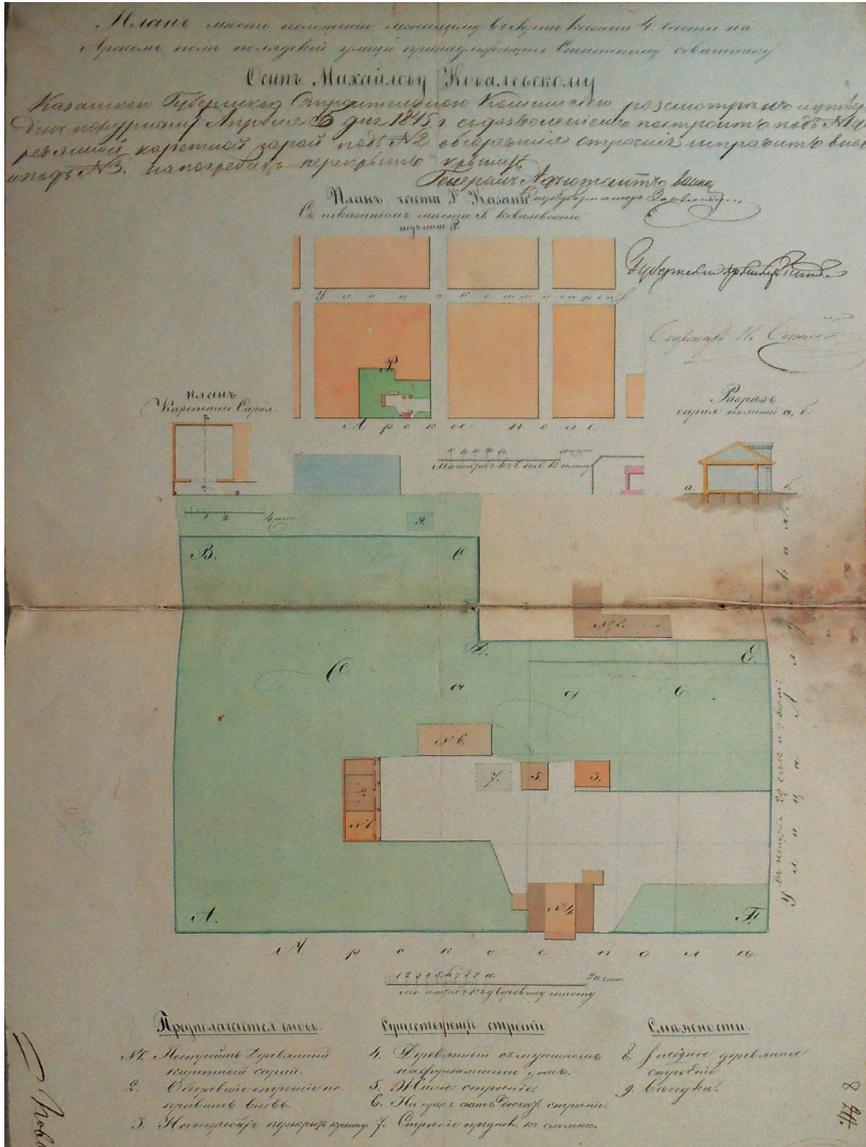

Рис. 2. План размещения участка, на котором построен костел, и его застройка в 1845 г. [НА РТ, ф. 709, оп. 5, д. 1]

Книга имела дальнейшую историю. В приходском архиве она была обнаружена в 1876 г. уже без шнуров. Книга была представлена для проверки в консисторию. Там книгу сравнили с экземпляром, хранившимся в архиве, и оказалось, что в экземпляре нет записей, внесенных на основании метрик из Симбирска. По приказу Консistorии, «так как подлинная метрическая книга Казанского костела о родившихся с 1849 по 1864 год, веденная Куратом онаго костела, по рассмотрении Консistorиею оказалась никакому сомнению не подлежащею, то Консistorия полагает вписанныя в оную, но незаписанныя в Экстрактах тридцать девять Статей метрик признать правильными и никакому сомнению не подлежащими, о чем в книге сделать надлежащую надпись и оную внов продев шнуром и скрепив печатью возвратить Курату Казанского костела; список же с упомянутых статей метрик за разные годы и по надлежащем подписании членами Консistorии препроводив при указе Архивариусу Консistorии для приобщения к Экстрактам Казанского костела...» [НА РТ, ф. 709, оп. 9, д. 2, л. 144–146].

Вторая, самая старая книга Католического Казанского прихода была посвящена умершим. В ее начале также помещен формуляр (табл. 3).

Таблица 3

Метрическая Книга [Могилевской] Римско-Католической Приходской Церкви за 18... год

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ О УМЕРШИХ

Фамилия	№	Число смерти	Лет от роду	Когда? где? кто? от какой болезни или по какому случаю умер? был ли причащен Св. таин.	Какого был состояния и звания? сколько жил, из какого прихода и кого оставил детей	Каким именно Священником, когда и где похоронен
				1846 года Декабря 28 дня в деревне, или местечке Н скончался Председатель поветового земского суда [или мещан или крестьян] Матвей Вспаняловский, от горячки, был причащен Св. таин.	Оставшиися вдовою Марьянне урожденной Прумповицкой муж имевший от роду 60 лет, оной Н Черкви прихожанин, оставил после себя двух сыновей Станислава и Фадея и доч Софию	Тело его Катедральный Каноник Н или Преподобный Н Настоятель Н Церкви, месяца и дня Н сего года по законному дозволению в гробе предков его в храме Н внес и там похоронил

В этой книге сохранился шнур. В нее вписано немало метрик за разные годы, привезенных из Симбирска. В последующие годы умерших было: 1849 г. — 6; 1850 г. — 13; 1851 г. — 11; 1852 г. — 15; 1853 г. — 14; 1854 г. — 9; 1855 г. — 25; 1856 г. — 17; 1857 г. — 4; 1858 г. — 4; 1859 г. — 7; 1860 г. — 5; 1861 г. — 21; 1862 г. — 9; 1863 г. — 27; 1864–1868 гг. — 91 человек. Кроме высокой смертности детей, с 1863 г. (с начала январского восстания) растет количество смертей молодых мужчин и детей, а также девушек: «политических преступников», «арестантов». Их тела присылали из тюрьмы или пересыльного каземата. В каземате указывали лишь имена умерших без фамилий.

Следующим интересным периодом в истории католиков в Российской империи было начало XX в. Репрессии властей смягчились, Указ от 17 (30) апреля 1905 г. давал возможность перехода из православия в католичество, что имело значение для бывших греко-католиков и для детей от смешанных межконфессиональных браков [Верг, с. 447–475; Szabaciuk]. В Казани сохранились две книги этого периода: книга о родившихся за 1890–1915 гг. [НА РТ, ф. 4, оп. 181, д. 5] и метрическая книга умерших римско-католического казанского прихода (1892–1917) [Там же, д. 6].

Рост числа крещеных после 1905 г. был незначительным: 1903 г. — 20; 1904 г. — 14; 1905 г. — 23; 1906 г. — 21; 1907 г. — 17; 1908 г. — 26 человек. Неожиданно на с. 121 помещен добавочный список за 1905 г., в котором перечислено 26 лиц. Была ли это попытка скрыть информацию или она, как и на полвека раньше, с опозданием пришла из провинции? В то же время количество умерших практически не меняется: 1903 г. — 21; 1904 г. — 15; 1905 г. — 18; 1906 г. — 21; 1907 г. — 17; 1908 г. — 13; 1909 г. — 16 человек.

Если первоначально на территории Казанского прихода разрешение на переход в католичество не отразилось так сильно, как на землях бывшей Речи Посполитой, то позднее перемены стали заметнее. В 1915 г. было крещено 61 лицо, похоронено 398, а в 1916 г. уже 432. Для сравнения, в 1914 г. умерших было только 36 человек. Рост числа католиков (пленных, выселенных и беженцев) наблюдается в начале Первой мировой войны.

В Национальном архиве Республики Татарстан отсутствуют книги браков. Сохранились лишь «Протоколы предбрачных экзаменов» за 1880–1882 гг. [НА РТ, ф. 709, оп. 41, д. 1]. Формуляр протокола, кроме заглавия, включал 12 вопросов, с правой стороны листа было оставлено место для ответов (табл. 4). Ниже размещены реквизиты для подписей экзаменуемых, двух свидетелей и священника. Предполагалось, что заверять документ должен был казанский курат (название должности напечатано в самом конце, перед его предполагаемой подписью); должность также указывалась перед подписью священника (например, викарий, священник или курат). По итогам экзамена составлялись два протокола под одним и тем же номером, распечатанных на двух сторонах листа. На первой странице размещался протокол с ответами мужчины, на втором — женщины. Судя по количеству протоколов, браков было мало: в 1880 г. — 3, в 1881 г. — 8, и в 1882 г. — 3 протокола.

Таблица 4

*Предбрачный экзамен, составленный 1180 года ... дня при вступлении в брак
[ФИО] с [ФИО]*

Вопросы	Ответы
1. Как Ваше имя и фамилия, а также имена родителей?	
2. Откуда родом? с пояснением места рождения, прихода, уезда и губернии	
3. Сколько считаете себе от роду лет, согласно метрическому удостоверению?	
4. Какого вероисповедания?	
5. Какого состояния, по происхождению?	
6. С какого времени проживаете в этом приходе, с обозначением места жительства?	
7. Не состоите ли уже в супружестве?	
8. Добровольно ли и по собственному ли своему желанию вступаете в сей брак?	
9. С ведома ли родителей, опекунов или родственников?	
10. Не делали ли обетов жить в целомудрии или поступить в монашество?	
11. Не делали ли обручения с другим каким лицом и когда?	
12. Не состоите ли между собою в родстве или свойстве по крови, а также в родстве и свойстве духовном?	

Что на таковые вопросы истинно и по совести отвечали, в том собственноручною подписью удостоверяем...

О точности такого экзамена мы, присутствовавшие при оном свидетели, ручаясь под ответственностию, собственноручными подписями удостоверяем...

Настоящий акт, при мне составленный и подписанный собственноручно.
Казанский Курат...

В заключение следует подчеркнуть несколько моментов. Структура и информация метрических книг уже изучены. Они используются, главным образом, для составления генеалогий, биографических исследований, статистического анализа (просопография). В этом отношении казанские католические метрические книги имеют особое значение, поскольку охватывают обширные территории прихода и отражают социально-профессиональную структуру и деятельность католиков. Учитывая небольшой объем записей, использование статистического анализа для их изучения нецелесообразно. Более эффективным представляется применение традиционных методов исследования.

Метрические книги сравнительно небольших общин можно исследовать в следующих режимах:

1. История католиков и католической общины (общин) на данной территории.
2. Причины присутствия и положение отдельных категорий лиц католического исповедания, социальная структура католического общества.
3. Значение вероисповедания в их жизни.
4. Биографии выдающихся личностей.

5. Организационные основы деятельности прихода и священников.
6. Материальные памятники: здания, кладбище...
7. Общественные институты: школы, приюты, общества.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904 гг.): факультеты юридический и медицинский, преподаватели искусств и добавления справочного характера : в 2 ч. / под ред. Н. П. Загоскина. Казань : Типолит. Имп. ун-та, 1904.

Верт П. Трудный путь к католицизму. Вероисповедная принадлежность и гражданское состояние после 1905 г. // *Lietuviu kataliku mokslo akademijos metraštis*. Т. 26. 2005. С. 447–476.

Гатилова А. В. Научные династии польских профессоров и преподавателей в Казанском Императорском университете // *Вестн. КГУКИ*. № 3. Казань, 2011. С. 94–99.

Гильмутдинова О. М. Петр Зейфман — первый директор Казанского Ветеринарного Института // *Польские профессора и студенты в университетах России (XIX — начало XX вв.)* : материалы конф. в Казани 13–15 октября 1993 г. / редкол. Ю. Бардах и др. Варшава : Комиссия историков России и Польши РАН и ПАН, 1995. С. 117–122.

Горак А. Г. Списки католиков Пермской губернии в XIX веке // *Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII — начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири* / под ред. С. А. Мулиной, А. А. Криха, Я. Легець. Омск : Полиграф. центр КАН, 2015. С. 234–248.

Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М. : Индрик, 1999.

Липаков Е. В., Нугманова Г. Г. История католического прихода в Казани : историко-архивные исследования. Казань : Акад. наук Респ. Татарстан, 1997.

Лиценбергер О. А., Ерина Е. М. Аннотированная опись дел Коллекции документов римско-католических церквей (1789–1934 гг.). Государственный исторический архив немцев Поволжья. Саратов : МарК, 2009.

Машковцев А. А. Католические военные капелланы Казани в 60–90-х годах XIX века [Электронный ресурс] // *Армия и общество*. URL: <http://history.milportal.ru/2012/12/katolicheskie-kepallany-kaz> (дата обращения: 26.06.2016).

Новиков Л. П. Метрики (общие акты состояний) у православных (по ведомствам епархиальному и военно-духовному), инославных, старообрядцев, сектантов, евреев, караимов и магометан акты гражданского состояния в Царстве Польском. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1907.

НА РТ. Ф. 4 «Православные и магометанские приходы». Оп. 181. Д. 5, 6; Ф. 709. Оп. 5. Д. 1. Купчая крепости на землю, приобретенную под постройку Церкви, а также планы прежних владельцев земли; Оп. 9. Д. 2; Оп. 41. Д. 1.

ПСЗРИ — Полное собрание Законов Российской Империи. Собр. 1. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830; Собр. 2. 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 гг. СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830–1885.

Рузевич Е. Поляки в университете и ветеринарном институте Казани // *Польские профессора и студенты в университетах России (XIX — начало XX вв.)* : материалы конф. в Казани 13–15 октября 1993 г. / редкол. Ю. Бардах и др. Варшава : Комиссия историков России и Польши РАН и ПАН, 1995. С. 69–74.

Суржикова Н. В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М. : Полит. энциклопедия, 2014.

Харитонова А. Д. Ссыльные поляки в Кунгуре // *Пермская губерния: история, политика, культура, современность (к 200-летию образования губернии)* : тез. докл. межрегион. науч.-практ. конф., (г. Кунгур, 28 февр. — 1 марта 1997 г.). Кунгур, 1997. С. 52–53.

Шостак І. Особливості розвитку відносин між Російською імперією та Ватиканом протягом першої половини XIX століття // Наук. зап. Сер. «Історичні науки». Вип. 20. 2013. С. 202–206.

Шофман А. С. Казанский университет и польский просветитель Ян Верниковский // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX — начало XX вв.) : материалы конф. в Казани 13–15 октября 1993 г. / редкол. Ю. Бардах и др. Варшава : Комиссия историков России и Польши РАН и ПАН, 1995. С. 75–80.

ЦГИА. Ф. 2291. Оп. 1. Д. 8, 29, 37, 53, 89, 96, 115, 141, 176, 317, 388, 401.

Cyunczuk R. Polska profesura w przestrzeni intelektualnej Cesarskiego Uniwersytetu Kazańskiego (1820–1870) // Myślą i słowem. Polsko-rosyjski dyskurs ideowy XIX wieku / pod red. Ł. Adamskiego i Sł. Dębskiego ; Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia. Warszawa : Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2014. S. 425–452.

Kufel R. R. Kancelaria, registratura i archiwum parafialne na ziemiach polskich od XII do początku XXI wieku. Zielona Góra : Księgarnia Akademicka, 2005.

Szabaciuk A. „Rosyjski Ulster”: kwestia chełmska w polityce imperialnej Rosji wobec Królestwa Polskiego w latach 1863–1915. Lublin : Wydawn. KUL ; Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2013.

Статья поступила в редакцию 19.06.2016 г.

Горак Артур

доктор PhD, адъюнкт кафедры архивоведения
Университет Марии Кюри-Склодовской
Люблин, Польша
pl. Marii Curie-Skłodowskiej 5, 20-031 Lublin
E-mail: agorak@yandex.ru

Górak, Artur

PhD, Adjunct
Chair of Archival Science
Maria Curie Skłodowska University
5, Maria Curie Skłodowska Sq.,
20-031 Lublin
E-mail: agorak@yandex.ru

**CATHOLIC PARISH REGISTERS IN KAZAN
BETWEEN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES**

The article examines parish registers of the Kazan Catholic parish of pre-revolutionary period. Kazan was the centre of the Catholic Church for the whole territory of the Middle Volga region, the Urals and the Kama region. Therefore, the registers cover a large area and contain the social characteristics of many parishioners of the Catholic community, which included professors and students of Imperial University, officers and officials, tradesmen, as well as prisoners and exiles. The article discusses the history of the formation and dynamics of the number of parishioners. The books enable the author to characterize changes in the social image of the parishioners during World War I, due to an increase in the number of Catholics caused by an influx of prisoners and refugees.

The article describes the characteristics of six parish registers preserved in the National Archives of the Republic of Tatarstan. Four books contain information on baptisms, and two — on inhumations. For registration of marriages files rather than registers are used. One of the most valuable registers in the fund is #709 (Kazan Roman Catholic Church). It contains records on the people baptized between 1849 and 1863. The rest of the registers are included in fund #4 (Orthodox and Mohammedan parishes). Much attention is paid to the analysis of the form of birth and death registers. In addition to parish registers, the author considers other documents drawn by the parish, among them the protocols of premarital examinations.

Based on the analysis of birth and death records, the author provides the analysis of basic demographic processes, as well as points out the factors affecting the dynamics of fertility and mortality. The author notes that, given the small number of entries in the registers of births, only one quantitative analysis is not enough and the methods of qualitative analysis are needed, which in this case may be more effective.

К е y в о р д s: Russian Empire; Catholic Church; parish registers; Kazan.

Cyunczuk, R. (2014). Polska profesura w przestrzeni intelektualnej Cesarskiego Uniwersytetu Kazańskiego (1820–1870) [Polish Professors in the Intellectual Space of the Imperial University of Kazan (1820–1870)]. In Ł. Adamski, & Sł. Dębski (Eds.), *Mysł i słowem. Polsko-rosyjski dyskurs ideowy XIX wieku* [By Means of Thought and Word: The Polish-Russian Ideological Discourse of the 19th century] (pp. 425–452). Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia. (In Polish)

Gatilova, A. B. (2011). Nauchnye dinastii pol'skih professorov i prepodavatelej v Kazanskom Imperatorskom universitete [Academic Dynasties of Polish Professors and Teachers of Kazan Imperial University]. *Vestnik KGUKI*, 3, 94–99. (In Russian)

Gil'mutdinova, O. M. (1995). Petr Zejfman — pervyj direktor Kazanskogo Veterinarnogo Instituta [Peter Zeifman — the First Head of Kazan Veterinary Institute]. In J. Bardach, et al. (Eds.), *Pol'skie profesora i studenty v universitetah Rossii (XIX — nachalo XX vv.). Materialy konferencii v Kazani 13–15 oktyabrya 1993 g.* [Polish Professors and Students in Russian Universities (19th — Early 20th Centuries). Materials of a Conference in Kazan, 13–15 October, 1993] (pp. 117–122). Warsaw: Komissia istorikov Rossii i Pol'shi RAN i PAN. (In Russian)

Gorak, A. G. (2015). Spiski katolikov Permskoj gubernii v XIX veke [Lists of Catholics of Perm Governorate in the 19th Century]. In S. A. Mulina, A. A. Krikh, & Y. Legec' (Eds.), *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroj polovine XVIII — nachale XX veka v vospriyatii rossijskoj administracii, pereselencev i korennyh narodov Sibiri* [Polish Exiles in Siberia in the 2nd Half of the 18th — Early 20th Centuries as Perceived by Russian Authorities, Migrants and Aboriginal Peoples of Siberia] (pp. 234–248). Omsk: Poligraficheskij tsentr KAN. (In Russian)

Gorizontov, L. E. (1999). *Paradoksy imperskoj politiki: Polyaki v Rossii i ruskiye v Pol'she* [The Paradoxes of Imperial Policy: Poles in Russia and Russians in Poland]. Moscow: Indrik. (In Russian)

Kharitonova, A. D. (1997). Ssyl'nye polyaki v Kungure [Polish Exiles in Kungur]. In *Permskaya guberniya: istoriya, politika, kul'tura, sovremennost': Materialy of the international scientific-practical conference* [Perm Governorate: History, Politics, Culture, Present Time] (pp. 52–53). Kungur. (In Russian)

Kufel, R. R. (2005). *Kancelaria, registratura i archiwum parafialne na ziemiach polskich od XII do poczatku XXI wieku* [Office, Registry and Parish Archives in Polish Lands from the 12th to the Beginning of the 21st Century]. Zielona Góra: Księgarnia Akademicka. (In Polish)

Licenberger, O. A., & Erina, E. M. (2009). *Annotirovannaya opis' del Kollekcii dokumentov rimskokatolicheskikh cerkvej (1789–1934 gg.). Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv nemcev Povolzh'ya* [Annotated Inventory of Cases in the Collection of Documents of Roman Catholic Churches (1789–1934). State Historical Archive of the Volga Germans]. Saratov: MarK Publishing House. (In Russian)

Lipakov, E. V., & Nugmanova, G. G. (1997). *Istoriya katolicheskogo prihoda v Kazani. Istoriko-arhivnye issledovaniya* [The History of the Catholic Parish in Kazan. Historical and Archival Research]. Kazan': Akademia nauk Respubliki Tatarstan. (In Russian)

Mashkovcev, A. A. (2012). Katolicheskie voennye kapellany Kazani v 60–90-h godah XIX veka [Catholic Military Chaplains of Kazan in the 1860–1890s]. *Armiya i obshchestvo*. Retrieved from <http://history.milportal.ru/2012/12/katolicheskie-kapellany-kaz>. (In Russian)

Novikov, L. P. (1907). *Metriki (obshchie akty sostoyanij) u pravoslavnyh (po vedomstvam eparhial'nomu i voenno-duhovnomu), inoslavnyh, staroobryadcev, sektantov, ecreev, karaimov i magometan akty grazhdanskago sostoyaniya v Carstve Pol'skom* [Orthodox, Non-Orthodox, Old Believer, Sectarian, Jewish, Karaite and Mohammedan Metrics (General Acts of State) (at Diocesan and

Military-Spiritual Agencies), Acts of Civil Status in the Kingdom of Poland]. Saint Petersburg: Tip. A. S. Suvorina. (In Russian)

Polnoe sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii: Sobranie 1. S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: First Collection. From 1649 to December 12, 1825]. (1830). Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstv. E.I.V. Kancel'yarii. (In Russian)

Polnoe sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii: Sobranie 2. 12 dekabrya 1825 — 28 fevralya 1881 gg. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: Second Collection. 12 December, 1825 — 28 February, 1881]. (1830–1885). Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstv. E.I.V. Kancel'yarii. (In Russian)

Ruzevich, E. (1995). Polyaki v universitete i veterinarnom institute Kazani [Poles at the University and Veterinary Institute of Kazan]. In J. Bardach, et al. (Eds.), *Pol'skie professora i studenty v universitetah Rossii (XIX — nachalo XX vv.). Materialy konferencii v Kazani 13–15 oktyabrya 1993 g.* [Polish Professors and Students in Russian Universities (19th — Early 20th Centuries). Materials of a Conference in Kazan, 13–15 October, 1993] (pp. 69–74). Warsaw: Komissia istorikov Rossii i Pol'shi RAN i PAN. (In Russian)

Shofman, A. S. (1995). Kazanskiy universitet i pol'skij prosvetitel' Yan Vernikovskij [Kazan University and Polish Educator Jan Vernikovskij]. In J. Bardach, et al. (Eds.), *Pol'skie professora i studenty v universitetah Rossii (XIX — nachalo XX vv.). Materialy konferencii v Kazani 13–15 oktyabrya 1993 g.* [Polish Professors and Students in Russian Universities (19th — Early 20th Centuries). Materials of a Conference in Kazan, 13–15 October, 1993] (pp. 75–80). Warsaw: Komissia istorikov Rossii i Pol'shi RAN i PAN. (In Russian)

Shostak, I. (2013). Osoblivosti rozvitku vidnosin mizh Rosijs'koyu imperieyu ta Vatikanom protyagom pershoi polovini XIX stolittya [Peculiarities of Relations between the Russian Empire and Vatican during the First Half of the 19th Century]. *Naukovi zapiski. Seriya "Istorichni nauki"*, 20, 202–206. (In Ukrainian)

Surzhikova, N. V. (2014). *Voennyj plen v rossijskoj provincii (1914–1922 gg.)* [Military Captivity in the Russian Province (1914–1922)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopedya. (In Russian)

Szabaciuk, A. (2013). „Rosyjski Ulster”: kwestia chełmska w polityce imperialnej Rosji wobec Królestwa Polskiego w latach 1863–1915 [«The Russian Ulster»: The Question of Chelm in the Imperial Policy of Russia towards the Polish Kingdom between 1863 and 1915]. Lublin: Wydawnictwo KUL; Instytut Europy Środkowo-Wschodniej. (In Polish)

Vert, P. (2005). Trudnyj put' k katolicizmu. Veroispovednaya prinadlezhnost' i grazhdanskoe sostoyanie posle 1905 g. [The Hard Way to Catholicism. Religious Affiliation and Civil Status after 1905]. *Lietuviu kataliku mokslo akademijos metraštis*, 26, 447–476. (In Russian)

Zagoskin, N. P. (Ed.). (1904). *Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej Imperatorskogo Kazanskogo universiteta (1804–1904 gg.): Fakul'tety yuridicheskij i medicinskij, prepodavateli iskusstva i dobavleniya spravocnogo haraktera* [Biographical Dictionary of Professors and Teachers of Imperial Kazan University (1804–1904): Faculties of Law and Medicine, Faculty of Arts and Reference Addenda] (Parts 1–2). Kazan': Tipolit. Imp. University Press. (In Russian)

Received 19 June 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.044
УДК 272/273(470.5) + 314.02 + 930.2 +
+ 004.65

Е. М. Главацкая
Ю. В. Боровик
А. В. Бобицкий

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

КАТОЛИКИ ЕКАТЕРИНБУРГА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСЕЙ И МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ*

В статье на основе анализа материалов Первой всероссийской переписи населения 1897 г. и сведений из метрических книг церкви Св. Анны г. Екатеринбурга впервые проанализирована численность, состав и конфессиональная жизнь католического прихода города в конце XIX — начале XX в. В процессе работы была создана электронная версия переписи на основе агрегированных таблиц, что позволило определить численность и распределение католиков по территории уезда, выявить их этническую принадлежность и выдвинуть гипотезу о возможности использования данных по полякам, которые составляли 80 % католиков Екатеринбурга, для характеристики всего католического сообщества города.

В ходе исследования была также составлена база данных по всем бракам, рождениям и отпеваниям, совершенным ксендзами костела Св. Анны за 1898–1915 гг. Применение компьютерных методов при анализе информации БД позволило выявить степень активности конфессиональной жизни католиков Екатеринбурга, отчасти оценить их брачные стратегии и образ жизни. Сделан вывод о том, что католики Екатеринбурга, несмотря на то, что являлись религиозным меньшинством и составляли менее 1 % жителей города, являлись благополучным во многих отношениях этноконфессиональным сообществом, встроенным в городской религиозный ландшафт. Их численность была достаточно стабильной на протяжении 15 предвоенных лет, сообщество характеризовалось высокой продолжительностью и качеством жизни.

Ключевые слова: католики Урала; Всероссийская перепись 1897 г.; метрические книги; конфессиональная жизнь; база данных; компьютерные методы в истории.

Население горнозаводского Урала, формировавшееся в значительной степени за счет мигрантов, к концу XIX в. включало представителей различных этнических групп и религиозных деноминаций, объединенных в конфессиональные и этноконфессиональные сообщества. Одним из наиболее заметных религиозных меньшинств Екатеринбурга, основу которого в конце XIX — начале

* Работа выполнена частично при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-06-08541 «Религиозное разнообразие евразийского города: статистический и картографический анализ (на примере Екатеринбурга в конце XIX — начале XXI вв.)» (анализ материалов переписи 1897 г.) и за счет Российского научного фонда, проект 16-18-10105 «Этно-религиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX — начале XX в. на примере Урала и Скандинавии» (анализ материалов метрических книг).

XX вв. составляли поляки, были католики. Истории католического сообщества Урала, его численности и расселению в конце XIX — начале XX вв. посвящено несколько работ [Каменских, с. 97–105; Мосунова, 1997; 2000; 2004; Главацкая, 2014; 2015]. Основной целью данной статьи является анализ конфессиональной жизни католиков г. Екатеринбургa, выявление их социальных и демографических особенностей на основе источников, которые до сих пор комплексно не привлекались. Это стало возможно благодаря созданию электронной версии агрегированных данных Переписи 1897 г. по уездам Пермской губернии, административно относящимся к католическому приходу Св. Анны, и базы данных на основе метрических книг костела.

В отечественной историографии сложилась определенная традиция использования метрических книг в качестве исторических источников, в том числе и в изучении католиков России [Недзелюк; Андреев, 2014; Самыловская, 2013; 2014]. Особенностью данной работы является использование методов, ассоциируемых с направлением «новой исторической демографии» в отечественной историографии, которое включает этап создания базы данных на основе номинативных источников, т. е. содержащих персональную информацию, и ее анализ с помощью компьютерных технологий.

Католическая традиция на Среднем Урале

Приверженцы католицизма появились на Урале с началом российской колонизации вместе с отрядами казаков, в число которых входили поляки, литовцы, украинцы и белорусы. На протяжении XVII в. их ряды продолжали пополняться ссыльными. В начале XVIII в. в связи со строительством заводов на Урале, католическое население края пополнялось за счет незначительного, но постоянного притока нанятых на заводы европейцев и членов их семей. Не имея собственных религиозных институтов, католики Урала вынуждены были практиковать «семейные» формы религиозности в расчете на редкие приезды священника или посещать лютеранские общины, которые активно поддерживались горнозаводским начальством [Корепанов; Андреев, 2010; Главацкая, 2015].

Ситуация кардинально изменилась в связи с развитием национально-освободительного движения в Польше, участников которого, включая католических священников, систематически ссылали на Урал. После восстания 1863 г. ссыльные поляки из Царства Польского и западных губерний Империи прибывали на Урал целыми семьями. Их селили в городах Пермской губернии, в том числе в Верхотурье и Красноуфимске [Каменских, с. 99]. В условиях ссылки основой для консолидации социально незащищенных поляков стала их религиозная идентичность. Это привело к образованию этноконфессиональных сообществ поляков-католиков. В некоторых католических приходах поляки составляли до 90 % прихожан [Мосунова, 2000, с. 353]. Во второй половине XIX в. самой многочисленной на территории Урала была католическая община Пермского уезда, которая в 1869 г. насчитывала 1800 прихожан [Charitonowa,

s. 80–81; Юрченко]. В дальнейшем интеграция Польши в российскую экономическую систему привела к тому, что поляки стали приезжать на Урал и по своей инициативе, на заработки [Каменских, с. 99].

Екатеринбургский уезд по численности католиков занимал в 1860 г. четвертое место в губернии. Самой крупной здесь была городская община Екатеринбурга, возникшая еще в первой половине XIX в., в связи с появлением группы католиков-военных, религиозные нужды которых обслуживали приезжие капелланы из Казани и Оренбурга, а затем и из Перми [Мосунова, 2004, с. 169]. Но католики находились не только в городе, по сведениям горного начальства, уже в 1839 г. на екатеринбургских заводах состояло 109 католиков — 106 мужчин и 3 женщины [ГАСО, ф. 24, оп. 10, д. 12, л. 21]. В дальнейшем сообщество католиков Екатеринбурга динамично росло, достигнув численности 310 человек в 1887 г. (см. табл. 1).

Таблица 1

*Динамика численности католиков Екатеринбурга в 1860–1887 гг.**

Год	Мужчины	Женщины	Всего
1860	—	—	47
1873	90	53	143
1887	173	137	310

*Источники: [Мозель, с. 727; Город Екатеринбург, с. 60–61, 79].

Рис. 1. Костел Св. Анны в Екатеринбурге

В 1876 г. в городе появились собственный священник и часовня, устроенная в одном из частных домов [Мосунова, 1997, с. 159], а в 1884 г. католики Екатеринбурга смогли построить собственный каменный храм «в весьма изящном готическом стиле» в самом центре города [Главацкая, 2015, с. 225–226] (см. рис. 1).

Екатеринбургский костел Св. Анны первоначально являлся филиальным храмом Пермского прихода, входившего в Омско-Сибирский деканат Могилевской епархии [Масленников, с. 145]. Учитывая обширность территории и рост численности верующих, община Екатеринбурга в 1886 г. получила статус самостоятельного прихода, в состав которого вошли Екатеринбургский, Верхотурский, Камышловский, Шадринский и Ирбитский уезды [Хроника событий...].

Католическое сообщество горнозаводского Урала по данным Переписи 1897 г.

В конце XIX в. на территории горнозаводского Урала в составе пяти уездов, административно входивших в приход Св. Анны, проживал 981 католик: 537 мужчин и 444 женщины. Одна треть из них (323 человека) были зарегистрированы в самом Екатеринбурге, где они являлись четвертым по численности религиозным меньшинством, вслед за старообрядцами, мусульманами и лютеранами. Кроме того, значительные сообщества католиков были зарегистрированы в Ирбите, Шадринске и Камышловле, на территории Камышловского и Верхотурского уездов (см. табл. 2.)

Таблица 2

Численность и расселение католиков прихода Св. Анны по Переписи 1897 г.

Административная единица	Мужчины	Женщины	Всего
Екатеринбург	167	156	323
Екатеринбургский уезд	57	38	95
Камышлов	27	25	52
Камышловский уезд	85	89	174
Верхотурье	8	1	9
Верхотурский уезд	92	48	140
Ирбит	50	28	78
Ирбитский уезд	0	1	1
Шадринск	33	35	68
Шадринский уезд	18	23	41
Итого	537	444	981

Соотношение мужчин и женщин среди католиков Екатеринбурга, изначально отмеченное значительным преобладанием мужчин, что характерно для сообществ иммигрантов, к моменту проведения переписи 1897 г. стало более равномерным (см. рис. 2).

Тем не менее, половозрастная пирамида, построенная на основании данных переписи 1897 г., как раз отражает этот феномен: значительное преобладание мужчин среди городских католиков в возрасте от 30 до 60 лет (см. рис. 3). Вероятно, эта группа пионеров-мигрантов, добровольно прибывших в Екатеринбург во второй половине XIX в., поскольку местом ссылки город не был, а рабочими местами для людей с техническим образованием располагал. Значительное число католичек города в возрасте от 10 до 40 лет составили жены, дочери и служанки, прибывшие вслед за мужчинами-католиками.

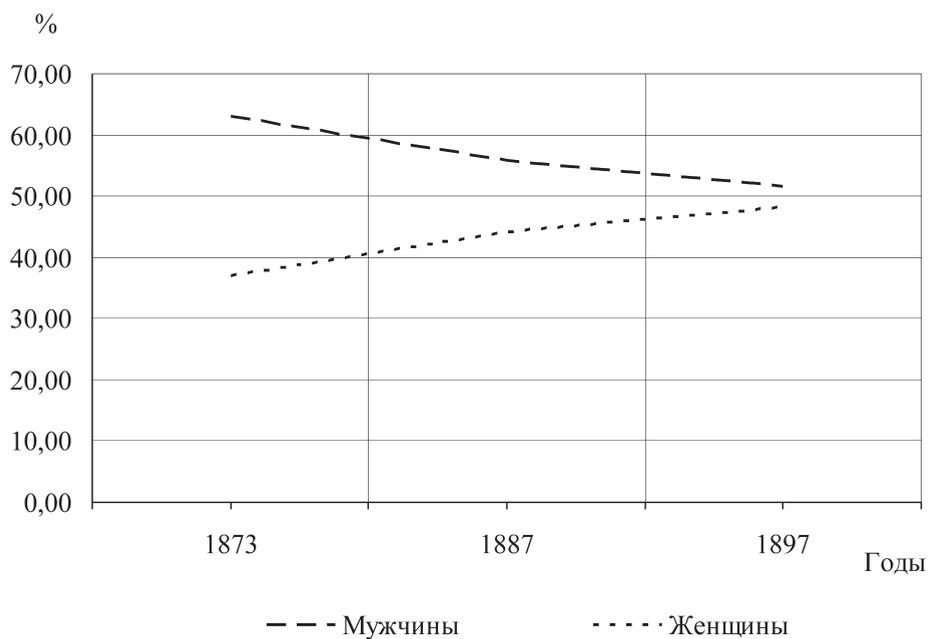

Рис. 2. Динамика изменения гендерного состава католиков Екатеринбурга в 1870–1890-х гг.

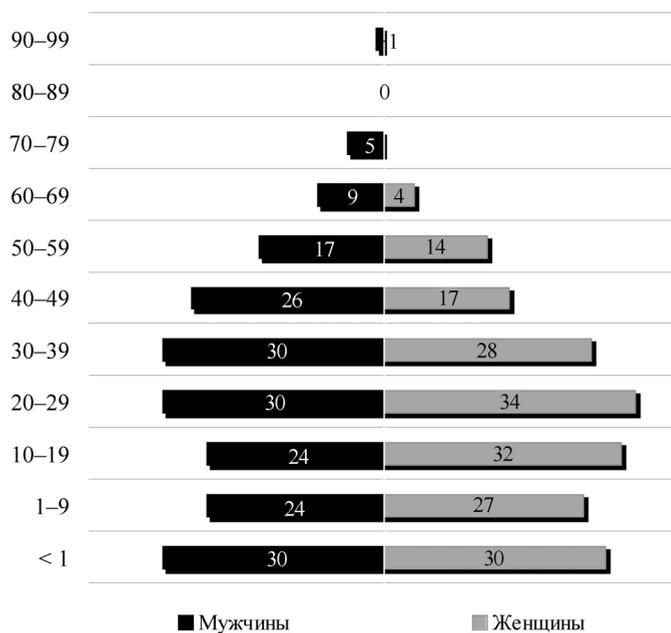

Рис. 3. Католики Екатеринбурга: половозрастная структура

Ядро городской общины католиков составляли поляки — 257 из 323 человек (около 80 %). Из данных переписи 1897 г. видно, что религия являлась одним из основных этнических маркеров для поляков города. Поскольку 94,5 % поляков Екатеринбурга являлись католиками, а община на 80 % состояла из поляков, есть все основания в дальнейшем рассматривать их как «этнических католиков» Екатеринбурга. Второй по численности группой в приходе — 28 человек (около 9 %) были те, для кого немецкий язык являлся родным. В общине было несколько человек, говоривших на «литовско-латышских» языках, один — на украинском и 14 прихожан, для которых родным являлся русский язык [Первая всеобщая перепись..., с. 108].

По данным переписи 1897 г., почти все взрослые католики города владели грамотой. Индекс грамотности у католиков Екатеринбурга¹ составлял почти 84 %. В этом отношении они уступали только городским лютеранам, у которых индекс грамотности достигал почти 87 %. При этом разница в уровне начального образования у мужчин и женщин была совсем невелика — 85,62 % и 81,41 % соответственно, т. е. всего около 4 %. Для сравнения — в среде православных (включая единоверцев) этот показатель разницы в начальном образовании мужчин и женщин составлял почти 18 % в пользу мужчин. Более того, если мы обратимся к таблице с данными о распределении по родному языку, грамотности и возрастным группам, то увидим, что почти 39 % поляков (значит, и католиков, как было показано выше) имели образование «выше начального». При этом большинство из них получило образование на русском языке [Там же, с. 150–153].

Согласно материалам, приведенным в таблице «О распределении населения по родному языку, сословиям и состояниям», до 53 % поляков, а значит, и католиков Екатеринбурга — это потомственные дворяне и члены их семей, 16 % — личные дворяне и чиновники с семьями; 19 % — мещане и 8 % — крестьяне [Там же, с. 276–277]. Что касается сферы занятости, то значительное число поляков, а значит, и католиков города работали в администрации, суде и полиции — до 15,4 %. Кроме того, среди них были поденщики и частная прислуга — до 12,1 % от общего числа; люди, занимавшиеся торговлей, — до 9,9 %; работали на железной дороге — 9,2 %. Около 8,8 % католиков Екатеринбурга жили за счет доходов с капитала, недвижимости или средств родственников. Наконец, 7,7 % этнических католиков получали средства к существованию от занятий наукой, литературой и искусством [Там же, с. 212–215].

Католики прихода Св. Анны по материалам метрических книг

Метрические книги католических приходов по другим периодам и территориям России не раз привлекались в качестве исторического источника [Недзелюк; Андреев, 2010; 2014; Самыловская, 2013, 2014; и др.]. Что касается метрических записей католической общины г. Екатеринбурга, то они лишь

¹ Рассчитывается для всего населения, включая детей.

спорадически использовались исследователями, поэтому есть смысл дать их краткую характеристику. Метрические книги, которые велись в общине Екатеринбургa, были переданы отделам ЗАГС, а по истечению сроков ведомственного хранения в Государственный архив Свердловской области (ГАСО). К настоящему времени в ГАСО сохранились метрические записи католиков с января 1898 по сентябрь 1919 г. [ГАСО, ф. 6, оп. 13, д. 11–13, 126, 316]. Возможно, книги за более ранний период находятся в Государственном архиве Пермского края. Кроме того, есть сведения, что информация о регистрации событий жизненного цикла католиков Екатеринбургa велась в книгах, заполнявшихся капелланами Казани [Горак]. Метрические книги костела Св. Анны содержат информацию по трем стандартным разделам: о родившихся, бракосочетавшихся, умерших (рис. 4).

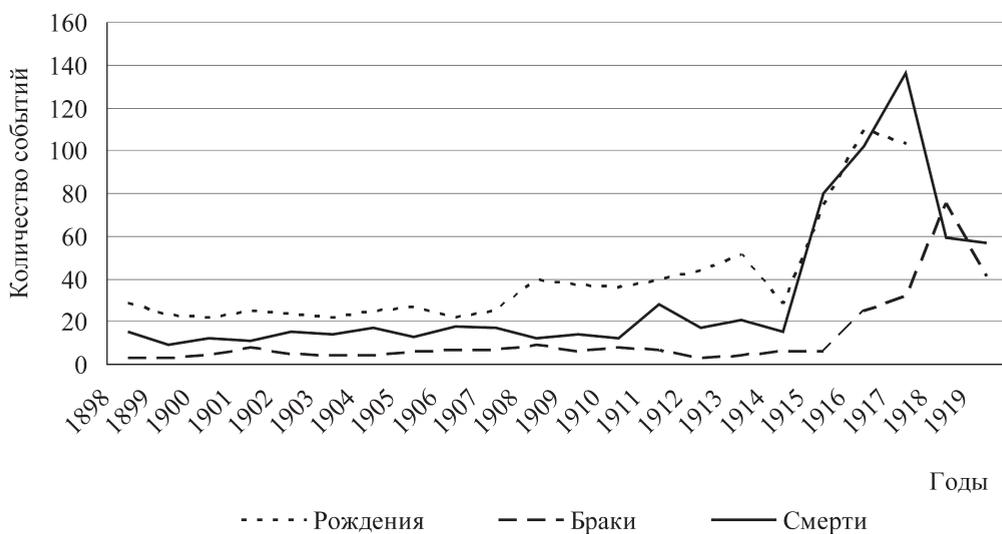

Рис. 4. Количество рождений, браков и смертей, зарегистрированных в метрических книгах костела Св. Анны в 1898–1919 гг.

Раздел метрических книг «О бракосочетавшихся»

Эта часть источника содержит довольно полные персональные сведения об основных участниках церемонии: фамилии, имена, отчества, возраст, словесную принадлежность, брачный статус, место первичной приписки и вероисповедание жениха и невесты. Иногда священник, регистрировавший церемонию, также указывал чин и/или профессию жениха и в очень редких случаях — невесты. В книге также записывали персональные данные о родителях молодоженов: имена, отчества, фамилии, место первичной приписки и сословие. В сведениях о матери зачастую указывалась и ее девичья фамилия. Помимо этого, вносили также менее полные персональные сведения о двух-четырёх свидетелях

бракосочетания: имя, отчество, фамилия, иногда социальный статус и совсем редко — род занятий. Таким образом, каждая метрическая запись о бракосочетании содержит персональные данные о 8–10 членах католической общины. Помимо этого, в каждой записи содержалась информация о самой церемонии: дата и место заключения брака, количество предбрачных оглашений, имя священника, проводившего обряд. Священник отмечал принадлежность брачующихся к церковному приходу (до 1910 г.), а также сообщал о проведении письменного исследования о степенях родства невесты и жениха (до февраля 1908 г.).

Всего с 1898 до 1915 гг. в костеле Св. Анны состоялось 100 церемоний бракосочетания. В довоенный период в общине ежегодно заключалось от 3 до 9 браков со средним показателем 5,5 браков (см. рис. 5). После 1915 г. это число возросло в семь раз за счет появления беженцев из западных губерний страны, охваченных войной и военнопленных, размещенных на территории уезда и города [Glavatskaya, Borovik]. Такое незначительное количество данных может считаться не вполне удовлетворительным для исследования сюжетов брачного поведения [Миронов]. Однако факт их стабильности дает возможность представить динамику конфессиональной активности католиков и выдвинуть гипотезу о количестве постоянных прихожан костела Св. Анны на протяжении почти двух предвоенных десятилетий. Кроме того, данные по католикам будут репрезентативны в сравнении с другими религиозными меньшинствами города.

Согласно записям метрических книг, свадьбы католики проводили, как правило, зимой (январь и февраль) до Великого поста (всего в это время совершено было 29 венчаний), летом после Пятидесятницы (июнь и август: 24 брака) и осенью (октябрь: 11 браков). В марте и декабре бракосочетаний не было, что свидетельствовало о соблюдении церковных предписаний в этом вопросе.

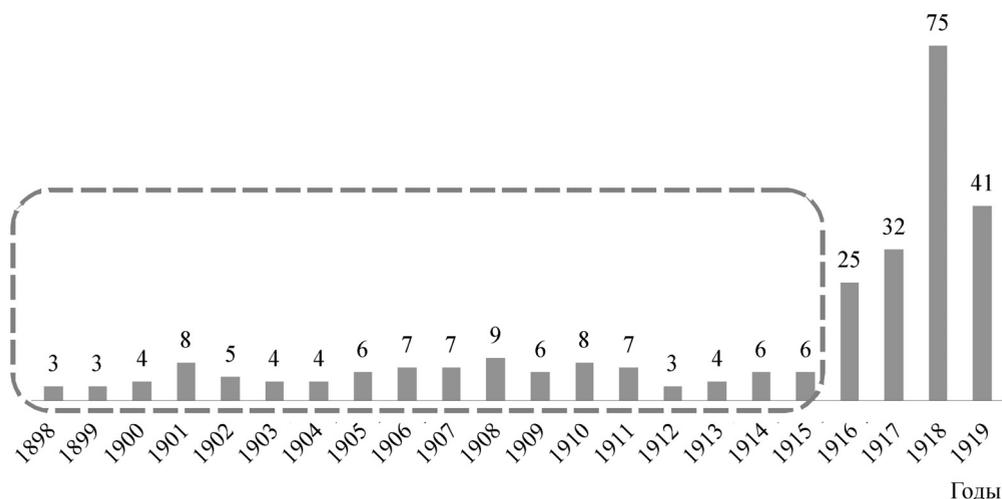

Рис. 5. Количество браков, заключенных в костеле Св. Анны в 1898–1919 гг.

Средний возраст вступления в брак для женихов и невест был соответственно 30,6 и 24,5 года. Самый ранний брачный возраст у мужчин — 19, у женщин — 17 лет, но таких молодоженов было немного. За весь предвоенный период только один жених из ста — дворянин из Минской губернии — и 6 невест (дворянка, мещанка, две крестьянки с Урала, крестьянка из Варшавской губернии и девушка из г. Вильно) вступили в брак в столь раннем возрасте. Активный брачный возраст у мужчин приходился на диапазон 21–37 лет, у женщин — на 17–28 лет (рис. 6).

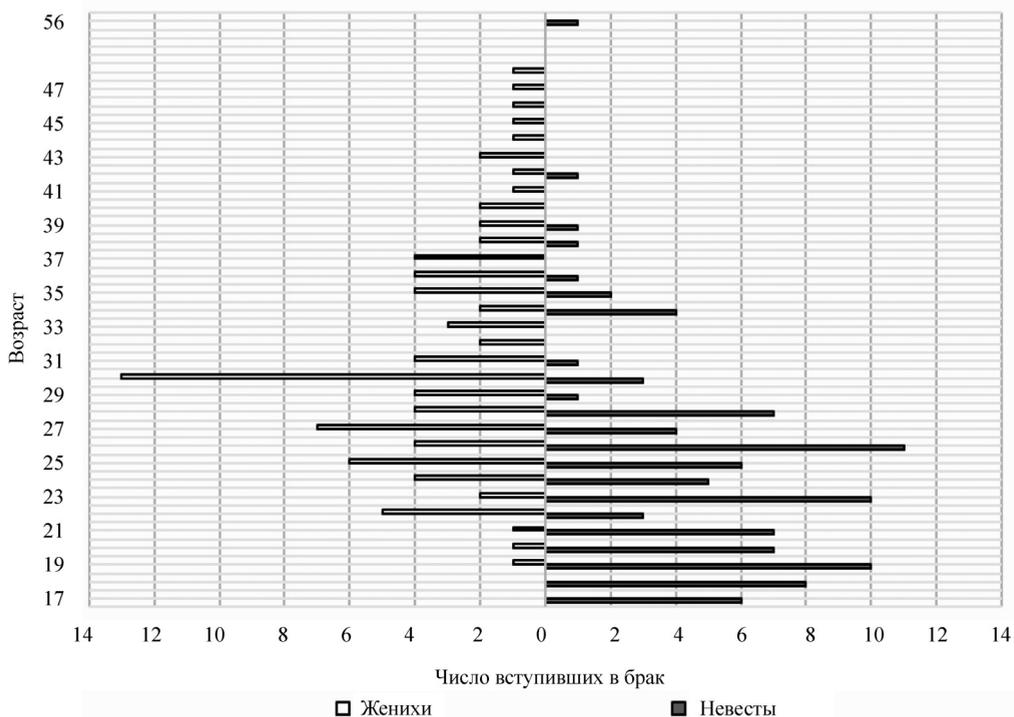

Рис. 6. Число и возраст вступающих в брак* в костеле Св. Анны в 1898–1915 гг.

Раздел метрических книг «О родившихся»

В этой части источника священником регистрировался факт крещения с указанием полных персональных данных о родившемся: имени, пола, даты и места рождения, а также даты и места крещения. Кроме того, в книгу заносили персональные данные обоих родителей, включая полные имена, место первичной приписки, социальный статус и/или профессию отца, а также девичью фамилию матери. Особо отмечалось, состояли ли родители на момент рождения ребенка

*В таблице представлены сведения только по вступающим в брак в первый раз.

в законном браке. Если нет, то священник регистрировал младенца как незаконнорожденного. Всего за 16 предвоенных лет в католическом сообществе было зарегистрировано 13 случаев появления на свет незаконнорожденных детей.

При проведении таинства крещения в книгу вносились и сведения о двух восприемниках: их имена и социальный статус. Если восприемницей являлась женщина, то отмечался ее брачный статус, а с 1905 г. и имя ее супруга. Таким образом, каждая запись о рождении содержит персональную информацию о 5–7 членах католического сообщества Екатеринбургa.

Первые метрические сведения о крещениях в костеле Св. Анны в 1898–1904 гг. оставлены в основном ксендзом Иосифом Вериго, с января по август 1905 г. — ксендзом Матеушем Вейтом, с августа 1905 г. и в течение всего 1906 г. — администратором костела ксендзом Пиняровичем, в 1907 г. — одновременно им и ксендзом Иосифом Вилкасом, с 1908 г. до самого конца существования практики регистрации событий жизненного цикла в костеле записи велись последним ксендзом церкви Св. Анны Иосифом Вилкасом. Кроме этих священников, в ряде записей встречаются упоминания о совершивших обряд крещения ксендзах: Иосифе Поссейпале из Перми (1898), Льве Святополк-Мирском из Тобольска (1899, 1900), Иоанне Желтовском (1898), Иоганне Ципляке из Могилева (1907), Франциске Будрисе (1912), Викентии Пржесмыцком из Тобольска (1898, 1906, 1912), Фадее Зарембе (1906, 1908, 1915), Попроцком, Федынском (1915).

Всего с 1898 до 1915 г. в костеле Св. Анны состоялось 518 церемоний крещения, а за весь период ведения метрик их было 827. В довоенный период в приходе ежегодно рождалось от 22 до 51 ребенка, т. е. в среднем 30 в год. Пик рождений приходился на апрель и сентябрь.

Число зарегистрированных крещений увеличилось с 1908 г. (см. рис. 4), что можно объяснить изменением политики государства в отношении религии, в частности, разрешение католикам крестить детей, рожденных в религиозно смешанных семьях. После 1914 г. количество рождений / крещений в приходе возросло, что было связано с увеличением прихода за счет беженцев и военнопленных. Сведений о мертворожденных в метрических книгах костела Св. Анны не содержится.

Раздел метрических книг «Об умерших»

В этой части источника священники регистрировали факты проведения таинства причастия в связи со смертельными болезнями прихожан: дату, причины и место смерти, дату, место и обстоятельства захоронения. В формуляре приводились персональные данные об умершем: полное имя, возраст, социальный статус и/или профессия, место первичной приписки, а также брачный статус. Более того, ксендз Иосиф Вериго, как правило, тщательно записывал информацию о ближайших родственниках умершего: их имена, отношения к главе семьи, возраст и вероисповедание. Позднее ксендзы Матеуш Вейт и Пинярович записывали, являлись ли родственники покойного прихожанами костела Св. Анны.

В Екатеринбургe у католиков было отдельное кладбище вместе с лютеранами и захоронения проводились ксендзом именно там, однако были случаи, когда хоронили и на православном. Что касается католиков, проживавших в других городах и уездах, то существовала практика захоронений на общих кладбищах вместе с православными. В отсутствие священника обряд проводился прихожанами, о чем свидетельствуют записи в метрических книгах. С начала Первой мировой войны число отпеваний резко выросло в связи с увеличением числа прихожан за счет беженцев и военнопленных, многие из которых были католиками [Glavatskaya, Vorovik].

Из 699 смертей, зарегистрированных в костеле Св. Анны с 1898 по 1919 г., 261 случай приходится на предвоенный период, т. е. в мирное время в приходе умирало по семь-восемь человек в год (см. рис. 7).

Рис. 7. Число смертей среди католиков прихода Св. Анны по полу и возрасту в 1898–1919 гг.

Гендерный дисбаланс, существовавший до конца XIX в., влиял и на число межрелигиозных браков. Поскольку законодательство предписывало регистрацию межрелигиозных браков в православной церкви, то в книге регистрации бракосочетаний они не отразились. Зато в разделе «Об умерших» в графе «Из какого прихода и кого оставил детей» порой содержались сведения о православных супругах и детях умершего. Однако были и исключения, как, например, в случае смерти в 1898 г. от чахотки 76-летней крестьянки католического исповедания Пановой Александры Осиповны, у которой после смерти остался православный муж и католичка-дочь, вероятно, от первого брака [ГАСО, ф. 6, оп. 13, д. 12, л. 1 об. (Запись № 6)].

Число насильственных смертей было сравнительно невелико. За 16 предвоенных лет среди католиков прихода было зарегистрировано четыре случая самоубийств. Ни один из покончивших счеты с жизнью прихожан костела Св. Анны не был похоронен на католическом кладбище. Одно убийство и одна смерть католика произошли по неосторожности: в 1904 г. Иван Егорович Багрицевич, 85-летний доктор из г. Шадринска, скончался от ожогов, полученных в результате неаккуратного обращения с огнем [ГАСО, ф. 6, оп. 13, д. 12, л. 15 об. (Запись № 12)].

Выводы

Католический приход костела Св. Анны в конце XIX в. охватывал огромную территорию площадью около 200 тыс. кв. км. При этом число католиков было невелико, всего 981 человек, согласно переписи 1897 г., и треть из них (323 человека) была зарегистрирована в Екатеринбурге. Небольшие сообщества католиков, приписанных к приходу Св. Анны, были также на севере и северо-востоке — в Кушве, Надеждинске, Верхотурье, Нижнем Тагиле, Ирбите, а также на юго-востоке прихода — в Камышлове, Шадринске, Тюмени, т. е. в населенных пунктах, находящихся достаточно далеко друг от друга, для которых Екатеринбург был центром религиозной жизни и связующим звеном.

Это была сплоченная и достаточно обеспеченная община, которая смогла добиться возведения каменного здания церкви в самом центре города. В этническом отношении ядром городского католического сообщества являлись поляки — до 80 %, служба велась на польском языке, что позволяет экстраполировать данные по полякам на все сообщество екатеринбургских католиков. Среди католиков города были также немцы, прибалты и русские (последние, возможно, второе поколение католиков — дети мигрантов, рожденные на Урале, для которых русский язык стал родным).

Поскольку горнозаводской статус Екатеринбургa в первой половине XIX в. не позволял селить в нем ссыльных, сообщество католиков города вплоть до начала Первой мировой войны формировалось за счет добровольно переселившихся на территорию Урала, как правило, получивших в городе работу, чему способствовал высокий уровень грамотности среди католиков (как мужчин, так и женщин). Это подтверждает и социально-профессиональный статус католиков, значительная доля которых была потомственными дворянами, получала доходы от недвижимости, была занята в системе городского управления, суда и полиции. Гендерный состав городского сообщества католиков изначально характеризовался значительным преобладанием мужчин, но постепенно изменялся в сторону более сбалансированного соотношения.

Согласно записям метрических книг, ксендзы костела обеспечивали религиозные нужды не только католиков-горожан, но и членов прихода, проживавших в четырех других уездах. Всего за 15 предвоенных лет ими было проведено как минимум 842 обряда крещений, бракосочетаний и отпеваний, информация

о которых была занесена в метрические книги. С учетом числа участников, чьи персональные данные зафиксированы в метрических книгах, можно утверждать, что за 15 лет (1898–1913) в обрядах, проводимых католическими священниками костела Св. Анны, приняло участие как минимум 3 000 человек. Хотя, конечно, в реальности на обряды бракосочетаний и отпеваний могло прийти все католическое сообщество города.

Сведений о конфирмациях и причастиях, за исключением тех, что были связаны с похоронной обрядностью, пока обнаружено не было. Поскольку количество смертей, рождений и браков оставалось стабильным на протяжении всего предвоенного периода, можно предположить, что численность католического прихода до 1914 г. оставалась на уровне 1 000 человек. Являясь религиозным меньшинством с незначительным преобладанием мужского населения, католики часто заключали браки с представителями других христианских конфессий, прежде всего с православными и лютеранами. Повторные браки вдовцов и вдов также были достаточно распространены.

Вплоть до начала Первой мировой войны католическое сообщество характеризовалось высокой продолжительностью жизни и небольшим числом случаев насильственных смертей. Более точную характеристику смертности и рождаемости и брачных стратегий католиков Екатеринбурга можно будет дать после того, как работа по составлению и анализу базы данных на основе метрических книг будет закончена.

Андреев А. Н. Евангелическо-лютеранская община Екатеринбурга в XVIII в. и ее взаимоотношения с местным населением // Изв. Урал. гос. ун-та. 2010. № 1 (72). С. 136.

Андреев А. Н. Конфессиональная жизнь петербургских католиков в XVIII столетии // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитар. науки». 2014. Т. 14. № 1. С. 6–14.

ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 11–13, 126, 316; Ф. 24. Оп. 10. Д. 12.

Главацкая Е. М. Католические институты в религиозном ландшафте Урала: опыт картографирования и создания историко-культурного атласа // Церковь. Богословие. История : материалы II Всерос. науч.-богослов. конф. (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.) / отв. ред. П. И. Мангилев. Екатеринбург : Информ.-изд. отд. ЕДС, 2014. С. 60–69.

Главацкая Е. М. «...В весьма изящном, готическом стиле»: история католической традиции на Среднем Урале до середины 1930-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 2 (33). С. 218–238.

Горак А. Метрические книги католического прихода в Казани в XIX — начале XX в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2016. Т. 18. № 3 (154). С. 54–67.

Город Екатеринбург : сб. ист.-стат. и справ. сведений по городу с адресным указателем и с соединением некоторых сведений по Екатеринбург. уезду / сост. И. И. Симанов. Екатеринбург : Тип. газ. «Екатеринбургская неделя», 1889.

Каменских И. В. Поляки в Пермском крае в XIX в. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. материалов III регион. молодеж. науч. конф. / отв. ред. Р. Е. Романов. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2009. С. 97–105.

Корепанов Н. С. Благодатская горная экспедиция 1739–1742 гг. и волна контрактной иммиграции саксонцев на Урал // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.) : материалы науч. конф.

«Германия — Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.», г. Екатеринбург, 3–9.09.1999 / отв. ред. Н. Н. Баранов. Екатеринбург : Волот, 2001. С. 114–115.

Масленников А. В. Римско-католическая церковь в Сибири. Проблемы и реформы в начале XX века // Вестн. Том. гос. ун-та. 2003. № 276. С. 140–146.

Миронов Б. Н. Новая историческая демография имперской России (ч. II): аналитический обзор современной литературы // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2: История. 2007. № 1. С. 104–110.

Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. Ч. 2. СПб. : Изд-во Ген. штаба, 1864.

Мосунова Т. П. Из истории Римско-католического прихода в Екатеринбурге // Первые Татищевские чтения / отв. ред. С. П. Постников. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 1997. С. 158–161.

Мосунова Т. П. Духовенство екатеринбургского католического прихода Святой Анны в XIX — первой половине XX в. // Пятые Татищевские чтения: духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем : тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 22–23 апр. 2004 г. / отв. ред. С. П. Постников. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2004. С. 168–174.

Недзелюк Т. Г. Формирование конфессионального сообщества католиков Сибири в 1830–1917 гг. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25). С. 107–114.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXXI. Пермская губерния. Изд. Центр. стат. комитета мин-ва внутр. дел / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Слово, 1904.

Самыловская Е. А. Социальные связи петербургских католиков в первой половине XVIII века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2013. № 9–2 (35). С. 153–158.

Самыловская Е. А. Метрические книги римско-католической церкви Святой Екатерины Александрийской как источник по истории католической общины Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1. С. 269–274.

Хроника событий нашего прихода [Электронный ресурс] // Официальный сайт Екатеринбургского Римско-католического прихода Святой Анны. URL: <http://www.ekatcatholic.ru/index.php> (дата обращения: 15.04.2016).

Юрченко А. В. Православие и католицизм на Урале: прошлое и настоящее [Электронный ресурс]. URL: <http://www.catholic.perm.ru/materials/katBural.htm> (дата обращения: 23.01.2014).

Charitonowa E. Z dziejów polskiej kolonii w Permie w XIX i początkach XX wieku // Niepodległość i pamięć. 1998. Т. 5. № 2 (11). S. 77–96.

Glavatskaya E., Vorovik Iu. Death and Marriage: World War I Catholic Prisoners in the Urals // Transylvanian Review. 2016. № 4. (Forthcoming).

Статья поступила в редакцию 04.07.2016 г.

Главацкая Елена Михайловна

доктор исторических наук, профессор
кафедры археологии и этнологии
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: elena.glavatskaya@urfu.ru

Glavatskaya, Elena Mikhailovna

Dr. Hab. (History), Professor,
Chair of Archaeology and Ethnology
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: elena.glavatskaya@urfu.ru

Боровик Юлия Викторовна

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Лаборатории
археографических исследований
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: borulia@yandex.ru

Borovik, Julia Viktorovna

PhD (History), Research Fellow,
Laboratory of Archaeographic Studies
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: borulia@yandex.ru

Бобицкий Александр Владимирович

магистрант,
кафедра археологии и этнологии
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: bobitskiy.alexander.101@yandex.ru

Bobitsky, Aleksandr Vladimirovich

MA Student,
Chair of Archaeology and Ethnology
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620083 Yekaterinburg, Russia
E-mail: bobitskiy.alexander.101@yandex.ru

**THE CATHOLIC COMMUNITY OF YEKATERINBURG
BETWEEN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES
ACCORDING TO THE 1897 CENSUS AND CHURCH RECORDS**

This article studies the Catholic community of Yekaterinburg, its size, ethnic composition, religious life, and demography. The analysis is based on the aggregates of the first all-Russian census of 1897 and nominative data from the church books of St Anna's Church. For this purpose, the authors transcribed the 1897 census' tables electronically and analyzed the size, age and gender composition, social status, occupations and education of the Yekaterinburg Catholics. In addition, they divided entries from the St Anna's Church parish books into three data tables: baptisms, marriages, and burials. The data were processed to analyze the intensity of the community's religious life and find its main demographic characteristics.

Despite the fact that they were a religious minority representing less than one percent of the city's residents, the research shows that the Yekaterinburg Catholics in many respects constituted a wealthy, and well-established ethno-confessional community, integrated in the city's religious landscape. Their number was relatively stable over the fifteen prewar years and the community's high quality and continuity made it distinct from the Catholic communities in Siberia.

Key words: Ural Catholics; Russian census; historical demography; Church books; database; computer methods in history.

Acknowledgements

The work is partly sponsored by the *Russian Foundation for Basic Research*, Grant #15-06-08541 "The Religious Diversity of a Eurasian City: Statistical and Cartographic Analysis (with Reference to Yekaterinburg in the Late 19th – Early 21st Centuries)" (1897 Census materials analysis), and the *Russian Science Foundation*, Grant #16-18-10105 "Ethno-religious and Demographic Dynamics in Mountainous Eurasia around 1900. A Comparison of the Urals and Scandinavia".

Andreev, A. N. (2010). Evangelicheskoi-liuteranskaia obshchina Ekaterinburga v XVIII veke i ee vzaimootnosheniia s mestnym naseleniem [The Evangelical Lutheran Community in 18th Century

Yekaterinburg and Its Relations with the Local Population]. *Izvestia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (72), 135–148. (In Russian)

Andreev, A. N. (2014). Konfessional'naia zhizn' peterburgskikh katolikov v XVIII stoletii [The Confessional Life of Petersburg Roman Catholics in the 18th Century]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, Seriiia «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*, 1(14), 6–14. (In Russian)

Charitonowa, E. (1998). Z dziejów polskiej kolonii w Permie w XIX i początkach XX wieku [History of the Polish Colony in Perm in the 19th and Early 20th Centuries]. *Niepodległość i pamięć*, 5, 2 (11), 77–96. (In Polish)

Glavatskaya, E. M. (2014). Katolicheskie instituty v religioznom landshafte Urala: opyt kartografirovaniia i sozdaniia istoriko-kul'turnogo atlasa [Catholic Institutions in the Religious Landscape of the Urals: Mapping and Creation of a Historical and Cultural Atlas]. In P. I. Mangilev (Ed.), *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriiia* [Church. Theology. History] (pp. 60–69). Yekaterinburg: EDS. (In Russian)

Glavatskaya, E. M. (2015). «...V ves'ma iziashchnom, goticheskom stile»: istoriia katolicheskoi traditsii na Srednem Urale do serediny 1930-kh gg. [“In a very Elegant Gothic Style”: A History of the Catholic Tradition in the Middle Urals from the Late 1600s until the Late 1930s]. *Gosudarstvo, religiiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2 (33), 218–238. (In Russian)

Glavatskaya, E., & Borovik, Iu. (2016). Death and Marriage: World War I Catholic Prisoners in the Urals. *Transylvanian Review*, 4. (Forthcoming).

Górak, A. (2016). Metricheskie knigi katolicheskogo prikhoda v Kazani v XIX — nachale XX vv. [Kazan Catholic Parish Registers of the 19th — Early 20th Centuries]. *Izvestia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki*, 18, 3 (154), 54–67. (In Russian)

Iurchenko, A. V. *Pravoslavie i katolitsizm na Urale: proshloe i nastoiashchee* [Orthodoxy and Catholicism in the Urals: The Past and Present]. Retrieved from <http://www.catholic.perm.ru/materials/katBural.htm>. (In Russian)

Kamenskikh, I. V. (2009). Poliaki v Permskom krae v XIX v. [Poles in 19th Century Perm Region]. In R. E. Romanov (Ed.), *Istoricheskie issledovaniia v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical Studies in Siberia: Problems and Prospects] (pp. 97–105). Novosibirsk: Institut istorii SO RAN. (In Russian)

Khronika sobytii nashego prikhoda [A Chronicle of Our Parish Events]. Retrieved from <http://www.ekatcatholic.ru/index.php>. (In Russian)

Korepanov, N. S. (2001). Blagodatskaia gornaia ekspeditsiia 1739–1742 gg. i volna kontraktnoi immigratsii saksontsev na Ural [Blagodatsk Mining Expedition in 1739–1742 and Saxons' Immigration to the Urals]. In N. N. Baranov (Ed.), *Nemtsy na Urale i v Sibiri (XVI–XX vv.)* [Germans in the Urals and Siberia between the 16th and 20th Centuries] (pp. 114–115). Yekaterinburg: Volot. (In Russian)

Maslennikov, A. V. (2003). Rimsko-katolicheskaia tserkov' v Sibiri. Problemy i reformy v nachale XX veka [The Roman Catholic Church in Siberia. Challenges and Reforms at the Beginning of the 20th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 276, 140–146. (In Russian)

Mironov, B. N. (2007). Novaia istoricheskaia demografiia imperskoi Rossii (II): analiticheskii obzor sovremennoi literatury [A New Historical Demography of Imperial Russia (Pt. II)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriiia 2. Istoriiia*, 1, 104–110. (In Russian)

Mosunova, T. P. (1997). Iz istorii Rimsko-katolicheskogo prikhoda v Ekaterinburge [History of Yekaterinburg Roman Catholic Parish]. In S. P. Postnikov (Ed.), *Pervye Tatishchevskie chteniia* [1st Tatishchev Readings] (pp. 158–161). Yekaterinburg: IIIA UrO RAN. (In Russian)

Mosunova, T. P. (2004). Dukhovenstvo ekaterinburgskogo katolicheskogo prikhoda Sviatoi Anny v XIX — pervoi polovine XX v. [St Anna's Catholic Church Priests of the 19th — Early 20th Centuries Yekaterinburg]. In S. P. Postnikov (Ed.), *Piatye Tatishchevskie chteniia: dukhovnost' i npravstvennost' na Urale v proshlom i nastoiashchem* [5th Tatishchev Readings: Spirituality and Morality in the Urals: History and Contemporary Situation] (pp. 168–174). Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii. (In Russian)

Mozel', Kh. (1864). *Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannnye ofitserami General'nogo shtaba. Permskaia guberniia* [Materials on Russia's Geography and Statistics. Perm] (Pt. 2). Saint Petersburg: General'nyi Shtab. (In Russian)

Nedzeliuk, T. G. (2014). Formirovanie konfessional'nogo soobshchestva katolikov Sibiri v 1830–1917 gg. [The Formation of a Confessional Community of Siberian Catholics in 1830–1917]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*, 2 (25), 107–114. (In Russian)

Samylovskaja, E. A. (2013). Sotsial'nye svyazi peterburgskikh katolikov v pervoi polovine XVIII veka [Social Connections of Saint Petersburg Catholics in the First Half of the 18th Century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 9–2 (35), 153–158. (In Russian)

Samylovskaja, E. A. (2014). Metricheskie knigi rimsko-katolicheskoi tserkvi sviatoi Ekateriny Aleksandriiskoi kak istochnik po istorii katolicheskoi obshchiny Sankt-Peterburga v pervoi polovine XVIII v. [Parish Registers of the Roman Catholic Church of St Catherine of Alexandria as a Source on the History of the Catholic Community of Saint Petersburg in the First Half of the 18th Century]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 1, 269–274. (In Russian)

Simanov, I. I. (Ed.). (1889). *Gorod Ekaterinburg. Sbornik istoriko-statisticheskikh i spravocnykh svedenii po gorodu s adresnym ukazatelem i s prisoedineniem nekotorykh svedenii po Ekaterinburgskomu uezdu* [Yekaterinburg City. A Collection of Historical and Statistical Data on the City, with Addresses, Some Additional Data on Yekaterinburg Uyezd]. Yekaterinburg: «Yekaterinburgskaja nedelia». (In Russian)

Troinitskii, N. A. (Ed.). (1904). *Pervaia vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii, 1897 g.* [The 1st National Census of the Russian Empire, 1897]. (Vol. XXX). *Permskaia guberniia. Izdanie tsentral'nogo statisticheskogo komiteta ministerstva vnutrennikh del* [Publication of Perm Province Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs]. Saint Petersburg: Slovo. (In Russian)

Received 4 July 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.045
УДК 316.356.2 + 94(470)“1918/1922” +
+ 314.02 + 329.8

Л. Н. Мазур
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

СЕМЬЯ КОММУНИСТОВ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (по материалам Всероссийской партийной переписи 1922 г.)*

В статье рассматривается влияние идеологических факторов (коммунистических идей) на трансформацию семьи в советской России, изменение ее размеров, функций, структуры, правовых основ. В 1920-е гг. шло активное реформирование семьи, в основе которого лежали как объективные факторы, связанные с модернизацией общества, так и субъективные. В этом смысле советский опыт сегодня рассматривается как попытка сознательного конструирования общественных процессов с целью претворения в жизнь идеальных представлений об обществе будущего. Одним из последствий реформирования семьи в 1920-е гг. стало появление множества ее вариантов, сложившихся, в том числе, под влиянием идеальных представлений.

Анализ раннесоветской семьи опирается на изучение уникального источника — материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. На их основе была проанализирована семейная структура членов партии. Изучение семьи коммунистов интересно тем, что они представляли собой социальную группу, наиболее подверженную влиянию идеологических факторов. По состоянию партийной среды можно судить о тенденциях, направленности и глубине изменений семейной организации раннесоветского общества в целом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Советская Россия; 1918–1920-е гг.; реформирование семьи; Перепись членов РКП(б); типология семей; традиционная семья; современная семья.

Одним из направлений исследований российской семьи в раннесоветский период является изучение влияния идеологических факторов на ее трансформацию, изменение структуры и функций. 1920-е гг. вошли в историю России как время активного реформирования семьи, в основе которого лежали, во-первых, объективные модернизационные факторы, обеспечивающие постепенный и закономерный переход семьи от традиционного формата к современному; а во-вторых, попытки социального конструирования института семьи в соответствии с коммунистическими идеями и представлениями о роли и месте семейной организации в обществе будущего. Как результат комплексного влияния этих двух факторов, семейные процессы в СССР приобрели специфические черты — это ускоренная и серьезно искаженная эмансипация женщин; перераспределение

*Тема поддержана грантом РФФИ 15-06-05611 «Типология раннесоветской семьи по материалам партийных переписей 1920-х гг.».

функций воспитания детей между семьей и государством на фоне сохранявшейся патриархальной структуры внутрисемейных отношений.

Изменения в институте семьи начались в России еще во второй половине XIX в., когда в обществе стали активно обсуждаться вопросы секуляризации брака, расширения прав женщин. Серьезный удар по сложившейся в Российской империи системе семейно-брачных отношений нанесла Первая мировая война, которая заметно подорвала существующие устои и нормы.

Революция законодательно закрепила наметившиеся в начале XX в. тенденции. В декабре 1917 г. были приняты первые декреты советской власти по вопросам брака и семьи, среди них Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния; Декрет о расторжении брака [Декрет ВЦИК и СНК; 16 (29) декабря 1917 г.; 18 (31) декабря 1917 г.; Казьмина, Пушкарева]. В дальнейшем они легли в основу нового Кодекса о браке и семье 1918 г. Согласно этим декретам, основной формой брака провозглашался *гражданский брак*, основанный на принципах добровольности и зарегистрированный в органах ЗАГС. Церковный брак становился частным делом. Эти нормы соответствовали марксистским представлениям об индивидуальной половой любви как единственном законном основании для создания семьи [Крупская].

Формально законодательство уравнивало семейные права мужчин и женщин, хотя современники отмечали возросшую в условиях стремительной демократизации института семьи правовую незащищенность женщин [см.: Лисицын]. Наблюдая за произошедшими после революции изменениями в семейно-брачных отношениях, П. А. Сорокин отмечал кризис семьи, которая стала прикрытием для стихийных половых связей. Он писал: «На 10 000 браков в Петрограде теперь приходится 92,2 % разводов — цифра фантастическая, причем из 100 расторгнутых браков 51,1 % были продолжительностью менее одного года, 11 % — менее одного месяца, 22 % — менее двух месяцев, 41 % — менее 3–6 месяцев и лишь 26 % — свыше 6 месяцев. Эти цифры говорят о том, что современный легальный брак — форма, скрывающая по существу внебрачные половые отношения и дающая возможность любителям “клубники” “законно” удовлетворять свои аппетиты» [см.: Сорокин, с. 79].

В 1926 г. был принят новый Кодекс о браке и семье [Кодекс законов о браке...]. В нем особое внимание было уделено вопросам признания судом фактического брака и процедуре прекращения брака. Таким образом, советское законодательство сделало значительный шаг вперед по пути демократизации института семьи, секуляризации брака, формирования новых внутрисемейных отношений, основанных на любви и уважении, однако этого было недостаточно для коренных перемен в семейно-брачных отношениях.

Выйдя из-под надзора церкви, советская семья не сразу попала под контроль государства, пережив в 1920-е гг. период поиска новой модели отношений, основанной на упрощенных представлениях о равенстве и любви. В центре развернувшихся вокруг семьи дискуссий находились идеологи советского феминизма — И. Арманд и А. Коллонтай. Они пропагандировали единственно

возможную форму брака как союза, основанного на любви [Коллонтай, 1918; 1921]. Более того, семья рассматривалась многими как временное явление, на смену которому идет коллектив — коммунистический идеал общественной организации, который должен был заменить и вытеснить все остальные формы межличностного взаимодействия [Панин, с. 113].

Первоначально представления о формах преобразования семьи были очень противоречивые. В них, как в зеркале, отражались процессы, происходившие в обществе в целом. В 1920-е гг., когда отрицалось все, что было связано с царской Россией (церковь, школа, искусство и пр.), семья также оценивалась как явление прошлого. Такая ситуация сохранялась на протяжении 1920-х гг. и только в 1930-е гг. происходит поворот к традиционным ценностям, среди которых свое место заняла семья. Она стала объектом государственного регулирования и контроля, начиная от регистрации брака и развода и заканчивая деторождением, воспитанием детей. Одновременно, на фоне роста женской занятости в общественном производстве, происходит реставрация патриархальных внутрисемейных отношений.

К концу 1930-х гг. в советском обществе сложилась новая эталонная модель «советской» семьи, в которой все совершеннолетние члены семьи обязаны были работать, выполняя свой долг перед Родиной. Основной функцией семьи стало обеспечение условий для воспроизводства рабочей силы, т. е. она сохранила статус производственной ячейки общества, но не самостоятельной, а в качестве своеобразного придатка промышленного предприятия или учреждения. Официальный патронаж советской семьи осуществлялся через профсоюзы, в задачи которых входили мероприятия по поддержке и укреплению семьи. Воспитание детей стало заботой государства. Окончательно эта модель семьи утвердилась уже в 1960-е гг., когда, по мнению А. Г. Вишневого, «место старой традиционной семьи заступает новая, достаточно стабильная супружеская малодетная семья городского типа, сильно отличающаяся от патриархальной, но все же сохраняющая по отношению к ней определенную преемственность» [Вишневский].

* * *

История семьи в раннесоветский период изучалась весьма активно. В отечественной науке этим вопросам были посвящены многочисленные труды демографов и социологов, среди которых выделяются работы А. Г. Харчева, А. Г. Вишневого, С. Н. Гаврова, А. Г. Волкова и др. [см.: Харчев; Вишневский; Волков; Гавров; Черных; Шаповалова; и др.]. К наиболее обсуждаемым темам относились политика государства в области семьи и брака и ее влияние на становление современного типа семьи; анализ изменений структуры и функций семьи, в частности воспитания детей; исследование процессов эмансипации.

В западной историографии вопросы реформирования семьи в раннесоветский период также всегда вызывали большой интерес. Спектр оценок исследователей весьма широк: от жесткой критики мероприятий власти до попытки разобраться в хитросплетении факторов и тенденций, проявившихся в сфере

семейно-брачных отношений в 1920–1930-е гг. [см.: Менерт; Glass, Stolee]. Свой вклад в изучение процессов реформирования семьи внесли работы, написанные в жанре микроистории, среди которых можно отметить статью Кэти Тортон, посвященную семье В. И. Ленина [см.: Turton]. Тема положения женщин в семье в первые годы советской власти нашла отражение в монографии Уэнди Голдмэн [см.: Goldman]. Социально-правовые аспекты советской семейной политики 1920–1930-х гг. стали объектом исследования Лорен Камински [см.: Kaminsky]. В целом, оценивая уровень историографического осмысления истории раннесоветской семьи, можно согласиться с Уэсли Фишер и Леонидом Хотиним, которые еще в 1977 г. отмечали, что история советской семьи в 1920-е гг. находится в тени споров по поводу ее будущего при коммунизме [см.: Fisher, Khotin].

Изучая раннесоветскую семью, нужно иметь в виду, что 1920-е гг. — это особое время, когда конструирование властью новых социальных форм совпадало с настроениями значительной части общества, т. е. инициативы «сверху» получали активную поддержку «снизу». Как коммунистические лозунги влияли на семейную структуру советского общества? Насколько менялся демографический портрет семьи? Ответ на эти вопросы можно найти в материалах Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. [см.: Воробьев, 2004; Mazur, Gorbachev; Наумов, Шепелев; Теплякова; и др.].

Основной целью проведения переписи был учет и «чистка» состава членов партии. Был разработан переписной бланк, содержащий 59 вопросов по социально-демографическим, культурным, партийным характеристикам членов партии. Среди них есть вопросы, связанные с описанием семьи, которые и послужили основным источником сведений о семейной структуре членов партии. Переписные бланки сохранились в архиве полностью [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 557–645] и были изучены с использованием методов выборки, а также формализации сведений бланков и представлении их в виде базы данных.

Изученный массив документов охватил Екатеринбургскую партийную организацию, которая по данным переписи включала 874 партийные ячейки с общим числом членов и кандидатов партии — 14 662 чел. (0,7 % от численности населения губернии). В переписи приняли участие 12 038 человека, т. е. 94,2 %. В составе партии преобладали рабочие и крестьяне (79,2 %), около половины которых вступили в партию в 1919 г. [Там же, д. 645а, л. 3 об.–4]. Около (77,3 %) членов партии в Екатеринбургской губернии имели начальное образование. Удельный вес имеющих высшее и среднее образование не превышал 3 %. В целом распределение членов партии Екатеринбургской губернии по социальному происхождению и уровню образования соответствует общим параметрам российского общества. Около $\frac{1}{3}$ членов партии проживали в городах и 67 % — в сельской местности (в деревнях и заводах) [Там же, л. 1–2]. Половозрастная структура губернской организации РКП(б) характеризуется преобладанием мужчин в молодом и зрелом возрасте. В ее составе насчитывалось 13 105 мужчин (89,4 %) и 1 557 женщин (10,6 %). Все перечисленные выше

сведения о составе парторганизации важны с точки зрения понимания семейных процессов и структуры партийной семьи.

С целью изучения материалов переписи была проведена случайная выборка, объем которой составил 517 анкет (3,5 % от всей совокупности). Сведения о численности и составе семье содержат 505 анкет. Они были использованы для изучения семейной структуры членов партии. Кроме того, методом целевого отбора была сформирована дополнительная выборка, включающая 254 анкеты. В них содержалась более развернутая информация о семье, позволяющая реконструировать ее демографический тип.

Оценка репрезентативности выборки была проведена на основе сравнения ее параметров с генеральной совокупностью. Имеется заметное расхождение по показателям социального состава партийной организации: по итогам официальной разработки материалов переписи удельный вес рабочих в структуре партийных организаций Екатеринбургской губернии составил 41,5 %, крестьян — 37,8 %, а служащих — 15,7 % [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 645а, л. 4]; в полученной выборке удельный вес рабочих и крестьян заметно ниже — 17,6 % и 18,9 % соответственно. И напротив, советские служащие, партийные функционеры, работники силовых структур составили более половины членов партии (57,6 %)¹. Причина расхождения кроется в том, что при разработке итогов переписи социальное происхождение определялось по характеру занятий опрашиваемых *до революции*. К 1922 г. большинство из них уже получили «портфель», т. е. перешли в категорию советских и партийных служащих. В целом полученная выборка пропорциональна генеральной совокупности (Екатеринбургской партийной организации) по основным структурным параметрам, в том числе по таким признакам как пол, образование, место жительства, что позволяет рассматривать ее как репрезентативную для изучения партийной семьи.

Семейная структура членов РКП(б) Екатеринбургской губернии в 1922 г.

В бланк переписи были включены всего два вопроса о семье: сколько работников и сколько иждивенцев в семье члена партии. Данная информация позволяет реконструировать состав семьи по численности, а также распределение по числу работников и по числу иждивенцев. Если соотнести эти базовые сведения с другой социально-демографической информацией (место жительства, пол, возраст, социальное происхождение, национальность, образование, род занятий и пр.), то возникает возможность изучения факторов влияния на численность и состав семьи, в том числе идеологических и пропагандистских штампов, эмансипации и модернизационных процессов.

По данным случайной выборки в семейной структуре членов партии преобладали малые семьи (от 2 до 4 чел.): в них проживали около половины коммунистов

¹ Здесь и далее, если нет ссылок, показатели рассчитаны на основе выборки.

(49,5 %) (см. рис. 1). Такое распределение соответствует возрастной структуре изучаемой совокупности, где молодежь в возрасте до 30 лет составляла около половины (44,5 %). Средний состав семьи насчитывал 3,97 чел., а модальный показатель соответствовал значению 4 чел.

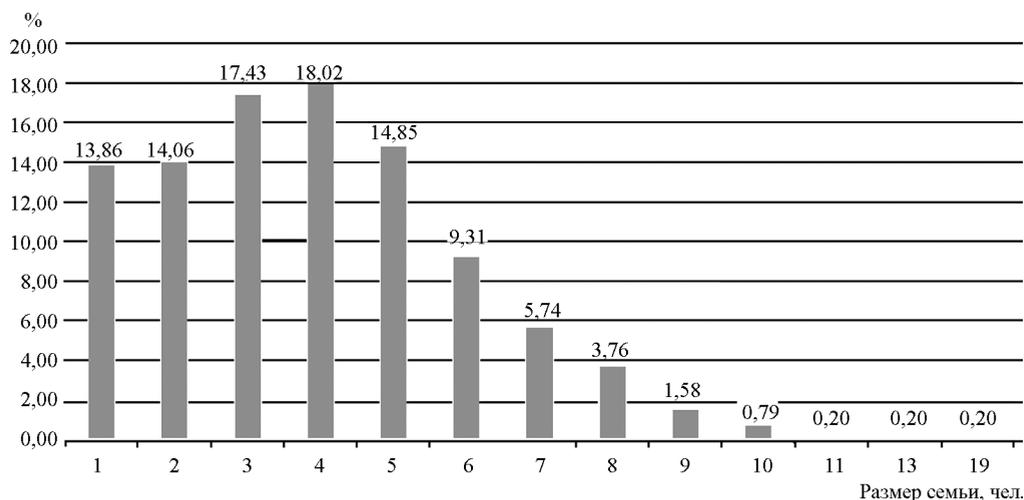

Рис. 1. Распределение семей членов партии по численности

Обращает на себя внимание высокий удельный вес одиноких коммунистов, который составил 13,9 %. Среди них преобладала молодежь до 24 лет — 52,9 %; с 25 до 34 лет — 40 %. В старших возрастных группах доля одиноких резко снижается (с 35 до 44 лет — 4,3 %; свыше 45 лет — 2,9 %). Женщины среди одиноких составили более трети (33,9 %), что дает основание для вывода о «военных» причинах одиночества как результате нарушения баланса полов.

По социальному статусу среди одиноких членов партии доминировали военнослужащие. Их удельный вес составил 38,6 %, служащие насчитывали 21,4 %, партийные и советские работники — 11,4 %, рабочие — 10 %, крестьяне — 10 %, учащиеся и пр. — 8,6 %.

Особый интерес представляет категория одиноких служащих, партийных и советских работников в возрасте 25–34 лет (примерно 2,4 % от всего объема случайной выборки), видимо, сознательно выбравших внесемейные стратегии. В партийно-номенклатурной среде эти настроения могли подпитываться представлениями о семье как проявлении мещанства. Крайним выражением революционной мифологии стало распространение мнений о том, что семья является пережитком прошлого и не соответствует образу борца за революцию. Ее носителями часто выступали интеллигенты. В одной из анкет приводятся сведения о 30-летнем молодом человеке (партийный стаж с 1914 г.), холостом,

окончившем Лондонский университет, посвятившем себя партийной работе. В характеристике, прилагаемой к анкете, подчеркнуто: «интеллигент, постепенно теряющий веру в революцию, безусловно честный» [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 571, л. 59–60]. Одинокие коммунисты со средним или высшим образованием и непролетарским происхождением (чаще всего из купцов и мещан) встречаются в материалах переписи достаточно часто, их удельный вес составил 18,6 %. Многие из них в ходе переписи были исключены из партии [Там же, д. 568, л. 310].

В целом, одиночество представляет собой особое социальное явление, с которым часто связывают процессы модернизации семьи. Его рассматривают как реакцию на происходящие в обществе перемены (урбанизация, ослабление межличностных отношений, ломка традиций и т. д.), которые способствуют усилению индивидуализма и эгоцентризма [Михайлова; Садлер, Джонсон]. С позиций семьи одиночество становится одним из вариантов образа жизни, сознательно выбираемого человеком, поскольку отказ от семьи нередко воспринимается как условие для реализации индивидуальных жизненных стратегий.

Структура семьи в программе переписи зафиксирована по двум основным параметрам — количество *работников* и *иждивенцев*. Включение этих вопросов в программу, видимо, преследовало цель уточнить степень занятости членов партии семейными проблемами и их ориентированность на общественно полезную практику. Подобный взгляд на семью как экономическую и потребительскую ячейку характерен для традиционного общества: соотношение числа работников и едоков — это основной показатель, оценивающий экономический потенциал крестьянской семьи.

Реконструкция структуры семьи по количеству работников на основе данных анкеты имеет свои особенности. Под *работником* обычно понимался член семьи, имеющий заработную плату, т. е. работающий в учреждении или на заводе. В анкетах крестьян все члены семьи указывались *иждивенцами*, так как они не получали «заработную плату». В результате крестьянская семья, где имело место половозрастное разделение труда, и соотношение числа работников и иждивенцев носило более сложный характер, в материалах переписи отражена некорректно. Для получения более достоверной картины сведения о крестьянских семьях были исключены из анализа (табл. 1).

В подавляющем большинстве семей членов партии (рабочих и служащих) отмечен один работник, преимущественно мужчина (см. табл. 1). И только в 20,5 % семей зафиксировано 2 и более работника, в том числе 15,7 % составили семьи из 2 человек; 3,8 % — из 3 человек; 0,7 % — из 4 человек; 0,3 % — из 5 и более человек. Больше половины семей состоят из 4–6 человек, средний состав — 5,2 человек. Треть семей с 2 и более работниками проживали в городе (31,8 %), в заводских поселках — 19,1 % и около половины (49,1 %) — в сельской местности.

Таблица 1

*Распределение семей членов партии по числу членов семьи и количеству работников (за исключением крестьянских семей)**

Число членов семьи	Количество работников в семье, чел.								Удельный вес, %
	Нет	1	2	3	4	5	6 и более	Всего	
1	0	63	0	0	0	0	0	63	15,7
2	1	47	7	0	0	0	0	55	13,8
3	0	57	7	2	0	0	0	66	16,5
4	0	60	16	1	1	0	0	78	19,5
5	1	39	15	3	0	0	0	58	14,5
6	1	24	8	2	0	0	0	35	8,8
7	0	14	5	3	1	0	0	23	5,7
8	0	9	4	1	1	0	0	15	3,8
9	0	1	0	2	0	0	0	3	0,7
10	0	1	1	0	0	0	0	2	0,5
11	0	0	0	1	0	0	0	1	0,25
13	0	0	0	0	0	0	1	1	0,25
Итого	3	315	63	15	3	0	1	400	
Удельный вес семей, %	0,7	78,8	15,7	3,8	0,7	0	0,3		100

*Расчитано на основе обработки материалов выборки Всероссийской партийной переписи 1922 г.

В традиционном обществе количество работников в семье растет за счет вступления в трудоспособный возраст мужчин: такую картину мы можем наблюдать в старших возрастных группах коммунистов. Не менее значимой причиной изменения трудо-потребительского баланса семьи в 1920-е гг. становится трудовая занятость женщин. В 1922 г. доля женщин в составе рабочих и служащих составляла 25 %, а к 1940 г. она достигла 39 % [Народное хозяйство..., с. 469]. Членство в партии было очень важным фактором, влияющим на поведение женщин, 83 % из них работали: большинство было занято в крестьянском хозяйстве, на рабочих специальностях или в качестве служащих; 9,4 % работали в партийных или советских органах.

Таким образом, анализ трудо-потребительского баланса партийной семьи свидетельствует: во-первых, о сохранении в раннесоветском обществе традиций внутрисемейного распределения функций, в соответствии с которыми глава семьи должен был кормить и содержать всех ее членов; во-вторых, о росте женской занятости, постепенно меняющей семейные роли.

Демографический тип семьи

Характеристику партийной семьи по численности дополняет группировка по демографическому типу, которая учитывает состав семьи, в том числе состояние в браке главы семьи (полные / неполные семьи), а также ее поколенную структуру (простая (нуклеарная) / сложная). Группировка по демографическому типу была проведена на основе дополнительной целевой выборки (254 анкеты).

Таблица 2

Распределение семей членов РКП(б) по демографическим типам

Тип семьи по П. Ласлетту	Демографический тип	Количество	Удельный вес без учета одиноких (%)	Удельный вес с учетом одиноких (%)
1а + 1б	Одинокие			13,86
Полные семьи				
3а	Брачная пара без детей (простая)	52	20,47	17,64
4а	Брачная пара с детьми и родителями (расширенная по восходящей)	30	11,81	10,17
4в + 4г	Брачная пара без детей с родителями и родственниками (сложная)	27	10,63	9,16
3б	Брачная пара с детьми (простая)	94	37,01	31,88
5г	Братская семья (сложная)	1	0,39	0,34
Неполные семьи				
3в + 3г	Глава семьи (мать или отец) с детьми (простая)	9	3,54	3,06
4а	Глава семьи с детьми и родителями (расширенная по восходящей)	6	2,36	2,03
4г	Глава семьи с родителями и родственниками (сложная)	29	11,42	9,83
4в	Глава семьи с родственниками (расширенная)	6	2,36	2,03
Итого		254	100,00	86,14
Всего			(294,86)	100,00

Таким образом, в целевой выборке полные семьи составили 80,31 %, из них почти $\frac{2}{3}$ (71,8 %) были простыми (нуклеарными) и 28,2 % можно охарактеризовать как расширенные и сложные. Обратная картина наблюдается среди неполных семей, удельный вес которых в выборке составил 19,68 %. В этой группе простые семьи составили всего 18 %, остальные относятся к категории расширенных и сложных.

Особенностью дополнительной целевой выборки было то, что в нее не включались одинокие, а только семьи из 2 и более человек, которые по основной выборке составили 86,14 %. Если учесть этот момент, то доли выделенных типов семейных коллективов будут меньше на несколько процентов (см. табл. 2). Кроме того, данное распределение не вполне репрезентативно для всего раннесоветского общества, поскольку имеются искажения, определяемые особенностями половозрастной структуры партийной организации, но оно отражает общие тенденции и поэтому заслуживает внимания.

В партийной среде преобладали *полные семьи*, причем более половины из них (68,3 %) относились к малым нуклеарным (2–4 человека), это были преимущественно семьи молодых членов партии (до 34 лет) — рабочих и служащих, проживающих в городах и заводских поселках. Многочисленные полные семьи (5–8 человек) встречаются у разных категорий населения (рабочие, крестьяне, служащие). Их объединяет то, что глава семьи относится к средней возрастной группе (35–44 года), половина из них — это многодетные семьи, другая половина — многопоколенные, неразделенные.

В целом полученные данные свидетельствуют о сохранении в партийной среде традиций брачного поведения, связанного с созданием семьи в раннем возрасте (до 25 лет). После 20 лет подавляющее большинство мужчин — членов партии были женаты и имели детей. Если дети отсутствовали, то молодая пара проживала с родителями.

Каждая пятая семья (19,8 %) в изучаемой совокупности была *неполной* и представлена в основном вдовами / вдовцами, на содержании которых имелись дети и/или родители. Среди неполных семей две трети (78 %) составили малые семейные коллективы (2–4 человека) и 22 % — семьи из 5 и более человек. Многочисленные семьи встречаются преимущественно в крестьянской среде: примером может служить семья члена партии из с. Меркушино — вдовца с 2 детьми и родителями, который написал заявление о выходе из состава партии по причине болезни и непонимания политики нэпа [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 560, л. 6, 8].

Две трети неполных семей (73,5 %) возглавлялись мужчинами и только $\frac{1}{3}$ — женщинами. Такое распределение нетипично и детерминировано гендерными особенностями состава партии. По сведениям Н. И. Воробьева, изучавшего семью в г. Нерехте в 1923 г. [Воробьев, 1987], удельный вес неполных семей в структуре населения города был существенно выше и достигал 30,5 %, а в 9 из 10 неполных семей роль главы семьи выполняла женщина.

Представленная выше типология соотносится с классификационной схемой П. Ласлетта (P. Laslett), в которой акцент сделан на поколенной структуре семьи [см.: Ласлетт]: простые семьи в нашей выборке составили больше половины — 61,1 %; сложные семейные коллективы — 38,9 % (это семьи, включавшие, помимо родительского ядра, бабушек / дедушек, братьев / сестер и пр., т. е. ближайших родственников, нуждающихся в материальной поддержке и находящихся на содержании у члена партии). В материалах переписи можно найти многочисленные примеры неразделенных семей, в которых глава семьи проживал вообще

отдельно — в городе, а его жена, дети, родители — в деревне [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 571, л. 123–124]. Причиной такого раздельного проживания могло быть отходничество [Там же, д. 567, л. 266] либо военная служба [Там же, д. 564, л. 8; д. 561, л. 62–63].

Социальная типология семьи

Семейная структура членов партии в значительной степени определялась половозрастными особенностями состава РКП(б), поэтому соотносить ее с населением Екатеринбургской губернии в целом нельзя. Однако дифференцированный подход к анализу материалов переписи (по отдельным возрастным и социальным группам) позволяет в значительной мере сгладить эти искажения и получить более точное представление о семейной организации раннесоветского общества. В этой связи большой интерес представляет *распределение семей в зависимости от той социальной группы, к которой относился член партии* — крестьянство, рабочие, служащие, партийно-советские работники, военнослужащие (см. табл. 3).

Таблица 3

*Распределение семей в зависимости от социальной принадлежности членов партии, %**

Категории семей	Рабочие	Крестьяне	Служащие	Партийно-советские работники	Военнослужащие**	Прочие***	Итого
Одинокие	8,4	6,7	12,5	10,2	28,7	24,0	13,9
Малая семья (2–4 чел.)	43,4	48,6	55,8	51,3	48,9	40,0	49,4
Средняя семья (5–8 чел.)	48,2	37,1	30,8	34,6	20,3	32,0	33,7
Большая семья (9 и более чел.)	0,0	7,6	0,8	3,9	2,1	4,0	3,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Удельный вес семей, %	16,4	20,8	23,8	15,4	18,6	5,0	100,0

* Рассчитано на основе обработки материалов выборки Всероссийской партийной переписи 1922 г.

** К военнослужащим отнесены не только те, кто служил в действующей армии, но и сотрудники Чрезвычайных комиссий (ЧК), Частей особого назначения (ЧОН), милиции, следственных органов, т. е. сотрудники «силовых» структур.

*** В категорию прочих вошли учащиеся, домохозяйки, неработающие члены партии.

По табл. 3 видно, что семейная структура различных социальных групп отличается. При общем преобладании малых семей, для крестьян характерны

самый низкий удельный вес одиноких, напротив, самая высокая доля крупных семей (свыше 9 человек). Рабочие демонстрируют низкий показатель числа одиноких и повышенную долю семей с количеством человек от 5 до 8. В категории служащих и партийно-советских работников растет количество одиноких и отмечается более половины малых семей.

Критерий независимости Пирсона (Neuman-Pearson criterion of independence) для качественных признаков позволяет оценить связь (расхождение / отталкивание) между социальными группами. В результате выделяются три типологические группы семей членов партии, отличающиеся по своим количественным характеристикам: 1 – семьи рабочих и крестьян; 2 – служащих и партийно-советских работников; 3 – военнотружущих (см. рис. 2).

Первую типологическую группу составили **семьи рабочих и крестьян**, их совокупный удельный вес достигает в выборочной совокупности 37,2 %. Для данной группы семей характерна схожая картина распределения, в частности по количеству одиноких. В целом они тяготеют к «традиционному» типу семьи, основанному на принципах патриархальности. В демографическом плане традиционная семья отличается высоким уровнем рождаемости и детской смертности, многопоколенной структурой и внутрисемейным распределением обязанностей с учетом гендерного и возрастного факторов. Семейные отношения строятся на нормах, известных с «Домостроя», в первую очередь – это подчиненность главе семьи всех остальных ее членов [см.: Мацковский, с. 48–49].

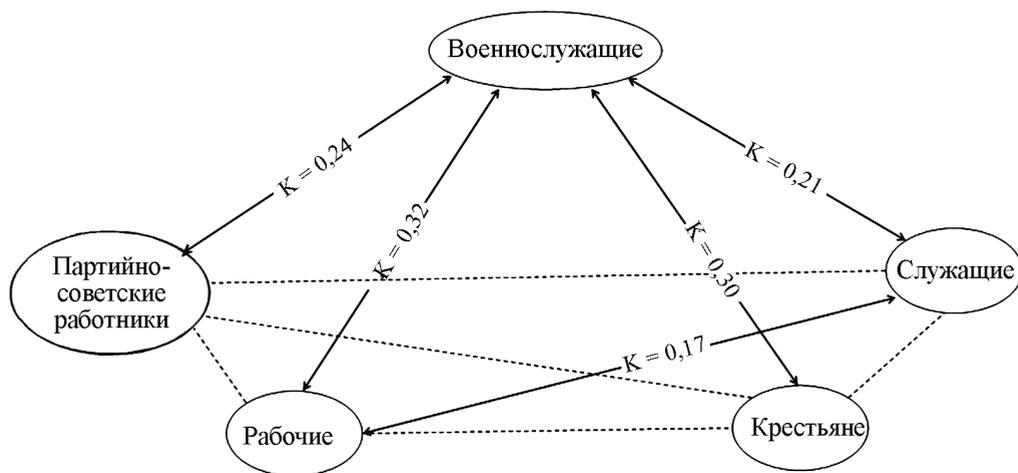

Рис. 2. Корреляционная плеяда социальных категорий семей

По итогам выборки в Екатеринбургской губернии *крестьянские семьи* в партийной среде составляли 20,8 %. Из них в 85,7 % случаев глава семьи был потомственным крестьянином, в 10,5 % – выходцем из горнозаводской среды (отец указан рабочим), по 0,9 % – из ремесленников и служащих. Таким образом,

социальная база крестьянской семьи осталась без изменений, маргинализация почти не коснулась этого слоя населения, что способствовало сохранению семейных традиций. Крестьянские семьи имели, как правило, сложную структуру, включая детей, иногда приемных, родителей, бабушек и дедушек. Об этом свидетельствует распределение семей по количеству членов: одинокие составляли 6,7 %, семьи из 2–4 человек — 48,6 %, 5–8 человек — 37,1 %, более 8 человек — 7,6 % (см. табл. 3). Средний состав семьи насчитывал 4,5 человека.

Семейная структура крестьян коррелирует с их возрастом. Возраст 15–24 года имели 7,6 %; 25–34 лет — 41,9 %; 35–44 года — 33,3 %; 45 лет и более — 17,1 %, т. е. среди крестьян преобладали средние возрастные группы с 30 до 40 лет. Большинство из них вступили в партию в зрелом возрасте, уже имея семью и детей. В целом, крестьянская семья была меньше других затронута модернизационными изменениями и дольше сохраняла патриархальные черты.

К *рабочей семье* по результатам выборки можно отнести всего 16,4 % — это те семьи, где глава семьи трудился на заводе, руднике, фабрике, на железной дороге. Среди них 53,2 % были потомственными рабочими, 31,6 % — выходцами из крестьян, 5,1 % — из ремесленной среды, 1,3 % — из служащих (мещан), в 8,9 % случаев нет сведений. По числу членов рабочие семьи распределялись следующим образом: из 1 человека — 8,4 %, из 2–4 человек — 43,4 %, 5–8 человек — 48,2 %, более 8 человек — 0 % (см. табл. 3). Средний состав рабочей семьи насчитывал 4,5 человек, т. е. был такой же, как у крестьян, модальный размер семьи составил 4–6 человек (55,7 % от всей совокупности). В большинстве семей отмечен один работник и высокий уровень детности. По целевой выборке большинство рабочих семей относится к демографическим типам «брачная пара с детьми», а также «брачная пара с детьми и родителями». Отмечены также неполные семьи — это преимущественно вдовцы с детьми и родителями.

Отличие городской рабочей семьи от крестьянской состояло в переходе на другую экономическую основу: основным источником средств существования был *заработок* главы семьи (мужчины), задача которого была прокормить жену и детей. Структура рабочей семьи быстро меняется в 1920-е гг. вместе с ростом занятости женщин, но все же сохраняет традиционные черты и приобретает в 1930-е гг. статус идеального типа, который стал пропагандироваться как «рабочая династия». При конструировании идеологии «рабочей династии» активно использовался устойчивый семейный образ — это большая, многопоколенная, неразделенная семья, возглавляемая потомственным рабочим и состоящая преимущественно из рабочих (жена, взрослые дети). Таким образом, рабочая семья приобретает идеологические функции. В позднесталинский период она стала эталоном советской семьи и рассматривалась властью как основа формирования нравственности молодых поколений. Следует отметить усилия власти по канонизации рабочей семьи-династии, формированию на ее основе нового архетипа, соответствующего идеологическим критериям и постепенно вытесняющего архетип крестьянской семьи.

В особую типологическую группу можно выделить *семьи служащих и партийно-советских работников*. Они в наибольшей степени попадали

под влияние модернизационных факторов и стали носителем новых тенденций в семейных отношениях. Семьи служащих и партийно-советских работников составляли 39,2 % от всей совокупности, около половины из них проживали в городе (45,9 %), остальные — в сельской местности (см. табл. 4). Для данной категории семей был характерен высокий удельный вес одиноких (более 10 %) и преобладание малых семей, большинство из которых относилось к нуклеарным. В среде партийно-советской номенклатуры иногда встречаются крупные семьи (3,9 %), что свидетельствует о влиянии традиции. Эти тенденции прослеживаются также в среднем размере семей: для служащих он составляет 3,7 человека, для советско-партийных работников — 4,2 человека. Среди семей служащих горожане встречаются в 54,2 % случаев, среди партийно-советских работников таких семей только 33,3 %.

Существенные отличия между городской и сельской местностью заметны в категории малых и средних семей: сельская семья советских служащих и партийно-советских работников тяготеет к традиционному типу (см. табл. 4), городская семья в демографическом отношении находится в состоянии перехода от традиционного типа к современному.

Таблица 4

*Распределение семей служащих и партийно-советских работников с учетом места жительства, %**

Категории семей	Город	Сельская местность	Всего
Одинокие	13,2	10,3	11,6
Малая семья (2–4 чел.)	58,2	50,5	54,1
Средняя семья (5–8 чел.)	27,5	37,4	32,8
Большая семья (9 и более чел.)	1,1	1,9	1,5
Итого	100,0	100,0	100,0
Удельный вес семей, всего %	45,9	54,1	100,0

* Рассчитано на основе обработки материалов выборки Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Особо следует остановиться на *семьях партийных и советских работников*, которые стали прототипом номенклатурной семьи, утвердившейся в 1930-е гг. Их удельный вес составил 15,4 % от всей совокупности. В этой категории более половины занимают малые семьи из 2–4 человек — 51,3 %; из 5–8 человек — 34,6 %; более 8 человек — 3,9 % (см. табл. 3). Модальный возраст членов партии в этой категории семей — 30–39 лет, они составили половину (50 %) от всех респондентов, относящихся к рассматриваемому типу. По социальному происхождению в 32,9 % случаев отец номенклатурного работника был рабочим, в 54,3 % — крестьянином, в 12,9 % — служащим. В абсолютном большинстве семей партийных и советских функционеров отмечен

один работник (73,1 %) и в каждой четвертой семье — 2 и более работников. Первоначально членство супругов в партии не влияло на распределение внутрисемейных обязанностей: женщины продолжали выполнять функции домохозяйки. Но с течением времени жены номенклатурных работников все активнее включались в партийную, советскую работу, поступали на службу в государственные учреждения.

В особую группу выделяются *семьи военнослужащих*. Она объединяет представителей всех силовых структур — военных срочной службы, милиционеров, сотрудников чрезвычайных комиссий и частей особого назначения, следователей и пр. Удельный вес данной категории семей составил 18,6 %, т. е. выше, чем количество семей партийно-советской номенклатуры и рабочих (см. табл. 3). Прежде всего, здесь зафиксирован самый высокий показатель одиноких — 28,7 % и наиболее низкий удельный вес средних семей — 20,3 %. Такое семейное поведение определяется прежде всего возрастным фактором: 74,5 % членов семей в данной группе имеют возраст до 29 лет. В 80,8 % случаев это семьи с одним работником, в остальных случаях фиксируются 2 и более работников. Средний состав семьи самый маленький — 3,2 человека. Очевидно, что здесь реализуется своя модель развития, траектории которой зависят от уровня оседлости и особенностей службы респондента.

Идеальные типы семей

Материалы партийной переписи интересны также тем, что помимо общей статистической картины семейного состояния и стратегий, они содержат информацию о новых формах семейной организации, которые в наибольшей степени являются результатом идеологического воздействия. Новые формы складывались под влиянием нескольких факторов: 1 — утопического социализма (семья-коммуна); 2 — революционного романтизма (семья как союз соратников по партии, посвятивших свою жизнь борьбе за общее дело). Эти варианты семьи представляли собой *идеальные модели*, соответствующие мифологии революционного обновления и сконструированные как антипод буржуазной семье. Будучи порождением идеи, они не имели серьезной перспективы и не меняли принципиально семейную структуру общества, но представляют собой любопытный феномен, особенно привлекательный для историков и социологов.

Среди идеально-сконструированных типов следует отметить прежде всего *семью-коммуну*, которая встречается в сельской местности. Уже в 1918 г. на базе национализированных поместий по призыву властей начинают создаваться сельскохозяйственные коммуны. Они представляли собой объединение нескольких крестьянских семей в одно хозяйство, основанное на обобществлении имущества и труда всех ее членов. Однако, в условиях революции идея коммуны нередко приобретала крайние черты и принцип обобществления распространялся на быт, образ жизни, семью, формируя у коммунаров представления о коммуне как новой общественной организации, заменяющей семью.

Согласно спискам населенных мест, на территории Екатеринбургской губернии в 1923 г. было отмечено 41 поселение, которые были зарегистрированы как коммуны [см.: Список населенных пунктов...]. В партийной организации Екатеринбургской губернии в 1922 г. 4,8 % членов партии были коммунарами. В их анкетах часто встречается описание коммуны как семьи — это коммуна «Крестьянин», расположенная в д. Никольское Камышловского уезда [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 585, л. 34; д. 578, л. 108]; коммуна «Муравейник» пос. Гольский Ирбитского уезда (в описании указана численность семьи 89 человек, в том числе работников — 37, иждивенцев — 52) [Там же, д. 567, л. 129; д. 558, л. 169.]; коммуна «Дом», расположенная в с. Михалево Ирбитского уезда [Там же, д. 589, л. 134]; коммуна «Красная звезда» [Там же, д. 582, л. 203; д. 578, л. 30]. Из информации, представленной в анкетах, видно, что регистраторы и сами респонденты затруднялись в обозначении своего семейного статуса, в том числе в определении количества работников и иждивенцев, включая в их число всех членов коммуны или, напротив, указывая «0». В последнем случае имелось в виду то, что в коммуне нет ни работников, ни иждивенцев — трудятся все. В целом, семья-коммуна представляет собой наиболее радикальный вариант преобразования крестьянской семьи.

Другой идеальный тип — *революционная семья* — сложился под влиянием революционного романтизма. Это супружеские пары профессиональных революционеров, как правило, без детей, связанные общей деятельностью. В качестве эталона выступала семья Ленина — Крупской, а также других деятелей большевистского движения.

Революционный тип семьи прослеживается в материалах переписи 1922 г. в нескольких версиях — старой (романтической) и новой (номенклатурной). К романтической версии относятся семьи членов партии с дореволюционным стажем (с 1903–1905 гг.) в возрасте от 35 до 62 лет, состоящие из 2–3 человек — коммунист, его жена (обычно работающая) и мать. Исключение составляет анкета, в которой описана семья из 13 человек, 9 человек стали ее членами «по случаю голода». Всего в выборке отмечено 2,6 % коммунистов с дореволюционным стажем.

Семейные стратегии профессиональных революционеров не получили широкого распространения среди молодежи, но послужили основой для формирования советской мифологии. В 1930-е гг. образ революционной семьи активно пропагандируется художественной литературой и кинематографом, так же, как и образ революционера-«святого», отринувшего семейное счастье ради борьбы за светлое будущее трудящихся.

В начале 1920-х гг. на смену романтическому идеалу революционной семьи приходит более жизненный тип — *номенклатурная семья*. К нему можно отнести семьи молодых партработников, которые активно привлекали в партию своих родственников — жен, братьев, сестер, обеспечивая благоприятные условия для карьеры. Так, например, в пос. Асбестовские Рудники муж — председатель Рудкома горнорабочих — способствовал приему в партию своей жены-домохозяйки [Там же, д. 557, л. 66, 67]. Семейные связи прослеживаются между членами партийной ячейки завода Валериановский: глава семьи вступил в партию

в 1918 г., через год в партию были приняты его брат и жена. В ходе переписи он был исключен из партии за хищения золота [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 570, л. 245, 248]. В дальнейшем с утверждением номенклатурных механизмов такая семейная стратегия становится для партийных чиновников нормой, а брак — залогом успешной карьеры.

Таким образом, особенностью номенклатурной семьи является принадлежность обоих супругов к РКП(б). Если в начале 1920-х гг. членство супругов в партии не влияло на распределение внутрисемейных обязанностей (женщины продолжали оставаться в роли домохозяйки), то с течением времени они все активнее включаются в партийную, советскую работу, поступают на работу в советские учреждения в качестве служащих. В 1930-е гг. усиливается контроль партийных организаций за семейным поведением членов партии, особенно функционеров, которые должны были служить образцом для рядовых коммунистов.

Выводы

Всероссийская партийная перепись дает нам специфический срез раннесоветского общества. Члены партии — это та социальная группа, которая в наибольшей степени подверглась влиянию идеологии и коммунистических идей. Оно проявилось не только в карьерных стратегиях, культурных или религиозных трансформациях, но и в семейном поведении членов партии. Наряду с трансформацией традиционной семьи в раннесоветском обществе появляются принципиально новые формы семей, среди которых особый интерес вызывают конструируемые идеальные типы — это *семья-коммуна* и *революционная семья*, которые выступают в качестве прямой трансляции циркулирующих в обществе идеологем.

Если подвести общий итог характеристике семейной организации членов партии, то следует отметить ее переходное состояние. При общем преобладании традиционных семейных структур, шел постепенный процесс демократизации семейной жизни, подкрепленный законодательными мероприятиями. Однако этот переход остался незавершенным.

Сохранение на протяжении 1920–1940-х гг. преимущественно традиционного формата семьи и даже включение его в число символов социалистического общества (как это произошло с рабочей семьей) было связано с незавершенностью модернизации, поддерживалось действием возвратных механизмов, способствовавших усилению традиционализма в сталинскую эпоху. В этом смысле для характеристики России первой половины XX в. вполне применим термин *полусовременное общество* («halbmoderne Gesellschaft»), предложенный У. Беком [см.: Бек, с. 234], который иллюстрирует сложный, извилистый путь модернизации российского общества.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Вишневский А. Г. Эволюция российской семьи: XX век: От крестьянской семьи к городской (продолжение) [Электронный ресурс] // Экология и жизнь. 2008. № 8. URL: <http://elementy.ru/lib/430651> (дата обращения: 28.06.2016).

Волков А. Г. Эволюция российской семьи в XX веке // Мир истории. 1999. № 4. С. 47–57.

Воробьев Н. И. Семья в Нерехте. (К вопросу об анализе семьи) // Советская демография за 70 лет (Из истории науки) / отв. ред. Т. В. Рябушкин. М.: Наука, 1987. С. 110–130.

Воробьев С. В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920–х гг.: Источниковедческое исследование материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.

Гавров С. Н. Историческое изменение института семьи и брака. М.: МГУДТ, 2009.

Декрет ВЦИК и СНК от 16 (29) декабря 1917 г. «О расторжении брака» [Электронный ресурс] // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 237–238. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-18.htm> (дата обращения: 28.06.2016).

Декрет ВЦИК и СНК от 18 (31) декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» 18 (31) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 247.

Казьмина О. В., Пушкарева Н. Л. Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 69–75.

Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://wap.praktika.borda.ru/?1-12-120-00000068-000-0-0-1176666001> (дата обращения: 28.06.2016)

Коллонтай А. Проституция и меры борьбы с ней. М.: Госиздат, 1921.

Коллонтай А. М. Семья и коммунистическое государство. М.; Пг.: Коммунист, 1918.

Крупская Н. К. Брачное и семейное право в Советской Республике // Крупская Н. К. Из атеистического наследия. М.: Наука, 1964. С. 57–64.

Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость. Семья за три века: сб. ст. / под ред. А. Г. Вишневого, И. С. Кона. М.: Статистика, 1979. С. 132–138.

Лисицын А. К. Вопрос о семье и браке (в дискуссионном порядке) // Коммунистка. 1923. № 12. С. 24–26.

Мацковский М. С. Социология семьи: Проблемы теории, методологии и методики. М.: Наука, 1989.

Менерт К. Советский человек. М.: Гослитиздат, 1959.

Михайлова А. И. Осмысление феномена одиночества как социального явления [Электронный ресурс] // Уч. зап. Забайкал. гос. ун-та (ЗабГУ). 2013. № 4 (51). С. 90–94. URL: <http://uchzap.ru/journals/587> (дата обращения: 28.06.2016).

Народное хозяйство СССР за 60 лет: стат. сб. М.: Статистика, 1977.

Наумов О. В., Шепелев В. Н. Материалы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. // Вопр. истории КПСС. № 4. 1986. С. 48–62.

Панин С. Е. Борьба с проституцией в России в 1920-х годах // Вопр. истории. 2004. № 9. С. 113–119.

Садлер У. А., Джонсон Т. Б. Лабиринты одиночества / пер. с англ.; сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989.

Сорокин П. А. Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // «Экономист»: избранное / сост.: В. В. Анашвили, А. Л. Погорельский. М.: Территория будущего, 2008. С. 79.

Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Екатеринбург: Изд. Екатеринбург. губ. стат. бюро, 1923.

Теплякова Т. П. Роль партийных переписей 1922 и 1927 гг. в укреплении рядов партии: дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1990.

Черных А. И. Крылатый Эрос и промфинплан // Социс. 1993. № 8. С. 105–113.

Шановалова Я. А. Политика большевиков в отношении семьи в первые годы Советской власти // Общество: политика, экономика, право. 2010. № 1. С. 105–107.

ЦДООСО. Ф. 76. Екатеринбургский губернский комитет РКП(б). 1918–1923. Оп. 1. Д. 557–645.

Fisher W. A., Khotin L. Soviet Family Research // Journal of Marriage and Family. Vol. 39. No. 2 (May, 1977). P. 365–374.

Glass B. L., Stolee M. K. Family Law in Soviet Russia, 1917–1945 // Journal of Marriage and Family. 1987. Vol. 49. No 4. P. 893–902.

Goldman W. Z. Women, the State, and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1993.

Kaminsky L. Utopian Visions of Family Life in the Stalin-Era Soviet Union // Central European History. 2011. Vol. 44. P. 63–91.

Mazur L., Gorbachev O. Primary Sources on the History of the Soviet Family in the Twentieth Century: an Analytical Review // The History of the Family. 2016. Vol. 21 (1). Special Issue : Three Centuries of Northern Population Censuses. P. 101–120.

Turton K. Revolution Begins at Home?: The Life of the First Soviet Family // Family and Community History. 2005. Vol. 8. Iss. 2. P. 91–104.

Статья поступила в редакцию 03.07.2016 г.

Мазур Людмила Николаевна

доктор исторических наук, заведующая
кафедрой документационного и информа-
ционного обеспечения управления
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: Lmaz@mail.ru

Mazur, Lyudmila Nikolayevna

Dr. Hab. (History),
Head of the Chair of Documentation
and Information Systems Management
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: Lmaz@mail.ru

**THE FAMILY OF YEKATERINBURG GOVERNORATE COMMUNISTS
(With Reference to the 1922 All-Russian Party Census)**

The article discusses the influence of ideological factors (communist ideas) on the family transformation in Soviet Russia, changes in the size, functions, structure, and legal frameworks of a family. In 1920s, there was an active family reformation, based on both objective factors relating to the modernization of society, and subjective ones. In this sense, the Soviet experience is now seen as a conscious attempt to design social processes in order to implement the concepts of an ideal society of the future. One of the consequences of family reformation in the 1920s was the appearance of its many varieties. Some of them were formed under the influence of idealistic views.

The analysis of the early Soviet family is based on the study of a unique source — the materials of the census of CPSU members in 1922. They enabled the author to analyze the structure of party members' families. The study of the Communist family is interesting because party members represented a social group most exposed to the influence of ideological factors. Relying on the situation in the party environment, one can form an idea of the trends, object and depth of changes in family organization of the early Soviet society as a whole.

Key words: Soviet Russia; 1918–1920s; family reformation; census of RCP(b) members; typology of family; traditional family; modern family.

Acknowledgements

The research topic is supported by grant #15-06-05611 “The Typology of the Early Soviet Family Based on the 1920s Party Censuses” of the *Russian Foundation for Basic Research*.

Bek, U. (2000). *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the Way to Another Modernity] (B. Sidel'nik, and N. Fedorova, Trans.). Moscow: Progress-Tradiciya. (In Russian)

Chernyh, A. I. (1993). Krylatyj Eros i promfinplan [The Winged Eros and the Industrial and Financial Plan]. *Socis*, 8, 105–113. (In Russian)

Dekret VCIK i SNK ot 16 (29) dekabrya 1917 g. «O rastorzhonii braka» [‘Decree of the Central Executive Committee and Soviet of People Commissars “On Annulment of Marriage”’]. (1957). In *Dekrety Sovetskoj vlasti* (Vol. 1. 25 oktyabrya 1917 g. — 16 marta 1918 g., pp. 237–238). Moscow: Gos. izd-vo politicheskoy literatury. Retrieved from <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17–12–18.htm>. (In Russian)

Dekret VCIK i SNK ot 18 (31) dekabrya 1917 g. «O grazhdanskom brake, o detyah i o vedenii knig aktov sostoyaniya» [‘Decree of the Central Executive Committee and Soviet of People Commissars “On Civil Marriage, Children and on Conducting Civil Status Acts Books”, 18 (31) December 1917’]. (1957). In *Dekrety Sovetskoj vlasti* (Vol. 1. 25 oktyabrya 1917 g. — 16 marta 1918 g., p. 247). Moscow: Gos. izd-vo politicheskoy literatury. (In Russian)

Fisher, W. A., & Khotin, L. (1977, May). Soviet Family Research. *Journal of Marriage and Family*, 39, 2, 365–374.

Gavrov, S. N. (2009). *Istoricheskoe izmenenie instituta sem'i i braka* [Historical Changes in the Institution of Family and Marriage]. Moscow: MGUDT. (In Russian)

Glass, B. L., & Stolee, M. K. (1987). Family Law in Soviet Russia, 1917–1945. *Journal of Marriage and Family*, 49, 4, 893–902.

Goldman, W. Z. (1993). *Women, the State, and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kaminsky, L. (2011). Utopian Visions of Family Life in the Stalin-Era Soviet Union. *Central European History*, 44, 63–91.

Kaz'mina, O. V., & Pushkareva, N. L. (2003). Rossijskaya sistema zakonov o brake v XX v. i tradicionnye ustanovki [Russian Marriage Law System in the 20th Century and Traditional Patterns]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4, 69–75. (In Russian)

Kharchev, A. G. (1990). *Brak i sem'ya v SSSR* [Marriage and Family in the USSR]. Moscow: Mysl'. (In Russian)

Kodeks zakonov o brake, sem'e i opeke 1926 g. [Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship of 1926]. Retrieved from <http://wap.praktika.borda.ru/?1-12-120-00000068-000-0-0-1176666001>. (In Russian)

Kollontaj, A. M. (1918). *Sem'ya i kommunisticheskoe gosudarstvo* [Family and the Communist State]. Moscow; Petrograd: Kommunist. (In Russian)

Kollontaj, A. (1921). *Prostituciya i mery bor'by s nej* [Prostitution and Prevention Measures]. Moscow: Gosizdat. (In Russian)

Krupskaya, N. K. (1964). Brachnoe i semejnoe pravo v Sovetskoj Respublike [Marriage and Family Law in the Soviet Republic]. In N. K. Krupskaya, *Iz ateisticheskogo naslediya* [From Atheistic Heritage] (pp. 57–64). Moscow: Nauka.

Laslett, P. (1979). Sem'ya i domohozyajstvo: istoricheskij podhod [Family and Household: a Historical Approach]. In A. G. Vishnevskij, & I. S. Kon (Eds.), *Brachnost', rozhdaiemost'. Sem'ya za tri veka: sb. st.* [Marriage, Birth Rate. Three Centuries of Family: A Collection of Articles] (pp. 132–138). Moscow: Statistika. (In Russian)

- Lisicyn, A. K. (1923). Voprosu o sem'e i brake (v diskussionnom poryadke) [On the Issue of the Family and Marriage (in Order of Discussion)]. *Kommunistka*, 12, 24–26. (In Russian)
- Mazkovskij, M. S. (1989). *Sociologiya sem'i: Problemy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of the Family: Issues of Theory, Methodology and Technique]. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Mazur, L. & Gorbachev, O. (2016). Primary Sources on the History of the Soviet Family in the Twentieth Century: an Analytical Review. *The History of the Family*, Vol. 21, Issue 1. Special Issue: Three Centuries of Northern Population Censuses, 101–120.
- Mehnert, K. (1959). *Sovetskij chelovek* [Soviet Man and His World]. Moscow: Goslitizdat. (In Russian)
- Mihajlova, A. I. (2013). Osmyslenie fenomena odinochestva kak social'nogo yavleniya [Understanding Loneliness as a Social Phenomenon]. *Uchenye zapiski Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta (ZabGU)*, 4 (51), 90–94. Retrieved from <http://uchzap.ru/ru/journals/587>. (In Russian)
- Narodnoe hozjajstvo SSSR za 60 let (1977): statisticheskij sbornik* [The National Economy of the USSR for 60 Years: Statistical Yearbook]. Moscow: Statistika. (In Russian)
- Naumov, O. V., & Shepelev, V. N. (1986). Materialy Vserossijskoj perepisi chlenov RKP(b) 1922 g. [Materials of CPSU Members Census of 1922]. *Voprosy istorii KPSS*, 4, 48–62. (In Russian)
- Panin, S. E. (2004). Bor'ba s prostituciej v Rossii v 1920-h godah [The Fight against Prostitution in Russia in the 1920s]. *Voprosy istorii*, 9, 113–119. (In Russian)
- Sadler, W. A., Jr., & Johnson, T. B. (1989). *Labirinty odinochestva* [The Anatomy of Loneliness] (N. E. Pokrovsky, Ed., Transl.). Moscow: Progress. (In Russian)
- Shapovalova, Ya. A. (2010). Politika bol'shevikov v otnoshenii sem'i v pervye gody sovetskoj vlasti [Bolshevik Policy Regarding the Family in the Early Years of Soviet Power]. *Obshchestvo: Politika, Ehkonomika, Pravo*, 1, 105–107. (In Russian)
- Sorokin, P. A. (2008). Vliyanie vojny na sostav naseleniya, ego svojstva i obshchestvennyu organizaciju [The Impact of War on the Composition of the Population, Its Characteristics and Social Organization]. In V. V. Anashvili, & A. L. Pogorel'skij (Eds.), *"Ekonomist": izbrannoe*. Moscow: Territoriya budushchego. (In Russian)
- Spisok naselennykh punktov Ekaterinburgskoj gubernii s vazhnejshimi statisticheskimi dannymi i alfavitnym ukazatelem* [List of Settlements of Yekaterinburg Province with the Most Important Statistical Data and an Index]. (1923). Yekaterinburg: Izdanie Yekaterinburgskogo gubernskogo statisticheskogo byuro. (In Russian)
- Tepljakova, T. P. (1983). *Rol' partijnykh perepisej 1922 i 1927 gg. v Ukreplenii ryadov partii* [The Role of the Party Census of 1922 and 1927 in Strengthening of the Party] (doctoral dissertation). Moscow. (In Russian)
- Turton, K. (2005). Revolution Begins at Home?: The Life of the First Soviet Family. *Family and Community History*, 8, 2, 91–104.
- Vishnevskij, A. G. (2008). Evolyuciya rossijskoj sem'i: XX vek: Ot krest'yanskoj sem'i k gorodskoj (prodolzhenie) [The Evolution of the Russian Family. 20th Century: From the Peasant to the City Family (Continued)]. *Ekologiya i zhizn'*, 8. Retrieved from <http://elementy.ru/lib/430651>. (In Russian)
- Volkov, A. G. (1999). Evolyuciya rossijskoj sem'i v XX veke [The Evolution of the Russian Family in the 20th Century]. *Mir istorii*, 4, 47–57. (In Russian)
- Vorob'ev, N. I. (1987). Sem'ya v Nerekhte (K voprosu ob analize sem'i) [Family in Nerekhta (On the Issue of Family Analysis)]. In T. V. Ryabushkin (Ed.), *Sovetskaya demografiya za 70 let (Iz istorii nauki)* [Soviet Democracy for 70 Years (From the History of Science)] (pp. 110–130). Moscow: Nauka. (In Russian)
- Vorob'ev, S. V. (2004). *Social'nyj portret kommunistov Urala nachala 1920-h gg.: Istochnikovedcheskoe issledovanie materialov Vserossijskoj perepisi chlenov RKP(b) 1922 g.* [Social Portrait of the Ural Communists in the Early 1920s: A Source Study Based on Materials of CPSU Members Census of 1922] (doctoral dissertation). Yekaterinburg. (In Russian)

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.046
УДК 351.755:39(=411.16) +
+ 94(476.7)“1941” + 314.02

Е. С. Розенблат
*Брестский государственный университет
им. А. С. Пушкина
Брест, Беларусь*

ПРОТОКОЛЫ ПАСПОРТИЗАЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК СТАТИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БРЕСТСКОГО ГЕТТО

В статье раскрывается значение использования массовых источников периода немецко-фашистской оккупации для получения данных о социально-демографической структуре еврейского населения г. Бреста накануне Великой Отечественной войны и в период существования брестского гетто. Подобный статистический источник по истории Холокоста достаточно редок, так как документация гетто в архивах бывших союзных республик СССР не сохранилась. В центре исследования — протоколы паспортизации еврейского населения, составленные в конце 1941 г. Количественные методы, примененные для обработки информации, заключенной в документах, взятых по принципу случайной выборки, позволяют получить репрезентативные данные о профессиональной структуре еврейского населения, половозрастном составе, соотношении квалифицированных и неквалифицированных кадров в среде евреев г. Бреста, культурно-языковой ориентации еврейского населения, его пространственном размещении на территории города. Материалы статьи основаны на обработке 12 тысяч протоколов паспортизации и 5 тысяч записей, касающихся детей, оказавшихся в гетто. Протоколы паспортизации жителей гетто г. Бреста позволяют дополнить материалы по демографии евреев Западной Беларуси первой четверти XX в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: массовый источник; протоколы паспортизации; статистика; случайная выборка; количественные методы; репрезентативность; демографические показатели; профессиональная структура; культурно-языковая ориентация; половозрастные признаки; гетто.

Благодаря использованию статистических источников и полученных с их помощью результатов историческое исследование приобретает четкие контуры, наглядность и обоснованность. Анализ данных о численности и составе населения помогает глубже понять события прошлого, осознать причины, масштабы и последствия тех или иных исторических явлений.

Недостаток подобных сведений относительно населения Западной Беларуси накануне Великой Отечественной войны затрудняет изучение ряда проблем по истории республики. Советская перепись 1926 г. не коснулась западных областей Белоруссии, входивших в состав Польши (1921–1939). В 1939 г. они стали частью СССР, в том же году проводилась очередная перепись, но ее материалы не были полностью разработаны и опубликованы, так что выяснить с их помощью

численность и состав населения Западной Белоруссии не представляется возможным. Польские власти в свое время вели учет населения «кресов восточных» («восточных окраин»), но нигде не зафиксированы изменения, произошедшие в крае в 1939–1941 гг. Потом была война, потери на фронтах и в оккупации... Следующая перепись в Советском Союзе состоялась в 1959 г. Некоторые историки предпринимая попытки с помощью различных источников определить численность населения советских республик накануне Великой Отечественной войны и уточнить количество погибших в годы немецкой оккупации (особенно непросто это сделать в отношении жертв Холокоста) [см. подробнее: Altshuler; Eberhardt; Hilberg; Nove, Newth; Куповецкий]. Важно заполнить, если не полностью, то хотя бы частично, пробелы в демографической статистике народонаселения советских республик в довоенный период [Розенблат, Еленская].

Решить поставленную задачу может помочь внутренняя документация оккупационных властей: материалы учета и регистрации населения (данные о прибытии и убытии, статистические сведения о трудоспособности, занятости, профессиональном составе населения, удостоверения личности, акты смерти), списки рабочих, ремесленников, специалистов, жильцов отдельных домов и целых кварталов. В 1941 г. городские и районные управы проводили регистрацию населения и выдачу удостоверений личности. С этой целью заполнялись специальные бланки, где сообщались основные сведения о каждом местном жителе. Еврейское население регистрировалось отдельно, евреи получали удостоверение личности с особой отметкой «Jude». Подобные документы способствуют восстановлению некоторых «белых пятен» как довоенной истории, так и периода оккупации. К сожалению, данные источники сохранились фрагментарно.

В Государственном архиве Брестской области хранится уникальный комплекс — массовый источник, значение которого трудно переоценить: протоколы паспортизации еврейского населения оккупированного г. Бреста, датированные ноябрем-декабром 1941 г. Их обработка позволяет выяснить социальную структуру еврейского населения города, его деление по профессиональным, половозрастным и другим демографическим признакам. Эти, не имеющие аналогов по степени сохранности, материалы вызвали неоднозначную реакцию среди исследователей. В книге В. Левина и Д. Мельцера «Черная книга с красными страницами: трагедия и героизм евреев Белоруссии», изданной в 1996 г. в Балтиморе (США) на русском языке, утверждается, что данные материалы были составлены органами НКВД в ходе подготовки депортации брестских евреев. Однако подлинность протоколов паспортизации еврейского населения подтверждают другие делопроизводственные материалы брестского магистрата, в частности, документы на заказ бланков протоколов в брестской типографии. Поэтому происхождение этого источника не вызывает сомнения у авторитетных исследователей Холокоста [Альтман].

Работу с источником упрощают следующие условия:

1. Все протоколы сконцентрированы в одном фонде, пронумерованы и хранятся, за некоторым исключением, в алфавитном порядке. Всего в Государственном

архиве Брестской области хранится около 12 тысяч протоколов паспортизации евреев г. Бреста.

2. Практически 100 %-ная количественная и качественная сохранность источника.

3. Наличие формуляра, т. е. структурированного и изложенного в определенном порядке содержания. Стандартность заполнения протоколов, точность вопросов, краткость и полнота ответов позволяют систематизировать данные и группировать их в соответствии с целями исследования для дальнейшей математической обработки.

Следует отметить высокую степень достоверности источника — сведения, указанные в протоколе, были записаны на основании предоставленных протоколируемым лицом документов (советского паспорта или документов, удостоверяющих личность, польского периода) либо на основании показаний не менее двух свидетелей, несущих ответственность за сообщаемые сведения.

Паспортизацией были охвачены не только постоянные жители г. Бреста, но и временно проживающие в городе лица. Дети до 14 лет вписывались в протоколы паспортизации одного из родителей или законных опекунов.

К трудностям в работе с источником относится отсутствие какой-либо сопутствующей документации (инструкций о способах и принципах сбора получаемых сведений). Поэтому некоторые моменты остаются пока невыясненными, например, чем руководствовались в выборе родителя, на чье имя записывались дети: большинство вписаны в протокол матери, примерно $\frac{1}{4}$ — отца. Можно высказать предположение, что в протокол матери вписывались дети в случае, если отца не было в живых. Встречаются неполностью заполненные бланки, однако в общей массе документов отсутствие ответов на некоторые вопросы не имеет решающего значения.

Протокол паспортизации представляет собой бланк образца польского периода (1921–1939), заполненный, как правило, на польском языке. Развернутый перечень вопросов уточняет фамилию, имя опрашиваемого, имена его родителей, пол, год и место рождения, род занятий, вероисповедание. Кроме ответов на вопросы, протокол содержит фотографию, отпечаток пальца и личную подпись протоколируемого. Особые пометки указывают на то, являлся ли протоколируемый постоянным или временным жителем города, имена и год рождения его детей, а также на заполнение протокола в больнице или доме престарелых. Кроме того, протокол содержит стандартное заявление с просьбой выдать новый паспорт.

Для выведения необходимых результатов исследования в зависимости от поставленных задач нужным образом комбинируются следующие параметры: 1) пол; 2) возраст; 3) профессия; 4) место рождения; 5) грамотность; 6) постоянное или временное проживание в г. Бресте; 7) адрес.

Данная публикация основана на обработке 8 778 протоколов [ГАБО, ф. 201, оп. 1, д. 21, 41–62, 132–157, 160–286, 288–230, 440–445, 467], в которых нашли отражение сведения о 11 529 человеках, в том числе 3 233 детях в возрасте до 15 лет. Для обеспечения репрезентативности результатов были использованы разработанные в социологии методики организации случайной выборки.

Итак, обратимся к данным, которые характеризуют еврейское население Бреста по профессиональному составу. В ходе оформления протоколов паспортизации было получено около 170 вариантов ответа на вопрос о роде занятий. Для удобства использования они были сгруппированы следующим образом:

- строительные специальности: каменщики, бетонщики, стекольщики, строители и т. д.;
- деревообработка: плотники, столяры, колесники и т. д.;
- металлообработка: кузнецы, жестянщики, слесари, ювелиры и т. д.;
- кожевенные специальности: сапожники, заготовщики, шорники и т. д.;
- пошив изделий: портные, белешвейки, кружевницы, вязальщицы и т. д.;
- рабочие специальности: механики, наборщики, рабочие (вероятно, так записывались как квалифицированные, так и неквалифицированные рабочие) и т. д.;
- работники сферы услуг: парикмахеры, продавцы, фотографы, пекари и т. д.;
- служащие: врачи, учителя, инженеры, воспитатели и т. д.;
- занятые в сельском хозяйстве (т. е. живущие с приусадебных участков);
- ученики;
- без специальности (в эту категорию отнесены такие ответы, как «домохозяйка», «при муже», «при детях», «при родителях»);
- без работы (возможно, эта формулировка означала отсутствие специальности).

Предлагаемая таблица передает профессиональную структуру еврейского населения г. Бреста на конец 1941 г. (по данным на 8 052 человека) (табл. 1):

Таблица 1

*Профессиональный состав еврейского населения г. Бреста
по материалам паспортизации 1941 г.*

Профессия	Количество специалистов		
	Мужчины	Женщины	Всего
Строительные специальности	163	—	163
Деревообработка	189	—	189
Металлообработка	138	6	144
Кожевенные специальности	180	9	189
Пошив изделий	156	864	1 020
Рабочие специальности	587	518	1 105
Сфера услуг населению	208	175	383
Служащие	158	222	380
Занятые в сельском хозяйстве	53	11	64
Ученики/цы	142	311	453
Без специальности	215	3 631	3846
Без работы	20	96	116
ВСЕГО	2 209	5 843	8 052

Следует оговорить следующую важную особенность: цифровые показатели отражают ситуацию преобладания взрослого женского населения над мужским (после первых акций уничтожения еврейского населения): мужчины составляли около 27 % всего еврейского населения, количество женщин более чем в 2 раза превышало численность мужчин.

Анализ протоколов показал, что по профессиональному составу еврейское население имело следующую структуру: 21 % населения занимались ремеслом, 30 % имели рабочие специальности, 10 % были заняты в сфере услуг, 10 % являлись служащими, менее 2 % жили за счет собственных приусадебных участков, а 54,8 % еврейского населения не имели собственных источников дохода (категории «без специальности», «без работы» и «ученики»). При этом наблюдается значительная разница в профессиональном составе женского и мужского населения. Так, среди мужского населения ремесленники составляли 37,3 %, рабочие — 26,5 %, работники сферы услуг — 9,4 %, служащие — 7,1 %, занятые в сельском хозяйстве — 2,3 %, ученики — 6,4 %, не имели специальности — 9,7 %, безработными являлись менее 1 % мужчин-евреев. Среди женского населения ситуация выглядела следующим образом: 15 % работали по ремесленным специальностям, 8,8 % — по рабочим специальностям, 2,9 % были заняты в сфере услуг, 3,7 % являлись служащими, 0,1 % были заняты в сельском хозяйстве, 5,3 % являлись ученицами, 62,1 % не имели специальности и 1,6 % были безработными. Таким образом, в некоторых сферах деятельности наблюдается очевидное преобладание женщин или мужчин. Особенно большая диспропорция отмечается среди людей, не имеющих специальности: в этой категории женщины составляли 94,4 %, т. е. подавляющее большинство. Доля мужчин в группе ремесленных строительных, деревообрабатывающих, металлообрабатывающих и кожевенных специальностей составляла 97,8 %, в то же время женщины составляли 84,8 % среди специальностей группы пошива изделий. В сфере услуг, среди рабочих и служащих соотношение мужчин и женщин было примерно равным.

Обратимся к детальному рассмотрению соотношения между имеющими и не имеющими специальность с учетом половозрастных признаков (табл. 2).

Таблица 2

Сведения о наличии специальности у еврейского населения г. Бреста по материалам паспортизации 1941 г.

Категория	Возраст							
	18–25 лет		25–45 лет		45–65 лет		Старше 65	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Имеющие специ-альность	164	496	586	1 046	553	177	177	21
Не имеющие специ-альности	6	312	13	1 645	43	1 255	113	409
ВСЕГО	170	808	599	2 691	596	1 432	290	430

Таким образом, среди женщин удельный вес не имеющих специальности составлял около 65 %, среди мужчин — около 10 %. Учет половозрастных признаков выявляет ряд закономерностей: в целом старшее поколение (люди старше 65 лет) дает максимально высокие показатели среди людей, не имеющих специальности, — 72,5 %. Даже среди мужчин, которые традиционно являлись главными кормильцами в семье, доля не имеющих специальности среди людей преклонного возраста была значительной — 38 % (среди женщин этой возрастной категории специальности не имели 95 %). Наоборот, среди молодежи (18–25 лет) и людей среднего возраста (25–45 лет) наблюдается наиболее высокий процент людей, имеющих профессиональную подготовку, — соответственно 67,4 % и 49,6 %. Интересно отметить возрастание доли имеющих специальность лиц среди женщин различных возрастных категорий: в группе женщин в возрасте от 45 до 65 лет имеющие специальность составляли 12,3 %, в возрастной группе от 25 до 45 лет — 38,8 % и среди 18–25-летних — 61,3 %. Среди мужчин ситуация выглядит таким образом: среди 45–65-летних — 92,7 % рабочих и специалистов, среди 25–45-летних — 98 %, среди 18–25-летних — 96,5 %.

Протоколы паспортизации еврейского населения г. Бреста дают уникальную возможность судить о его грамотности и культурно-языковой ориентации на основании личных подписей протоколируемых, сделанных на польском, русском либо еврейском (идиш или иврит) языках. Некоторые подписи сделаны на смеси польского и русского языков, но их число не меняет общей картины. В случае неграмотности протоколируемого, это отмечалось служащим, заполнявшим бланк. На основании личных подписей 7 651 человека была составлена следующая таблица (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о грамотности и культурно-языковой ориентации еврейского населения г. Бреста по материалам паспортизации 1941 г.

Язык подписи	Возраст							
	18–25 лет		25–45 лет		45–65 лет		Старше 65	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Польский	503	1 286	520	1 822	347	323	104	49
Русский	58	72	47	343	182	312	99	63
Еврейский (идиш или иврит)	5	3	18	113	26	138	29	41
Неграмотные	13	18	26	296	62	426	71	236
ВСЕГО	579	1 379	611	2 574	617	1 199	303	389

До 1917 г. территория Западной Белоруссии входила в состав Российской империи, с 1921 по 1939 гг. — в состав Польского государства, с 1939 г. она

вошла в состав БССР. Сообразно периоду, на который приходились школьные годы жителей западнобелорусских областей, проявилось их владение русским или польским языками. Личная подпись — свидетельство не просто владения навыками устной и письменной речи, т. е. знания определенного языка, в ситуации поликультуры собственные имя и фамилия прописью — это своего рода самоидентификация человека, показатель его принадлежности к той или иной культурной общности. То, что подписи на еврейском языке поставило менее 5 % паспортизируемых, говорит о сравнительно высоком уровне ассимиляции, во всяком случае, в среде грамотных людей. Подписи на польском языке в целом составляют 76,1 %, на русском — 18 % (в основном, среди людей старшего поколения).

Анализ данных показывает, что около 15 % еврейского населения являлось неграмотным. Проявляется прямая зависимость грамотности от возраста протоколируемого: каждая последующая возрастная группа содержит больший удельный вес неграмотных, чем предыдущая, как среди мужчин, так и среди женщин. Любопытна тенденция к увеличению диспропорции в соотношении грамотных между мужским и женским населением: в среде 25–45-летних эта разница довольно заметна — 4,2 % неграмотных у мужчин и 11,5 % у женщин, в возрастной группе 45–65-летних она еще больше увеличивается — 10 % у мужчин и 35 % у женщин. Наибольшее число неграмотных, а вместе с тем и максимальный разрыв, наблюдается среди людей старше 65 лет: 23 % у мужчин и 60 % у женщин. Как видим, общий уровень грамотности среди мужчин, безусловно, выше, но очевидно и возрастание уровня грамотности среди женщин, так, в группе 15–25-летних неграмотные составляют 2 % у мужчин и 1,3 % у женщин.

Дальнейшая работа с протоколами паспортизации выявила, что $\frac{3}{4}$ жителей г. Бреста еврейской национальности были уроженцами города, причем 95 % из них являлись постоянными жителями Бреста. Остальные прибыли из Польши, России, Украины, других городов Белоруссии. Адресные данные говорят о том, что основная масса еврейского населения Бреста размещалась компактно в центре города — более 70 % всех евреев проживали на улицах Батория, Госпитальной, Долгой, Домбровского, Кобринской, Костюшко, Листовского, Перацкого, Собесского и Ягеллонской.

Особый интерес представляют фотографии брестских евреев, представленные в протоколах паспортизации. Большая часть снимков сделана в 1930-е гг., когда г. Брест входил в состав польского государства. Фотографии этого периода, как правило, отличаются хорошим качеством. Другая часть фотографий относится к советскому периоду 1939–1941 гг., причем некоторые снимки сняты с документов советского образца, о чем свидетельствуют фрагменты штампов, размещенные в уголках фотографий. Третью группу фотографий составляют снимки периода оккупации. Как правило, люди на снимках, сделанных в конце 1941 г., сфотографированы в верхней одежде, в ряде случаев на груди у снимавшихся четко видна круглая лата, которую должны были носить евреи с 14 лет. Характерно, что выражения лиц у людей на довоенных снимках иные,

чем у людей, сфотографированных в период немецкой оккупации. Фотографии конца 1941 г. запечатлели напряженность и безысходность в лицах узников брестского гетто.

Работа с протоколами паспортизации еврейского населения Бреста продолжается. Но уже ясно, что репрезентативность этого многопланового источника позволяет использовать полученные результаты исследования для изучения социально-экономической ситуации не только в брестском, но и в других белорусских гетто, вероятно их частичная экстраполяция на Украину, Россию и Польшу.

Одним из основных направлений социально-экономической политики немецко-фашистских оккупационных властей в отношении еврейского населения Белоруссии являлась эксплуатация трудовых ресурсов посредством организации принудительных работ и максимально эффективного использования квалифицированной еврейской рабочей силы в производстве. Поэтому протоколы паспортизации еврейского населения Бреста помогают лучше представить состав трудовых ресурсов города, их экономический потенциал и направления использования узников брестского гетто. Интенсивная эксплуатация труда еврейского населения являлась важнейшим аспектом политики оккупационных властей в сфере использования трудовых ресурсов, обеспечения жизнедеятельности городов и работы предприятий, выполнявших заказы вермахта.

Первый этап этой политики характеризуется стремлением использовать имеющуюся социальную и профессиональную структуру еврейского населения для восстановления экономического потенциала городов (открытие еврейских ремесленных мастерских и предприятий сферы обслуживания). Учет трудовых ресурсов оккупационными властями в ходе паспортизации ориентировал на более полное использование квалифицированной рабочей силы.

На втором этапе главный упор делался на создание государственных предприятий и артелей, где применялась еврейская рабочая сила (в Бресте была создана 31 артель, в Гродно — 19, в Белостоке — 20 предприятий, в западных областях округа «Белоруссия» — 33 предприятия, на которых были заняты в общей сложности более 3 000 евреев). Важнейшим направлением использования еврейской рабочей силы было привлечение евреев к принудительному труду, что давало возможность практического применения неквалифицированной рабочей силы, а также женского и детского труда (на ремонтно-восстановительных, дорожно-строительных, сельскохозяйственных работах, а также уборке улиц). Прослеживается тенденция постоянного увеличения численности занятых в производстве и на принудительных работах евреев. Так, в г. Бресте с января по июнь 1942 г. количество работающих евреев увеличилось с 4 956 человек (29,1 % всех жителей гетто) до 7 994 человек (45,1 %).

Протоколы паспортизации еврейского населения г. Бреста как статистический источник могут быть использованы также для получения данных о составе еврейских семей и миграции еврейского населения. Кроме того, материалы

паспортизации дают уникальную возможность поиска персональных данных о жителях г. Бреста периода немецко-фашистской оккупации 1941 г.

Альтман И. А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М.: Фонд «Ковчег», 2002. ГАБО. Ф. 201 (Брестское городское управление). Оп. 1. Д. 21, 41–62, 132–157, 160–286, 288–230, 440–445, 467.

Кутовецкий М. Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Еврейского ун-та в Москве. 1995. № 2 (9). С. 138–152.

Розенблат Е. С., Еленская И. Э. Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX в. // Диаспоры. 2002. № 4. С. 27–53.

Altshuler M. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. Jerusalem: Ahva Press, 1998.

Eberhardt P. Przemiany narodowościowe na Białorusi. Warszawa: Editions Spotkania, 1994.

Hilberg R. The Destruction of the European Jews. Rev. and definitive ed. New York; London: Holmes and Meier, 1985.

Nove A., Newth J. A. The Jewish Population: Demographic Trends and Occupational Patterns // The Jews in Soviet Russia Since 1917 / ed. by L. Kochan. London: Oxford Univ. Press, for the Institute of Jewish Affairs, 1970. P. 142.

Статья поступила в редакцию 26.05.2016 г.

Розенблат Евгений Семенович

кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей истории
Брестский государственный университет
им. А. С. Пушкина
224016, Республика Беларусь, Брест, б-р
Космонавтов, 21
E-mail: rozen-j@list.ru

Rozenblat, Evgeny Semenovich

PhD (History), Associate Professor
Chair of General History
Brest State University
named after A.S. Pushkin
21, Kosmonavtov Boulevard, 224016 Brest,
Republic of Belarus
E-mail: rozen-j@list.ru

JEWISH POPULATION PASSPORT ISSUE PROTOCOLS AS A STATISTICAL SOURCE FOR THE HISTORY OF THE BREST GHETTO

The article describes the meaning of the use of mass sources of the Nazi occupation period to obtain data on the socio-demographic structure of the Jewish population of the city of Brest on the eve of the Great Patriotic War and in the times of the Brest Ghetto. Such a source of statistical data on the history of the Holocaust is fairly rare, since the Ghetto documentation has not survived in the archives of the former Soviet republics. The article focuses on passport issue protocols for the Jewish population dating from the end of the 1941. Quantitative methods used to process the information contained in the documents, taken on the basis of random sampling, enable the author to obtain representative results on the occupational structure of the Jewish population, its gender and age composition, the correlation between the skilled and unskilled

workers among the Jews of Brest, the cultural and linguistic status of the Jewish population, as well as the settlement on the territory of the city. The materials of the article are the result of the analysis of 12,000 passport issue protocols and 5,000 entries on the children of the Ghetto. The passport issue protocols for the dwellers of the Brest Ghetto add to the materials available on the Jewish demography of Western Belarus of the first quarter of the 20th century.

К e y w o r d s: mass source; passport issue protocol; statistics; random sampling; quantitative methods; representativeness; demographics; professional structure; cultural and linguistic orientation; age and gender; ghetto.

Altman, I. A. (2002). *Zhertvy nenavisti. Kholokost v SSSR, 1941–1945 gg.* [Victims of Hate. The Holocaust in the USSR, 1941–1945]. Moscow: Fond «Kovcheg». (In Russian)

Altshuler, M. (1998). *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile.* Jerusalem: Ahva Press.

Eberhardt, P. (1994). *Przemiany narodowościowe na Białorusi* [Demographic Changes in Belarus]. Warszawa: Editions Spotkania. (In Polish)

Hilberg, R. (1985). *The Destruction of the European Jews* (Revised and definitive ed.). New York; London: Holmes and Meier.

Kupovetskij, M. (1995). Liudskie poteri evreiskogo naseleniia v poslevoennykh granitsakh SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Losses among Jewish Population within Postwar Borders of the USSR in the Great Patriotic War]. *Vestnik Evreiskogo universiteta v Moskve*, 2 (9), 138–152. (In Russian)

Nove, A., & Newth, J. A. (1970). The Jewish Population: Demographic Trends and Occupational Patterns. In L. Kochan (Ed.), *The Jews in Soviet Russia since 1917* (p. 142). London: Oxford University Press, for the Institute of Jewish Affairs.

Rozenblat, E. S., & Elenskaia, I. E. (2002). Dinamika chislennosti i rasseleniia belorusskikh evreev v XX v. [Changes in the Numbers and Settlement of Belarusian Jews in the 20th Century]. *Diaspory*, 4, 27–53. (In Russian)

Received 26 May 2016

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КРЫМА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ И АКТУАЛИЗАЦИИ

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.047
УДК 908(477.75) + 904:72(477.75) +
+ 929 Кларк

Н. И. Храпунов
Крымский федеральный университет
Симферополь, Россия

КРЫМСКИЕ ДРЕВНОСТИ ГЛАЗАМИ ЭДВАРДА-ДАНЬЕЛА КЛАРКА: ОТ АРХЕОЛОГИИ К ИДЕОЛОГИИ*

В статье анализируется травелог британца Эдварда-Даньела Кларка, представляющий собой одно из первых энциклопедических описаний Крымского полуострова, где автор побывал в 1800 г. Записки Кларка оказались чрезвычайно популярны у современников и нынешних исследователей, однако вопрос об авторской стратегии и ее влиянии на объективность текста пока не ставился. В сочинении Кларка можно выявить элементы путевого дневника, научного исследования и политического памфлета. В статье показаны приемы, с помощью которых Кларк превращает описание археологических памятников в «идеологическое оружие». Доказывая «нецивилизованность» России и необходимость ее изгнания из Крыма, Кларк использовал в качестве оригинального аргумента археологию. По его мнению, русским свойственно безжалостное и бессмысленное разрушение археологических памятников античной и средневековой эпохи. В XVIII в. античность постепенно входила в моду в Западной Европе, а Грецию начали воспринимать как колыбель европейской цивилизации, поэтому обвинение русских в уничтожении античных построек и вещей было явным доказательством варварства. Избирательность подхода Кларка заключалась в том, что разрушение древностей турками, татарами или своими соотечественниками он интерпретировал иначе. Свидетельства уничтожения древних сооружений в Крыму в российскую эпоху действительно существуют, но Кларк был первым, кто осмыслил их в терминах идеологии. Его записки оказали колоссальное влияние на последующую западную историографию, склонную относиться к ним не критически.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00104 «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII — начала XIX в.: историко-археологическое исследование».

© Храпунов Н. И., 2016

Ключевые слова: записки путешественников XVIII–XIX вв.; история науки; археология Крыма; Крым; воображаемая география; Эдвард-Даньел Кларк.

У Франции есть Германия; у нас есть Россия; для Италии создана Австрия; и даже у самого смиренного пуштуна имеется наследственный враг.

Редьярд Киплинг. «От моря до моря», письмо 25

Имя Эдварда-Даньела Кларка (1769–1822), британского путешественника и ученого-энциклопедиста, известно, пожалуй, всем исследователям древнего Крыма. Побывав на полуострове в 1800 г., Кларк через несколько лет опубликовал подробное описание своего путешествия, где особое внимание уделил состоянию археологических памятников полуострова [Clarke, 1817]. Это сочинение — не просто рассказ о путешествии, но одно из первых энциклопедических исследований Крыма, подобное путевым запискам Петера-Симона Палласа, Маттью Гатри и Жана Рёйи. Среди прочего, Кларк создал на редкость непривлекательный образ России и русских, проиллюстрировав его, в частности, многочисленными примерами губительного отношения новых хозяев Крыма к археологическому наследию полуострова. Живой, эмоциональный стиль Кларка и информативность его записок снискали им огромную популярность: авторы многих сочинений о Крыме, изданных в первой половине XIX в., цитируют записки прославленного британца, а иногда и полемизируют с ним. Современные исследователи также нередко используют данные Кларка для изучения самых разнообразных проблем [см. частичную библиографию в: Храпунов, 2014, с. 142]. Однако вопрос об использовании археологии как одного из ключевых аргументов в созданной Кларком «карте цивилизации» и предложенной им программе политических действий Великобритании в Причерноморье до сих пор поставлен не был. Обычно исследователи ограничиваются указанием на русофобию Кларка и его склонность преувеличивать разрушение памятников в российскую эпоху [Бертъе-Делагард, с. 2–9; Маркевич, с. 275; Minns, p. 494; Тункина, 2002, с. 56–57, 503; 2011, с. 35–36].

Знаменитый путешественник происходил из небогатой семьи. Имея несомненные способности к учебе, он получил степень бакалавра в Кембридже, занимаясь самыми разными вещами, в том числе древними языками, поэзией, химией, минералогией и ботаникой. Отсутствие средств побудило Кларка оставить университет и стать гувернером у знатных и богатых соотечественников. В обществе своего воспитанника Джона-Мартена Криппса Кларк в 1799–1802 гг. совершил длительную образовательную поездку по Северной Европе, России, Балканам, Ближнему Востоку и Египту. Впоследствии Кларк получил степень доктора права и успешно работал в Кембриджском университете, подготавливая к изданию описание увиденных стран и народов. Материалы своих дорожных дневников он значительно дополнил и расширил в результате кабинетного изучения сочинений

древних и средневековых авторов, а также современных ему исследователей и путешественников. В 1810 г. Кларк начинает публиковать свои «Путешествия» (последний, шестой том вышел уже после смерти автора), выдержавшие множество изданий на разных языках и принесшие автору не только мировую славу, но и внушительные гонорары [см.: Otter; *The Georgian Era*, p. 52–55; Lower, p. 267–274]. Благодаря своему трудолюбию, энциклопедическим знаниям и разнообразным интересам, Кларку удалось подготовить всеобъемлющее сочинение, повествующее о физической географии, флоре и фауне, населении и городах, экономике и военном состоянии, истории и археологии виденных им стран. Для нескольких поколений путешественников и просто интересующихся записки Кларка стали важным источником сведений о дальних краях, их современном состоянии, далеком прошлом и археологических памятниках.

Сочинение Кларка сочетает в себе элементы путевого дневника, исследований по археологии, истории, минералогии, ботанике, а также политического памфлета. Археология была предметом особого интереса путешественника, но в данной статье речь пойдет только об одном аспекте «археологических построений» Кларка. Важно отметить, что результаты натурных наблюдений Кларк дополнил тщательной кабинетной работой на родине, изучив огромный массив источников и литературы. Об этом свидетельствует следующий факт. Своему другу (впоследствии ставшему его биографом) Уильяму Оттеру Кларк писал:

Словно сова на солнце, влачусь я, не имея книг, а без Плиния был бы почти совсем слеп. О, если бы у меня были немногие из тех записок, что лежат без пользы в моем кабинете! [Otter, p. 293].

Том Плиния был куплен по случаю в Таганроге, став единственным путеводителем англичанина [Ibid., p. 292]¹. Тем не менее, в издании «Путешествий» Кларка читатель обнаружит массу разнообразных ссылок. Большое влияние на Кларка оказала личность Петера-Симона Палласа (1741–1811), знаменитого немецкого исследователя, много лет прожившего в Крыму, с которым Кларк познакомился в Симферополе. Кларка покорили не только научные знания, но и душевные качества прославленного ученого, потому крымский том Кларковых «Путешествий» демонстрирует очевидную зависимость от сочинения Палласа [Храпунов, 2014, с. 143–144].

Нужно отметить одно немаловажное обстоятельство. Кларк действительно очень подробно (едва ли не детальнее всех своих современников) описывает археологические памятники Крыма, в том числе впоследствии пострадавшие от антропогенных факторов (например, сооружения на Гераклеийском полуострове, в окрестностях Севастополя). Потому его сочинение можно использовать как источник сведений об утраченном или поврежденном археологическом

¹ Отчасти неподготовленность Кларка и Криппса к путешествию в Крым была вызвана тем, что эта поездка оказалась спонтанной. Проехав от Петербурга до Москвы, путешественники только там приняли решение далее ехать на юг, через землю Войска Донского [Clarke, 1816, p. 228].

наследии, или же для реконструкции истории археологической мысли, характеризующей определенный этап в развитии науки о древностях юга России. Автора данной статьи интересует несколько другое — не то, какие памятники видел Кларк, и не то, как он их понял, но что он хотел сказать своему читателю. Перерабатывая и дополняя свои дорожные дневники, Кларк имел возможность заретушировать одни обстоятельства и подчеркнуть другие. Мы вряд ли сможем понять, что он действительно думал (хотя его письма с негативными оценками России кажутся достаточно искренними), тем более со временем суждения могли эволюционировать, но вполне возможно оценить, о чем Кларк собирался сообщить английской публике. К. Мерво, рассматривая фигуру Екатерины II в письмах Вольтера, продемонстрировал, что создание определенного образа могло быть авторской стратегией, когда автор умышленно искажал реальность для произведения определенного эффекта на читателя, причем в итоге нашим современникам сам автор предстает не в наилучшем свете [Мерво]. В этой статье мы попытаемся показать, как Кларк сделал крымские древности частью своей повествовательной стратегии, долженствующей аргументировать то незавидное место, которое англичанин отвел России на «карте цивилизации».

В Крыму Кларк и Криппс находились с июля по октябрь 1800 г. Путешественников сразу же поразило богатство античного наследия полуострова. Кларк писал Оттеру:

Мы стоим по колено в древностях, обломав ноги о поучительные мраморы, которые многие годы, вплоть до нашего прибытия, беседовали лишь с жабами и ящерицами. Никогда я не был настолько очарован путешествием, как сейчас. Может ли Греция быть интересней тех стран, где сохранились основы ее первых колоний, в которых мы роемся? [Otter, p. 292].

По мнению Кларка, археологическое наследие Киммерийского Боспора превосходит памятники Италии:

Почему же просвещенные путешественники не едут в эти края, где земля вымощена мраморными надписями, где историю можно поднять из могилы, и где скифы², бóльшие варвары, чем их предки — антропофаги, погребают ценнейшие свидетельства в фундаментах своих крепостей? О, если бы турки и татары снова стали хозяевами этой земли! [Ibid., p. 292–293].

Кларк понял, что история Крыма является белым пятном. Из Симферополя он писал Оттеру:

Крым — почти неизведанная земля для антиквара. История станет сильной, когда будет изучена. Страбон точнее Паттерсоновой «Книги дорог»³. Современные географы, желавшие проиллюстрировать древних, испытали его в своих кабинетах. Всем им

² Под «скифами» здесь он понимает русских.

³ Кларк имеет в виду многократно переиздававшуюся книгу английского военного топографа Даньела Патерсона (1739–1825), представляющую собой описание дорог Великобритании с указанием точных расстояний между пунктами [Paterson].

свойственны известные ошибки и известная точность. Карту крымских древностей очень ждали, и, бесконечными трудами, я выполнил эту работу, исправляя ошибки предшественников, отмечая достоверное и добавляя новое. Пусть другие, которые придут после, сочтут мой труд избыточным [Otter, p. 299].

Позднее, в книге путешествий, Кларк намекнул на то, что именно его сочинение станет лучшим исследованием античной топографии Крыма, ведь его предшественники были либо кабинетными учеными, либо путешественниками, плохо понимавшими в классических древностях.

До сих пор все, что публиковалось в отношении географии и древностей Крыма, написано людьми, которые никогда не видели эту страну. Те же, кто здесь побывал, к сожалению, не были ни географами, ни антикварами [Clarke, 1817, p. 127–129].

Заметим, что он забывает, например, о сочинении Клода-Шарля де Пейссонеля, который в 50-х гг. XVIII в. был французским консулом в Крыму, а впоследствии издал объемный том об этнической истории и древней топографии Причерноморья [Peyssonnel], и явно принижает значение труда Палласа [Паллас]. Кларк приходит к неутешительному выводу: над великолепными памятниками Крыма нависла страшная угроза: новые хозяева полуострова неуклонно и безжалостно стирают их с лица земли.

Отметив, что «нигде в Крыму путешественник не встретит столько древностей, как в Керчи», и рассказав о движимых и недвижимых памятниках Европейского Боспора, Кларк замечает, что, хотя бурная история Крыма сказалась на сохранности свидетельств его прошлого, самый страшный вред археологии нанесли именно русские. В частности, они уничтожили около 500 домов в Керчи, соорудив на их месте три десятка жалких лавок. Сюда переселили греков с островов Эгейского моря, которым русское правительство пообещало щедрую поддержку, но на деле подвергло жесточайшему обращению. Это позволило Кларку объявить лицемерие обычным свойством русской политики, а «просвещенную» политику Екатерины II — обманом, скрывающим жалкое состояние ее империи [Clarke, 1817, p. 110–126]. Кларк сослался на знаменитое сочинение француза Жана Шаппа д'Отроша, своими глазами видевшего Екатерининскую Россию и вынесшего ей суровый приговор, который, впрочем, в известной мере основывался на типичных европейских предубеждениях и передергивании фактов [Стенник, с. 150–156; Каррер д'Анкосс]. Однако если для француза нравы татар и русских не слишком отличались (и были, конечно, показателем их «варварства»), то Кларк противопоставил дикость и жестокость русских кротости и порядочности татар.

Новые доказательства трагической судьбы античных памятников, оказавшихся в руках у «новых скифов», Кларк получил, осмотрев древности Герacleйского полуострова.

Когда они [русские] поселились в этой стране, остатки города Херсонеса были настолько велики, что сохранялись все его ворота. Вскоре они их разрушили и, следуя

своему любимому занятию — разорять, они снесли, сломали, срыли и разрушили всякий памятник, способный осветить его [Херсонеса] былую историю... [Clarke, 1817, p. 207].

Развалины Херсонеса и его хоры стали каменоломней, откуда брали материалы для строительства Севастополя. Таково обычное поведение русских, заключает Кларк, которые точно также поступили бы с древностями Эгейского побережья.

Если Архипелаг когда-нибудь попадет во власть русских, прекрасные остатки Древней Греции будут разрушены, Афины будут снесены до основания, не останется и камня, показывающего, где стоял город. По сравнению с русскими турки обладают вкусом и глубокой ученостью [Ibid.].

Характерно, что, рассказывая об османской крепости в Керчи, Кларк обнаружил там «прекрасный мраморный фонтан, сложенный из античных материалов, где видны не только турецкие буквы, но и греческая надпись с более древней датой» [Ibid., p. 122], но такое использование древних фрагментов для строительства у него осуждения не вызывает, ведь это было сделано турками. Не возмутило его и то, что пещерные церкви в Инкерманских скалах сделались обиталищем татарских пастухов и их коз, а высеченные в камне гробницы превратились в поилки для скота [Ibid., p. 205]. Очевидно, Кларк прекрасно понимал, когда нужно выдвигать обвинения в уничтожении памятников прошлого, а когда закрывать на это глаза.

В первой части своего сочинения, рассказывающей о путешествии от Петербурга до Тамани, Кларк не стеснялся в выражениях, приводя многочисленные примеры, доказывающие, по его мнению, дикость и варварство русских [Clarke, 1816, p. 4–11, 22–23, 26–28, 46–47, 56, 101–102, 116–118, 190, 235–236, 272–275, 290–292, 385–387, 431–432]. Таким образом, читатель был готов услышать новое обвинение, и оно последовало. В XVIII в. античность постепенно входила в моду в Западной Европе, в том числе и в Англии, а Грецию начали воспринимать как колыбель европейской цивилизации [Eisner, p. 63–88]. Отсюда стремление европейцев «приобщиться» к античному наследию — кто-то, как итальянцы, мог сделать это по праву территории, кто-то, как австрийцы, использовал принцип «*translatio imperii*», а кто-то, как британцы, скупал произведения античного искусства. Таким образом, обвинение русских не просто в пренебрежении к памятникам античности, но в их уничтожении было еще одним доказательством их варварства.

По словам Кларка, русские не ограничивались уничтожением античных древностей, сделав жертвой своего варварства и средневековые поселения. Почти до основания разрушена была османская Кафа (современная Феодосия) — русские солдаты ломали мечети, валили минареты, уничтожали водопроводы и фонтаны, переплавив свинцовые архитектурные детали на пули, а камни взяв для собственных построек [Clarke, 1817, p. 144–147]. В Карасу-Базаре (ныне Белогорск) на строительство пошли надгробия с татарских кладбищ, хотя вокруг

имелись залежи превосходного известняка [Clarke, 1817, p. 159]. Фактически стерли с лица земли некогда цветущий торговый порт Кезлев, заменив даже его имя на совершенно неуместную Евпаторию, хотя древний город с таким названием находился в другом месте [Ibid., p. 305–306]. В руинах лежала столица Крымского ханства — Бахчисарай, а загородная резиденция ханов в Ашламе попросту исчезла с лица земли [Ibid., p. 172–173]. Последнее, впрочем, неверно — российское правительство сначала намеревалось сохранить дворец, впрочем, быстро отказавшись от этой идеи, но в любом случае его остатки можно было осмотреть и лет через 30 после Кларка [Храпунов, 2014, с. 145]. Несколькими страницами ниже британец вынужден признать и то, что главный ханский дворец в Бахчисарае сохранялся в порядке по указанию Екатерины [Clarke, 1817, p. 180–184]. Кларк, кажется, не понял (или предпочел не заметить), насколько это противоречит его инвективам.

Именно история Бахчисарая дала возможность Кларку произнести, пожалуй, наиболее пронзительные обвинения в адрес русских, обращавшихся с местными жителями с крайней (и бессмысленной) жестокостью. Он сравнил покорение Крыма в 1783 г. с римским завоеванием Британии, цитируя известные слова Тацита: «отнимать, резать, грабить на их лживом языке зовется господством; и создав пустыню, они говорят, что принесли мир» [Ibid., p. 179–180; см. также: Храпунов, 2014, с. 145]. Кларк, кажется, не заметил, как перевернул с ног на голову традиционные представления своих современников о цивилизации и варварстве, уподобив плохих русских несшим цивилизацию римлянам, а крымских татар — свободолюбивым, но все же варварским жителям Британских островов. Весьма характерный прием Кларковых описаний: путешественник склонен превращать реальные явления античной истории и этнографии в риторические элементы, важные лишь постольку, поскольку они подчеркивают те или иные его выводы.

Другим примером является образ скифов. В XVIII в. европейские авторы находили скифов повсюду в Восточной Европе, отождествляя их с самыми разными современными им народами [Вульф]. Образ скифов был хорош тем, что каждый мог увидеть в нем что-то свое. Так, Вольтер, например, уподоблял русских скифам как варварам, готовым приобщиться к европейской цивилизации [Нойманн, с. 119–120]. Этот же образ он использовал, когда восхищался благородством Екатерины II (в качестве правительницы России воплощавшей в себе всех скифов), покровительствовавшей французским философам [Вульф, с. 330]. Для Кларка же русская «скифскость» воплощала разрушительную дикую стихию, образ настолько негативный, что это само по себе заставляет усомниться в его реальности. Путешественник пытается подкрепить свои слова, ссылаясь на слова греков, видевших, как русские обрушили минарет в Феодосии, и потому назвавших их *Σκύθαι*. «Позднее мы обнаружили, — пишет Кларк, — что это было обычное бранное слово, ведь хотя греки исповедуют ту же веру, что и русские, первые ненавидят вторых так же искренне, как турок и татар» [Clarke, 1817, p. 145]. Сама эта сцена, похоже, создана воображением автора. Но любопытно,

что Кларк мнил себя знатоком античности, однако понимал ее явления слишком однозначно, в категориях «черный — белый», без полутонов. Так, многие древние авторы, например, Эфор, также придавали образу скифов риторические черты, но не негативные, а идеализирующие, в частности, позволявшие им на этом примере продемонстрировать недостатки своей, греческой культуры [Ростовцев, с. 6, 85, 88–91, 101–104].

По словам Кларка, в Крыму уцелели те памятники прошлого, естественной защитой которых стала самая природа. Так, Успенский монастырь близ Бахчисарая сохранился потому, что русским не удалось разрушить скалу, в которой он был высечен [Clarke, 1817, p. 188], а памятники Мангупа сохранились благодаря труднодоступности плато [Ibid., p. 279]. Ак-Мечеть (нынешний Симферополь) был спасен заступничеством Палласа [Ibid., p. 164–165], которого Кларк почитает едва ли не единственным достойным человеком в тех краях, последним огоньком европейского просвещения во мраке варварского невежества.

Еще одним свойством русского варварства Кларк считает запрет на вывоз за границу памятников древней скульптуры и эпитафии, на что неоднократно жаловался в своих записках и письмах. И если ему удалось доставить в Англию несколько надписей и рельефов, добытых в Тамани [Ibid., p. 82], то русские власти в Керчи, Феодосии и Севастополе категорически запретили вывозить продававшийся здесь по бросовой цене мрамор [Otter, p. 293–294, 298–299; Clarke, 1817, p. 119, 149, 207–208]. Так, например, в Севастополе Кларка потрясло мраморное надгробие Феагена и Ульпии, которое ныне находится в коллекции Государственного Эрмитажа [IOSPE I², p. 413–415, № 453]. «Всякий житель Ахтиара мог его приобрести на вес вместе с тонной других камней за один-единственный рубль. Продавать его нам запретили, потому что мы были чужестранцами, и хуже всего, мы были англичанами» [Clarke, 1817, p. 207–208]. Несколько крымских памятников, тем не менее, оказались в Лондоне [Clarke, 1809], быть может, благодаря помощи Палласа [Маркевич, с. 281], с которым Кларк познакомился в Крыму [Там же, с. 275; ср. Otter, p. 296, 297; Clarke, 1817, p. 162]. Кларк скупал древности и в других местах — так, с острова Патмос он вывез коллекцию рукописей [Лемерль, с. 314], а из Элевсина — кариатиду, которую принял за изображение Цереры [Hamiliakis, p. 276–277]. Не ограничиваясь антиками, Кларк собирал разные диковинки — так, в Крыму он приобрел или получил в подарок от Палласа ценные гербарии, которые продал по возвращении в Англию [Сытин, с. 259–260]. Однако вывозя древности в Англию, Кларк заботился не только об их «сохранении», но и о собственных карьере и кармане. Продажа коллекций в музеи английских университетов обеспечила ему солидный доход и способствовала получению докторской степени [подробнее см.: Храпунов, 2011, с. 608; 2014, с. 149–150]. Так, препятствуя коммерческому предприятию Кларка, русские власти навлекли на себя очередное обвинение в варварстве — хотя и сохранили эти памятники для будущих российских музеев (практически все упомянутые Кларком надписи хорошо идентифицируются по современным публикациям).

Завершив объезд восточной, центральной и юго-западной части Крымского полуострова, Кларк подводит итоги, предлагая план военного вторжения в Крым, «ежели Великобритании будет угодно вернуть его туркам. Берега полуострова охраняются плохо, российская армия находится в упадке, а местные жители встретят высадившихся с кораблей завоевателей со слезами радости на глазах. Всякий опытный генерал, имеющий всего тысячу солдат, способен решить эту задачу» [Clarke, 1817, p. 268–270]. И хотя здесь Кларк не вспоминает о печальной судьбе крымских древностей, должно быть, для него она была одним из аргументов, способных убедить читателя в его правоте, раз уж он неоднократно возвращался к этой теме.

Несомненно, после присоединения Крыма к России нередко были случаи разрушения памятников античной, византийской, геноуэзской и мусульманской археологии и архитектуры — свидетельства этого имеются в источниках [Храпунов, 2011, с. 604], несмотря на то, что российское правительство и частные лица предпринимали различные меры к изучению и сохранению культурного наследия региона [Бертъе-Делагард, с. 5–8; Тункина, 2002, с. 39–54]. Анализируя записки Кларка, мы сталкиваемся с той же неразрешимой проблемой, которая возникает при изучении любого другого травелога — можно констатировать субъективность, а иногда и тенденциозность авторского взгляда, но нельзя определить степень этой субъективности [Миллер, с. 7–8]. Очевидно, Кларк склонен был сгущать краски и использовать археологию для политических выводов, а также аргументируя непреодолимое варварство русских. Рассказывая о судьбе археологических памятников, Кларк превращается в публициста, злоупотребляющего эмоциональными оценками, избирательно подходящего к фактам и использующего их не для выявления объективной картины событий, но как иллюстрацию своих взглядов на историческую роль народов, границы между цивилизацией и варварством, а также перспективы дальнейшей политики Британского королевства. Использование античного и византийского наследия в идеологических играх — прием, достаточно распространенный в XVIII в. Достаточно вспомнить идеологические модели, созданные Екатериной II и ее окружением [см.: Уортман, с. 168–199; Зорин, с. 33–64, 97–122; Проскурина, с. 11–104], которые находили понимание и отклик в культуре «Запада» [Гардзонио, с. 110]. Но Кларк оказался едва ли не первым, кто применил для этих целей проблему сохранения археологических памятников.

Рассказ о посещении России и Крыма был только первым в серии Кларковых «Путешествий». Из Крыма Кларк и Криппс отправились в Константинополь, а оттуда — в длительную поездку по изобиловавшим памятниками прошлого Балканам и Ближнему Востоку. Судьба древних сооружений и скульптур была различна, но Кларк позволил себе разве что пожалеть об их поврежденном состоянии или разрушении. Характерный эпизод случился в Афинах в 1801 г. Кларк и Криппс были свидетелями того, как итальянский художник Джованни-Батиста Лузьери (1755–1821) по приказу лорда Томаса Элгина (1766–1841)

демонтировал статуи Парфенона, дабы отправить их в Англию. Это зрелище вызвало у Кларка сожаление:

...Лузери сказал нам, что ему стоило больших трудов выполнить эту часть предприятия из-за привязанности, которую турки испытывали к постройке, к которой они привыкли относиться с религиозным почтением, превратив ее в мечеть. Мы сознались, что в данном случае разделяли чувства мусульман, и с удовольствием посмотрели бы на то, как исполняется приказ о сохранении, а не разрушении столь прославленного здания [Clarke, 1818, p. 223–224].

Нетрудно представить, сколько гнева и сарказма вызвали бы подобные действия, предпринятые по указанию русского, а не английского посла. И, хотя Кларк не скрывает негативного отношения к этому предприятию [Ibid., p. 225–227; Otter, p. 347], но обходится без глобальных выводов о «варварстве» итальянцев или, тем более, англичан. К тому же он не преминул захватить с собой найденные поблизости статуи Пана и Аполлона, первую из которых он впоследствии передал Кембриджскому университету [Clarke, 1818, p. 218–219].

По мнению британского исследователя Э.-Г. Кросса, Кларк способствовал возрождению многих стереотипов о России, берущих начало еще в XVI–XVII вв. и, казалось бы, временно отступивших на второй план в эпоху Просвещения, когда контакты между двумя странами и культурами значительно увеличились [Cross, p. 389–391]. Нужно отметить, что представление о русском варварстве в Западной Европе никуда не делось и в XVIII в., хотя детали этого образа у разных писателей, конечно же, различались, иногда весьма существенно [Вульф; Нойманн, с. 111–125]. Английская же общественная мысль была настроена к России, пожалуй, наиболее радикально. Несмотря на короткие периоды уменьшения русофобии и увеличение позитивных отзывов о России в связи с деятельностью Петра I, Анны Иоанновны и Екатерины II, к концу столетия, во многом благодаря совершенно изменившейся политической ситуации в Европе и на Ближнем Востоке, британцы, как правило, воспринимали Россию как варварскую державу, угрожающую балансу сил и британским интересам [Anderson, p. 49–213]. Прижизненные издания «российской» части Кларкова травелога выходили в период, когда отношения между Россией и Британией были крайне противоречивы. В начале Россия была вынужденным союзником Франции, и, следовательно, противником Лондона, а затем, после периода сотрудничества с Англией во время войны с Наполеоном 1812–1814 гг., отношения снова усложнились [Орлов, с. 124–291]. Таким образом, антирусские высказывания Кларка упали на подготовленную почву. Конечно, общественное мнение вряд ли было однородным, и иногда некоторые англичане поступали иначе. Так, оказавшиеся в китайском порту Кантон участники первой русской кругосветной экспедиции Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского в 1805–1806 гг. встретили теплый прием со стороны представителя британской Ост-Индской компании Джеймса Драммонда, который оказал русским ряд важных услуг, причем в ущерб собственным интересам. По-видимому, Драммонд почувствовал

солидарность с русскими офицерами, представителями европейской культуры, оказавшимися в экзотических условиях Восточной Азии [Орлов, с. 84–98]. На Кларка же восточное окружение действовало по-иному, катализируя его анти-русские настроения.

Сочинение Кларка отразило многие заблуждения своего времени, сделал их еще более убедительными благодаря авторитету автора — ученого и очевидца. Став чрезвычайно популярным в разных странах, оно утверждало в общественном мнении представление о нецивилизованности огромной империи, не способной, в частности, адекватно воспринимать и сохранять археологическое наследие. Тем самым Кларк продолжал традицию, заложенную в середине XVIII в. сочинениями Франческо Локателли [Locatelli; Mosakowski, Ślęzak] и Шаппом д'Отрошем [Каррер д'Анкокс; Вошинская], подготавливая появление, пожалуй, самого знаменитого в этом роде трактата, изданного в 1843 г. Астольфом де Кюстином [Кюстин; Мильчина, Осповат]. Невозможно определить, насколько суждения Кларка повлияли на мировоззрение его читателей. Как уже говорилось, его книга определенно пользовалась успехом, о чем свидетельствуют многочисленные переиздания и переводы. Потому можно предположить, что на отношении к России, по крайней мере части своих современников, он повлиял. Более того, негативные оценки роли России в Крыму оказались столь же убедительными для нынешних североамериканских исследователей, использующих отрывки из Кларкова травелога как иллюстрацию для собственных рассуждений [например: Fisher, p. 95; Williams, p. 108; O'Neill, p. 176, note 3].

Рассматривая Россию как полную противоположность «цивилизации» (с которой он, конечно, отождествлял собственную культуру), Кларк не был оригинален. Европейские интеллектуалы Нового времени создали образ Востока как «анти-Запада», наделив его всеми возможными непривлекательными чертами, чтобы тем самым, в частности, описать собственное «я» [Саид]. Подобное использование «Другого» позволяло не только описывать собственную идентичность через противопоставление, но и служило интеллектуальным «орудием» для решения текущих политических вопросов [Нойманн]. В XVIII в. с помощью таких инструментов создается образ «Восточной Европы», лежавшей где-то между воображаемыми Востоком и Западом, и потому отстававшей в развитии от последнего, но все же сохранявшей шанс на «правильную» эволюцию [Вульф]. Кларк пользуется обычным приемом европейского мышления, создавая воображаемого оппонента в лице России, — но одновременно он, похоже, отказывает ей в праве на саму возможность достичь «цивилизации», как бы вытесняя ее из Европы в Азию. Оригинальность его мышления в том, что он применил для этого новый инструмент — отношение к памятникам археологии.

Бертье-Делагард А. Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России. 1893. № 12. С. 1–64.

Вошинская Н. Два д'Отроша (J. Chappe d'Auteroche. Voyage en Sibirie. Э. Каррер д'Анкокс. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша)

[Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2005. № 5. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/5/dva-dotrosha-j-chappe-dauroche-voyage-en-siberie-e-karrer-dankoss-imperatrice-i-abbat-neizdannaya-literaturnaya-duel-ekateriny-ii-i-abbata-shappa-doterosha> (дата обращения: 03.06.2016)

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : Новое лит. обозрение, 2003.

Гардзонио С. Образ Российской империи в итальянской поэзии конца XVIII — начала XIX в. // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов / ред. Б. Гаспаров, Е. Евтухов, М. фон Хаген. М. : ОГИ, 1997. С. 106–116.

Зорин А. [Л.] Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2004.

Каррер д'Анкокс Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша. М. : Олма-Пресс, 2005.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. СПб. : Крига, 2008.

Лемерль П. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века. СПб. : Свое изд-во, 2012.

Маркевич А. И. Судьбы памятников древности в Тавриде // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич. Страницы истории крымского краеведения. Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. С. 267–315.

Мерво К. Портреты Екатерины II в переписке Вольтера // Вольтер и Россия. М. : Наследие, 1999. С. 90–97.

Миллер А. И. Предисловие // Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : Новое лит. обозрение, 2003. С. 5–11.

Мильчина В. А., Осват А. Л. Комментарии к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». СПб. : Крига, 2008.

Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М. : Новое изд-во, 2004.

Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М. : Прогресс-традиция, 2005.

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Российского государства в 1793–1794 годах. М. : Наука, 1999.

Проскурина В. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М. : Новое лит. обозрение, 2006.

Ростовцев М. И. Скифия и Боспор: критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л. : Рос. акад. истории материальной культуры, 1925.

Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. М. : Рус. Мирь, 2006.

Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII — начала XIX века. СПб. : Наука, 2004.

Сытин А. К. Ботаник Петр Симон Паллас. М. : Т-во науч. изданий КМК, 2014.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб. : Наука, 2002.

Тункина И. В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей, 1771–1871. Киев : Болеро, 2011.

Уртман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М. : ОГИ, 2002.

Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII — начала XIX в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011. Вып. 17. С. 595–630.

Храпунов Н. И. Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4. С. 141–153.

Anderson M. S. Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. London ; New York : Macmillan & Co, 1958.

Clarke E. D. Greek Marbles Brought from the Shores of the Euxine, Archipelago, and Mediterranean, and Deposited in the Vestibule of the Public Library of the University of Cambridge. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1809.

Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1 : Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 1. London : T. Cadell and W. Davies, 1816.

Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1 : Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London : T. Cadell and W. Davies, 1817.

Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Pt. 2 : Greece, Egypt, and the Holy Land. Section 2. 4th ed. Vol. 6. London : T. Cadell and W. Davies, 1818.

Cross A. G. By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997.

Eisner R. Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 1993.

Fisher A. W. The Crimean Tatars. Stanford : Hoover Institution Press, 1978.

Hamilakis Y. Decolonizing Greek archaeology: indigenous archaeologies, modernist archaeology, and the post-colonial critique // A Singular Antiquity: Archaeology and Hellenic Identity in Twentieth-Century Greece (Mouseio Benaki 3rd Supplement). Athens : Benaki Museum, 2008. P. 1–15.

Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. 1. 2nd ed. Petropoli : Тип. Имп. Акад. Наук, 1916.

[Locatelli Fr.] Lettres moscovites. Paris : Au depens de la Compagni, 1736 [1735].

Lower M. A. The Worthies of Sussex: Biographical Sketches of the Most Eminent Natives or Inhabitants of the County, from the Earliest Period to the Present Time. Lewes : Geo. P. Bacon : Steam Printing Offices, 1865.

Minns E. H. Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1913.

Mosakowski M., Ślęzak J. The Muscovian Letters of Francesco Locatelli (1735), or the illusory modernisation of Russia's legal and political system during the reign of Peter the Great and his successors // Romanica Cracoviensia. 2015. T. 15. No. 3. P. 216–223.

O'Neill K. Constructing Russian Identity in the Imperial Borderland: Architecture, Islam, and the Transformation of the Crimean Landscape // Ab Imperio. 2006. № 2. P. 163–192.

Otter W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke. New York : J. & J. Harper, 1827.

Paterson D. A New and Accurate Description of All the Direct and Principal Cross Roads in Great Britain. 3rd ed. London : T. Carnan, 1776.

Peyssonnel [Cl. Ch.] de. Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords de Danube & du Pont-Euxine. Paris : N. M. Tilliard, 1765.

The Georgian Era: Memoirs of the Most Eminent Persons, Who Have Flourished in Great Britain, from the Accession of George the First to the Demise of George the Fourth. Vol. 3. London : Vizetelly, Branston and Co., 1834.

Williams B. G. The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation. Leiden ; Boston ; Köln : Brill, 2001.

Статья поступила в редакцию 07.07.2016 г.

Храпунов Никита Игоревич

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательский центр истории
и археологии Крыма
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
295007, Республика Крым, Симферополь,
Проспект академика Вернадского, 4
E-mail: khrapunovn@gmail.com

Khrapunov, Nikita Igorevich

PhD (History), Leading Research Fellow
History and Archaeology of the Crimea
Research Centre
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4, Academician Vernadsky Ave., 295007,
Simferopol, Republic of the Crimea, Russia
E-mail: khrapunovn@gmail.com

**CRIMEAN ANTIQUITIES THROUGH THE EYES
OF EDWARD DANIEL CLARKE: FROM ARCHAEOLOGY TO IDEOLOGY**

The article analyses a travelogue by British traveller Edward Daniel Clarke, which was one of the first encyclopaedic descriptions of the Crimean Peninsula, visited by the author in 1800. Clarke's book appeared to be extraordinarily popular with his contemporaries and modern researchers, though the issue of the author's descriptive strategy and its influence on the text's objectivity has never been addressed previously. Clarke's narrative combines elements of a travel journal, academic research, and a political pamphlet. The article reveals how Clarke transforms archaeological sites description into an "ideological weapon." The traveller used archaeology as a key argument to prove Russia was uncivilized and had to be banished from the Crimea. In his opinion, the Russians were inclined to destroy archaeological monuments from ancient and mediaeval periods without any pity or reason. In the eighteenth century, antiquity gradually came into fashion in Western Europe, and Greece became apprehended as the cradle of European civilization, therefore blaming the Russians for the destruction of ancient buildings and artefacts would be a clear statement of their barbarism. Clarke's approach was discriminatory, as the traveller interpreted the cases of antiquities destruction by the Ottomans, Tatars, or Brits in a different way. Although there really exists reliable evidence that old structures in the Crimea were damaged during the Russian period, Clarke was the first one who considered them in terms of ideology. His travelogue had a great influence on the scholarship that followed, since the new generations of authors were inclined to take it uncritically.

Key words: travelogues from the 18th and 19th centuries; history of research; archaeology of the Crimea; Crimea; imaginary geography; Edward Daniel Clarke.

Acknowledgements

The research is supported by the *Russian Scientific Fund for the Humanities* as part of Research Project #15-01-00104 "Crimean Antiquities as Described by European Travellers of the Late 18th – Early 19th Centuries: An Historical and Archaeological Study".

Anderson, M. S. (1958). *Britain's Discovery of Russia, 1553–1815*. London; New York: Macmillan & Co.

Berthier-Delagarde, A. L. (1893). *Drevnosti Iuzhnoi Rossii. Raskopki Khersonesa [Antiquities of South Russia: Excavations of Chersonesus]*. *Materialy po arkheologii Rossii*, 12, 1–64. (In Russian)

Carrère d'Encausse, H. (2005). *Imperatrítsa i abbat. Neizdannaiia literaturnaia duel' Ekateriny II i abbata Shappa d'Oterosha* [The Empress and the Abbot: Unpublished Literary Duel of Catherine II and Abbot Chappe d'Auteroche]. Moscow: Olma-Press. (In Russian)

Clarke, E. D. (1809). *Greek Marbles Brought from the Shores of the Euxine, Archipelago, and Mediterranean, and Deposited in the Vestibule of the Public Library of the University of Cambridge*. Cambridge: Cambridge University Press.

Clarke, E. D. (1816). *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey* (4th ed. Vol. 1). London: T. Cadell and W. Davies.

Clarke, E. D. (1817). *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey* (4th ed. Vol. 2). London: T. Cadell and W. Davies.

Clarke, E. D. (1818). *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Pt. 2: Greece, Egypt, and the Holy Land. Section 2* (4th ed. Vol. 6). London: T. Cadell and W. Davies.

Cross, A. G. (1997). *By the Banks of the Neva: Chapters From the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.

Custine, A. de. (2008). *Rossíia v 1839 godu* [Russia in the Year of 1839]. Saint Petersburg: Kriga. (In Russian)

Eisner, R. (1993). *Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Fisher, A. W. (1978). *The Crimean Tatars*. Stanford: Hoover Institution Press.

Gardzonio, S. (1997). *Obraz Rossiiskoi imperii v ital'ianskoi poezii kontsa XVIII — nachala XIX v.* [The Image of the Russian Empire in Italian Poetry from the Late 18th to the Early 19th Centuries]. In C. Evtuhov, B. Gasparov, A. Ospovat, & M. Von Hagen (Eds.), *Kazan, Moscow, St. Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire* (pp. 106–116). Moscow: OGI. (In Russian)

Hamilakis, Y. (2008). Decolonizing Greek Archaeology: Indigenous Archaeologies, Modernist Archaeology, and the Post-colonial Critique. In D. Damaskos, & D. Plantzos (Eds.), *A Singular Antiquity: Archaeology and Hellenic Identity in Twentieth-Century Greece (Mouseio Benaki 3rd Supplement)* (pp. 1–15). Athens: Benaki Museum.

Khrapunov, N. I. (2011). *Khersones v opisaniiax evropeiskikh puteshestvennikov kontsa XVIII — nachala XIX v.* [Chersonesus as Described by European Travellers of the Late 18th — Early 19th Centuries]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 17, 595–630. (In Russian)

Khrapunov, N. I. (2014). *Bakhchisarai Edvarda-Dan'ela Klarka: Vostok, Rossiia i Krym* [Edward Daniel Clarke's Bakhchysarai: The East, Russia, and the Crimea]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 4, 141–153. (In Russian)

Lemerle, P. (2012). *Pervyi vizantiiskii gumanizm. Zamechaniia i zametki ob obrazovanii i kul'ture v Vizantii ot nachala do X veka* [The First Byzantine Humanism. Observations and Notes on the Education and Culture in Byzantium as of the Start until the 10th Century]. Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo. (In Russian)

Locatelli, Fr. (1736). *Lettres moscovites*. Paris: Au depens de la Compagni.

Lower, M. A. (1865). *The Worthies of Sussex: Biographical Sketches of the Most Eminent Natives or Inhabitants of the County, from the Earliest Period to the Present Time*. Lewes: Geo. P. Bacon; Steam Printing Offices.

Markevich, A. I. (2005). *Sud'by pamiatnikov drevnosti v Tavride* [The Fates of Ancient Monuments in Taurida]. In A. A. Nepomnyashchy, *Arsenii Markevich. Stranitsy istorii krymskogo kraevedeniia* [Arseny Markevich: Pages in the History of Crimean Regional Studies] (pp. 267–315). Simferopol': Biznes-Infom. (In Russian)

Mervaud, Ch. (1999). *Portrety Ekateriny II v perepiske Vol'tera* [Catherine II's Portraits in Voltaire's Correspondence]. In A. D. Mikhailov, & A. F. Stroev (Eds.), *Vol'ter i Rossiia* [Voltaire and Russia] (pp. 90–97). Moscow: Nasledie. (In Russian)

Mil'china, V. A., & Ospovat, A. L. (2008). *Kommentarii k knige Astol'fa de Kiustina «Rossíia v 1839 godu»* [Commentaries to Astolphe de Custine's Book *La Russie en 1839*]. Saint Petersburg: Kriga. (In Russian)

Miller, A. I. (2003). Predislovie [Foreword]. In L. Wolff, *Izobretaiia Vostochnuiu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniia* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization in the Mind of the Epoch of Enlightenment] (pp. 5–11). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Minns, E. H. (1913). *Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mosakowski, M., & Ślęzak, J. (2015). The Muscovian Letters of Francesco Locatelli (1735), or the Illusory Modernisation of Russia's Legal and Political System during the Reign of Peter the Great and His Successors. *Romanica Cracoviensia*, 15/3, 216–223.

Neumann, I. B. (2004). *Ispol'zovanie «Drugogo»: obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnosti* [The Use of the "Other". The East in European Identity Formation]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian)

O'Neill, K. (2006). Constructing Russian Identity in the Imperial Borderland: Architecture, Islam, and the Transformation of the Crimean Landscape. *Ab Imperio*, 2, 163–192.

Orlov, A. A. (2005). *Soiuz Peterburga i Londona. Rossiisko-britanskie otnosheniia v epokhu napoleonovskikh voim* [The Union of Petersburg and London: Russian-British Relations in the Age of Napoleonic Wars]. Moscow: Progress-traditsiia. (In Russian)

Otter, W. (1827). *The Life and Remains of Edward Daniel Clarke*. New York: J. & J. Harper.

Pallas, P. S. (1999). *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestvoia po iuzhnyim namestnichestvoam Rossiiskogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Travel Through the Southern Provinces of the Russian Empire, in the Years 1793 and 1794]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Paterson, D. (1776). *A New and Accurate Description of All the Direct and Principal Cross Roads in Great Britain* (3rd ed.). London: T. Carnan.

Peyssonnel, [Cl. Ch.] de (1765). *Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords de Danube & du Pont-Euxine* [Historical and Geographic Observations of the Barbarian Peoples That Lived by the Danube and the Black Sea]. Paris: N. M. Tilliard. (In French)

Proskurina, V. (2006). *Mify imperii: literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The Myths of the Empire: Literature and Power in the Age of Catherine II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Rostovtzeff, M. I. (1925). *Skifiia i Bospor: kriticheskoe obozrenie pamiatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh* [Scythia and Bosphorus: A Critical Evaluation of Literary and Archaeological Monuments]. Leningrad: Rossiiskaia akademiia istorii material'noi kul'tury. (In Russian)

Said, E. W. (2006). *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism: Western Conceptions of the East]. Moscow: Russkii Mir. (In Russian)

Stennik, Iu. V. (2004). *Ideia «drevnei» i «novoi» Rossii v literature i obshchestvenno-istoricheskoi mysli XVIII – nachala XIX veka* [The Idea of "Ancient" and "Modern" Russia in Literature and Socio-Historical Thought in the 18th and Early 19th Centuries]. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)

Sytin, A. K. (2014). *Botanik Petr Simon Pallas* [Botanist Peter Simon Pallas]. Moscow: Tovariščestvo nauchnykh izdaniĭ KMK. (In Russian)

The Georgian Era: Memoirs of the Most Eminent Persons, Who Have Flourished in Great Britain, from the Accession of George the First to the Demise of George the Fourth (Vol. III). (1834). London: Vizetelly, Branston and Co.

Tunkina, I. V. (2002). *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh Iuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)* [Russian Science on Classical Antiquities in Southern Russia (18th – Mid-19th Centuries)]. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)

Tunkina, I. V. (2011). *Otkrytie Feodosii. Stranitsy arkheologicheskogo izucheniiia Iugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnosti, 1771–1871* [The Discovery of Theodosia: Pages of Archaeological Research of the South-Eastern Crimea and the Early Stages of the History of the Theodosia Museum of Antiquities, 1771–1871]. Kiev: Bolero. (In Russian)

Voshchinskaia, N. (2005). Dva d'Otrosha (J. Chappe d'Auteroche. Voyage en Siberie. H. Carrère d'Encausse. Imperatritsa i abbat. Neizdannaiia literaturnaia duel' Ekateriny II i abbata Shappa d'Oterosha) [Two d'Auteroches (J. Chappe d'Auteroche. Voyage in Siberia. H. Carrère d'Encausse. The Empress and the Abbot: Unpublished Literary Duel of Catherine II and Abbot Chappe d'Auteroche)]. *Otechestvennyye zapiski*, 5. Retrieved from <http://www.strana-oz.ru/2005/5/dva-dotrosha-j-chappe-dauteroche-voyage-en-siberie-e-karrer-dankoss-imperatrica-i-abbat-neizdannaya-literaturnaya-duel-ekateriny-ii-i-abbata-shappa-doterosha>. (In Russian)

Williams, B. G. (2001). *The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation*. Leiden; Boston; Köln: Brill.

Wolff, L. (2003). *Izobretaia Vostochnuiu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniia* [Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Wortman, R. S. (2002). *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy: From Peter the Great to the Death of Nicholas I] (Vol. 1). Moscow: OGI. (In Russian)

Zorin, A. [L.] (2004). *Kormia dvozglavogo orla... Russkaia literatura i gosudarstvennaia ideologiia v poslednei treti XVIII — pervoi treti XIX veka* [Feeding the Double-Headed Eagle: Russian Literature and State Ideology in the Last Third of the 18th — First Third of the 19th Centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Received 7 July 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.048
УДК 902.22(477.72) + 902.22(477.75) +
+ 008

А. В. Шаманаев
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ «ХРИСТИАНСКОГО МУЗЕЯ» В ХЕРСОНЕСЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В статье рассматривается история возникновения и эволюции проекта организации церковно-археологического музея на территории Херсонесского городища во второй половине XIX в. Автор использует историко-антропологический подход и анализирует архивные документы делопроизводственного характера и личного происхождения (архивы Санкт-Петербурга, Севастополя). На основании источников показаны основные этапы развития концепции музея, проекты здания, условия формирования коллекции, механизм финансового обеспечения, причины отказа от реализации планов. Идея создания «Христианского музея» зародилась в связи с проектом воссоздания православных культовых объектов в Крыму в середине XIX в. («Русский Афон»). Активное участие в разработке концепции музея принимали члены Одесского общества истории и древностей. Для древлехрамения планировалось построить специальное здание, стилизованное под христианский храм. Экспозиция должна была включать артефакты, иллюстрирующие историю церковной жизни Херсонеса-Херсона в Средние века. Коллекция будущего музея формировалась из находок, полученных в результате раскопок городища в 1860–1880-х гг. Финансирование проекта осуществлялось за счет добровольных пожертвований. Идея не была реализована, потеряв научную актуальность, не получив необходимого материального обеспечения после передачи раскопок памятника в ведение Императорской Археологической Комиссии в конце 1880-х гг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история археологии; охрана культурного наследия; Крым; Херсонес.

Важной частью системы сохранения историко-культурного наследия являются музейные учреждения, выполняющие функции не только хранения культурных ценностей, но и обеспечивающие их интеграцию в современное общество, популяризацию и актуализацию материальных свидетельств прошлого [Harrison, p. 25–26]. Обращение к опыту функционирования музейных институтов позволяет осмыслить механизмы их взаимодействия с социальной и культурной средой, выявить и использовать примеры успешных решений, понять причины неудач и избежать их повторения.

Изучение деятельности музеев древностей в России XIX в. неразрывно связано с разработками по истории археологии, которая в настоящее время достигла уровня субдисциплины, изучающей институализированные структуры, практики, биографии ученых. Особенно перспективным в этих исследованиях

представляется применение историко-антропологического подхода [Тункина, с. 7–8; Лебедев, 2003, с. 24–25; Trigger, p. 5–17].

Памятники археологии Крыма занимали особое место в политическом, культурном и научном пространстве Российской империи. В конце XVIII в. политическая элита государства осознала символическое значение древностей полуострова как материальных свидетельств греко-византийского наследия, обретенного Россией после присоединения Северного Причерноморья [Зорин, с. 100–105]. С этого же времени начал формироваться устойчивый интерес ученых, литераторов, художников к археологическому наследию Крыма [Тункина, с. 38–103; Непомнящий, 2003, с. 62–93]. В первой четверти XIX в. в этом регионе функционировали два археологических музея — Феодосийский (1811) и Керченский (1825) [Тункина, с. 207–215, 220–226]. Большое внимание к древностям Крымского полуострова проявляли преосвященные представители российского духовенства [Непомнящий, 2005]. Для Русской православной церкви особое значение имели памятники средневекового Херсона (Севастополь), ассоциировавшиеся с летописным преданием о крещении в этом городе киевского князя Владимира [Е., с. 152].

Нужно отметить, что до середины XIX в. Херсонесское городище находилось в запустении, служило источником строительных материалов, рядом с ним располагалась карантинная служба [Мурзакевич, с. 645–650]. Ситуация изменилась после начала реализации проекта восстановления средневековых монастырей в Крыму, инициированного в 1849 г. архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием (И. А. Борисовым) [Калиновский, 2012, с. 72–90; Kozelsky, p. 78–88, 103–112]. В 1850 г. на территории памятника был основан монастырь Св. Владимира [Тур, с. 92–100]. Более полувека его служители имели непосредственное отношение к исследованиям и охране древностей Херсонеса [Шаманаев, 2006; 2011]. Одновременно с созданием обители началась история проекта «Христианского музея».

Долгое время исследователи не проявляли большого интереса к этому сюжету. Так, Е. Э. Иванов критически оценил идею монастырского древлехранилища, указав на необходимость сохранения всех археологических находок из Херсонеса в одном учреждении [Иванов, с. 337–338]. К. Э. Гриневиц упомянул о существовавших планах организации музея христианских древностей и скептически отозвался о практике разделения находок между монастырем и Одесским обществом истории и древностей (далее — ООИД) [Гриневиц, с. 19–21]. А. Л. Якобсон крайне отрицательно охарактеризовал деятельность духовенства на городище, в том числе и проект «Христианского музея» [Якобсон, с. 9–11]. Стоит отметить, что указанные исследователи рассматривали идею в целом и не проводили анализа ее содержания и деталей.

В последние годы о планах создания хранилища христианских памятников на территории Херсонеса упоминали А. И. Романчук, Л. О. Гриненко, И. В. Тункина, В. В. Калиновский [Тункина, с. 527; Гриненко; Романчук, с. 323–372; Калиновский, 2012, с. 86, 112, 117; 2014].

Необходимо отметить, что слабый интерес исследователей к истории церковного музея при монастыре Св. Владимира во многом был обусловлен скудной источниковой базой. В основном, информация о проекте ограничивалась сведениями из документов середины XIX в., опубликованных в 1888 г. А. В. Гроздовым [Гроздов]. Поиски в архивах (Научный архив Института истории материальной культуры РАН, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Рукописный отдел Института русской литературы РАН, Государственный архив города Севастополя) позволили получить большой объем новых сведений, содержащихся в официальных документах (монастырь Св. Владимира, Одесское общество истории и древностей, Императорская Археологическая Комиссия), личных письмах (архиепископ Иннокентий, о. Владимир, Н. Н. Мурзакевич, А. Л. Бертье-Делагард). Корпус источников дополняет научная публицистика второй половины XIX — начала XX в. [Мурзакевич; Иванов].

Идея создания музея христианских древностей при монастыре Св. Владимира в Херсонесе принадлежала архиепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентию. Вероятно, она возникла после основания кинонии и первых раскопок памятника ее настоятелем о. Владимиром. Так, в «Записке о восстановлении древних святых мест по горам Крымским» (1849) глава епархии писал о необходимости создать на городище небольшой монастырь, благоустроить территорию и возвести храм в память о крещении князя Владимира [Гроздов, с. 90–91]. Показательно, что в письмах о. Владимира и Н. Н. Мурзакевича (тогда — секретарь Одесского общества истории и древностей) к архиепископу Иннокентию, датированных 1851–1852 гг., обсуждались только эти вопросы [ОР РНБ, ф. 313, д. 37, л. 18–21, 179–180, 210–211]. В «Записке» 1849 г. пространно говорится о возможности монашествующих лиц заниматься «сбором исторических преданий и описанием древностей» [Гроздов, с. 96].

В 1853 г. министр уделов и управляющий кабинетом Его Величества Л. А. Перовский поручил А. С. Уварову осуществить раскопки ряда крымских памятников. В октябре 1853 г. археолог запросил разрешение Иннокентия на исследования Херсонеса и Инкермана [ОР РНБ, ф. 313, д. 41, л. 306–307]. Архиепископ дал согласие, но потребовал оставить на месте все находки, мотивировав это условие планами создания на этих объектах древлехранилищ [Тункина, с. 527]. Возник конфликт интересов, разрешенный указом от 30 ноября 1853 г. В распоряжение Иннокентия должны были поступать артефакты, датированные не ранее I в. н. э. [Гроздов, с. 99–100]. Таким образом, был сделан первый шаг к формированию концепции и коллекции будущего музея.

Последующие годы были неблагоприятными для музейного проекта в Херсонесе. Сложная политическая обстановка в мире и в стране, разорение монастыря в годы Крымской войны, смерть архиепископа Иннокентия, работы по строительству собора на территории городища препятствовали решению вопросов музеефикации древностей, найденных на памятнике [Калиновский, 2012, с. 101–126]. Ситуация изменилась в середине 1870-х гг. В 1876 г. Одесское

общество истории и древностей получило финансирование из средств Святейшего Синода на археологические исследования Херсонесского городища [Гриневиц, с. 18–23].

Одним из направлений деятельности ООИД на памятнике стали усилия по созданию местного музея. Новый вариант концепции этого учреждения был разработан вице-президентом (с 1875 г.) ООИД Н. Н. Мурзакевичем. Он полагал, что музей должен хранить «все то что осталось Христианского», включая нумизматические находки, документирующие историю города с VII в. [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 88].

В 1879 г. Н. Н. Мурзакевич уточнил представления о составе музейного собрания, в которое хотел включить «монеты, вещи, куски мрамора с надписями и без оных» [Там же, л. 90 об.]. Нужно отметить, что до начала раскопок ООИД на городище раскапывались остатки христианских культовых построек [Гриневиц, с. 10–18]. Исследователи 1870-х гг. основную цель своей деятельности видели в том, чтобы «систематически раскрыть следы византийского Херсона» [Отчет..., 1877, с. 10; ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 21 об.]. Вероятно, накопление артефактов, полученных в результате изучения жилых кварталов, привело одесских ученых к мысли, что местный музей не может быть исключительно «христианским». После смерти Н. Н. Мурзакевича (1883), новый вице-президент ООИД В. Н. Юргевич писал о создании «византийского музея» [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 223 об.]. В конце 1880-х гг., после передачи Херсонесского городища под контроль Императорской Археологической Комиссии, рассматривалась возможность организации экспозиции местных древностей, без акцента на церковно-археологической составляющей [НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1887, д. 22, л. 34 об., 61, 64 об.; Стоянов, с. 536–540].

Попытка возродить идею была предпринята в 1899 г. епископом Таврическим Николаем (М. З. Зиоровым). Он настаивал на необходимости создания специализированного хранилища предметов культа, полученных археологами при раскопках на городище. Категорически против этого предложения выступил председатель ИАК А. А. Бобринский, раскритиковав планы служителя церкви как с позиций научных представлений того времени, так и с привлечением юридических аргументов [Стоянов, с. 542–543].

Начиная с 1850-х гг. артефакты, предназначенные для музея, хранились в служебных помещениях монастыря Св. Владимира. Такое размещение находок рассматривалось как временное [Шаманаев, 2015, с. 137–140]. Необходимо было решить вопрос о специальном музейном здании. Конкретные шаги для этого были предприняты в конце 1870-х гг. Н. Н. Мурзакевич предложил разместить экспозицию в специальном здании, построенном «в византийском характере» [Отчет..., 1879, с. 9]. Для его сооружения предполагалось использовать архитектурные фрагменты, найденные на памятнике. Эскиз будущего здания выполнил кондуктор Черноморской минной роты Пруденков. Основой архитектурного решения была арочная конструкция, увенчанная куполом [РО ИРЛИ РАН, ф. 603, № 68, л. 5 об.–6].

Проект Пруденкова был подвергнут критике крымским археологом, членом ООИД, военным инженером А. Л. Бертье-Делагардом [Шаманаев, 2014]. Александр Львович скептически оценил художественный замысел и историческую достоверность реконструкции. По его мнению «стиль музея, псевдоклассический, состоящий из нерационального смешения горизонтальных покрытий с арками, столь же ложный, как и та подделка под купол, которою покрыто здание... в рисунке музея претензия очень большая, чуть не Пантеон, и жалкая бедность размеров, украшений и, конечно, исполнения» [РО ИРЛИ РАН, ф. 603, № 68, л. 5 об.–6 об.]. Более того, он считал, что даже изменение замысла (отказ от арок между колоннами и замена купола шатром) не исправит ситуацию, так как здание потеряется рядом с собором Св. Владимира, построенным на городище. А. Л. Бертье-Делагард отметил, что здание получилось бы слишком маленьким для размещения экспозиции. Идея использовать для декора постройки архитектурные детали, найденные при раскопках, показалась специалисту несостоятельной из-за плохой сохранности таких находок. В качестве альтернативы ученый предложил построить строго функциональный небольшой дом, либо отказаться от мысли создания музея на городище. Последнее соображение он аргументировал тем, что удаленность Херсонеса от Севастополя создаст трудности для посетителей и сделает музей невостребованным [Там же, л. 3 об.–6 об.].

При всей важности вопроса об облике музейного здания, существовала более серьезная проблема — финансирование строительных работ. По оценке А. Л. Бертье-Делагарда реализация проекта Пруденкова могла обойтись минимум в 7–8 тыс. руб., скромная постройка без «архитектурных излишеств» — около 1,5 тыс. руб. [Там же, л. 5 об.]. Одесское общество истории и древностей имело скромный бюджет и не могло взять на себя такие расходы [Шаманаев, 2005, с. 273–274]. Монастырь Св. Владимира в конце 1850-х — начале 1870-х гг. также имел ограниченные финансовые ресурсы [Терещук]. В 1879 г. вице-адмирал Николай Андреевич Аркас предоставил в распоряжение создателей «Христианского музея» доход от продажи изданной им книги Захария Андреевича Аркаса (его старшего брата, любителя местных древностей) «Описание Ираклийского полуострова и древностей его». Часть тиража (450 экз.) поступила в монастырь для продажи посетителям Херсонеса [ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 96, 100–100 об.]. Надежды организаторов благотворительной акции на то, что найдутся желающие пожертвовать в фонд строительства музея больше номинальной стоимости книги в 1 рубль частично оправдались. В 1879 г. несколько офицеров и чиновников Черноморского флота передали от 3 до 25 рублей каждый (всего 131 рубль) в фонд музея [Там же, л. 137–137 об.]. Всего удалось собрать 600 руб., что было недостаточно для строительства музейного здания [Летопись, с. 434].

Одновременно с разработкой концепции и попытками обеспечить финансирование проекта представители ООИД и монастыря Св. Владимира предпринимали меры для комплектования фондов будущего «Христианского музея». Первая попытка сформировать коллекцию древностей была связана с раскопками христианских храмов настоятелем обители и А. С. Уваровым

в 1850–1853 гг. Большая часть находок была утрачена в годы Крымской войны. Исследования конца 1850-х — начала 1870-х гг. на площадке, отведенной под строительство собора Св. Владимира, позволили собрать несколько сотен предметов. В 1872 г. наиболее ценные вещи были отправлены на Политехническую выставку в Москву. После окончания мероприятия они, судя по всему, были переданы Московскому археологическому обществу для пополнения фондов будущего Российского исторического музея [Лебедев, с. 132–133; Калиновский, 2012, с. 123].

В результате раскопок городища под патронажем Одесского общества истории и древностей в 1876–1886 гг. монастырь обладал собранием, включавшим более 1 500 единиц хранения. Несмотря на то, что вещи предназначались для «Христианского музея», артефактов культового назначения в его составе было немного (кресты, энколпионы, фрагменты мраморного убранства церквей). Кроме средневековых строительных материалов, керамики, бытовых предметов, инструментов и др., собрание включало некоторое количество античных артефактов (изделия из мрамора, памятники эпиграфики, керамику). Условия хранения крупногабаритных находок (колонн и их деталей, карнизов, мраморных плит и др.) не обеспечивали их защиту от неблагоприятных погодных условий, хищений и проявлений вандализма. Контроль за сохранностью коллекции был затруднен из-за отсутствия налаженного учета вещей [Шаманаев, 2015].

Передача исследований Херсонеса под контроль Императорской Археологической Комиссии в 1887–1888 гг. сопровождалась категорическим запретом монашествующим лицам заниматься археологическими раскопками. Кроме того, ИАК планировала создание собственного музея [Стоянов, с. 526–528, 536–540; ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 288]. Эти обстоятельства сделали невозможной организацию «Христианского музея» и проект остался нереализованным.

Нужно отметить, что актуальность открытия экспозиции археологических находок на Херсонесском городище осознавалась не только представителями ООИД и духовенством. Автор серии путеводителей по крымским достопримечательностям Ф. В. Ливанов выразил впечатление, которое производил Херсонес на путешественников 1870-х гг.: «англичане и немцы такое место застроили бы давно целыми кварталами бессмертных благотворительных заведений... церковными музеями, историческими книгохранилищами, миссионерскими семинариями и т. п. Мы же пока на этом драгоценном для России месте не имеем ничего, кроме монастыря, и то недостроенного» [Ливанов, с. 3–4]. Анализ источников позволяет выявить причины провала планов организации церковно-археологического музея на городище.

Такие неблагоприятные обстоятельства, как удаленность от города, утрата артефактов, отстранение служителей монастыря от участия в археологических раскопках, по-видимому, не имели решающего значения для реализации планов музейного строительства. Более важным было то, что инициаторам проекта не удалось разработать полноценную концепцию и регламент деятельности будущего музея. Все разработки оказались чрезвычайно общими, а их

формулировки — расплывчатыми. Во многом это было обусловлено отсутствием опыта деятельности церковно-археологических древлехранилищ в России. В 1850–1870-х гг. традиция организации таких учреждений только зарождалась. Активная фаза развития отечественной церковной археологии пришлась на конец XIX — начало XX в. [Комарова, с. 83–88; Мусин, с. 51–54]. Однако к этому времени существенно изменились методика археологических исследований и принципы охраны археологического наследия [Клейн, т. 1, с. 48–57]. Так, постепенно закреплялось представление о необходимости сохранения целостности коллекций, полученных при раскопках.

Существенное значение для провала проекта «Христианского музея» в Херсонесе сыграло устойчивое скептическое отношение столичных ученых и сотрудников ИАК к провинциальным музеям, которые, за несколькими исключениями, не воспринимались как солидные и долговременные учреждения, способные обеспечить научную обработку и сохранение культурных ценностей [Дементьева]. Негативную роль сыграли и такие факторы, как отсутствие профессиональных кадров среди служителей монастыря Св. Владимира и финансирования проекта.

ГАГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10.

Гриневиц К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927). Севастополь : Херсонесский музей, 1927.

Гриненко Л. О. Предтеча археологического музея в Херсонесе : музей архимандрита Евгения // Восток — Запад : межконфессиональный диалог. IV Международная Крымская конференция по религиоведению: Севастополь 21–24 мая 2002 г. : тез. докл. и сообщ. / ред. Ю. А. Бабинов. Севастополь, 2002. С. 12–13.

Гроздов А. В. Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. 1888. № 5. С. 81–105.

Дементьева Ю. М. Материалы археологических съездов (1869–1914) как источник по истории музейного дела в России // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 37 (80). С. 71–83.

Е. [Евгений, Е. А. Болховитинов]. О следах древнего греческого города Херсона, донные видимых в Крыму // Отеч. зап. 1822. Ч. 9. № 22 (февраль). С. 145–157.

Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2011.

Иванов Е. Э. Херсонес Таврический // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. 1912. № 46. С. 1–376.

Калиновский В. В. «Древностей — и замечательных и интересных и красивых — непочатый уголок»: Церковное крымоведение (1837–1920) / под. ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего. Киев ; Симферополь : Антикава, 2012. («Биобиблиография крымоведения», Вып. 18).

Калиновский В. В. У истоков восстановления колыбели христианства на Руси: архиепископ Иннокентий (Борисов) и Херсонесская обитель // Пространство и время. 2014. № 2 (16). С. 207–215.

Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности : в 2 т. СПб. : Евразия, 2014. Т. 1 : Общий обзор и дореволюционное время.

Комарова И. И. Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX — начала XX в. // Археографический ежегодник за 1990 г. М. : Наука, 1992. С. 83–102.

Лебедев Г. С. Труды А. А. Формозова по истории русской археологии и их роль в становлении отечественной археологической науки // Невский археолого-историографический сборник : к 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова / под. ред. А. Д. Столяра. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. С. 24–34.

Летопись общества с 14 ноября 1879 по 14 ноября 1881 года // Записки Одес. о-ва истории и древностей. 1881. Т. 12. С. 433–435.

Ливанов Ф. В. Херсонес (древний «Корсунь») // Ливанов Ф. В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. М. : Тип. Т. Рис, 1875. С. 3–95.

Мурзакевич Н. Н. Поездка в Крым в 1836 г. // Журн. Мин-ва нар. просвещ. 1837. Ч. 13. № 3. С. 625–691.

Мусин А. Е. Церковная старина в современной России. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2010.

НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1887. Д. 22.

Непомнящий А. А. Историче кримознавство (кінець XVIII — початок XX століття) : біобібліогр. дослідження. Сімферополь : Бізнес-Інформ, 2003.

Непомнящий А. А. Деятельность священнослужителей по изучению и охране памятников древности в Крыму (XIX — начало XX века) // Церковные древности : сб. материалов III междунар. конф. «Церковная археология: литургическое устройство храмов и вопросы истории христианского богослужения» (Севастополь, 2003). Симферополь : Универсум, 2005. С. 103–140.

ОР РНБ. Ф. 313. Д. 37, 41.

Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14-го ноября 1875 г. по 14-е ноября 1876 г. Одесса : Тип. М. Городецкого, 1877.

Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14-го ноября 1877 г. по 14-е ноября 1878 г. Одесса : Тип. Л. Даникана, 1879.

Романчук А. И. Исследования Херсонеса-Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы : в 2 ч. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2008. Ч. 1 : Античный полис.

РО ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 603. № 68.

Стоянов Р. В. Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / под ред. Е. Н. Носова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. С. 522–555.

Терещук Н. М. Приходно-расходные книги — важнейший источник изучения деятельности Херсонесского монастыря // Sacrum et Profanum II. Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни / ред.-сост. Н. А. Алексеенко, Ю. А. Бабинов, Х. Хофманн. Севастополь ; Краков : Максим, 2007. С. 149–156.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб. : Наука, 2002.

Тур В. Г. Православные монастыри Крыма в XIX — начале XX в. Киев : Стилос, 2006.

Шаманаев А. В. Организация и финансирование археологических исследований Одесского общества истории и древностей в Херсонесе (1876–1886 гг.) // Проблемы истории России / ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург : Волот, 2005. Вып. 6. С. 272–283.

Шаманаев А. В. К истории проекта создания «Христианского музея» в Херсонесе // Херсонесский сборник / ред.-сост. Е. Ю. Кленина. Севастополь : Максим, 2006. Вып. 15. С. 229–236.

Шаманаев А. В. Участие служителей монастыря св. Владимира в раскопках Херсонесского городища (1876–1887) в документах 1887 г. // Херсонесский сборник / под. ред. Н. А. Алексеенко. Севастополь : ЭКОСИ-Гидрофизика, 2011. Вып. 16. С. 247–253.

Шаманаев А. В. А. Л. Бергье-Делагард о проекте «Христианского музея» в Херсонесе // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2014. Вып. 14. С. 315–327.

Шаманаев А. В. Коллекция древностей монастыря Св. Владимира в Севастополе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2015. № 2 (139). С. 134–145.

Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. 1959. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 63).

Harrison R. Heritage : critical approaches. London ; New York : Routledge, 2013.

Kozelsky M. Christianizing Crimea: Shaping sacred space in the Russian Empire and beyond. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2010.

Trigger B. G. A history of archaeological thought. New York : Cambridge Univ. Press, 2006.

Статья поступила в редакцию 10.06.2016 г.

Шаманаев Андрей Васильевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры археологии и этнологии
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: shamanaev@mail.ru

Shamanaev, Andrey Vasilievich

PhD (History), Associate Professor
Chair of Archaeology and Ethnology
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: shamanaev@mail.ru

**THE “CHRISTIAN MUSEUM” PROJECT IN CHERSONESUS
(2ND HALF OF THE 19TH CENTURY)**

The article considers the history behind the emergence and development of the church and archaeological museum in the Chersonesus archaeological site (2nd half of the 19th century). The author employs the historical and anthropological approach and analyses archival documents, namely, management records and private documents (Saint Petersburg and Sevastopol archives). Referring to the aforementioned sources, he describes the main stages in the development of the concept of the museum, building designs, conditions in which the collection was formed, financial supplies and the reasons why the plans were never realized. The idea of the Christian Museum appeared as part of the project meant to restore Orthodox cultural monuments in the mid-19th century Crimea (Russian Athos).

Members of the Odessa Society of History and Antiquities took part in the development of the project of the museum. To keep the antiquities there was a plan to build a special building that would look like an Orthodox church. The exhibition was to contain artefacts, illustrating the history of church life of Chersonesus in the Middle Ages. The collection of the future museum was being formed from items found during the excavations of the site between the 1860s and 1880s. The project was sponsored by voluntary donations. The idea was never realized, having lost its academic relevance and without the necessary financial support and due to the fact that the excavations of the monument were transferred under the supervision of the Imperial Archaeological Commission in the late 1880s.

Key words: history of archaeology; cultural heritage protection; Crimea; Chersonesus.

Dement'eva, Iu. M. (2008). Materialy arkheologicheskikh s"ezdov (1869–1914) kak istochnik po istorii muzeinogo dela v Rossii [The Papers of the Archaeological Congress (1869–1914) as a Source for the History of Museums in Russia]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 37 (80), 71–83. (In Russian)

E. [Evgenii, E. A. Bolkhovitinov] (1822). O sledakh drevnego grecheskogo goroda Khersona, donyne vidimykh v Krymu [The Still Noticeable Traces of the Ancient Greek City of Chersonesus in the Crimea]. *Otechestvennye zapiski*, 9–22, 145–157. (In Russian)

Grinenko, L. O. (2002). Predtecha arkheologicheskogo muzeia v Khersonese: muzei arkhimandrita Evgeniia [The Forerunner of the Archaeological Museum in Chersonesus: Museum of Archimandrite Eugenius]. In Ju. A. Bibinov (Ed.), *Vostok – Zapad: mezkhkonnessional'nyi dialog. IV Mezhdunarodnaia Krymskaia konferentsiia po religiovedeniiu: Sevastopol' 21–24 maia 2002 g.* [East-West inter-faith dialogue. 4th International Crimean Conference Religious studies. Sevastopol 21–24 May 2002] (pp. 12–13). Sevastopol'. (In Russian)

Grinevich, K. E. (1927). *Sto let khersonesskikh raskopok (1827–1927)* [A Hundred Years of Chersonesus Excavations (1827–1927)]. Sevastopol': Khersonesskii muzei. (In Russian)

Grozov, A. V. (1888). Arkhivnye dokumenty, odnosiashchiesia k istorii Chersonisskogo monast'riia [Chersonesus Monastery History in Archival Documents]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 5, 81–105. (In Russian)

Harrison, R. (2013). *Heritage: Critical Approaches*. London; New York: Routledge.

Ivanov, E. E. (1912). Chersones Tavricheskii [Chersonesus Taurica]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 46, 1–376. (In Russian)

Kalinovskii, V. V. (2012). «Drevnostei — i zamechatel'nykh i interesnykh i krasivykh — nepochaty ugolok»: Tserkovnoe krymovedenie (1837–1920) [A Land Full of Antiquities, Remarkable, and Interesting, and Beautiful: Church Crimean Studies (1837–1920)]. *Biobibliografiia krymovedeniia* [Bibliography of Crimean Studies] (Vol. 18). Kiev; Simferopol': Antikva. (In Russian)

Kalinovskii, V. V. (2014). U istokov vosstanovleniia kolybeli khristianstva na Rusi: arkhiepiskop Innokentii (Borisov) i Chersonesskaia obitel' [The Sources of Christianity in Russia Roots Restoration: Archbishop Innocent (Borisov) and Chersonesus Monastery Case Study]. *Prostranstvo i vremia*, 2 (16), 207–215. (In Russian)

Klejn, L. S. (2014). *Istoriia Rossiiskoi arkheologii: ucheniia, shkoly i lichnosti* [A History of Russian Archeology: Ideas, Schools and Personalities] (Vols. 1–2) (Vol. 1. Obshchii obzor i dorevoliutsionnoe vremia [Overview and Pre-revolutionary Times]). Saint Petersburg: EVRAZIIA. (In Russian)

Komarova, I. I. (1992). Tserkovno-arkheologicheskie uchrezhdeniia i okhrana pamiatnikov kul'tury v Rossii kontsa XIX — nachala XX v. [Church-archaeological Organizations and Cultural Heritage Protection in Russia in the Late 19th — Early 20th Centuries]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1990 god* [Archeographic Yearbook 1990] (pp. 83–102). Moscow: Nauka. (In Russian)

Kozelsky, M. (2010). *Christianizing Crimea: Shaping Sacred Space in the Russian Empire and beyond*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

Lebedev, G. S. (2004). Trudy A. A. Formozova po istorii russkoi arkheologii i ikh rol' v stanovlenii otechestvennoi arkheologicheskoi nauki [A. A. Formozov's Works on the History of Russian Archaeology and Their Role in the Development of the Domestic Archaeological Science]. In A. D. Stoliar (Ed.), *Neuskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik: k 75-letiiu kandidata istoricheskikh nauk A. A. Formozova* [The Neva Archaeological and Historiographical Collection: For the 75th Birthday Anniversary of PhD A. A. Formozov] (pp. 24–34). Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press. (In Russian)

Letopis' obshchestva s 14 noiabria 1879 po 14 noiabria 1881 goda [The Annals of the Society from November 14, 1879 till November 14, 1881] (1881). *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 12, 433–435. (In Russian)

Livanov, F. V. (1875). *Putevoditel' po Krymu s istoricheskim opisaniem dostoprimechatel'nostei Kryma* [A Guidebook to the Crimea with a Historical Description of the Crimean Sights]. Moscow : T. Ris Press. (In Russian)

Murzakevich, N. N. (1837). Poezdka v Krym v 1836 g. [A Trip to the Crimea in 1836]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 13, 3, 625–691. (In Russian)

Musin, A. E. (2010). *Tserkovnaia starina v sovremennoi Rossii* [Church Antiquities in Modern Russia]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian)

Nepomnyashchy, A. A. (2003). *Istorichne krimoznavstvo (kinets' XVIII — pochatok XX stolittia): bibliografichne doslidzhennia* [Crimean Historical Studies (Late 18th — Early 20th Centuries): bibliographic studies]. Simferopol': Biznes-Inform, 2003. (In Ukrainian)

Nepomnyashchy, A. A. (2005). Deiatel'nost' sviashchennosluzhitelei po izucheniiu i okhrane pamiatnikov drevnosti v Krymu (XIX — nachalo XX veka) [The Activity of the Clergy for the Study and Conservation of the Ancient Monuments in the Crimea (19th — Early 20th Century)]. In *Tserkovnye drevnosti. Sbornik materialov III mezhdunarodnoi konferencii «Tserkovnaia arkheologiiia: liturgicheskoe ustroistvo khramov i voprosy istorii khristianskogo bogosluzheniia» (Sevastopol', 2003)* [Church Antiquities. A Collection of Materials of the 3rd International Conference “Church Archaeology: Temples Liturgy and the Issues of the History of Christian Worship” (Sevastopol, 2003)] (pp. 103–140). Simferopol': Universum. (In Russian)

Otchet Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei s 14-go noiabria 1875 g. po 14-e noiabria 1876 g. [Report of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities from November 14, 1875 till November 14, 1876] (1877). Odessa: M. Gorodetskii Press. (In Russian)

Otchet Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei s 14-go noiabria 1877 g. po 14-e noiabria 1878 g. [Report of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities from November 14, 1877 till November 14, 1878] (1879). Odessa: L. Danikan Press. (In Russian)

Romanchuk, A. I. (2008). *Issledovaniia Chersonesa-Chersona: Raskopki. Gipotezy. Problemy* [Chersonesus-Cherson Studies: Excavations. Hypotheses. Problems] (Vol. 1. Antichnyi polis [Antique City]). Tyumen: Tyumen University Press. (In Russian)

Shamanaev, A. V. (2005). Organizatsiia i finansirovanie arkheologicheskikh issledovaniu Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei v Chersonese (1876–1886 gg.) [The Management and Financing of Archaeological Research of the Odessa Society of History and Antiquities in Chersonesus (1876–1886)]. In A. T. Shashkov (Ed.), *Problemy istorii Rossii* (Vol. 6, pp. 272–283). Yekaterinburg: Volot. (In Russian)

Shamanaev, A. V. (2006). K istorii proekta sozdaniia «Khristianskogo muzeia» v Khersonese [On the History of the “Christian Museum” Project in Chersonesus]. *Chersonesskii sbornik*, 1, 229–236. (In Russian)

Shamanaev, A. V. (2011). Uchastie sluzhitelei monastyria sv. Vladimira v raskopkakh Khersonesskogo gorodishcha (1876–1887) v dokumentakh 1887 g. [Chersonesus Excavations and St Vladimir's Monastery (1876–1887) in the Documents of 1887]. *Chersonesskii sbornik*, 16, 247–253. (In Russian)

Shamanaev, A. V. (2014). A. L. Berthier-Delagarde o proekte «Khristianskogo muzeia» v Chersonese [A. L. Berthier-Delagarde on the “Christian Museum” Project in Chersonesus]. *Dokument. Arkhiv. Istoriiia. Sovremennost'*, 14, 315–327. (In Russian)

Shamanaev, A. V. (2015). Kolleksiia drevnostei monastyria Sv. Vladimira v Sevastopole (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.) [The Collection of Antiquities of St Vladimir's Monastery (2nd Half of the 19th — Early 20th Century)]. *Izvestia Uralskogo federal'nogo universiteta. Serii 2: Gumanitarnye nauki*, 2 (139), 134–145. (In Russian)

Stoianov, R. V. (2009). Imperatorskaia arkheologicheskaia komissiia i izuchenie Khersonesa Tavricheskogo [The Imperial Archaeological Commission and Studies of Chersonesus Taurica]. In E. N. Nosov (Ed.), *Imperatorskaia Arkheologicheskaia Komissiia (1859–1917): K 150-letiiu so dnia osnovaniia. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediia* [The Imperial Archaeological Commission (1859–1917). For the 150th Anniversary of Foundation. At the Roots of National Archaeology and Preservation of the Cultural Heritage] (pp. 522–525). Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russian)

Tereshchuk, N. M. (2007). Prihodno-raskhodnye knigi — vazhneishii istochnik izucheniia deiatel'nosti Chersonesskogo monastyria [Account Books — an Important Source of the Study of Chersonesus Monastery Activities]. *Sacrum et Profanum*, 2, 149–156. (In Russian)

- Trigger, B. G. (2006). *A History of Archaeological Thought*. New York: Cambridge University Press.
- Tunkina, I. V. (2002). *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)* [Russian Science on the Classical Antiquities of Southern Russia (18th – Mid-19th Century)]. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)
- Tur, V. G. (2006). *Pravoslavnye monastyri Kryma v XIX – nachale XX v.* [The Crimean Orthodox Monasteries in the 19th – Early 20th Century]. Kiev: Stilos. (In Russian)
- Yakobson, A. L. (1959). Rannesrednevekovi Chersones. Ocherki istorii material'noi kul'tury [Early Medieval Chersonesus. Essays on the History of Material Culture]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 63. Moscow; Leningrad: AN SSSR. (In Russian)
- Zorin, A. (2011). *Kormia dvuglavogo orla... Russkaia literatura i gosudarstvennaia ideologiya v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka* [“Feeding the Double-Headed Eagle”... The Russian Literature and State Ideology in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Received 10 June 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.049
УДК 902.22(477.75) + 737 + 069.5 +
+ 929 Бертье-Делагард

А. А. Непомнящий
*Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
Симферополь, Россия*

К ИСТОРИИ ЛИЧНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ АЛЕКСАНДРА ЛЬВОВИЧА БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРДА: ПО ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ МАТЕРИАЛАМ

В статье рассмотрена история передачи книжного и рукописного собраний крупного крымоведа Александра Львовича Бертье-Делагарда в Центральный музей Тавриды, а также история продажи части нумизматической и этнографической коллекций в частные руки. Автор использует неопубликованные документы центральных (Москва, Санкт-Петербург) и региональных (Симферополь, Одесса) архивов. Исследование основано на изучении эпистолярного наследия И. А. Линниченко, А. И. Маркевича, А. В. Орешникова. Автор рассматривает биографию А. Л. Бертье-Делагарда, его вклад в изучение истории и археологии Северного Причерноморья, увлечение коллекционированием древностей. Особое внимание уделено деятельности членов Таврической ученой архивной комиссии по сохранению в революционные годы уникальных коллекций. Прослежен интерес к рукописным документам со стороны археологов в конце 20-х гг. XX в. В условиях революционного времени часть нумизматической коллекции А. Л. Бертье-Делагарда была утрачена, другая часть — продана европейскому антиквару. Ювелирные изделия и торевтику «готского стиля» из собрания крымского ученого приобрел Британский музей. Библиотека и личный архив А. Л. Бертье-Делагарда были переданы в Центральный музей Тавриды.

К л ю ч е в ы е с л о в а: крымоведение; история археологии; частные коллекции; Центральный музей Тавриды; А. Л. Бертье-Делагард.

Известный российский археолог и нумизмат Александр Львович Бертье-Делагард (1842–1920) не был историком-профессионалом. Однако написанные им археологические исследования отличались широтой охвата материала и строго научным подходом к малоисследованным историческим вопросам. Благодаря своим трудам он снискал себе авторитет одного из первенствующих историков-крымоведа досоветской эпохи [Непомнящий, 2004а].

Александр Львович рано потерял мать и первоначальное образование получил, как и большинство детей морских офицеров, у гувернера. В 1853 г. — в 11-летнем возрасте — мальчик был определен в сухопутный кадетский корпус в Брест-Литовске. Успешная учеба способствовала переводу А. Л. Бертье-Делагарда в Санкт-Петербургское Константиновское военное училище, которое он окончил с отличием в 1860 г. и был выпущен поручиком в 53-й Волынский пехотный полк. В 1860 г. А. Л. Бертье-Делагард поступил в Инженерную академию. Однако весь набор этого года из-за недоразумений с начальством был отчислен в полки.

Александр Львович в течение двух лет служил в Одессе, но мысль об инженерной специальности не оставил и все-таки стал студентом Академии, которую окончил в 1864 г., после чего получил назначение на службу в Херсон. По нелепой случайности из-за неосторожности товарища Александр Львович лишился глаза. Тогда врачи рекомендовали ему полностью оставить службу, но отсутствие средств к существованию не позволяло молодому человеку бездельничать. В письме от 8 октября 1915 г. к своему другу, профессору Новороссийского университета в Одессе Ивану Андреевичу Линниченко А. Л. Бертъе-Делагард вспоминал: «Когда я потерял один глаз, то мне было прямо сказано, что я должен прекратить какие бы то ни было занятия и чтения или ослепну совершенно. Так как этот приказ был равносильен голодной смерти, то я решил усиленно работать, а там пусть будет чему суждено. С тех пор я читаю непрерывно, по 15 часов в день, все еще вижу, хотя и прошло более 15 лет» [ГАОО, ф. 153, оп. 1, д. 255, л. 33].

Работая инспектором в Херсонском земстве, А. Л. Бертъе-Делагард начал интересоваться событиями, связанными с эпохой присоединения этих земель к России, памятниками старины. В автобиографии он вспоминал, что его случайное знакомство с вице-президентом Одесского общества истории и древностей Николаем Никифоровичем Мурзакевичем оказало огромное влияние на его дальнейшую судьбу. «Увлеченный им, — писал Александр Львович, — я своими руками разобрал, очистил и исправил в 1873 г. безвестно брошенную могилу Потемкина, переложив его кости. Это и было начальной точкой увлечения моего археологией и историей» [Бертъе-Делагард, с. 207].

В 1874 г. А. Л. Бертъе-Делагарда перевели на службу в родной Севастополь инженером. Он спроектировал водопровод (и руководил работами по его строительству), занимался планировкой города, в том числе строительством знаменитого Приморского бульвара и судостроительного адмиралтейства. В написанном сразу после смерти Александра Львовича некрологе его друг, известный ученый-крымовед И. А. Линниченко, вспоминал, что «в Севастополе молодой инженер, помимо своих прямых обязанностей — работ инженерных в порту, взял на себя большое и ответственное дело благоустройства города, распланировал его, нашел наиболее пригодные материалы для постройки или лучше восстановления из пепла разрушенного города, провел в нем воду, украсил садами, насаждениями по его собственному плану, и все эти работы произвел при самых неблагоприятных материальных, финансовых условиях — на насаждение садов, например, он получал только по 3 коп. на квадратную сажень, а между тем Исторический бульвар, им насаженный, теперь составляет одно из лучших украшений города. Эти работы по устройству Севастополя были и толчком к занимавшим его многие годы работам по садоводству и работам археологическим» [Линниченко, с. 170].

В течение 70–80-х гг. XIX в. Александр Львович много сделал для благоустройства родного края. Феодосийский, Ялтинский, Севастопольский торговые порты, Феодосийская ветка железной дороги, первые водопроводы в приморских городах Крыма создавались по его проектам и под его непосредственным

руководством. В «Автобиографической справке» он писал: «Благодаря своей инженерной репутации я был приглашен заведовать большими и сложными работами, стоя во главе строения нескольких портов Черного моря: значительная часть Одесского, весь Ялтинский в два приема, Феодосийский и Ростовский — дела моей головы и рук» [Бертье-Делагард, с. 208]. При этом естественным было то, что инженер постоянно сталкивался с остатками древностей и вынужден был производить археологические раскопки, описывать и зарисовывать находки. Александр Львович вспоминал в автобиографии об этом периоде своей жизни: «Заваленный работами по крепости, перестраивавшейся ввиду осложнений с Англией, по городскому устройству и судостроению, работами сложными, тяжелыми и крайне ответственными, я кончил, чем и следовало, расстройством здоровья, перенявшим опасный характер, вследствие укуса бешеной собаки и лечения тогда только вводимыми прививками» [Там же, с. 203].

В 1887 г. в связи с ухудшением здоровья А. Л. Бертье-Делагард вышел в отставку и занялся научной деятельностью. Объектом его ученых интересов стали история, археология, нумизматика Крыма. Болезнь родственников побудила его обосноваться в Ялте (ил. 1), где 21 июня 1894 г. он приобрел земельный участок и построил дом по проекту архитектора Н. П. Краснова (ул. Аутская, 15). В 1895 г. А. Л. Бертье-Делагард был включен в список ялтинских землевладельцев. Вокруг своего особняка ученый развел уникальный сад, который состоял из редких и ценных древесных и кустарных растений (ил. 2). Несмотря на официальную отставку и в последующие годы Александр Львович продолжал инженерную деятельность в Ялте.

А. Л. Бертье-Делагард не жалел личных средств на приобретение редких книг, карт, гравюр, монет, предметов старины. Его библиотека насчитывала более шести тысяч томов (ил. 3). В ней содержалось почти все, изданное о Крыме с конца XVIII в., коллекции отечественных и периодических изданий. Краевед постоянно заботился о пополнении своего книжного собрания.

Ил. 1. Александр Львович Бертье-Делагард (Центральный музей Тавриды, Симферополь)

Ил. 2. Александр Львович Бертье-Делагард с сестрой С. Л. Белявской и воспитанницей Александрой Баранецкой

Так, 13 октября 1913 г. в письме к сотруднику Исторического музея в Москве А. В. Орешникову он интересовался, «нет ли где на примете продающегося “Русского архива”, весь полностью, без пропусков, с самого начала издания, что эта забава может стоить?» [ГИМ ОПИ, ф. 136, оп. 1, д. 9, л. 142]. Старейшей

по времени собрания у краеведа была нумизматическая коллекция: среди прочих — около 200 особо редких пантикапейских, боспорских, херсонесских монет. С этим уникальным собранием беспрепятственно работали все нумизматы-крымоведы.

Судьба коллекции и библиотеки начала волновать А. Л. Бертье-Делагарда с началом Первой мировой войны. Председатель Таврической ученой архивной комиссии А. И. Маркевич сообщал А. В. Орешникову в Москву 28 октября 1914 г., что «опасаясь за свою библиотеку и некоторые коллекции, он (А. Л. Бертье-Делагард. — А. Н.) переселяется сюда (в Симферополь. — А. Н.) и я устроил их в прекрасном безопасном сухом

Ил. 3. Александр Львович Бертье-Делагард в своем кабинете (Центральный музей Тавриды, Симферополь)

помещении. Здоровье Александра Львовича в последнее время очень оплошало» [ГИМ ОПИ, ф. 136, оп. 1, д. 35, л. 50]. 25 июня 1915 г. А. И. Маркевич сообщал тому же адресату, что «здоровье Александра Львовича лучше» и о готовящемся перевозе библиотеки опять в Ялту [Там же, л. 53].

Наполненными драматизма были последние годы жизни ученого — время революционного лихолетья. В конце января 1917 г. А. Л. Бертье-Делагард писал в Одессу: «Сила вещей все более и более гнетет. Только в книжках, своего рода наркотическое, находишь некоторое забытье; того ради выписал и часть получил, свою библиотеку от Маркевича» [ГАОО, ф. 153, оп. 1, д. 255, л. 52]. В сентябре 1917 г. ученый был вынужден переселиться из дома во флигель, где хранились его коллекция и библиотека. Он имел все основания бояться, что «разграбят мою татарщину, которую очень хотел бы довести до Москвы <...> около 6 000 томов <...>, что делать уж и не знаю» [Там же, л. 76].

Прекрасно осознавая ценность своей коллекции и библиотеки, краевед в письме к А. В. Орешникову от 11 августа 1917 г. сообщал: «Люблю я мой милый Крым. Около сорока лет трачу все мои крохи, собираю память о нем. Все собранное решил передать куда ближе, в Одессу». Далее он просил Алексея Васильевича, как сотрудника Исторического музея, предпринять меры к организации перевода его библиотеки в Москву для передачи ее в Музей: «Библиотека во всеобщем употреблении, для занятий, а не для баловства, большие редкости, а таковых немало, выдавать лишь с особой осторожностью. Всего около шести тысяч названий и около семисот карт и гравюр. В последнее время у меня собралось большое количество татарских вещей <...> до семисот номеров, стоило мне около двадцати тысяч». Далее А. Л. Бертье-Делагард говорит о возможности передачи и этнографического собрания Историческому музею [ГИМ ОПИ, ф. 136, оп. 1, д. 9, л. 167–168].

В конце лета 1919 г. у А. Л. Бертье-Делагарда случился первый апоплексический удар, в связи с чем было составлено завещание, где он велел все оставшиеся после него бумаги и письма передать Арсению Ивановичу Маркевичу, коллекции — Таврической ученой архивной комиссии, а библиотеку — Историческому музею в Москве [Там же, л. 168 об.]. В январе 1920 г. у ученого случился второй удар. Оставшись без средств к существованию, краевед принял решение продать часть своей коллекции древностей, которую до этого собирался передать в Одесский музей. О проданных А. Л. Бертье-Делагардом древностях, вывезенных затем в Европу, сообщало в 1920 г. парижское издание «Mercure de France». Еще одной причиной, побудившей А. Л. Бертье-Делагарда к этому шагу, была частая сменяемость власти в Крыму, беззаконие, политика большевиков по экспроприации культурных ценностей с частных дач на южном берегу Крыма. В завещании он с горечью заметил по этому поводу: «ценность денежной единицы стала крайне неопределенна <...> самое жизненное существование мое и всех вокруг меня живущих ныне требует столь страшных расходов, что моих обычно малых доходов далеко недостаточно и приходится отчуждать разного рода имущество, чтобы не умереть с голоду. <...> Собрал разные старинные и древние

вещи и предметы, монеты, имея в виду оставить их после себя общественному музею, но общее разрушение вынуждает для существования мне и моим близким продавать всяческое имущество...» [ГАРК, ф. 376, оп. 5, д. 15251, л. 14 об., 16–16 об.]. В 1918 г. Крымское краевое правительство намеревалось приобрести у Александра Львовича коллекцию крымско-татарской старины, однако помешали политические катаклизмы.

В это сложное время А. И. Маркевич активно поднимал вопрос о сохранении дачи А. Л. Бертъе-Делагарда «как государственного заповедника» [ГИМ ОПИ, ф. 136, оп. 1, д. 35, л. 62 об.]. Благодаря ходатайствам Таврической ученой архивной комиссии 17 апреля 1918 г. Народный комиссариат внутренних дел Социалистической Республики Тавриды направил Ялтинскому уездному совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов распоряжение «принять самые энергичные меры к охране от разгрома библиотеки известного ученого А. Л. Бертъе-Делагарда, его собрания карт историко-географических и рисунков, касающихся Крыма, оставив таковые в его ведении» [ГАРК, ф. Р-2237, оп. 1, д. 10, л. 3].

Малоизвестным источником по этому вопросу является сообщение эмигрировавшего ученого-ихтиолога, одного из создателей и активных деятелей Таврической научной ассоциации Павла Семеновича Гальцова, опубликованное в берлинском издании «Новая русская книга». Там сообщалось: «В конце 17-го и первой половине 18 года в первый период большевизма в Крыму Научной ассоциации пришлось особенно энергично бороться за судьбу научных учреждений и за спасение ценнейших общественных и частных библиотек и коллекций. Так, благодаря такому заступничеству была спасена богатейшая археологическая и этнографическая коллекция Бертъе-де-ла Гарта в Ялте; после долгих хлопот удалось отстоять и сохранить от реквизиции его же богатую коллекцию золотых и серебряных старинных монет, хранившуюся в сейфе одного из банков» [Гальцов].

Действенных мер по охране ценнейшего собрания предпринято не было. Это подтверждает сообщение В. И. Вернадского, опубликованное в 1921 г.: «Нельзя не отметить еще одно имеющееся в Ялте собрание, имеющее большое научное значение — это библиотека Таугіса и археологически-нумизматическое собрание археолога и инженера Делягарда (1920 г.). Библиотека, собиравшаяся десятки лет, была им завещана Историческому музею в Москве. Для Крыма потеря ее очень тяжела, т. к. она полнее Стевенсоновской Таугіса и очень богата собранием карт Черного моря и Крыма — печатных и рукописных. К сожалению, ее судьба сейчас вызывает тревогу. Она хранилась до последнего времени в ящиках в Ялте. Археолого-нумизматическое собрание Делягарда частью ушло, частью уходит за границу. Среди массы научных ценностей, уже ушедших от нас к более сейчас богатым и умным соседям, прибавится еще одно» [Вернадский, 1921, с. 8].

А. Л. Бертъе-Делагард скончался, как явствует из метрической книги Аутской Успенской церкви г. Ялты, 14 февраля 1920 г. вследствие закупорки мозговых сосудов [ГАРК, ф. 142, оп. 1, д. 1130, л. 77 об.]. Сразу после смерти краеведа его

друзья И. А. Линниченко и А. И. Маркевич прилагали все усилия для спасения его уникальной библиотеки [Непомнящий, 2005, с. 112–115, 166–167]. Об этом, в частности, свидетельствует дневниковая запись от 23 ноября 1920 г. находившегося тогда в Симферополе Владимира Ивановича Вернадского: «Большой разговор с И. А. Линниченко о Бертье де Лагарде, о его библиотеке. Говорят, большая библиотека по садоводству. Б. де Лагард <никогда> не хотел (передать ее. — А. Н.) для Тавр[ического] ун[иверситета]» [Вернадский, 1997, с. 109–110]. В это время А. И. Маркевич пытался организовать как можно более быстрый вывоз библиотеки покойного в Москву. 1 января 1921 г. он просил А. В. Орешникова: «Историческому музею надо связаться с его (Александра Львовича. — А. Н.) душеприказчиком — присяжным поверенным Николаем Васильевичем Гудзимой. <...> В последнее время Таврический университет имел в виду взять под охрану эту библиотеку, но на днях историко-филологический и юридический факультеты у нас упразднены и библиотеки ввиду этого могут не дать. Думаю, что перевозка ее в Москву обойдется дорого, но зато ценность ее громадна и музей приобретет в ней настоящее сокровище» [ГИМ ОПИ, ф. 136, оп. 1, д. 35, л. 78].

И. А. Линниченко сообщал 2 января 1921 г. в Крымский отдел по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природного быта: «Таврический университет поручил мне защиту своих интересов в отношении библиотеки покойного А. Л. Бертье-Делагарда. Библиотека эта представляет исключительную по своему научному значению ценность. Состоит она из нескольких отделов Стімеа. Все ценное и редкое, имеющее отношение к истории, археологии, литературе, этнографии Крыма, собрано здесь. Помимо книг коллекция содержит и очень богатое собрание карт, планов, видов, портретов, имеющих отношение к Крыму. <...> Только часть библиотеки Стімеа имела каталог. Для остальной части его нужно еще составить. <...> Я с большой охотой взял бы на себя труд привести библиотеку в порядок» [ГАРК, ф. 538, оп. 1, д. 66, л. 45].

Дополнительную информацию по этому вопросу предоставляют письма А. И. Маркевича к А. В. Орешникову. 12 ноября 1921 г. Арсений Иванович писал: «Я убеждал, умолял его (А. Л. Бертье-Делагарда. — А. Н.) завещать ее (библиотеку. — А. Н.) здешнему университету, и, казалось, достиг осуществления своего желания. <...> Беда в том, что университет не имеет своего собственного помещения. А в Ялте эта библиотека не у места. Здешние учреждения настаивают на оставлении библиотеки в Крыму и преодолеть это решение будет нелегко, особенно теперь, когда Крым объявлен автономной республикой» [ГИМ ОПИ, ф. 136, оп. 1, д. 35, л. 93]. 30 сентября 1921 г. А. И. Маркевич с тревогой писал А. В. Орешникову: «Что это Исторический музей ничего не предпринимает для перевода библиотеки Александра Львовича? Как бы не остаться ей здесь. <...> По-видимому, нынешние здешние власти имеют в виду такое решение вопроса. <...> Пока она цела. Коллекции Александра Львовича <...> погибли, если не для науки, то, во всяком случае, для России. Эта потеря, вероятно, сократила и дни покойного» [Там же, л. 91].

Часть бесценного собрания древностей А. Л. Бертье-Делагарда в итоге оказалась в Женеве — была продана частному лицу (нумизматическая коллекция, неясно, полностью или частично), в ноябре-декабре часть коллекций приобрел Британский музей (ювелирные изделия и торевтику «готского стиля» из Керчи), а часть была просто разграблена, распродана по мелочам и разошлась по музеям Европы и Америки [Dalton]. Библиотека ученого была передана в Центральный музей Тавриды, где была объединена с другими реквизированными книжными собраниями и библиотекой Таврической ученой архивной комиссии [Непомнящий, 2004б].

В последующие годы за справками о судьбе других коллекций А. Л. Бертье-Делагарда Арсений Иванович не переставал обращаться к специалистам в области античных коллекций. Специальную информацию по этому вопросу в 1927 г. подготовил московский археолог, историк Древнего мира Алексей Алексеевич Захаров (1884–1937). Отвечая ему 10 ноября 1927 г. Арсений Иванович писал: «Я рад, что хоть одна из коллекций Бертье-Делагарда не пропала, а попала в соответствующее место, хотя и на чужбине. Две другие — нумизматическая и особо ценная — крымско-татарская — разошлись по мелочам и для науки погибли» [ГИМ ОПИ, ф. 453, оп. 1, д. 3, л. 247].

31 января 1928 г. А. И. Маркевич сообщал А. В. Орешникову: «На днях получил письмо Minn's, который сообщал, что нумизматическая коллекция Бертье-Делагарда распродана была в 1923 г. в Женеве у Naville. Не знаю, ученый это или коллекционер. Готские предметы из коллекции Александра Львовича приобретены Британским музеем» [ГИМ ОПИ, ф. 136, оп. 1, д. 35, л. 117].

Информация, полученная А. И. Маркевичем от А. А. Захарова и английского археолога, историка-слависта Эллиса Ховелла Миннза (1874–1953), легла в основу его небольшой публикации «К судьбам коллекций древностей и старины А. Л. Бертье-Делагарда», напечатанной в 1928 г. Статья скорее представляет собой справку, которая подытоживала его кропотливые многолетние поиски следов нумизматической, археологической и этнографических коллекций. Радовало одно: «Уцелело вполне только книжное собрание Бертье-Делагарда, в частности, особенно близкая его сердцу Таугіса, при том, находящаяся в родном Крыму, в Симферополе, в Центральном музее Тавриды. Она любовно оберегается, доступна всем, занимающимся прошлым Крыма, и даже пополняется, хотя не в таком размере, как было бы желательно, за неимением для этого средств» [Маркевич, с. 145].

Интерес к сохранившемуся рукописному научному наследию А. Л. Бертье-Делагарда в столичных академических кругах активизировался в 1928–1929 гг. в связи с разгоревшимся конфликтом между археологами Н. И. Репниковым и Н. Л. Эрнстом за право исследования Эски-Кермена. Документы, касающиеся этого конфликта, выявленные нами в различных архивах, свидетельствуют о желании Н. И. Репникова замкнуть исключительно на себе изучение Эски-Кермена. При этом, увы, как это нередко бывает в научной среде, для доказательства собственной правоты Н. И. Репников и патронировавший его

В. И. Равдоникас не брезговали никакими средствами. На заседаниях Крымской комиссии Государственной академии истории материальной культуры 28 марта и 9 мая 1929 г. в сторону Н. Л. Эрнста сыпались обвинения не только в неумелом, а следовательно, и некачественном, проведении археологических раскопок, но и в плагиате. Ученому инкриминировали использование без указания авторства трудов, присвоение себе чертежей и рисунков, выполненных А. Л. Бертье-Делагардом [НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 40, л. 45–57]. В. И. Равдоникас и Н. И. Репников безапелляционно утверждали, что Н. Л. Эрнст использовал без указания авторства для своих научных интересов материалы архива бывшей Таврической ученой архивной комиссии, в частности, хранившиеся там бумаги (описания археологических работ, чертежи и планы раскопок) основателя Московского археологического общества Алексея Сергеевича Уварова (1824–1884) [Там же, л. 45–57].

Инициированное академиком С. Ф. Платоновым, который курировал подготовку советско-германской археологической экспедиции, разбирательство по этому делу вызвало к жизни два документа — докладную записку заведующего библиотекой Центрального музея Тавриды Дмитрия Спиридоновича Спиридонова (1871–1938) на имя директора музея Александра Ивановича Полканова (1884–1971) и соответствующее письмо А. И. Полканова в Ленинград.

Так, Д. С. Спиридонов 6 июня 1929 г. по просьбе А. И. Полканова подготовил специальную записку на его имя по поводу возможности использования бумаг А. Л. Бертье-Делагарда, переданных на хранение в музей. «На запрос о составе и движении рукописных материалов покойного А. Л. Бертье-Делагарда» краевед сообщал следующее: «Бумаги приняты в библиотеку 9 июня 1927 года в 14 папках и россыпью около 10 фунтов весом. Этот материал распадается на категории: I. рукописи, напечатанные на машинке, черновики и корректуры к статьям Бертье-Делагарда по истории, археологии, нумизматике; II. переписка его с учеными, корреспондентами и друзьями; III. деловые документы Бертье-Делагарда по подрядам; IV. случайные бумаги, переданные Бертье-Делагарду на просмотр». Библиотекарь перечислил, к каким именно публикациям А. Л. Бертье-Делагарда сохранился черновой материал. Он констатировал: «Рукописей каких-либо неопубликованных статей Б.-Делагарда не оказалось. К систематизации и описанию этого материала мною приступлено в этом году и до настоящего дня он никому не был передаваем для изучения или ознакомления им в библиотеке, ни тем более на руки» (выделено Д. С. Спиридоновым. — *А. Н.*) [ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 703, л. 17].

На основании этой записки Александр Иванович Полканов составил справку, которая была размножена в пяти экземплярах для различных академических учреждений. В ней сообщалось: «Центральный музей Тавриды настоящим удостоверяет, что все рукописное наследие А. Л. Бертье-Делагарда хранится в библиотеке музея». Директор сообщал, что переданный на хранение в музей архив ученого не содержит неопубликованных рукописей. Архив никому не выдавался. Отдельно оговаривалась степень участия Н. Л. Эрнста

в исследованиях Эски-Кермена: «Центральный музей Тавриды неоднократно в период 1921–1926 г. командировал Н. Л. Эрнста для работ на Эски-Кермене вместе с его практикантами»; «В Центральном музее Тавриды имеется большое количество снятых Н. Л. Эрнстом на Эски-Кермене фотонегативов, обмеров и зарисовок, и собранного им подъемного археологического материала» [ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 703, л. 24].

В письме в Ленинград к академику С. Ф. Платонову 13 июля 1929 г. А. И. Полканов сообщал:

Глубокоуважаемый Сергей Федорович.

Согласно своему обещанию, данному мною в бытность у Вас в мае, я ознакомился, вернувшись в Симферополь, с положением вопроса об архиве Бертье-Делагарда, хранящемся в нашем музее. По сообщению библиотекаря Дмитрия Спиридоновича Спиридонова, в ведении которого архив находится, оказалось, что в нем вовсе нет неопубликованных материалов, т. е. естественно таковыми не мог воспользоваться Н. Л. Эрнст. Кроме того, по словам Спиридонова, над материалами Бертье-Делагарда (его архив) Эрнст не работал.

Таким образом, все слухи, распространяемые в Питере некоторыми лицами об Эрнсте, являются явно недобросовестными. По последним сведениям, эти лица попытались вовлечь в эту недостойную травлю некоего севастопольского краеведа Бабенчикова, который со своими школьниками-«сотрудниками» послал в академию истории материальной культуры бумагу с выпадами против Эрнста. Вызванный в специальную комиссию крымского Наркомпроса Бабенчиков должен был признать, что он «был введен в заблуждение» и раскаивается в том, что позволил себя втянуть в эту неприличную историю. Прилагаю копию официального заявления Спиридонова, которую, как и мое письмо, прошу использовать по Вашему усмотрению.

С искренним уважением, А. Полканов

[Там же, д. 3887, л. 1]

Таким образом, из огромного собрания рукописей, книг и предметов старины, нумизматической коллекции крупного досоветского крымоведа Александра Львовича Бертье-Делагарда в полном объеме сохранились уникальная библиотека и рукописный архив. Остальные предметы собранной за многие годы коллекции большей частью хранятся в Британском музее.

Бертье-Делагард А. Л. Автобиографическая справка / подг., предисл. и коммент. Т. Избаш // Записки Историко-филологического товарищества Андрія Білецького. 2003. Вип. 4. № 1. С. 203–208.

Вернадский В. О научной работе в Крыму в 1917–1921 гг. // Наука и ее работники. 1921. № 4. С. 3–12.

Вернадский В. И. Дневники, 1917–1921: Январь 1920 — март 1921. Киев : Наук. думка, 1997.

Гальцов П. Русская наука и ученые в Крыму (1917–1920 гг.) // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 28–29.

ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 255.

ГАРК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1130; Ф. 376. Оп. 5. Д. 15251; Ф. 538. Оп. 1. Д. 66; Р-2237. Оп. 1. Д. 10.

ГИМ ОПИ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 9, 35; Ф. 453. Оп. 1. Д. 3.

Линниченко И. А. Патриарх крымоведения: Александр Львович Бертье-Делагард / подг. и предисл. Т. А. Избаш // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова / под. ред. А. Д. Столяра. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 166–175.

Маркевич А. И. К судьбам коллекций древности и старины А. Л. Бертье-Делагарда // Изв. Тавр. о-ва истории, археологии и этнографии. 1928. № 2 (59). С. 144–146.

НА ИМК РАН, РА. Ф. 2. Оп. 1 (1929 г.). Д. 40.

Непомнящий А. А. Александр Львович Бертье-Делагард: биобиблиографические штудии // Боспорские исследования = *Vosporos Studies*. 2004а. Вып. 5. С. 476–494.

Непомнящий А. А. «Ценность ее громадна»: Неизвестные документы о судьбе библиотечного и музейного собраний А. Л. Бертье-Делагарда // Матеріали Міжнар. наук. конф. «Історичні колекції у книгозбірнях: Проблеми збереження, вивчення, реконструкції» / ред. М. О. Подрезова. Одеса: Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова, 2004б. С. 138–144.

Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. (Сер.: «Биобиблиография крымоведения», вып. 3).

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 703.

Dalton O. M. Sarmatian Merovingian Ornaments in the Same Collection // *The Antiquaries Journal*. 1924. Vol. 4, № 3. P. 259–262.

Статья поступила в редакцию 10.06.2016 г.

Непомнящий Андрей Анатольевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой исторического
регионоведения и краеведения
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
295007, Симферополь, пр. Вернадского, 4
E-mail: dr.aan@mail.ru

Nepomnyashchy, Andrey Anatolievich

Dr.Hab. (History), Professor, Head
of the Chair of Historical Regional Studies
and Local History
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
4, Vernadsky Ave., 295007 Simferopol
E-mail: dr.aan@mail.ru

**ON THE HISTORY
OF ALEXANDER LVOVICH BERTHIER-DELAGARDE'S
PRIVATE COLLECTIONS
(With Reference to Documentary Materials)**

The article explores the events behind the donation of the collection of books and manuscripts belonging to a prominent scholar of Crimea Alexander Lvovich Berthier-Delagarde to the Central Museum of Taurida, as well as how part of his numismatic and ethnographic collection was sold to a private owner. The analysis is made with reference to unpublished documents of central (Moscow, Saint Petersburg) and regional (Simferopol, Odessa) archives. The author refers to the epistolary legacy of I. A. Linnichenko, A. I. Markevich, and A. V. Oreshnikov. The author considers A. L. Berthier-Delagarde's biography, his contribution to the study of the history and archaeology of Northern Circum-Pontic Region, and his enthusiasm in collecting artefacts. Special attention is paid to the activity of members of the Tauric Learned Archival Commission meant to preserve unique collections during the revolutionary years. Additionally, the author focuses on archaeologists' interest in the handwritten

documents in the late 1920s. During the Revolution, part of A. L. Berthier-Delagarde's numismatic collection was lost, and the other part was sold to a European antiquarian. The Crimean scholar's jewellery collection and the Gothic style Tauric items were purchased by the British Museum. A. L. Berthier-Delagarde's library and private archive were given to the Central Museum of Taurida.

Key words: Crimean studies; history of archaeology; private collections; Central Museum of Taurida; A. L. Berthier-Delagarde.

Berthier-Delagarde, A. L. (2003). Avtobiograficheskaia spravka [Autobiographical Reference]. *Zapiski Istoriko-filologichnogo Tovaristva Andriia Bilets'kogo*, 4 (1), 203–208. (In Russian)

Dalton, O. M. (1924). Sarmatian Merovingian Ornaments in the Same Collection. *The Antiquaries Journal*, 4 (3), 259–262.

Gal'tsov, P. (1922). Russkaia nauka i uchenye v krymu (1917–1920 gg.) [Russian Science and Scholars in the Crimea (1917–1920)]. *Novaia russkaia kniga*, 1, 28–29. (In Russian)

Linnichenko, I. A. (2004). Patriarkh krymovedeniia: Aleksandr Lvovich Berthier-Delagarde [The Patriarch of Crimean Local History Studies: Alexander Lvovich Berthier-Delagarde]. In A. D. Stoliar (Ed.), *Nevskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik : k 75-letiiu kandidata istoricheskikh nauk A. A. Formozova* [Neva Archaeological and Historiographical Collection: For the 75th Birthday Anniversary of PhD A. A. Formozov] (pp. 166–175). Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press. (In Russian)

Markevich, A. I. (1928). K sud'bam kollektzii drevnosti i stariny A. L. Berthier-Delagarda [On the Fate of A. L. Berthier-Delagarde's Collections of Antiquities]. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*, 2 (59), 144–146. (In Russian)

Nepomnyashchy, A. A. (2004a). Aleksandr Lvovich Berthier-Delagarde: Biobibliograficheskie shtudii [Alexander Lvovich Berthier-Delagarde: Bio-bibliographic Studies]. *Bosporskie issledovaniia = Bosporos Studies*, 5, 476–494. (In Russian)

Nepomnyashchy, A. A. (2004b). «Tsennost' ee gromadna»: Neizvestnye dokumenty o sud'be bibliotechnogo i muzeinogo sobranii A. L. Berthier-Delagarda [“Its value is enormous”: Unknown Documents on the Fate of Library and Museum Collections of A. L. Berthier-Delagarde]. In M. J. Podrezova (Ed.), *Materiali mizhnarodnoi nauch. konf. «Istorichni kolektzii u knigozbirniakh: Problemi zberezhennia, vivchennia, rekonstruktsii»* [International Materials of International Conference “Historical Collections in Libraries: Problems of Preservation, Study and Reconstruction”] (pp. 138–144). Odesa: Odes'kii nats. un-t im. I. I. Mechnikova. (In Russian)

Nepomnyashchy, A. A. (2005). Arsenii Markevich: Stranitsy istorii krymskogo kraevedeniia [Arseny Markevich: Pages of the History of Crimean Regional Studies]. *Biobibliografiia krymovedeniia* (Vol. 3). Simferopol: Biznes-Inform. (In Russian)

Vernadskii, V. (1921). O nauchnoi rabote v Krymu v 1917–1921 gg. [On Scholarly Studies in the Crimea in 1917–1921]. *Nauka i ee rabotniki*, 4, 3–12. (In Russian)

Vernadskii, V. I. (1997). *Dnevnik, 1917–1921: Ianvar' 1920 – mart 1921* [Diaries, 1917–1921: January 1920 – March 1921]. Kiev: Naukova dumka. (In Russian)

Received 10 June 2016

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ШАРЛОТТЫ БРОНТЕ

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.050
УДК 821.111-31 Бронте + 821.111-31
Джин Рис + 821.111(729)

О. Г. Сидорова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПЕРЕПИСЫВАЯ ШАРЛОТТУ БРОНТЕ («Джейн Эйр» Шарлотты Бронте и «Широкое Саргассово море» Джин Рис)

Роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» (1847) рассматривается в статье с точки зрения его валентности, т. е. возможности продуцировать новые произведения и смыслы. Одно из произведений этого ряда — роман Джин Рис «Широкое Саргассово море» (1966) — было создано как открытый полемический постколониальный ответ на роман Ш. Бронте. Уроженка Вест-Индии Джин Рис культивирует в своем творчестве собственную колониальную «инаковость», максимальным проявлением которой становится ее роман. Основной точкой полемики с романом Ш. Бронте в ее произведении становятся образ героя, мистера Р. (переволпщенного мистера Рочестера из романа Ш. Бронте) и особенно его жены, сумасшедшей Берты Рочестер, жизнь которой автор описывает с раннего детства и до смерти. В романе Рис кардинально меняется оценка бинарной оппозиции «колония — метрополия» с нетрадиционной точки зрения, когда именно мир колонии становится положительным членом дихотомии, а мир метрополии — отрицательным. Произведение Джин Рис становится первым из ряда так называемых постколониальных ответов — новой жанровой модификации, которая получила широкую популярность в зарубежной литературе в конце XX в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «Джейн Эйр»; образ сумасшедшей жены; «Широкое Саргассово море»; жанровая модификация; постколониальный ответ.

«Nabent sua fata libelli...» («Книги имеют свою судьбу сообразно тому, как их принимает читатель») — на протяжении веков это неотменное и неотменяемое правило, сформулированное еще в III в. до н. э. Теренцием Мавром, лишь обрастает новыми примерами разнообразных человеческих и книжных судеб.

© Сидорова О. Г., 2016

Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3 (154). С. 157–169

Пользуясь современным естественно-научным термином, который все успешнее проникает в гуманитарную сферу, можно утверждать, что валентность книг — величина переменная. Под валентностью (от лат. *valens* 'имеющий силу') мы в данном случае имеем в виду потенциальную способность / возможность того или иного литературного произведения служить основой или отправной точкой для создания новых произведений. Отметим также, что разные произведения, даже принадлежащие перу одного и того же автора и обладающие высокими эстетическими характеристиками, имеют в истории литературы и — шире — культуры — разный валентностный потенциал. Очевидно, авторам произведений с высоким уровнем валентности удалось обозначить некую проблемную точку, которая не дает возможности немедленного ответа и разрешения поставленных вопросов.

Роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» — примеры тому многочисленны — одно из произведений, которое вот уже в течение более полутора веков продолжает «продуцировать» все новые и новые произведения литературы, большинство из которых по понятным причинам относится к популярному чтиву, авторы которых, как правило, откровенно эксплуатируют любовь читателей к классическому произведению Ш. Бронте. Существуют, однако, и исключения из этой закономерности, в частности, роман Джин Рис, о котором пойдет речь в данной статье.

В сознании современного читателя имя Шарлотты Бронте прочно связано с ее романом «Джейн Эйр» (1847), хотя она является также автором ряда других произведений, стихов и романов «Шерли», «Городок», «Учитель». Полагаем, что существует несколько объяснений подобной избирательности читательской рецепции. «Джейн Эйр» была первой книгой автора, которая вышла в издательстве «Смит, Элдер и Ко.» под мужским псевдонимом *Currer Bell*, и даже в таком качестве была воспринята критиками и общественностью как дерзкое произведение, автор которого был критически настроен по отношению к существующим общественным установкам, будь то лицемерие религиозных и светских властей, жестокость системы образования, снобизм и распущенность представителей высшего общества, бесправное положение женщины, и мн. др. Одного этого было бы достаточно для того, чтобы викторианские критики-моралисты выразили свое неудовольствие, но Ш. Бронте, дочь небогатого священника, вынужденная некоторое время работать учительницей и служить гувернанткой, пошла дальше — она сделала повествователем и главной героиней романа бедную и внешне непривлекательную гувернантку Джейн Эйр.

Парадокс заключается не в том, что гувернантка становится героиней романа — именно в 1830-е гг. в английской литературе появилась и закрепилась жанровая разновидность «роман о гувернантках» (*the Victorian governess novel*), в которой отразились злободневные вопросы, стоявшие перед английским обществом, в частности, проблемы занятости и возможности заработка женщинами среднего класса, условия труда гувернанток, их взаимоотношения с работодателями и т. д. [см.: Lecaros]. Более того, в романном мире Ш. Бронте ее героиня

Джейн, казалось бы, находит свое место в обществе и могла бы вполне достойно в нем существовать, как делает это ее коллега Агнес Грей, героиня одноименного произведения 1847 г. Анны Бронте, младшей сестры Шарлотты Бронте, также одаренной писательницы и также гувернантки в реальной жизни. Претерпев все унижения жизни в богатых и чванливых семьях, Агнес удается не только приобрести опыт, повзрослеть, заработать денег и поддержать свою семью, но и найти личное счастье в браке с приходским священником. Очевидно, однако, что Джейн Эйр обладает другим характером и взглядами на жизнь и мироустройство в целом. Она относится к бунтарям и обличителям, она смела и порой безрассудна, и замуж она готова выйти только по страстной любви. Возможно, именно характер героини сделал роман настолько популярным среди читателей многих поколений, хотя не следует забывать и о герое произведения.

Мистер Рочестер — настоящий романтический герой, один из главных романтических героев английской литературы XIX в., прямой наследник ряда героев Байрона и других романтиков, особенно ярко выделяющийся на прозаическом, детально и реалистически выписанном фоне викторианского романа с его обличением социальной несправедливости и лицемерия, измученная душа которого «ждала... кого-нибудь» и сумела разглядеть свой идеал в невзрачной Джейн. Как и подобает настоящему романтическому герою, в жизни мистера Рочестера присутствует страшная тайна, в которую посвящены лишь несколько человек, — на чердаке родового замка Торнфилдхолл он прячет от общества свою законную, но сумасшедшую жену, которая в конце концов сжигает замок и гибнет в огне. Пытаясь спасти ее, мистер Рочестер получает тяжелые увечья и теряет зрение, но, претерпев все муки, находит счастье с любимой Джейн, которая к тому моменту успела получить наследство от неведомого доселе дядюшки и стать зажиточной дамой. Нас, однако, будут интересовать не отношения Джейн и Рочестера, но другой персонаж произведения, миссис Берта Рочестер.

Как описана в романе Ш. Бронте жена Рочестера? Еще до того, как она появляется на страницах книги, Джейн напугана признаками существования некоего «привидения» Торнфилдхолла:

...До меня донесся чей-то смех. Это был странный смех — отрывистый, сухой, безрадостный. ...Смех повторился, негромкий, отрывистый, и закончился странным бормотанием. ...смех был такой мрачный, такой жуткий, какого я никогда не слышала [Бронте, с. 127].

Увидев БERTУ Рочестер, Джейн описывает ее как непонятное «существо... видимо, женщина... высокая и рослая. [Ее] свирепые глаза яростно уставились на меня. ...Я лишь увидела эту страшную фигуру, склоненную надо мной — и потеряла сознание» [Там же, с. 322–323].

Позднее, придя в комнату, где содержится жена Рочестера, она видит:

В дальнем темном углу комнаты какое-то существо бегало взад и вперед. Сначала трудно было даже разобрать, человек это или животное. Оно бегало на четвереньках,

рычало и фыркало, точно какой-то диковинный зверь. На нем было женское платье; масса черных седеющих волос, подобно спутанной гриве, закрывало лицо страшного существа [Бронте, с. 332].

Каким образом Берта стала женой харизматичного Рочестера? Ответ чрезвычайно прост — деньги. Напомним, что, будучи младшим сыном в семье, Эдвард Рочестер не мог рассчитывать на большое наследство — по закону о майорате он мог получить лишь некоторую часть движимого имущества своих родителей, тогда как основная часть семейного наследства неизменно доставалась старшему сыну. Мистер Рочестер-старший, однако, хотел позаботиться о благосостоянии сына и устроил его свадьбу с богатой невестой:

...двадцатого октября такого-то года... Эдвард Фейрфакс Рочестер из Торнфилд-холла... женился на... Берте-Антуанетте Мэзон, дочери Джона Мэзона, коммерсанта, и Антуанетты, его жены-креолки; венчание происходило в Спаништауне, на Ямайке [Там же, с. 329].

Сам Рочестер утверждает:

Берта Мэзон — сумасшедшая, и она происходит из семьи сумасшедших. Три поколения идиотов и маньяков! Ее мать, креолка, была сумасшедшая и страдала запоем. Мне стало это известно лишь после того, как я женился на ее дочери... меня женили обманом [Там же, с. 331].

В изложении Рочестера история его женитьбы выглядит следующим образом:

...мой отец знал, что у него [Мэзона] весьма солидное состояние. ...Выяснилось, что у Мэзона есть сын и дочь, и что отец даст за дочь тридцать тысяч фунтов. Этого было достаточно. Когда я закончил образование, меня отправили на Ямайку, чтобы я там женился на девушке, которая уже была для меня сосватана [Там же, с. 348];

...матери моей невесты я никогда не видел и считал, что она умерла. Лишь когда прошел медовый месяц, я узнал о своей ошибке: она была сумасшедшая и находилась в сумасшедшем доме. Оказывается, существовал еще и младший брат, тоже совершенный идиот! [Там же, с. 350].

Таким образом, мистер Рочестер считает себя обманутым в том, что не был проинформирован о наследственном заболевании, которое, по его мнению, существовало в семье жены, хотя, строго говоря, читателю приходится верить ему на слово, ибо других доказательств в тексте нет. Он становится единственным владельцем состояния жены (критики подсчитали, что в переводе на современные цены Берта сделала мужа миллионером), а затем, после смерти брата, наследует и родовое имение в Англии. Психологически понятно, почему герой скрывает жену от общества — в мире XIX в. отношение к людям с отклонениями было безжалостным, тогда как в литературе романтический герой вообще не мог быть женат, тем более не мог быть связан узами брака с женщиной подобного рода. Неудивительно, что образ сумасшедшей Берты Рочестер выстраивается

автором по канонам готического романа или романа ужасов: «женщина высокая и рослая, с густыми черными волосами, спускавшимися вдоль спины», лицо «ужасное и зловещее... дикое... щеки — багровые. Губы распухли и почернели, лоб был нахмурен, брови высоко приподняты над налитыми кровью глазами. [Лицо] напоминало вампира из немецких сказок» [Бронте, с. 322].

Очевидно, что, создавая образ сумасшедшей Берты, автор постоянно подчеркивает ее креольское происхождение («*вест-индская Мессалина*», «*креолка*»), как бы возлагая на него ответственность за пороки, присущие героине. Поясним, что креолами называются «потомки первых европейских поселенцев в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, не имеющие примеси индейской или негроидной крови и родившиеся в Америке — в отличие от метрополии» [Народы и религии мира].

Берта больна, но кроме этого, по словам самого Рочестера, который прожил с ней четыре года до того момента, когда ее болезнь начала резко прогрессировать, порочна, вульгарна, избалована и дурно воспитана. Мир Берты, описанный в романе, Вест-Индия, воспринимается Рочестером как «сущий ад. ...Луна садилась в воду, огромная, красная, как раскаленное пушечное ядро — она бросала свой последний кровавый взгляд на мир, содрогавшийся от предвестий бури. Эта атмосфера и пейзаж физически угнетали меня» [Бронте, с. 348]. Европа даже в своем физическом воплощении воспринимается героем как земля, где возможно обновление и воскрешение надежд на счастье: «Сладостный ветер из Европы все еще лепетал среди освеженных листьев. ...Я смотрел в морскую даль, более синюю, чем небо. Там была Европа, там открывались светлые дали» [Там же, с. 349].

Таким образом, в контексте романа оппозиция «Англия — колонии» приобретает оценочный характер, трансформируясь в оппозиции «благородство — порок», «наивность — обман», «духовная гибель — возрождение» и т. д., при этом положительным членом оппозиции становится Европа и ее представитель мистер Рочестер, а все негативное сосредоточено в образе его жены, уроженки колонии.

В романе существует единственный эпизод, в котором Джейн высказывает упрек в адрес Рочестера: «Сэр... вы беспощадны к несчастной женщине. Вы к ней несправедливы. Вы говорите о ней с отвращением, с мстительной ненавистью. Это жестоко — она же не виновата в своем безумии» [Там же, с. 341] — упрек, который герой легко отменяет, подчеркивая, прежде всего, собственное незавидное положение.

Вопрос, который в романе не задал ни один персонаж, даже поборница справедливости Джейн, звучит следующим образом: Почему Берту содержат в таких ужасающих условиях? Почему они (прежде всего, ее муж) так жестоки по отношению к ней? Действительно, финансовое положение мистера Рочестера позволяло ему обеспечить гораздо более гуманные условия содержания жены, возможно, даже вдали от дома. И почему Джейн так и не задала этого вопроса?

Вопрос был задан позже — другой женщиной, которой стала известная писательница Джин Рис (*Jean Rhys*, 1890–1979). Ответом на мучивший ее вопрос

стал роман «Широкое Саргассово море» (“Wide Sargasso Sea”, 1966), который представляет собой историю жизни первой миссис Рочестер, героини романа «Джейн Эйр».

Джин Рис (полное имя *Джин Гвендолен Рис Уильямс*) родилась на острове Доминик, Вест-Индия, в семье врача-валлийца и местной уроженки, белой креолки, предки которой, эмигрировав несколько поколений назад из Шотландии, владели в Вест-Индии плантациями. Навсегда покинув Вест-Индию в 1907 г., Рис подолгу жила в Англии, Париже и Уэльсе; в 1920–1930-е гг. опубликовала несколько довольно успешных романов, затем в течение двух десятилетий жила исключительно как частное лицо и вернулась в литературу только в конце 1950-х гг. Романом, который не только возродил интерес к творчеству писательницы, но стал вершиной ее творчества и принес ей настоящую славу, является «Широкое Саргассово море» — удостоенный нескольких престижных литературных премий, постоянно переиздаваемый, включенный в программу многих университетов, дважды экранизированный. После издания романа и до сегодняшнего дня литературная репутация Рис неуклонно растет. В 1978 г. Джин Рис была награждена Орденом Британской империи за большой вклад в британскую литературу. В 1974 г. критик журнала «New York Times Book Review» писал о ней, как о «лучшем английском прозаике из ныне живущих» [Alvarez, p. 7]. В конце XX в. роман «Широкое Саргассово море» был многократно включен в списки лучших романов XX в., написанных на английском языке (например, по версии журнала «Time» роман вошел в список 100 лучших романов всех времен). В 2000 г. американский критик Джой Кастро отмечала: «Все произведения Рис постоянно издаются, интерес критиков к ее творчеству неуклонно растет. Библиография Ассоциации современных языков, надежный индикатор академического интереса, включает более трехсот публикаций, посвященных Джин Рис — при этом более двух третей из них появились после 1985 г.» [Castro, p. 8]. Нетрудно предположить, что на сегодняшний день это число заметно увеличилось. Кроме того, сегодня произведения Джин Рис входят в программы многих американских и западноевропейских университетов и весьма популярны среди читателей. К сожалению, в России творчество писательницы известно плохо, единственным переведенным на русский язык произведением Рис на сегодняшний день остается роман «Путешествие во тьме», написанный в 1934 г. (М. : Б.С.Г.-ПРЕСС, 2005).

Сама писательница неоднократно заявляла о том, что ее произведение «Широкое Саргассово море» было создано под влиянием чувства обиды, которое она испытывала, читая роман Ш. Бронте. «Сумасшедшая жена Рочестера всегда интересовала меня. Я была убеждена, что Шарлотта Бронте должна была иметь что-то против Вест-Индии, и я очень на это обижалась» [цит. по: Athill, p. 9], говорит она в одном из своих интервью. Роман «Широкое Саргассово море» становится, таким образом, одним из первых ответов империи колониальному центру, но он же стоит у истоков еще одного литературного направления — «переписывания» викторианской прозы, позже названного Линдой Хатчеон

«историографическим метаповествованием» [Hutcheon]. Отметим также, что неовикторианство в литературе Великобритании, у истоков которого стояла Джин Рис, успешно продолжает развиваться и на современном этапе.

Критики не раз отмечали, что проза Джин Рис автобиографична — действительно, каждый, кто знаком с ее биографией или читал незаконченную автобиографию «Улыбочку, пожалуйста» (1979), обнаружит в ее произведениях описания ряда реальных ситуаций. Представляется, однако, что гораздо более важным в прозе Рис является отражение ее внутреннего переживания, ее уникального опыта существования девушки из колонии (креолки, по терминологии Ш. Бронте), т. е. обладающую иным, нежели коренные британцы, культурным и поведенческим опытом, которой нужно самостоятельно зарабатывать на жизнь в эдвардианской Англии первых десятилетий XX в. Не случайно заданный другой женщиной (Г. Спивак) вопрос «Может ли угнетенный говорить?» [Spivak] в конце XX в. стал одним из краеугольных постулатов постколониальной теории. Если Г. Спивак рассматривает проблему на примере женщин колонизованных стран, положение которых характеризуется двойной маргинальностью — колониальной и гендерной, прежде всего, в теоретическом аспекте, то Джин Рис сама прошла этот путь двойной маргинализации, более того, прошла его сознательно, даже не пытаясь изменить собственную идентичность или мимикрировать. Фактически, в своем творчестве писательница выступает с позиции (пост)колониальной культурной жертвы, которая определяется в трудах теоретиков постколониализма, прежде всего Х. Бабы и Г. Спивак, как «человек или группа людей, не имеющие доступа к репрезентации в рамках того или иного метарассказа» [Глостанова, с. 322].

М. Бредбери [Bradbury, p. 260] вписывает творчество писательницы в один ряд с произведениями ведущих английских писательниц-модернистов, но представляется, что оно может быть также обоснованно вписано в литературный ряд англоязычных писателей, которые, родившись в колониях империи, начали, по выражению Н. Рейнгольд, «штурмовать литературный Альбион» [Рейнгольд, с. 6]. Уроженка Новой Зеландии Кэтрин Мэнсфилд, которая была лишь на два года старше Рис, проходит тот же путь вхождения в английскую литературу, но предпочитает иные стратегии адаптации и признания, которые в терминах постколониальной теории можно, скорее, описать как мимикрию. Рис, в отличие от Мэнсфилд, не только не скрывает, но в ряде случаев культивирует свою колониальную особость, не останавливается перед выстраиванием дихотомической оппозиции «колония — метрополия», в которой, в отличие от привычной литературной нормы, метрополия далеко не всегда становится положительным полюсом. Впервые это противопоставление наглядно проявляется и становится одним из важных элементов в романе «Путешествие во тьме» (1934), позднее оно развивается и углубляется в «Широком Саргассовом море» (1966).

Главной темой четырех романов Джин Рис 1930-х гг. является судьба женщины, незащищенной семейным и социальным статусом, одинокой, «плывущей, подобно обломкам затонувшего корабля» [Kennedy, p. ix] по бурному

и враждебному морю житейских невзгод. Каждая из героинь романов Рис отчетливо осознает свою необычность и зависимость от окружающих ее мужчин и обстоятельств. Шотландская писательница А. Л. Кеннеди так оценивает романы Джин Рис этого периода: «Мир Джин Рис одинаково странен и успокоительно знаком. Каждый, кто хоть когда-нибудь чувствовал себя одиноким, неуверенным, испуганным найдет здесь что-то свое; что-то от незаметно подкрадывающегося, банального ужаса обычной несчастной жизни» [Kennedy, p. vii]. Очевидно, что самой Джин Рис, которая выразительно отзывалась о себе как о «коврике у двери в мире ботинок» [цит. по: Athill, p. 12] было знакомо это чувство — но также очевидно, что она стремилась максимально полно и остро выразить его на страницах своих произведений. Тогда же впервые на страницах ее прозы появляется тема «прибытия» девушки из Вест-Индии в Англию и ее драматической жизни на «воображаемой родине». Героиня романа «Путешествие во тьме», Анна Морган, девушка из хорошей семьи, после смерти отца становится хористкой провинциального театра, колесящего по дорогам Англии — реальный факт биографии самой писательницы. Постоянно мерзнущая и чувствующая себя обездоленной, Анна находит утешение в воспоминаниях о ярком, теплом и нарядном мире Вест-Индии, где она выросла.

Произведения Рис отличает отточенность слога, своеобразный, узнаваемый, лаконичный стиль (критики часто сравнивают его со стилем Хэмингуэя), за кажущейся простотой которого скрывается необычайная глубина, пристальное внимание к сенсуальным деталям («жадный — а для ее времени буквально неприличный — аппетит к деталям» [Kennedy, p. viii]), «по-мужски крепкая техника психологического письма» [Рейнгольд, с. 19]. Все эти черты были сохранены и заострены автором в «Широком Саргассовом море».

Роман Д. Рис становится первым и одним из самых удачных среди произведений — так называемых постколониальных ответов на классические тексты колониального дискурса, берущих за основу героев и элементы сюжета знаменитых литературных произведений прошлого и переписывающих эти тексты с новой, часто неожиданной точки зрения. Собственно, Д. Рис становится одной из основательниц этой жанровой модификации, которая приобрела особую популярность в конце XX в. — здесь уместно вспомнить многочисленные постколониальные ответы на роман Д. Дефо «Робинзон Крузо» (в том числе роман Нобелевского лауреата Дж. Кутзее «Фо», 1986) или на пьесу У. Шекспира «Буря», которая, «наиболее очевидно рассматривается как аллегория колониализма» [Thieme, p. 256].

Джин Рис делает героиней своего романа уроженку Вест-Индии Антуанетту Козуэй, жизнь которой она описывает с раннего детства в поместье Колибри до пожара в английском замке ее мужа, мистера Р. Строго говоря, финал романа остается открытым — пожар в финале пылает во сне героини, когда она в очередной раз видит далекую родину, отчий дом и близких. Во сне перед ней встают сцены пожара замка, высокие стены, на которые она забиралась, и голос, который зовет ее «Берта! Берта!» — читатель узнает эти описания как отзвуки

сцен «Джейн Эйр». Проснувшись, Антуанетта понимает: «Now at last I know why I was brought here and what I have to do»¹ [Rhys, p. 190], берет ключи у спящей Грейс Пул и выходит в коридор со свечой в руке.

Вопрос, который неизменно возникает, когда речь заходит о «Широком Саргассовом море», касается его отношений с текстом романа Ш. Бронте «Джейн Эйр». Несмотря на заявленные намерения, Джин Рис не пишет приквел, т. е. произведение, время действия которого происходит до событий ранее созданного произведения (в нашем случае — «Джейн Эйр») и предшествует им по внутренней хронологии и мотивировкам. Хронологически роман Рис охватывает не только условное прошлое героини, но частично и события, описанные Ш. Бронте. Опосредованный характер связи между текстами двух романов проявляется также и в системе имен, которая присутствует у Дж. Рис. Героиня получает имя Антуанетты Козуэй (Мэзон — фамилия ее отчима и сводного брата), однако муж переименовывает ее в Берту после того, как в их отношениях случается трагический надлом. Сам герой обозначен в тексте как мистер Р, а экономка в его английском доме как миссис Ф. (Фейрфакс в романе Ш. Бронте). Сиделка и страж Грейс Пул остается Грейс Пул, хотя Антуанетта, вспомнив о значении имени *Grace* — «грация, мягкость, учтивость, привлекательность», комментирует: «Her name oughtn't to be grace. I wouldn't tell Grace this. Names matter, like when he wouldn't call me Antoinette, and I saw Antoinette drifting out of the window with her scents, her pretty clothes and her looking-glass»² [Ibid., p. 80]. В принципе, можно представить ситуацию, когда роман Джин Рис читается как самостоятельное произведение, не имеющее «привязки» к роману Ш. Бронте — его замечательные эстетические свойства, психологическая глубина, яркая образность и язык мало кого оставляют равнодушным. Тем не менее, полагаем, что своеобразная интертекстуальная переключка с романом «Джейн Эйр» добавляет дополнительные оттенки рецепции романа, наделяет его новыми смыслами. Более того, популярность произведения Ш. Бронте и его высокая степень валентности и узнаваемости (напомним, что только экранизаций романа было создано более десятка) служит залогом того факта, что читатель романа Дж. Рис с высокой долей вероятности сможет вспомнить фабулу романа-предшественника.

Роман «Широкое Саргассово море» включает три части, написанные в форме повествования от первого лица: в первой части повествователем выступает сама Антуанетта, во второй слово попеременно предоставляется героине и герою, в третьей — вновь одна Антуанетта, хотя в ее повествование несколько раз вторгается голос Грейс Пул, сиделки. Рис убедительно показывает, что характер и судьба героини формируются под влиянием конкретного времени и места.

¹ «Наконец-то я поняла, зачем меня сюда привезли и что я должна делать» (здесь и далее перевод наш. — О. С.).

² «Ей не подходит имя Грейс. Конечно, ей я об этом не скажу. Имена имеют большое значение — не зря он перестал называть меня Антуанеттой, и я увидела, как Антуанетта испаряется со всеми ее духами, красивыми нарядами и зеркальцем».

По сравнению с «Джейн Эйр», в «Широком Саргассовом море» осуществлен хронологический сдвиг: действие романа Ш. Бронте происходит в первые десятилетия XIX в., романа Джин Рис — в конце 1830-х гг., после отмены рабства на Ямайке в 1833 г. Таким образом, писательница помещает Антуанетту в пограничное пространство: с одной стороны, ей мстят бывшие рабы, с другой — ее отторгают европейцы. Детство героини, дочери умершего плантатора, проходит в поместье, где она, ее мать, красавица Аннетт, и младший брат живут во враждебном окружении бывших рабов. После того, как красавица Аннетт выходит замуж за богатого англичанина Мэзона, ситуация на некоторое время стабилизируется, но позднее бывшие рабы нападают на поместье и поджигают дом, в результате чего погибает маленький Пьер, а Аннетт сходит с ума. Фактически, Рис показывает, что героиня повторяет судьбу своей матери: и Аннетт, и ее дочь становятся жертвами трагического непонимания и предрассудков, и разорвать этот круг трагической предопределенности не могут ни богатство, ни красота, ни личные достоинства.

После смерти Мэзона сводный брат выдает Антуанетту, красавицу и богатую невесту, замуж за мистера Р., не оговаривая никаких условий для сестры, поскольку уверен, что англичанин из хорошей семьи по определению не способен причинить ей зло. Даже влюбившись, Антуанетта и ее муж воспринимают друг друга как представителей разных миров, между которыми почти нет точек соприкосновения: «Creole of pure English descent she may be, but they are not English or European either. And when did I begin to notice all this about my wife Antoinette?»³ [Rhys, p. 7]. Любопытно, что, если героиня демонстрирует готовность показать герою свой мир и узнать его родину Англию, мистер Р. изначально враждебен по отношению к Вест-Индии:

She often questioned me about England and listened attentively to my answers, but I was certain that nothing I said made much difference. Her mind was already made up. Some romantic novel, a stray remark never forgotten, a sketch, a picture, a song, a waltz, some note of music, and her ideas were fixed. About England and about Europe⁴ [Ibid., p. 94].

Именно этим объясняет автор трагическую развязку романа: решив, что брак был ошибкой, герой забирает состояние жены, силой увозит ее в Англию и обрекает на существование под присмотром жесткой Грейс Пул, которая, однако, вынуждена признать: «Why they can't give you anything better is more than I can understand. They are rich enough»⁵ [Ibid., p. 186]. Вероятная гибель героини в огне рассматривается и как акт отчаяния, и как месть, и как возвращение в детство,

³ «Она может быть креолкой чистых кровей, но ведь они не англичане и не европейцы. И когда я начал думать так о своей жене Антуанетте?»

⁴ «Она часто расспрашивала меня об Англии и внимательно слушала мои рассказы, но я уверен — что бы я ни говорил, это не имело никакого значения. У нее в голове существовала уже сложившаяся картина. Какая-то романтическая книжка, случайная фраза, запавшая в память, рисунок, картина, песня, вальс или какая-нибудь другая мелодия, — и образ завершен. Образ Англии и образ Европы».

⁵ «Почему они не могут предложить Вам ничего лучшего — этого я понять не в состоянии. Ведь они богаты».

и даже как (трогательная деталь) попытка согреться в темном холодном доме, который, как она до конца верит, не может быть страной ее детских грез Англией.

Следует признать, что в романе «Широкое Саргассово море» Джин Рис моделирует колониальную ситуацию, в которой отношения между героем и героиней отражают отношения между метрополией и колонией, где, в отличие от романа Ш. Бронте, именно колония приобретает положительные черты и становится положительным полюсом оппозиции. В описаниях героини мир Вест-Индии цветет, переливается всеми красками и благоухает запахом орхидей, он пестрый, нарядный, живой, как Эдем: «Our garden was large and beautiful as that garden in the Bible — the tree of life grew there»⁶ [Rhys, p. 19] — но именно эти черты кажутся чрезмерными и враждебными герою: «It was all very brightly coloured, very strange»⁷ [Ibid., p. 76].

Ситуация осложняется происхождением героини, которая отторгается обеими сторонами — и цветным населением Вест-Индии, к которому она тянется, и европейцами, — но и для героя история приобретения состояния не проходит бесследно, о чем говорит миссис Ф., знающая его с детства: «His stay in the West Indies has changed him out of all knowledge. He has grey in his hair and misery in his eyes»⁸ [Ibid., p. 178]. Таким образом, изначальная чужеродность героя и героини друг другу, равно как и имперская уверенность в своей непогрешимости героя, его неумение и нежелание поддаться эмоциям, отмеченная Э. М. Форстером «неразвитость сердца» [Форстер] как национальная черта приводят к трагической развязке.

Читая роман Джин Рис, читатель получает возможность не только познакомиться с выдающимся литературным произведением, но и по-новому взглянуть на классический роман Ш. Бронте, а также задуматься над вопросом о том, что евроцентризм — далеко не единственная возможность конструирования картины мира. Англия, «воображаемая родина» героини (если воспользоваться определением С. Рушди), оказывается мрачным, холодным и неприветливым местом, в котором гибнет яркая экзотическая красота. Джин Рис, которая планировала написать свой роман в ответ на роман — наперекор — Ш. Бронте, в одном пошла по стопам своей предшественницы: ее герои, ее идеи и установки, прозвучавшие вразрез с укорененными в литературном и социокультурном мейнстриме взглядами, дали мощный толчок развитию новых литературных направлений и общественных споров.

Бронте Ш. Джейн Эйр. М. : Правда, 1988.

Народы и религии мира : энциклопедия [Электронный ресурс] / гл. ред. В. А. Тишков. М. : Директ-Медиа, 2007. URL: http://www.rubricon.com/nir_1.asp (дата обращения 12.05.2016).

⁶ «Наш сад был большим и прекрасным, как тот сад, что описан в Библии — там росло дерево познания».

⁷ «Все было слишком ярким, слишком странным».

⁸ «Пребывание в Вест-Индии сильно его изменило. В волосах появилась седина, в глазах — тоска».

- Рейнгольд Н. Джин Рис: «без цитат»* (литературно-биографический очерк) // Рис Дж. Путешествие во тьме. М. : Б.С.Г.-ПРЕСС, 2005. С. 5–22.
- Глюстанова М.* Постколониальные исследования // Западное литературоведение XX века / гл. ред. Е. А. Цурганова. М. : INTRADA, 2004. С. 320–324.
- Форстер Э. М.* Заметки об английском характере // Форстер Э. М. Избранное. Л. : Худ. лит., 1977. С. 283–294.
- Alvarez A.* The best living English novelist // New York Times Book Review. 1974. 17 March. P. 6–8.
- Athill D.* Jean Rhys and her Autobiography // Rhys J. Smile, please. An unfinished biography. London : Andre Deutsch Ltd., 1979.
- Bradbury M.* The modern British novel. London : Penguin books, 1993.
- Castro J.* Jean Rhys (Critical Essay) // The Review of Contemporary Fiction. Summer 2000. Vol. 20. Issue 2. P. 8–46.
- Hutcheon L.* A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. London ; New York : Routledge, 1988.
- Kennedy A. L.* Introduction // Rhys J. Good morning, Midnight! London : Penguin books, 2000. P. v–xii.
- Lecaros C. W.* The Victorian Governess Novel. Lund : Lund Univ. Press, 1999.
- Rhys J.* Wide Sargasso Sea. New York ; London : Norton and Co., 1992.
- Spivak G.* Three women's texts and a critique of imperialism // Canons: critical inquiry. 1983. Vol. 10. Sept. P. 262–280.
- Thieme J.* Post-Colonial Studies. The Essential glossary. London : Arnold, 2003.

Статья поступила в редакцию 01.06.2016 г.

Сидорова Ольга Григорьевна

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой германской
филологии
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: ogs531@mail.ru

Sidorova, Olga Grigorievna

Dr. Hab. (Philology), Professor,
Head of Germanic Philology Chair
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg,
Russia
E-mail: ogs531@mail.ru

REWRITING CHARLOTTE BRONTË

(*Jane Eyre* by Charlotte Brontë and *Wide Sargasso Sea* by Jean Rhys)

Charlotte Brontë's novel *Jane Eyre* (1847) is analyzed in the article from the point of view of its valence, i.e. its inner ability to stimulate new works of art and literature, as well as new meanings. One of these new works of fiction — *Wide Sargasso Sea* (1966) by Jean Rhys — was written as a post-colonial response to Ch. Brontë's novel. Born in the West Indies, Jean Rhys always tried to cultivate her colonial 'otherness' in her books, the quality reaching its peak in *Wide Sargasso Sea*. The character Mr. R. (reincarnated Mister Rochester from Ch. Brontë's novel) and especially of Bertha Rochester, the mad wife of Mr. Rochester, became the main points of dispute with *Jane Eyre*. Jean Rhys depicts Bertha's life from her early childhood to her death. In Rhys's novel the author makes a shift of stress in the main binary opposition between colony and metropolitan country. From her perspective, colony makes a positive member

of the dichotomy, while metropolis is heavily criticized. What is more, *Wide Sargasso Sea* was the first novel of a new literary sub-genre of post-colonial response that became popular in the end of the 20th century.

Keywords: *Jane Eyre*; image of Rochester's mad wife; *Wide Sargasso Sea*; postcolonial response; genre variation.

Alvarez, A. (1974, March 17). The Best Living English Novelist. *New York Times Book Review*, pp. 6–8.

Athill, D. (1979). Jean Rhys and Her Autobiography. In J. Rhys, *Smile, please. An Unfinished Biography*. London: Andre Deutsch Ltd.

Bradbury, M. (1993). *The Modern British Novel*. London: Penguin books.

Brontë, Ch. (1988). *Jane Eyre* [Jane Eyre]. Moscow: Pravda. (In Russian)

Castro, J. (2000, Summer). Jean Rhys (Critical Essay). *The Review of Contemporary Fiction*, 20, 8–46.

Forster, E. M. (1977). Zametky ob anglijskom kharaktere [Notes on the English Character]. In E. M. Forster, *Izbrannoye* [Selected Works] (pp. 283–294). Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

Hutcheon, L. (1988). *A Poetics of Postmodernism: Theory, History, Fiction*. London; New York: Routledge.

Kennedy, A. L. (2000). Introduction. In J. Rhys, *Good Morning, Midnight!* (pp. v–xii). London: Penguin Books.

Lecaros, C. W. (1999). *The Victorian Governess Novel*. Lund: Lund University Press.

Reinhold, N. (2005). Jean Rhys: bez tsyat (literaturno-biographichesky ocherk) [Jean Rhys: Without Quotations (A Literary-Biographic Essay)]. In J. Rhys, *Puteshestviye vo t'me* [Voyage in the Dark] (pp. 5–22). Moscow: B.S.G.-PRESS. (In Russian)

Rhys, J. (1992). *Wide Sargasso Sea*. New York; London: Norton and Co.

Spivak, G. (1983, September). Three Women's Texts and a Critique of Imperialism. *Canons: critical inquiry*, 10, 262–280.

Thieme, J. (2003). *Post-Colonial Studies. The Essential Glossary*. London: Arnold.

Tishkov, V. A. (Ed.). (2007). *Narody i religii mira, encyclopedia* [Peoples and Religions of the World, an Encyclopedia]. Moscow: Direct-Media. Retrieved from http://www.rubricon.com/nir_1.asp. (In Russian)

Tlostanova, M. (2004). Postcolonial'nye issledovaniya [Postcolonial Studies]. In Ye. A. Tsurganova (Ed.), *Zapadnoye literaturovedeniye XX veka* [Western Literary Studies of the 20th Century] (pp. 320–324). Moscow: INTRADA. (In Russian)

Received 1 June 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.051
УДК 821.512.161-17 + 82-1(091)

А. И. Семина
*Институт стран Азии и Африки
при МГУ им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

О САТИРИЧЕСКИХ КЫТ'А В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на материале диванов XV–XVIII вв.)

В статье представлены результаты исследования, проведенного на материале сатирических кыт'а, зафиксированных в диванах турецких поэтов XV–XVIII вв. Сатирические кыт'а рассмотрены в синхроническом и диахроническом аспектах: в статье дается классификация сатирических кыт'а по объекту критики и прослеживаются изменения, которым подверглись мотивы каждой из групп. В кыт'а первой группы сатира направлена на окружающий мир и общество, в кыт'а второй группы поэт иронизирует над своими личными недостатками, а в кыт'а третьей группы — клеймит позором врагов. Наибольшие изменения затронули кыт'а, объектом критики в которых является мир и общество в целом, а также те кыт'а, которые были адресованы врагам поэта. С XVII в. в этих двух группах кыт'а поэты все чаще обращаются к острым социальным проблемам своего времени, наполняя стихотворения бытовой конкретикой, адресуя их не только личным врагам, но и видным чиновникам своего времени. Вместе с тем топика тех кыт'а, в которых поэты говорят о своих личных недостатках, с течением времени не подвергается трансформации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: сатира; кыт'а; турецкая литература; средневековая литература; диваны; поэзия.

Кыт'а — жанровая форма турецкой литературы, представлявшая собой стихотворение объемом 2–5 бейтов, со схемой рифмовки ab cb... По традиции, заимствованной из персидской литературы, турецкие поэты писали кыт'а

на различные темы: стихотворения делового назначения (прошения /т а л а б / и послания /и х в а н и й й а т /), философские и дидактические стихотворения (з у х д и й й а т), любовную лирику, панегирики (м а д х), поэтические загадки (л у г а з ы¹ и м у а м м а²), стихотворения-хронограммы (т а р и х и), похоронные элегии (м е р с и й е), а также сатирические стихотворения (х и д ж в), в которых авторы высмеивали пороки врагов, недостатки приятелей, вели шуточную переписку.

Особый интерес для изучения представляют сатирические кыт'а, поскольку они отражают, с одной стороны, личные отношения турецких поэтов, а с другой — их взгляды на современное им общество. Подобного рода кыт'а содержатся в таких источниках, как диваны поэтов, т е з к и р е³ и журналы-м е д ж м у а⁴, наиболее ценными представляются те кыт'а, которые зафиксированы в диванах поэтов, поскольку в отношении этих стихотворений не встает вопрос об установлении авторства, так как в отличие от тезкире и журналов-меджмуа значительная часть диванов была составлена либо лично поэтами, либо переписчиками вскоре после их смерти.

Наиболее активно в турецкой литературе жанровая форма кыт'а развивалась в XV–XVII вв., достигнув зрелости к XVIII в., поэтому мы остановились на сатирических кыт'а XV–XVIII вв. В ходе работы с ними было выявлено, что с течением времени количество сатирических кыт'а в диванах турецких поэтов увеличивается. Так, в диване Ахмед-и Даи (2-я пол. XIV — XV в.) одна такая кыт'а, в диване Неджати (1460–1508) — три, в диване Месихи (1470–1512) — пять, в диване Ревани (?–1524) — одна, в диване Суни (1484/5?–1534/5) — пять, в диване Эмри (?–1575) — одна, в диване Хаяли (?–1557) — одна, в диване Баки (1526–1600) — четыре. В то же время в диване Наби (1642–1712) четырнадцать сатирических кыт'а, у Сами Арпаэминзаде (?–1734) — семь, у Лебиба (1695–1768) — шесть, у Невизаде Атаи (1583–1635) — три, у Недима (1642–1712) — одна. Рост количества сатирических кыт'а в XVII в. был вызван главным образом критическими настроениями, царившими в обществе того времени: кризис, первые проявления которого начали наблюдаться в Османской империи с XVI в., приобрел в этот период системный характер и ощущался в общественной, социально-политической и экономической сферах жизни: на фоне распада военно-ленной системы усиливалась роль, которую в политике страны играл янычарский корпус; приток серебра из Нового Света привел к падению турецкой акче, росту инфляции и вылился в финансовый кризис, повышение налогов вело к дальнейшему разорению крестьянства, что сопровождалось народными восстаниями.

¹ Лугаз — литературная загадка, объектом которой мог быть любой предмет или явление.

² Муамма — литературная загадка, объектом которой обычно служило имя собственное.

³ Тезкире — средневековые сборники, содержавшие сведения о поэтах и примеры из их творчества.

⁴ Журналы-меджмуа — сборники, записанные образованными представителями высшего сословия османского общества, могли создаваться по тематическому принципу (сборники сатирических стихотворений или анекдотов) или состоять из произведений различной тематики, принадлежащих одному поэту.

Увеличение количества сатирических кыт'а было обусловлено общими тенденциями, господствовавшими в турецкой литературе рассматриваемого периода: турецкие поэты пытались в художественной форме обозначить причины ослабления Османской империи, в связи с чем создавали поэмы-наставления, сатиры на высокопоставленных чиновников и сетовали на тяжелые для них лично и для страны времена.

При всем разнообразии сатирических кыт'а их объединяет наличие объекта описания, на основе которого нам удалось выделить три группы этого типа кыт'а. Наиболее популярными являются кыт'а афористического характера, объектом сатиры в них становится мир и общество в целом. В диванах турецких средневековых поэтов также часто встречаются кыт'а, в которых поэты иронизируют над собой; реже всего в диванах фиксируются стихотворные инвективы, в которых поэты высмеивают своих врагов. Рассмотрим каждую из данных трех групп кыт'а последовательно в диахроническом плане.

Кыт'а п е р в о й г р у п п ы вплоть до XVII в. разрабатывают мотивы философской и любовной лирики: поэты сетуют на непостоянство и несправедливость мироздания, на переменчивость фортуны; жалуются на то, что великие мира сего не ценят знания и таланты людей достойных, предпочитая им подлецов и глупцов; подтрунивают над своими неверными возлюбленными, а порой и прямо оскорбляют их; высмеивают собственные неудачи в любви и других незадачливых влюбленных. Например, у Меси́хи мы встречаем следующие строки:

Üç nesnedür nigâra bizüm pîşemüz hemân
Evvel vidâd ikinci tazarru üçinci zem

Arz eyledük çü ikisini virmedün cevâb
Üçincisini işleyelüm ey vefâsı kem⁵.

(Есть три занятия, к которым мы привыкли в отношениях с красавицами:
Первое — любить, второе — умолять, а третье — поносить.

Мы хотели [заниматься] первыми двумя, но ты не явила благосклонности.
Тогда, неверная, займемся третьим из этих дел.)

[Mesîhî, s. 305]

В XVII–XVIII вв. сатирические кыт'а все меньше похожи на философские афоризмы: в этот период поэты фокусируются на терзавших общество проблемах — взяточничестве, кумовстве среди чиновников, несправедливости судей, практике продажи должностей, высоких налогах. Иногда такие кыт'а представляют собой бытовые зарисовки: кыт'а о курильщиках опия (например, у Леби́ба [Lebîb, s. 523]), кыт'а о трудностях, которые встают перед членами семьи после развода (например, у Наби́ [Nâbî, s. 1141]), и др. Чаще всего среди сатирических

⁵ Здесь и далее подстрочный перевод стихотворений сделан автором статьи.

кыт'а XVII в. встречаются стихотворения, в которых поэты жалуются на то, что недостойным дают должности, а чиновники обманывают и обдирают народ (например, в кыт'а Наби [см.: Nâbî, s. 1146], Сами Арпаэминизаде [Arpaemîni-zâde Mustafa Sâmî, s. 396], Лебиба [Lebîb, s. 539]). Общественная направленность и критический настрой поэтов в сатирических кыт'а коррелируют с общими тенденциями развития турецкой литературы в этот период. В таких кыт'а, как в зеркале, отражалась порочность системы, поэтому они имели широкий общественный резонанс. Отмечая особую роль сатиры в литературе XVII в., Е. И. Маштакова справедливо указывает: «В формировании оппозиционного общественного мнения большую роль играют всякого рода поэтические инвективы против отдельных представителей светской знати и духовенства; они были популярными и воспринимались порой не как обличение частных злоупотреблений, но как сатира на определенные слои общества» [Маштакова, с. 387].

Приведем в качестве примера кыт'а Наби, который с горечью взирает на сложившуюся в обществе практику продажи высоких чинов:

Asrda zindîk-sîma seyhler
Müstecâbü'd-da velike lâf atar

Saybden mansib virüp tâliblere
Aldayup halkı velâyetler satar.

(В нынешний век безбожники-шейхи
Порочат тех, чьи желания принимают.)

На просьбы отвечая раздачей должностей,
Обманув народ, они продают вилайеты.)

[Nâbî, s. 1146]

Некоторые сатирические кыт'а содержат критику непомерных поборов, которые вынужден платить в государственную казну народ, например, у Наби мы видим: «Halkun emvâlin alup sonra tesellî virmek // Fûls-i mâhîyi soyup yağda pişürmek gibidür...» («Забрав, все, что имеет народ, давать утешение // Это все равно, что, почистив рыбу, готовить ее в масле...») [см.: Ibid., s. 1142] — т. е. пытаться маслом смягчить боль от смертельных ран. Поэты также жалуются на то, что лучшие места занимают бездарные родственники и приятели чиновников. Так, поэт XVII в. Невизаде Атай говорит о том, что ему предпочли «невежественного» и необразованного самодура: «Cây-ı rûşende olan zulmate baksa göremez // Şem olan yirün irakdan görünür nîk ü bedî» («Если тот, кто на блестящей должности, посмотрит — он не заметит тирании // Издали твое место — солнце, оно выглядит хорошим и чудесным») [Atâyî Nev'î-zâde, s. 311]. Поэт XVIII в. Сами Арпаэминизаде также выражает недовольство несправедливым назначением одного из чиновников, с горечью заключая, что власть имущие возвели назначение невежд в систему:

Fazlı var gerçi kim elif bâda
Lîk bu echel ü o alemdür

(И в алфавите есть порядок:
Сначала идет невежда, а потом — ученый.)

[Arpaemîni-zâde Mustafa Sâmî, s. 393]

В другой своей кыт'а поэт обращается к традиционным мотивам жалоб на жестокий век, говоря о том, что достойные люди больше не занимают того положения, которое должны занимать по праву, сетует на то, что они подвергаются гонениям и терпят лишения:

Şeh-bâzlar şikâr-i gurâb oldı 'âkıbet
Mânend-i bûm hâne-harâb oldı 'âkıbet

Yek-lahza hod nümâyî-i pâ-der-rikâbdan
Ehl-i gurûr berk-şitâb oldı 'âkıbet

(Охотничьи соколы стали воронами в конце концов
И начали подобно совам [летать] над развалинами в конце концов.)

Смотревшие на нас с высоких должностей
Обладатели достоинства стали изгнанниками в конце концов.)

[Ibid., s. 396]

Кыт'а в т о р о й г р у п п ы представляют собой стихотворения, в которых поэты подвергают осмеянию особенности своего характера и внешности, а также иронизируют над своим положением в обществе. Такие кыт'а разрабатывают чаще всего две наиболее распространенных темы, встречающиеся в самых ранних образцах сатирических кыт'а, — отсутствие поэтического таланта и материальное неблагополучие поэта. Тема нищеты занимает центральное место в прошениях Ахмед-и Даи: поэт умоляет своего покровителя прислать немного денег, боясь наступления холодов, поскольку у него нет теплой одежды, и с горькой иронией сетует на то, что единственная плата за службу, полученная им, — это удовольствие служить государю. Месихи в одной из кыт'а также говорит о своих материальных проблемах: «Mani-i hâs iyü ogul gibidür // Andurur sâhibin duâda olur» («Доход с земли, который нельзя получить, как хороший сын // Напоминает о себе и остается в молитвах своего хозяина...») [Mesîhî, s. 305]. Наби тоже крайне удручает его материальное положение:

Nâbî kefûmde zâhir olan câ-be-câ şiken
Der-kâr iderse pürsişe sâhib-nazarları

Ser-rişte-i ümmîdi çıkardukça destden
Engüştlele destde kaldı eserleri.

(Я Наби, и у меня в ладонях [вместо денег] одни дыры.
Если спросят про то, что [у меня осталось], владельцы взглядов,

Когда из рук отняли надежду на достижение желаемого,
[Отвечу] что это стихи, которые остались в руке вместе с пальцами.)

[Nâbî, s. 1167]

Кыт'а, в которых поэты, как бы кокетничая, иронизируют над своей профессиональной успешностью, часто встречаются в прозаических предисловиях к сборникам их стихотворений: такие вставки есть в диванах Ревани, Неджати и др. Насколько нам удалось установить, мотивы, которые турецкие поэты разрабатывали в рамках кыт'а этой группы, не подверглись изменениям с течением времени.

Кыт'а третьей группы, представляющие собой стихотворную инвективу, до XVII в. адресуются личным врагам поэта или его конкурентам и состоят из набора бранных слов. Сниженный стиль описания, характерный для таких кыт'а, обусловлен тем, что поэт считает своего недруга скопищем всех пороков, которые с наслаждением описывает, благодаря чему такие кыт'а наполняются конкретикой, образ неприятеля предстает во множестве бытовых деталей. Так, из кыт'а Баки мы узнаем, например, что его враг носит заношенный кафтан, у него плешивая голова и т. п. [Bâkî, s. 316].

Адресатами сатирических кыт'а в течение всего рассматриваемого периода выступают коллеги по цеху или товарищи поэта, которые могут быть названы по именам: так, четыре кыт'а Баки посвящены его современнику поэту Эмри, а четыре кыт'а Суни — приятелю поэта Хафизу Ленгу, и др. В некоторых случаях адресаты инвектив остаются неизвестными: так, ни в одной из пяти своих сатирических кыт'а Месихи не называет конкретных имен.

Тон стихотворения и выбор языковых средств меняется в зависимости от отношений поэта и адресата. Так, Суни подшучивает над своим приятелем:

Hâfız-ı Lenge bir ayak içdüm
Umar idüm ki râzı ola yeke

Sun bize sâki çifte elüme
N'idelüm kâyl olmadı şu teke

(Я выпил чашу кумыса с Хафизом Ленгом,
Надеялся, что он согласится еще на одну [чашу].

Дай мне в руки, виночерпий, две [чашы],
Что делать, если этот козел не решился выпить с утра.)

[Gelibolulu Sun'î, s. 163]

Кыт'а Баки, адресованные его поэтическому сопернику Эмри, полны откровенных ругательств: Баки называет его безрогим оленем и педерастом,

опускается до площадной брани, например: «Kendüsi siler bokını saçı sakalıyla» («Сам вытирает свое г...но волосами и бородой») [Bâkî, s. 316] или «Sen anun'cün götünü yırtar isen ol olmaz» («Даже если ты порвешь себе ради [достижения славы] зад, ты не [прославишься]») [Ibid.]. Ругательства, которые употребляет в своих сатирических кыт'а Бақы, такие как «педераст», «глупец», «вшивый», «олень» и т. д., встречаются и в произведениях других поэтов эпохи. Совершенно непристойные, нецензурные выражения в диванах турецких поэтов все же редки, они имеют место всего в двух кыт'а рассматриваемого периода: у Хаяли и у Наби.

Наиболее существенные изменения, которые произошли с третьей группой сатирических кыт'а, коснулись их адресатов: в своих кыт'а, помещенных в диваны, поэты направляют всю силу сатиры не только на коллег по цеху и неприятелей, но и — начиная с XVII в. — на государственных деятелей. В таких кыт'а, во множестве встречающихся, например, в диванах Сами Арпаэминизаде, Невизаде Атаи, имя адресата не называется, но иногда содержатся намеки, которые без труда угадывались современниками. Так, Сами Арпаэминизаде называет своего недруга уроженцем Урфы [Arpaemîni-zâde Mustafa Sâmî, s. 393], говорит, что возвышение этого чиновника совпало с эпидемией чумы, которая явилась недобрым предзнаменованием [см.: Ibid., s. 395]. Некоторые поэты открыто называют должности и имена чиновников, например, в диване Наби мы находим кыт'а, адресованные Абдулю Халимзаде, мулле Алеппо [Nâbî, s. 1144], и визирю Калайлыкозу Ахмеду Паше [см.: Ibid., s. 1138]. Поэты обвиняют чиновников в невежестве, несоответствии занимаемой должности, угнетении народа и сочувствии гяурам. Поэты в таких стихотворениях настроены решительно, они не стесняются угрожать своим адресатам. Так, Невизаде Атаи готов «намылить шею» неизвестному высокопоставленному недругу и надеется, что его стихи станут для того «тяжелой затрещиной» [Atâyî Nev'î-zâde, s. 312]. Стиль этих кыт'а можно назвать сдержанным, объектом критики поэтов становится главным образом государственная деятельность чиновника, такие кыт'а лишены отсылок к внешности, привычкам или личным порокам адресата. Наиболее грубым является кыт'а из дивана Сами Арпаэминизаде: поэт обвиняет чиновника в том, что его «Gizlice tutdı taşakdan kâfir» («Втайне взял за яйца гяур») и что он сочувствует Западу [Arpaemîni-zâde Mustafa Sâmî, s. 394].

Подводя итог, можно заключить, что мотивы сатирических кыт'а, которые были условно поделены нами на три группы в зависимости от объекта критики, с течением времени трансформируются: с личного и частного интерес поэтов смещается на общее, социальное, — что обуславливает лексическое и соответственно стилистическое своеобразие кыт'а. Так, кыт'а, объектом критики которых становится окружающий мир и общество, претерпели весьма значительные изменения: если до XVII в. в таких кыт'а поэты эксплуатировали традиционные мотивы философской и любовной лирики, то начиная с XVII в. они наполняются совершенно новыми мотивами, которые поэты заимствуют из наблюдений над повседневной жизнью османского общества. Мотивы кыт'а, в которых объектом сатиры становится сам поэт, не претерпевают существенных

изменений. Наибольшим трансформациям подверглись мотивы третьей группы сатирических кыт'а, что проявилось прежде всего в смене «адресата»: это уже не близкое окружение поэта, а высшие государственные чиновники Османской империи. Процессы, происходившие в этой группе кыт'а, созвучны переменам, имевшим место в турецкой литературе XVII в. в целом, когда турецкие поэты все чаще обращались к проблемам современного им общества, высвечивая их в сатирическом ключе.

Маутакова Е. И. Турецкая литература XVII в. // История всемирной литературы : в 8 т. / АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., 1983–1994. [На титл. л. изд.: История всемирной литературы : в 9 т. Т. 4. 1987]. С. 387–390.

Arpaemîni-zâde Mustafa Sâmî. Dîvân. Ankara : T. C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 2004.

Atâyî Nev'î-zâde. Atâyî Nev'î-zâde Dîvânı [Электронный ресурс] // Dîvânlar. Atâyî Nev'î-zâde Dîvânı. URL: <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10637,nevi-zade-atayipdf.pdf?0> (дата обращения: 10.09.2015).

Bâkî. Bâkî Dîvânı [Электронный ресурс] // Dîvânlar. Bâkî Dîvânı. URL: <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10596,bakidivanisabahattinkucukpdf.pdf?0> (дата обращения: 10.09.2015).

Gelibolulu Sun'î. Gelibolulu Sun'î Dîvânı. Gaziantep : T. C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 2009.

Lebîb. Lebîb Dîvânı. Ankara : T. C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 2004.

Mesîhî. Mesîhî Divanı. Ankara : Atatürk Kültür Merkezi Yayınları, 1995.

Nâbî. Nâbî Divanı. Ankara : Akçağ Yayınları, 2011.

Статья поступила в редакцию 24.03.2016

Семина Анастасия Игоревна

аспирант кафедры тюркской филологии
Институт стран Азии и Африки при
МГУ им. М. В. Ломоносова
125009, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 1
E-mail: aisemina@mail.ru

Semina, Anastasia Igorevna

Postgraduate Student, Chair of Turkic Philology
Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University
11, Building 1, Mokhovaya Str., 125009,
Moscow, Russia
E-mail: aisemina@mail.ru

**SATIRICAL QIT'AS IN TURKISH MEDIEVAL LITERATURE
(With Reference to 15th–18th Centuries Divans)**

The article provides results of the research on Turkish satirical qit'as, created by poets of the 15th through the 18th centuries. Satirical qit'as are analyzed in the synchronic and diachronic aspects. The author provides a classification of the satirical qit'as depending on the object of criticism in them, and observes the changes in every group of motifs. In qit'as of the first group poets satirize faults of the surrounding world and society, in the second group, poets describe their own negative features, in the third group satire is aimed at the author's enemies. The qit'as criticizing the world and society as a whole

as well as the ones describing the poet's enemies underwent the deepest changes. From the 17th century onwards, in these two groups of qit'as Turkish poets tried to cover serious social issues of their time, making their poems full of everyday details and addressing them not only to their personal enemies but also to higher officials of their time. Along with that, the topics of the qit'as where poets address their own personal faults remain unaffected as time goes by.

K e y w o r d s: satire; qit'a; Turkish literature; medieval literature; divans; poetry.

Arpaemîni-zâde Mustafa Sâmî. (2004). *Dîvân* [The Divan of Arpaemini-zade Mustafa Sami]. Ankara: T. C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları. (In Turkish)

Atâyî Nev'î-zâde. (1994). *Atâyî Nev'î-zâde Dîvânı* [The Divan of Atayi Nevizade]. T. C. Kültür ve Turizm Bakanlığı. Retrieved from <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10637,nevi-zade-atayipdf.pdf?0>. (In Turkish)

Bâkî. (2002). *Bâkî Dîvânı* [The Divan of Baki]. T. C. Kültür ve Turizm Bakanlığı. Retrieved from <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr/Eklenti/10596,bakidivanisabahattinkucukpdf.pdf?0>. (In Turkish)

Gelibolulu Sun'î. (2009). *Dîvânı* [The Divan of Gelibolulu Suni]. Gaziantep: T. C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları. (In Turkish)

Lebîb. (2004). *Lebîb Dîvânı* [The Divan of Lebîb]. Ankara: T. C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları. (In Turkish)

Mashtakova, E. I. (1987). Turetskaia literatura XVII v. [Turkish Literature of the 17th Century]. In G. P. Berdnikov (Ed.), *Istoriia vseмирnoi literatury* (pp. 387–390). Moscow. (In Russian)

Mesîhî. (1995). *Mesîhî Divanı* [The Divan of Mesîhi]. Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Yayınları. (In Turkish)

Nâbî. (2011). *Nâbî Divanı* [The Divan of Nabi]. Ankara: Akçağ Yayınları. (In Turkish)

Received 24 March 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.052

УДК 821.161.1-1 Сальников (470.5) +
+ 82.091 + 791.41

Ю. С. Подлубнова

- 1) *Уральский федеральный университет*
- 2) *Институт истории и археологии УрО РАН*
- 3) *Объединенный музей писателей Урала*
Екатеринбург, Россия

ПОЭТИКА ДОЛГОГО И ЗАМЕДЛЕННОГО КАДРОВ В ПОЭЗИИ АЛЕКСЕЯ САЛЬНИКОВА*

Статья анализирует случаи использования техник и приемов кинематографа в рамках текстообразующих стратегий современной поэзии. На примере творчества уральского поэта Алексея Сальникова (1978 г. р.), сочетающего художественные возможности слова и визуальные техники, выявляется востребованность поэтики долгого и замедленного кадров в стихотворных текстах. Долгие и замедленные кадры, в целом синтезирующие возможности кинематографа и фотоискусства, в поэзии уральского автора характеризуются утратой оппозиционных значений в смысловых связках «предметность / фактологичность», «постановочность / случайность», «длительность / мгновенность». Их сочетание и чередование в поэтическом тексте отражают специфику художественного видения, во многом связанного с отстраняющей установкой автора, делегирующей свою визуальную функцию субъекту, включенному в самоценный процесс переживания действительности. Визуальные ряды А. Сальникова — не что иное, как способ выражения через визуальное экзистенциального, где увиденное является лишь отправной точкой для моделирования переживания той или иной ситуации, в которой первостепенное значение имеет сам процесс переживания, обладающий определенными темпоральными характеристиками. Потому долгие и замедленные кадры с их пролонгированностью и особым фокусом оказываются важнейшими элементами поэтики А. Сальникова.

К л ю ч е в ы е с л о в а: современная уральская поэзия; Алексей Сальников; поэтика кадра; долгие и замедленные кадры; темпоральность; фокус повествования.

Современная поэзия, неоднородная по своим эстетическим характеристикам, нередко взаимодействует с визуальными видами искусства: графикой (чему яркий пример визуальная поэзия, распространенная в практиках авангарда), кинематографом, фотографией, даже анимацией. Влияние на изящную словесность кинематографа (см. [Тименчик]; из последних работ см. также: [Кадочникова; Арсенова, и др.]) и фотографии как наиболее развитых видов искусства, пожалуй, наиболее значительно. Так, авторы новейшего учебника «Поэзия» подчеркивают, что поэзия может быть «кинематографичной» и использовать приемы монтажа [Поэзия, с. 698]. А. А. Житенев выявляет историко-литературную закономерность: «Если в первой трети XX века стихоряд корреспондировал

* Статья подготовлена в рамках проекта УрО РАН «Литературный процесс на Урале: типы художественности и диалог культурно-национальных традиций».

© Подлубнова Ю. С., 2016

с единицами киноязыка, то в неомодернизме он стал соотноситься с фотографией как «главной художественной формой» [Житенев, с. 188] (не будем вдаваться в объяснения концепции неомодернизма, указав лишь, что она может быть широко применима при описании поэзии второй половины XX — начала XXI в.). Подобный переход имел определенный эстетический смысл, поскольку «фотография как модель визуальности оказывается обращена против симулятивного и фрагментированного мира, утратившего соизмеримость с личностным бытием. Это поле общей меры, попытка восстановления реальности как целого» [Там же, с. 190]. Фотография, в отличие от кинематографа, разговаривающего с массами, — это «личное свидетельство», и своей причастностью к сфере персонализированного она соотносится с лирикой, запрос на которую в той или иной форме присутствует в современной культуре.

Так, И. Бродский в эссе «Полторы комнаты» указывал, что занятия фотографией дали ему ценный опыт попыток осознать и запечатлеть мгновение, отсюда — «месмерическая ясность» и ощущение, что «память всего лишь проявляет пленку» [Бродский]. А. А. Житенев подчеркивает, что фотография хранит в себе «неинсценированную реальность», где ценны «элементы случайного, неожиданного», благодаря чему она оказывается способна «передавать ощущение незавершенности» бытия и свойственной ему «смысловой неясности» [Житенев, с. 189].

Нет смысла отрицать, что визуализация — один из сущностных параметров художественного текста, художественного образа. В таком случае, говоря о взаимодействии поэзии с кинематографом и фотоискусством, всякий исследователь встает перед проблемой обозначения именно тех элементов текста, которые опосредуют подобное взаимодействие, придавая ему статус художественного события. Обращение поэзии к инструментарию визуального искусства нередко приводит к формированию своеобразного визуального нарратива [Злыднева], являющего особую «стратегию текстообразующего освоения мира» [Андреева], где миромоделирующие функции выполняют не только литературные и дискурсивные элементы, но и иные, связанные непосредственно с видением, «точкой зрения», субъектом зрения. Именно тогда становятся востребованы приемы построения кадра и визуальных рядов, апробированные в кинематографе и фотоискусстве.

При этом, сравнивая кинематограф и фотографию и учитывая, что «кино предстает перед нами как завершение фотографической объективности во временном измерении» [Базен, с. 45], есть смысл выделить оппозиционные связи, обозначающие существенные для нас различия между кинематографом и фотографией. Это «предметность / фактологичность», «постановочность / случайность» (впрочем, постановочная фотография — явление также нередкое), «длительность / мгновенность». Оппозиционность представленных связей, стоит заметить, оказывается вовсе не так очевидна, если вспомнить киноэксперименты с построением фоторядов на долгий или на замедленный кадр, заметно меняющие темпоральность киноповествования.

Долгий кадр — прием, предполагающий длительный захват камерой предметной реальности в ее динамике или статике. Как пишет В. Д. Данилова, «использование техники долгого кадра служит целям создания документально достоверного кинофильма» [Данилова, с. 123]. Но тут же исследователь опровергает сказанное, подчеркивая, что долгий кадр может служить инструментом интерпретации действительности, способен порождать художественные образы, как, например, в фильме «Овсянки» А. Федорченко. Для нас принципиально, что долгий кадр, фиксирующий камеру на определенном участке реальности, позволяет фотографически точно воспроизвести самые незначительные детали и мелкую моторику, нередко приобретающую символическое значение (знаменитые кинокадры А. Тарковского). Замедленный кадр — другой популярный визуальный прием, выделяющий какое-либо событие или предметный ряд с помощью устранения динамики действия, ощутимого замедления происходящего. В силу своей статичности такой кадр также приобретает характеристики фотографии, где имеют значение фокусировка на объектах, наделяемых особым смыслом, и «размытие» прочих деталей. Обе техники — долгий и замедленный кадры — сдвигают представление о реальности, к ним становятся вполне применимы слова А. Базена о фотографии, которая «заставляет реальность перетекать с предмета на его репродукцию» [Базен, с. 43].

Долгие и замедленные кадры, равно как и иные визуальные техники, весьма востребованы в современной поэзии, актуализирующей категории времени и пространства. В частности, именно они являются важной особенностью поэзии Алексея Сальникова.

Несколько слов о самом поэте. Алексей Сальников (1978 г. р.) — представитель Нижнетагильской поэтической школы, ученик Евгения Туренко, автор сборников «Стихотворения» (2004), «Людилошади» (2006), «Дневник снеговика» (2013), романов «Нижний Тагил» (2011), «Отдел» (2015), лауреат премии «ЛитератураРентген» в главной номинации (2005). На сегодняшний день живет в Екатеринбурге и является одним из наиболее интересных авторов поколения тридцатилетних.

«Предметность — свойство как поэзии, так и прозы Сальникова <...>, — пишет К. Суворова. — Парадоксальное сочетание статики и движения затягивает» [Суворова, с. 115–116]. Насколько значим для поэта, сочетающего статику и динамику, опыт кино и даже мультипликации, свидетельствует нередкое обыгрывание в поэтических текстах соответствующих персонажей и ситуаций:

Вот Ивкин, напоминающий Губку Боба,
Вот Петрушкин, напоминающий Патрика Стара,
Тогда как я сам, короче, ну, типа Бэтмен,
Суров и все такое, но весь мой Готем,
Как бы ни было тяжело признавать, при этом
Всего лишь самое днище Бикини Боттом...

[Сальников, 2013, с. 25]

Или:

К тридцати пяти перестает сниться сюрреализм — снится артхаус,
Кошмар обретает черты независимого кино,
В основном русского, где кухня или село,
Дождь, потому что осень, никого не осталось...

[Сальников, 2013, с. 28]

Роман «Отдел» также наполнен киноаллюзиями: «На ум Игорю пришла, конечно, фраза “Ты знала, за кого выходила”, но он уже произносил ее раньше, и ничего хорошего из этого не получалось. Он так часто злоупотреблял этой фразой, что если герой какого-нибудь фильма произносил ее, жена могла начать ругаться из-за нее (и что интересно, в самом фильме, параллельно, жена главного героя тоже начинала скандал после таких слов)» [Сальников, 2015]; «Игорь по фильмам привык, что пришельцы стремятся к власти и легко продвигаются по карьерной лестнице или путем интриг и вживления мозговых слизней получают эту власть...» [Там же] и т. д.

Оговоримся, установка на предметность и визуальность — базовая характеристика поэзии А. Сальникова, начинавшего с нередкой для нижнетагильцев постакмеистической манеры, сформировавшейся под влиянием Е. Туренко и А. Санникова. При этом для молодого поэта не менее значим опыт метареализма, также виртуозно работающего с предметностью и весьма почитаемого представителями уральской андеграундной поэзии. Смысловые сдвиги, «мерцания», «сюрреалистическая образность», по выражению Д. Давыдова [Книжная полка Данилы Давыдова], языковая игра — все это особенности поэзии А. Сальникова начала 2000-х гг.

Смотри — горит вода,
Не ведая пруда,
И лебеди плывут
Куда-нибудь туда,
Пусти пернатых сих
На самый белый свет,
Пусть зазеркалит след
Их лебедих.

[Уральская новь]

Однако ранняя поэзия нижнетагильского автора (сборники «Стихотворения», «Людилошади»), при всей ее предметности и визуальной конкретности, как правило, не кинематографична и не фотографична. Она весьма динамична и ассоциативна:

Пустоты иероглиф —
Абсолютный сглаз —
Все автобусы ушли в
Свой Аннуминас.

И осталось две по сто,
Да и те, прости,
Оттого что нам с пальто
Некуда идти.

А простая голова,
Путая слова,
Проведет из кухни «А»
И до кухни «А».

[Уральская новь]

Фактура сальниковского стиха меняется в 2006–2007 гг., когда на поэта все большее влияние начинает оказывать художественный опыт И. Бродского, двигавшегося от текста культуры к «живой плоти экзистенции» (Д. Лакербай), для которой равно важны предметность и фактологичность. Именно в русле «послебродской» традиции выполнены стихотворения, вошедшие в книгу 2013 г. «Дневник снеговика», в рецензии на которую А. Александров пишет: «Любое стихотворение в этой книге похоже на маленький фильм, вернее на то, что притворяется фильмом. Это было бы кино, если бы не пауза или что-то вроде несбывшегося ожидания остановки после фотографии» [Александров].

Предметность и визуальность в книге дополняются экспериментами с темпоральностью и фокусом повествования. Поэзия А. Сальникова становится все более сюжетной («Со временем сезон цветения вишни...», «Хулиганы уходят, а гражданин лежит...», «Девочка, девочка, город на колесах...», «В синих фуфайках появляются слесаря...» и т. д.), прежний динамизм, явленный как в построении образных рядов, так и на уровне ритмической организации стихотворения, уступает место экспериментам, отменяющим динамику и обозначающим особые отношения поэта со временем и пространством.

Эксперименты проявляют себя на различных уровнях построения текста. Так, стилевой принцип ассоциативной раздробленности (постоянно меняющийся калейдоскоп образов) вытесняется стратегией постепенного разворачивания повествования, осязаемой нарративностью:

Вынуть тебя из земли, как из воды,
Откачать, обогреть, дать спирту и дать езды,
Чтобы ты ехал, ехал с помощью ли нее,
Или ей вопреки ехал, и горло твое,
Точнее дыхание, прерывалось, будто кроты
Еще не все из тебя повывлезали из темноты.

Вот ты уезжаешь, медленно уезжаешь, уезжаешь, а я
Гляжу, как ноги твои на педали не попадают, вижу края
Ямы смыкаются, тонкую пыль роя,
Вопреки орфоэпии качаются два буга.

[Сальников, 2013, с. 31]

Представленное стихотворение состоит из двух строф — двух предложений (6 строк и 4 строки), где моделируется ситуация расставания, сначала как бы преодолеваемого, затем, несмотря на попытку преодоления, остро осознаваемого именно как расставание, разлучение. Можно предположить, что в первой строфе перед нами синтаксически маркированный долгий кадр (сложное предложение со множеством конструкций), где есть субъект, он же фокализатор, и есть объект, оказавшийся в поле его зрения. Несмотря на набор действий в условном наклонении, приписываемых субъекту («вынуть из земли», «откачать», «обогреть», «дать спирту» и т. д.), объекту («чтобы ты ехал»), а также иным акторам (горлу, кротам), все 6 строк составляют единый смысловой блок, скрепленный желанием субъекта оживить умершего человека (мотив воды и подмена земли водой указывает на чаемое второе рождение). Все эти действия, несколько абсурдизированные («дать езды», прерывающееся горло, вылезавшие из тела кроты), заключены в одно поле зрения и сменяют друг друга в рамках вполне логичной последовательности (физическое оживление — действия объекта — жизнь его тела). Заданные фокализатором рамки оказываются незыблемы и статичны, в то время как в самом кадре разворачивается длительная динамическая сцена.

Вторая строфа стихотворения построена несколько иначе, ибо фокус повествования здесь смещается с воображаемого объекта на самого субъекта, а затем выходит за пределы смоделированной ситуации. Значимым смысловым элементом этой строфы становится замедление, использованное как прием и ранее, но не столь очевидный, ибо троекратное «ехал», включенное в обширный набор действий иного рода, воспринимается как акцентуация движения. Повторное троекратное использование глагола, на сей раз «уезжаешь», задает дополнительное значение: происходящего расставания (форма настоящего времени), которое ассоциируется с умиранием (образ смыкающей края ямы), возвращая субъекта к ситуации осознания смерти, от которого тот хотел уйти, когда выстраивал гипотетические картины оживления объекта. В этом отношении замедленный кадр — трижды повторенный глагол «уезжаешь», эпитет «медленно», образ ног, не попадающих на педали, — попытка воспротивиться происходящему, остановить момент, когда объект еще жив, пусть и лишь в сознании субъекта речи, ибо тому достаточно картин, порождаемых сознанием. Функционал замедленного кадра здесь совпадает с функционалом в современном кинематографе, когда, например, хороший герой падает, сраженный пулей, и через замедление фиксируется трагизм происходящего. Замедленный кадр в тексте А. Сальникова — это пролонгированное мгновение между жизнью и смертью, не отменяющее торжество смерти, но искусственно продлеваемое нежелающим мириться со смертью лирическим субъектом.

Примечательно, что замедление в данном стихотворении реализуется и на уровне рифмы. В первой строфе — две «-ды» и две «-ты», показательно рифмующиеся между собой. Во второй строфе — четыре «-я». Почти четыре «ты» и четыре «я» неслучайны, учитывая фокусировку сознания субъекта сначала на объекте, а потом на своих переживаниях (перенос фокуса с «ты» на «я»).

Примечателен и выбор мужских клаузул, которые подчеркивают гендерную принадлежность субъекта и объекта, связанных между собой в сознании субъекта, что также акцентируется финальным образом «двух буюв», в том числе эвфемистичным по своей природе (лексически связанным с «дать езды» из первой строфы).

Однако, по сути, субъект и объект в долгом кадре стихотворения не имеют четких границ, ибо все действие, в том числе гипотетическое, разворачивается в едином поле сознания, создающего отражения, носящие явно автопортретный характер.

Оппозиция «постановочность / случайность» так же, как и «предметность / фактологичность», важная для художественного мира А. Сальникова, в случае долгих и замедленных кадров теряет свои базовые характеристики.

Как это обычно бывает, совсем без подруг
Или с каким-то подобием общей жены
Молчаливые мужчины неподвижно стоят вокруг
Пивного ларька, и лица у них красны,

Как у ирландских киноактеров. В свете таких замут,
Если движешься мимо, невольно становишься злей –
Они киноактеры, но не помнишь, как их зовут,
И не можешь припомнить хотя бы одну из ролей

И в итоге мучаешься, и проходит несколько лет,
А когда оглядываешься, то видишь, что они продолжают стоять,
Задумчиво нахмурившись, смотрят тебе вослед –
Артхаусных финно-угров пытаются вспоминать.

[Сальников, 2013, с. 18]

Постановочность в приведенном стихотворении реализуется, во-первых, благодаря подчеркнутому моделированию ситуации в начальной строфе: расстановка мужчин вокруг пивного ларька, акцент на их неподвижности; во-вторых, сравнением их с ирландскими киноактерами (уподобление через красный, алкоголический, цвет лиц и общую брутальность, приписываемую нации), т. е. указанием на смоделированность происходящего, восприятие его как кинокадра, наполненного актерами.

Замедленный кадр сменяется описанием движения лирического субъекта и его восприятием увиденного (перенос фокуса с внешнего на внутреннее). Восприятие растягивается на несколько лет, как бы вынимая какой-то временной отрезок из повествования. А. Сальников использует прием монтажа («скачкообразный, немотивированный перенос действия в другое место или другую эпоху» [Кукулин, с. 13]), создавая в тексте принципиальную кольцевую композицию, где две внешних статических сцены обрамляют внутреннюю динамическую. При этом финальная сцена стихотворения вновь постановочна, поскольку возвращает к картине с неподвижно стоящими брутальными

мужчинами, повторяет ее. Ее постановочность, впрочем, нивелируется попыткой реконструкции внутреннего мира стоящих, которым иронически приписывается знакомство с артхаусными финно-уграми и способностью сравнивать ситуацию с некогда усвоенными образами киноискусства. Ирония заключается в том, что алкоголики вряд ли знакомы с артхаусом и, сколько бы они не пытались вспоминать что-либо такое, попытки их заведомо обречены на провал. Важна здесь, скорее, ситуация взаимного неудачного припоминания: субъект старается, но не может вспомнить что-то сыгранное ирландскими киноактерами, а алкоголики — артхаус. Однако эта взаимная направленность сознания субъекта и объектов мнимая, поскольку очевидно, что субъект приписывает стоящим у ларька свою способность мыслить киноаллюзиями, т. е. в очередной раз порождает собственное отражение. И таким косвенным образом, через переадресацию «части зрения», он создает автопортретный образ, также брутальный (судя по всему, брутальнее «ирландских» мужчин), ассоциирующийся с артхаусом, авторским кинематографом. Явная постановочность начального и финального кадров становится таким же случайным элементом, как сравнение с ирландскими киноактерами и артхаусными финно-уграми, ибо все это не имеет значения — важна лишь безуспешная попытка вспомнить, т. е. сам длящийся экзистенциальный опыт.

В этом смысле фотографический образ недоирландцев у пивного ларька вписан в один долгий кадр (3 строфы, 12 строк) переживания ситуации.

Поэтика долгого и замедленного кадров у А. Сальникова, безусловно, связана с картиной мира, которая моделируется в книге. Как пишет Б. Кутенков, «фактура сальниковского стиха узнается не только благодаря ледяной отстраненности, но и частым приемам повторов как внутри строки (“под фонарем с фонарем”), так и в пределах стихотворения, — словно призванных сблизить “взгляд сквозь жалюзи” и окружающую картину» [Кутенков]. Функцию повторов мы так или иначе уже обозначили, а вот «ледяная отстраненность» и сближение внешнего и внутреннего требуют некоторого пояснения.

В приведенном стихотворении не случайно возникли финно-угры. Они традиционно связываются с Севером, а Север — несомненная географическая доминанта сборника, названного «Дневником снеговика». Снег — образ довольно распространенный в современной поэзии и зачастую мыслящийся как символ России [Харитоновна]. Это знак Севера, имеющего в русском сознании сакральное значение [Созина], связанный с представлениями о смерти и вертикали «человеческое, повседневное / вечное, вневременное». В частности, у А. Сальникова: «Снег, спокойный, как лицо, медленный, как ремонт, / Идет, как в последний раз из последних сил, / Он возносится, только строго наоборот, / Оседает, как пыль, проплывает, как крокодил...» [Сальников, 2013, с. 19]. Или же: «...и метель / Из снегов и спящих медведей то стелется, то кружит, / Всячески меняется, но остается такой, / Чтобы поэт, что внутри у нее лежит, / Столбенел от того, что он мертвый и молодой...» [Там же, с. 27]. Через снег конструируется и образ зрителя / кинозрителя: «В лесу, состоящем из молодого березняка. / Если предмет

(а именно снег) повторяется много раз, / Все сводится к тому, что снегопада нет, / Просто у зрителя несколько тысяч глаз» [Сальников, 2013, с. 19].

Между тем, другим культурным контекстом, имеющим принципиальное значение для автора, о чем свидетельствует стихотворение «Сорок зверей у него внутри, сорок зверей...» и рассуждения про ад («Ад — это некое пространство, полное неким светом, / где не движется ничего, и при этом все движется, / И при этом...» [Там же, с. 10]), становится художественный мир Данте и «Божественной комедии», в которой последний круг в воронке ада — апофеоз холода и льда. Снеговик — это указание на возможность обживания ада (об «обживании ночи» А. Сальниковым писал А. Бурштейн [Современная уральская поэзия, с. 337]) за счет утраты неких человеческих качеств и связей с перманентным процессом жизни, если принять, что снеговик мыслится А. Сальниковым как очередной литературный автопортрет, либо за счет изменения представления о безжизненности ада в целом, его обытовления, приближения к повседневности (отсюда микширование живого и неживого в стихотворениях, ко всему прочему обнаруживающее пристальное знакомство автора с художественным опытом метареализма).

Дневник в этом отношении является также знаком связи культурного (дневник как форма литературного творчества) и экзистенциального (дневник как способ фиксации наблюдений за жизнью и отражения внутреннего мира того, кто делает записи) опыта. При том что в процессе номинации художественного мира А. Сальников лишь указывает, что перед нами дневник, что придает тексту экзистенциальную достоверность (дневник как рассказ о самом сокровенном), позволяющую скрепить воедино внешнее и внутреннее.

Таким образом, внешнее холодное и опасное (в том числе маргинализованное) пространство в книге кореллирует с внутренней отстраненностью, холодностью, безэмоциональностью, восприятием любого абсурда как должного, как проявления привычного ада. В этом контексте долгие и замедленные кадры становятся ключевым приемом, обнаруживают не просто способ видения субъекта речи, но и его принципиальные установки, суть его мировосприятия.

Наконец, последняя из заявленных нами оппозиция «длительность / мгновенность» часто задается в стихотворениях А. Сальникова созданием почти фотографического образа, если иметь в виду целостный образ, положенный в основу стихотворения, а не отдельные детали и тропы. Образ моментально запечатленный длительно описывается автором, принципиально замедляющим любое действие.

1.

Происходящее после фотографии зарастает крапивой,
Прямую и обратную перспективой,
Со временем нагнетаемая желтизна
До этого мышинового снимка, как та волна
Лодки, реки, воды медленной и песчаной,

Лошади, опустившей в воду живот печальный
 (Прерываясь, но не становясь грубей,
 Лошадь двоятся от живота, как валет бубей).

2.

Бесконечные фото ребенка на фоне малины,
 Собаки, забора, дороги, домашней скотины,
 Словно посвящение чада куску земли
 И тому неолиту, откуда сами взошли.
 И неолит наступает по двум причинам –
 Воля, недоступная в городе и мужчинам,
 Во-вторых, дикость, естественная, как слух,
 Потому что туалет на улице – повелитель мух.
 И множество лет спустя – берег или поляна,
 Все равно, грязная черно-белая четырехлетняя обезьяна
 С ненавистью смотрит в фиолетовый объектив,
 В одних каких-то жутких трусах, спасибо, что в них.

[Сальников, 2013, с. 21]

Первое стихотворение цикла строится на сравнении «происходящего после фотографии» с тем, что изображено на фотографии, в том числе с оптическим эффектом удвоения изображения за счет зеркальности водной поверхности. Описание фотографии, полное мелкой динамики (глаголы, тем не менее, показательно появляются только в первой и последней строках) отменяет всяческое движение времени, парадоксально сочетая моментальность снимка и длительность его восприятия.

Второе стихотворение видится уже напрямую как своеобразный эксфрасис («описание фотографии может быть близко к эксфрасису» [Поэзия, с. 683]), изображение уже изображенного. Однако эксфрасис этот, во-первых, не подтвержден в своем статусе, ибо нам неизвестен источник описания, он остается как бы за кадром; во-вторых, искажен тем, что описывается отнюдь не одна фотография, а «бесконечные фото», т. е. ряд фотографий, выстраивающийся в визуальное целое, ровно как кадры на киноплёнке, создающие, по сути, долгий кадр от субъекта речи, воспринимающего его со стороны. Даже знакомый элемент монтажа, подчеркивающий возвращение к увиденному через множество лет, не меняет общую картину, лишь переносит акцент с длительного перечня предметов (еще один прием, заимствованный у И. Бродского) на «портрет художника в юности», т. е. на автопортретный образ, наделенный, как мы выяснили, с самого детства брутальными характеристиками (ненависть и жуткие трусы). Сама продолжительность описания связана с элегической интонацией стихотворения, что создает ностальгический образ, разворачивающийся в сознании лирического субъекта, занятого рассматриванием фотографий и ощущающего погруженность в этот процесс.

Фотографичность (в том числе эксфрасисность) стихотворений цикла подчеркивается также тем, что перед нами редкие в контексте «зимнего» сборника летние кадры, т. е. налицо акцентированная рамочность, указание на отгороженность изображенного от текущей действительности, в том числе на уровне сознания, фиксирующего временную дистанцию между тем, что было, и тем, что есть, т. е. некий зазор, дающий повод для ностальгии.

Таким образом, если обобщить анализ всех трех стихотворений, мы убеждаемся, что предметные ряды А. Сальникова — не что иное, как способ выражения через визуальное экзистенциального. Потому долгие и замедленные кадры с их пролонгированностью и особым фокусом оказываются важнейшими элементами поэтики А. Сальникова. Они располагаются где-то на границе кинематографа и фотографии, и характеризуются утратой оппозиционных значений в смысловых связках «предметность / фактологичность», «постановочность / случайность», «длительность / мгновенность».

При этом, как полагает Н. Санникова, «фотографическое и/или кинематографическое сходство события текста с событием жизни у Сальникова обманчиво, потому что причинно-следственная связь нарушена взглядом из недоступной точки...» [Санникова]. Это наблюдение справедливо в том отношении, что в текстах поэта принципиально отсутствует документальное начало. Они не фиксируют действительность ради фиксации действительности, они тщательно моделируются из элементов, которые являются результатом отбора того, кто «наводит фокус» восприятия. Даже находясь в кадре, субъект речи не равен герою, ибо он не просто актер, но инженер происходящего, порождающий лирическое повествование, где нарушение причинно-следственных связей — основной прием, который моделирует абсурдистскую картину мира, а временные замедления — специфика моделирующего сознания. Сошлемся на П. Настина, утверждающего «сущностное родство фотографии и поэзии: стягивание внешнего по отношению к объекту (объект есть предмет, событие в фотографии или речь в поэзии) времени в точку, за которой зафиксированный стихотворением или фотоснимком факт речи или факт предметности развертывается уже в пространстве мышления. Поэзия и фотография останавливают вещь среди вещей (предмет или речь в пространстве возможных отношений останавливаются рамкой снимка или рамкой синтагмы), чтобы дать ей развернуться в нашем сознании» [Настин].

Не случайно долгие и замедленные кадры становятся частью поэтики А. Сальникова, входящего в пору зрелости и потому осознающего, что есть течение времени и какую роль оно имеет в жизни человека. Да, здесь можно говорить о влиянии поэтики И. Бродского (вспомним «Эклогу 4-ю (зимнюю)»), но также можно провести параллель с эволюцией другого поэта «нижнетагильской школы», в возрасте «после тридцати» обратившегося к «зимней тематике» и поэтике замедлений, Е. Симоновой (см. книги «Сад со льдом», «Время», «Елена. Яблоко и рука»).

Как бы то ни было, поэзия А. Сальникова убеждает в эффективности стратегии взаимодействия поэзии и других видов искусства — кинематографа и фотографии, позволяющей решать индивидуальные художественные задачи, связанные с построением лирических структур и образов, сменой фокусов и точек зрения, регулированием темпоральности повествования, созданием автомифологического образа, столь важного для всякого поэта. Долгие и замедленные кадры, их сочетание и чередование в поэтическом тексте — отражение специфики видения и, главным образом, художественного видения, связанного с отстраняющей установкой автора, делегирующего свою визуальную функцию субъекту, включенному в самоценный процесс переживания.

Александров А. Желтый после красного [Электронный ресурс] // Волга. 2013. № 7–8. URL: <http://magazines.russ.ru/volga/2013/7/17a.html> (дата обращения: 14.03.2016).

Андреева В. А. Текстовые и дискурсивные параметры литературного нарратива (на материале современной немецкоязычной прозы) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009.

Арсенова Т. А. Кинофильм как модель хронотопа прошлого в лирическом сознании Бориса Рыжего // Вестн. Удмурт. гос. ун-та. 2011. Сер. 5 : История и филология. Вып. 4. С. 83–89.

Базен А. Что такое кино? : сб. ст. М. : Искусство, 1972.

Бродский И. Полторы комнаты [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/rooms.txt> (дата обращения: 14.03.2016).

Данилова В. Д. Использование техники долгого кадра для визуализации идей в российском артхаусном кино (на примере киноленты «Овсянки») // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2014. № 169. С. 121–125.

Житнев А. А. Поэзия неомодернизма. СПб. : ИНА-ПРЕСС, 2012.

Зльдинева Н. В. Визуальный нарратив: опыт мифопоэтического прочтения. М. : Индрик, 2013.

Кадочникова И. С. Синтез искусств в лирике Ю. Левитанского и А. Тарковского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2011.

Книжная полка Даниила Давыдова [Электронный ресурс] // Новый мир. 2006. № 9. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/9/dd20.html (дата обращения: 14.03.2016).

Кукулин И. В. Машины зашумевшего времени: как советский монтаж стал методом неофициальной культуры. М. : НЛО, 2015.

Кутенков Б. На другой стороне воды [Электронный ресурс] // Бельские просторы. 2013. № 1 (170). URL: <http://www.bp01.ru/public.php?public=2801> (дата обращения: 14.03.2016).

Настин П. Точка с запятой: поэзия и фотография [Электронный ресурс]. URL: <http://hierog.ru/article.php?id=semicolon> (дата обращения: 14.03.2016).

Поэзия : учебник / Н. М. Азарова, К. М. Корчагин, Д. В. Кузьмин, В. А. Плунгян и др. М. : ОГИ, 2016.

Сальников А. Дневник снеговика. New York : Ailuros Publishing, 2013.

Сальников А. Отдел [Электронный ресурс] // Волга. 2015. № 7–8. URL: <http://magazines.russ.ru/volga/2015/8> (дата обращения: 14.03.2016).

Санникова Н. Алексей Сальников. Стихи 1999–2013 гг. Челябинск: Изд-во Марины Волковой, 2014. 60 с. [Электронный ресурс] // Воздух. 2014. № 4. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2014-4/hronika> (дата обращения: 14.03.2016).

Современная уральская поэзия: антология. 2004–2011 / ред. В. О. Кальпиди. Челябинск : Десять тысяч слов, 2011.

Созина Е. К. Северные нарративы начала XX в. (М. Пришвин, К. Жаков) // Дергачевские чтения — 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Т. 3 / сост. А. В. Подчинов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 184–189.

Суворова К. Из бездны в бездну и обратно // Вещь. 2013. № 8. С. 115–118.

Тименчик Р. Д. Стихоряд и киноязык в русской культуре начала XX века // Finitis duodecim lustris : сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана / сост. С. Г. Исаков. Таллин : Ээсти раамат, 1982. С. 136–139.

Уральская новь. 2003. № 16. URL: <http://magazines.russ.ru/urnov/2003/16/sal.html> (дата обращения: 14.03.2016).

Харитонова Е. В. Мотив снега в поэзии Б. Рыжего: формы репрезентации, фольклорные и литературные истоки // Литература Урала: история и современность / отв. ред. Е. К. Созина. Екатеринбург: УрО РАН; Объединенный музей писателей Урала; Изд-во АМБ, 2006. С. 376–382.

Статья поступила в редакцию 26.05.2016 г.

Подлубнова Юлия Сергеевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
научный сотрудник сектора истории
литературы
Институт истории и археологии
УрО РАН
620990, Екатеринбург,
ул. С. Ковалевской, 16
заведующая музеем «Литературная
жизнь Урала XX века» Объединенного
музея писателей Урала
620075, Екатеринбург, ул. Толмачева, 41
E-mail: tristia@yandex.ru

Podlubnova, Yulia Sergeevna

PhD (Philology), Associate Professor,
Chair of the Russian Language
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Research Fellow, History of Literature Sector
Institute for History and Archaeology, Ural
Branch of RAS
16, S. Kovalevskaya Str., 620990
Yekaterinburg, Russia
Director of Museum
“Literary Life of 20th Century Urals”,
United Museum of Ural Writers
41, Tolmachev Str., 620075 Yekaterinburg,
Russia
E-mail: tristia@yandex.ru

FILM TECHNIQUES IN THE POETRY BY ALEXEY SALNIKOV

The article studies the impact of cinematic techniques as part of the text-generating strategies of modern poetry. Referring to the works by Ural poet Alexei Salnikov (born in 1978), who combines the artistic potential of the word with visual techniques, the author describes the poet's need to use long and slow motion frames in his texts. Long and slow motion frames combine the potentials of the cinema and photography. In the Ural author's poetry, long and slow motion frames are characterized by the loss of the semantic oppositions in pairs of notions “materiality / factuality”, “staging / accident”, “duration / instantaneity”. The combination and alternation of such frames in a poetic text reflect the specific character of artistic vision where one of the features is the poet's transferring of his visual function to the subject included in the self-valuable process of experiencing reality. A. Salnikov's visual series are a way to express some existential experience through the visual where vision is only the starting point to model the situation of experience, and this process of experience has some temporal characteristics. This is the reason why the long and slow motion frames and their duration perform a special role in the poetry by A. Salnikov.

Key words: Ural modern poetry; Alexei Salnikov; cinematic techniques; poetics of frames; long and slow motion frames; temporality; narration focus.

Acknowledgements

The article is part of the Russian Academy of Sciences (Ural Branch) project “The Literary Process in the Urals: Types of Artistry and a Dialogue of Cultural and National Traditions”.

Alexandrov, A. (2013). Zhelty posle krasnogo [Yellow after Red]. *Volga*, 7–8. Retrieved from <http://magazines.russ.ru/volga/2013/7/17a.html>. (In Russian)

Andreeva, V. A. (2009). *Textovye i diskursivnye parametry literaturnogo narrativa (na materiale sovremennoy nemetskojazychnoy prozy)* [Text and Discourse Parameters of Literary Narrative (Modern German Prose)] (habilitation dissertation abstract). Saint Petersburg. (In Russian)

Arsenova, T. A. (2011). Kinofilm kak model khronotopa proshlogo v liricheskom soznanii Borisa Rizhego [Film as a model of the Chronotope of the Past in the Lyrical Consciousness of Boris Rizhy]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 5, 4, 83–39. (In Russian)

Azarova, N. M., Korchagin, K. M., Kuz'min, D. V., & Plungjan, V. A. et al. (Eds.) (2016). *Pojezija: uchebnik* [Poetry: A Handbook]. Moscow: OGI. (In Russian)

Bazen, A. (1972). *Chto takoe kino?* [What Is the Cinema?]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian)

Brodsky, I. *Poltory komnaty* [A Room and a Half]. Retrieved from <http://lib.ru/BRODSKIJ/rooms.txt>. (In Russian)

Danilova, V. D. (2014). Ispolzovanie tekhniki dolgogo kadra dlia vizualizatsii idey v rossiiskom artkhausnom kino (na primere kinolenty “Ovsianki”) [Using the Long Frame Technique to Visualize Ideas in the Russian Art-house Cinema (with Reference to *Silent Souls* Film)]. *Izvestia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Herzena*, 169, 121–125. (In Russian)

Kadochnikova, I. S. *Syntezy iskusstv v lirike Yu. Levitanskogo i A. Tarkovskogo* [The Synthesis of Arts in the Lyrical Poetry by Yu. Levitansky and A. Tarkovsky] (habilitation dissertation abstract). Izhevsk. (In Russian)

Kalpidi, V. O. (Ed.). (2011). *Sovremennaja ural'skaja poezija: antologija. 2004–2011* [Modern Ural Poetry. 2004–2011]. Cheljabinsk: Desyat' tysyach slov. (In Russian)

Kharitonova, E. V. (2006). Motiv snega v poezii B. Ryzhego: formy reprezentatsii, fol'klornye i literaturnye istoki [The Snow Motif in the Poetry by B. Rizhy: Forms of Representation, Folklore and Literary Sources]. In E. K. Sozina (Ed.), *Literatura Urala: istorija i sovremennost'* [The Literature of the Urals: History and Modernity] (pp. 376–382). Yekaterinburg: UrO RAN; Ob"edinennyj muzej pisatelej Urala; Izd-vo AMB. (In Russian)

Knizhnaja polka Danily Davydova [Danila Davydov's Bookshelf] (2006). *Novyy mir*, 9. Retrieved from http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/9/dd20.html. (In Russian)

Kukulin, I. V. (2015). *Mashiny zashumevshego vremeni: kak sovetsky montazh stal metodom neofitsialnoi kultury* [Machines of Noisy Time: How Soviet Editing Became a Method of Unofficial Culture]. Moscow: NLO. (In Russian)

Kutenkov, B. (2013). Na drugoj storone vody [On the Other Side of Water]. *Bel'skie prostory*, 1. Retrieved from <http://www.bp01.ru/public.php?public=2801>. (In Russian)

Nastin, P. *Tochka s zapjatoj: poezija i fotografija* [The Semicolon: Poetry and Photography]. Retrieved from <http://hieru.ru/article.php?id=semicolon>. (In Russian)

Sal'nikov, A. (2013). *Dnevnik snegovika* [The Diary of a Snowman]. New York: Ailuros Publishing. (In Russian)

Sal'nikov, A. (2015). Otdel [The Department]. *Volga*, 7–8. Retrieved from <http://magazines.russ.ru/volga/2015/8>. (In Russian)

Sannikova, N. (2014). Aleksej Sal'nikov. Stihi 1999–2013 gg. [Alexei Salnikov. Poems, 1999–2013]. Chelyabinsk: Izd-vo Mariny Volkovoj, 2014. 60 s. *Vozduh*, 4. Retrieved from <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2014-4/hronika>. (In Russian)

Sozina, E. K. (2012). Severnye narrativy nachala XX v. (M. Prishvin, K. Zhakov) [Northern Narratives of the Early 20th Century (M. Prishvin, K. Zhakov)]. In A. V. Podchinyonov (Ed.), *Dergachevskie chtenija – 2011. Russkaja literatura: nacional'noe razvitie i regional'nye osobennosti* [Dergachev Readings – 2011. Russian Literature: National Development and Regional Features] (Vol. 3, pp. 184–189). Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)

Suvorova, K. (2013). Iz bezdny v bezdnu i obratno [From Abyss to Abyss and Back]. *Veshh'*, 8, 115–118. (In Russian)

Timenchik, R. D. (1982). Stihorjad i kinojazyk v russoj kul'ture nachala XX veka [Poetry and Film Language in Russian Culture in the Early 20th Century]. In S. G. Isakov (Ed.), *Finitis duodecim lustris* (pp. 136–139). Tallinn: Eesti raamat. (In Russian)

Ural'skaja nov', 16. (2003). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/urnov/2003/16/sal.html>. (In Russian)

Zhitenev, A. A. (2012). *Poezia neomodernizma* [The Poetry of Neomodernism]. Saint Petersburg: INA-PRESS. (In Russian)

Zlydneva, N. V. (2013). *Visualnij narrativ: opyt mifopoeticheskogo prochtenia* [The Visual Narrative: An Experience of Mythopoetic Interpretation]. Moscow: Indrik. (In Russian)

Received 26 May 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.053
УДК 051:087.5 + 808.1 + 81'276

А. А. Брыкова
*Санкт-Петербургский государственный
университет*
Санкт-Петербург, Россия

ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЩЕНИЙ (на материале журналов для детей «Еж» и «Чиж» 1928–1941 гг.)

В статье исследуются обращения, обнаруживающиеся в вопросительных и ряде утвердительных предложений, вычлененных из журналов для детей «Еж» (1928–1935) и «Чиж» (1930–1941). Журналы «Чиж» и «Еж» — одни из наиболее значимых и своеобразных детских журналов советского периода, а обращение — один из элементов речевого этикета нового советского общества, который используется для решения ряда прагматических задач. Основная причина интереса лингвистов к обращению заключается в его одновременной связи с языковой реальностью, как единицы уровня синтаксиса, и внеязыковой реальностью социальных отношений в обществе. В статье делается предположение о том, что обращения в рассматриваемых контекстах реализуют особую прагматическую функцию, выступая в роли своеобразного маркера эвиденциальности, т. е. указания на канал информации. Эвиденциальное приращение обращений свидетельствует о том, что в рамках речевого акта они используются как указание на канал информации синкретичного свойства, достоверность которого обосновывается социальной ролью референта обращения. Помимо понятия о канале информации обращение актуализирует факт сообщения и характер информации. В свою очередь, эвиденциальный потенциал обращения стоит в прямой зависимости от его позиции в рамках текстового отрезка и от его лексического наполнения. Предпочтение в этом случае отдается социально значимым лексемам из тематических групп «Семья», «Должности и профессии», что в более широком плане является одним из способов реализации познавательной и воспитательной функций советских детских журналов, одна из целей которых — адаптация детей в новом обществе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: обращение; журнал для детей; категория эвиденциальности; эвиденциальное приращение; канал информации; характер информации; тематическая группа.

Категория э в и д е н ц и а л ь н о с т и, указывающая на источник информации, привлекает внимание отечественных и зарубежных лингвистов, потому что, будучи категорией уровня высказывания, находится в тесной связи с категориями эпистемической модальности и адмиративности.

Р. О. Якобсон в статье «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» [Якобсон] относит эвиденциальность к разряду шифтерных категорий, которые актуализируют внимание участников коммуникации на трех аспектах: факте сообщения, сообщаемой информации, источнике информации.

В современной лингвистике принято выделять языки, где эвиденциальность выражена грамматически (чаще всего формой глагола), и языки, где указание на источник информации производится с помощью средств разных языковых уровней, обычно лексического и синтаксического.

Вопрос о правомерности выделения категории эвиденциальности в языках, где она не имеет грамматических показателей, в том числе в русском языке, остается дискуссионным¹. Отсутствие повторяющихся принципов маркирования делает границы категории размытыми и не всегда позволяет выделить прямую и косвенную эвиденциальность, так как отсутствие маркеров косвенной эвиденциальности не может свидетельствовать о реализации прямой эвиденциальности.

Исследования категории эвиденциальности в русском языке идут как в области грамматики, так и в области лексики [см.: Арутюнова, 2000; Булыгина, Шмелев; Падучева, 2013], при этом список возможных маркеров этой категории остается открытым.

Рассмотрение обращения с точки зрения наличия у него э в и д е н ц и а л ь н о г о п р и р а щ е н и я, по терминологии Е. В. Падучевой [2013, с. 11], возможно, если принимать во внимание не только собственно обращение как маркер канала информации, но и два других аспекта — факт сообщения и характер информации.

В качестве материала исследования привлекались журналы «Чиж» и «Еж», выходившие в Ленинграде в период с 1928 по 1941 гг. и рассчитанные на детей младшего и среднего возраста. Журналы представляют большую художественную и культурную ценность, так как в них работали А. Введенский, Д. Хармс, Е. Шварц, В. Бианки, Е. Чарушин, Н. Радлов, В. Коношевич и др., что определило качество произведений и их популярность среди читателей. К тому же журналы отражали основную воспитательную традицию советского периода, ориентированную на ознакомление читателя с новой реальностью и активное включение его в общество, актуализацию понятия авторитетов и четкую социальную стратификацию, не последнюю роль играющие и в случае отбора и использования обращений.

Факт сообщения

В рамках прагматического направления в лингвистике принято различать предложение и высказывание, где последнее определяется как реализация предложения в речи. С этой позиции обращение может рассматриваться как один из способов перевода предложения в статус высказывания, так как оно является словесным знаком коммуникантов: *Ребята! Вот что было четырнадцать лет назад. Рабочие победили помещиков и фабрикантов. Они свергли буржуазное правительство* [Чиж, 1931, № 9, с. 11].

¹ Так, А. Ю. Айхенвальд призывает различать «эвиденциальную систему» и «эвиденциальную стратегию», т. е. неграмматические способы указания на источник информации [Aikhenvald, p. 18–20].

Обращение актуализирует коммуникативный аспект высказывания, указывая на существование системы слушающего (речевой, перцептивной, пресуппозиционной), отличной от системы говорящего. В случае с вопросительными и утвердительными высказываниями (в статусе слов-предложений и собственно диалогических конструкций), обращение может рассматриваться как показатель хронологической обусловленности высказывания, его связи с предыдущим высказыванием и ориентированности на последующее: *Товарищ капитан! кричу. — Как прикажите править? <...> А он* (громкоговоритель на корабле. — А. Б.) *опять: — Поворот влево! — Да, ведь, вы сами, товарищ капитан...* (приказывали влево не поворачивать. — А. Б.) [Чиж, 1935, № 6, с. 20]; «*Чиж, отчего же разорвалась бутылка* (на плите. — А. Б.)? *Ведь пороху в ней не было*». *Верно, Витя. Пороху в бутылке не было, но зато там был воздух* [Чиж, 1934, № 1, с. 20].

Хронологическая обусловленность является одной из важных характеристик категории эвиденциальности, так как указание на источник информации предполагает соотнесение момента сообщения с временем сообщаемого и временем, когда информация, посредством различных источников, стала известна говорящему. В силу того, что категория эвиденциальности чаще всего выражается соответствующими формами глагола (в болгарском языке, например), она стоит в непосредственной связи с предикативностью, также и с указанием на время.

Существует подробная классификация источников информации, включающая в себя зрительный, слуховой и логические информационные каналы (инферентивный и презумптивный по терминологии И. А. Мельчука), а также ссылки на сторонние источники — цитатив [Мельчук, с. 199]. Это дает возможность предполагать, что указание на источник информации является возможным не только относительно информации, имевшей место в прошлом, но и будущей информации, что становится еще одним поводом для развития гипотезы о наличии у обращений эвиденциального потенциала.

Характер сообщаемого

Обращение — компонент предложения, указывающий на участников коммуникации и обнаруживающее тесную связь с социальной реальностью. К основным функциям обращения принято относить контактоустанавливающую и императивную функции, так как оно «выражает два взаимодействующих и взаимосвязанных признака — вокативность и императивную модальность» [Дмитриева, с. 6].

Статус обращения в рамках предложения или — шире — синтаксического целого остается дискуссионным. Среди мнений о том, следует ли обращение рассматривать в качестве единицы, не связанной с предложением или же связанной координационной связью [Шахматов, с. 261; Руднев, с. 179–180], или о том, что обращение является специфическим типом номинативного предложения [Проничев, с. 54–67], наиболее убедительным кажется отнесение обращения

в разряд речевых актов, реализующих свой прагматический потенциал в рамках текстового отрезка [Арутюнова, 1999, с. 115–120].

В этом случае при анализе обращений в целом и его эвиденциального потенциала в частности необходимо учитывать как тип предложения, так и тип предиката, т. е. характер сообщаемого.

В исследованном материале обращения с предполагаемым эвиденциальным приращением были в основном отмечены в вопросительных и ряде утвердительных предложений, относящихся к речевым жанрам просьбы, а также жанрам согласия / несогласия.

Вопросительные предложения

По мнению Р. Ницоловой, вопросительные предложения с эвиденциальностью «связаны с пресуппозициями, которые представляют предположения говорящего об источнике информации слушающего о пропозиции, которая является истинным ответом на вопрос Q» [Ницолова, с. 119]².

В исследованном материале чаще всего отмечались специальные вопросы с предикатами действия, состояния, локации (по классификации А. Мустайоки [Мустайоки, с. 186]), с указаниями на объект, субъект, причину, цель или направление соответственно. *Зачем это вы, доктор, обрызгали медведя?* [Еж, 1930, № 18, с. 13]; *Мама, а почему он (милиционер. — А. Б.) свой синий фонарь не погасит (во время тревоги. — А. Б.)?* [Чиж, 1937, № 11, с. 7].

Тип эвиденциальности в приведенных выше примерах определяется в том числе по формам глагола. Эвиденциальность принято считать эгоцентрической категорией, где «эвиденциальный показатель ориентирован исключительно на говорящего» [Падучева, 2013, с. 20].

В вопросительных предложениях, где происходит перенос «ориентации эгоцентриков с говорящего на слушающего» [Там же, с. 19–20], употребление обращения может рассматриваться одновременно как прямая и как косвенная эвиденциальность (обычно инферентив или презумптив), в зависимости от контекста: *Довольны ли вы платой, Николай Иванович?* [Чиж, 1930, № 3, с. 6]; *Скажите, товарищ капитан, — сказал Санька, — это и есть пароходы?* [Еж, 1930, № 19–20, с. 22]. Вопрос с формами глагола 2-го лица, а также с личным местоимением 2-го лица в поддерживающей функции позволяет предполагать у обращения прямой эвиденциальный потенциал, так как говорящий хочет получить информацию, касающуюся слушающего, от самого слушающего, на что и указывает обращение.

Среди специальных вопросов отдельного упоминания требуют вопросы, построенные по схеме *кто из + личное местоимение + предикат с обращением*: *А кто из вас, ребята, стихи знает?* [Чиж, 1935, № 9, с. 5].

² О возможности обнаружения показателей эвиденциальности в том числе и в вопросах говорит применительно к русскому языку Е. В. Падучева: «Разве невозможны показатели эвиденциальности, скажем, в контексте вопроса, которые не есть сообщение информации» [Падучева, 2013, с.19].

Вопросы такого типа вместе с обращением, в позиции которого в исследованном материале обычно появляется лексема *ребята*, решают прагматические задачи характеристики и классификации. Слово *ребята* является исторически обусловленным: оно вошло в широкое употребление только в 1920-е гг. и значительно расширило свое денотативное значение: «Прежде, обращаясь к малышам, мы всегда говорили: дети. Теперь это слово повсюду вытеснено словом *ребята*. Оно звучит и в школах и в детских садах <...>. Прежде ребятами назывались только крестьянские дети (наравне с солдатами и парнями)» [Чуковский, с. 22].

Классифицирующий принцип является определяющим для маркеров эвиденциальности: прямая эвиденциальность предполагает визуальный канал информации, косвенная — все остальные. Указанное разделение базируется на основных понятиях психологии восприятия и логики, в меньшей степени учитывая специфику процесса коммуникации и прагматическую нагруженность коммуникативных элементов.

Гипотеза о наличии у обращений эвиденциального приращения позволяет говорить о том, что классификационный признак в той или иной мере сохраняется, но основа этой классификации будет уже не психологической и не логической, а социальной: *Ребята очаговцы и школьники! Как вы помогаете колхозу?* [Чиж, 1932, № 1, с. 13]; *Друзья «Ежа» не пионеры — те ребята, которые работают по журналу, выполняют задания редакции, помогают зарубежным ребятам, помогают строить советские дирижабли! Мы спрашиваем у вас, почему вы еще не пионеры?* [Еж, 1931, № 12, с. 6].

В случае отсутствия в вопросе указания на совпадение субъекта вопроса и субъекта обращения, обращение приобретает косвенный эвиденциальный потенциал, на что указывают основные маркеры канала информации: *Ниточка* (кошка. — А. Б.), — *сказала Маша, — ты не знаешь, где мама? А Ниточка в ответ замыкала* [Чиж, 1935, № 5, с. 1]; *Ребята, как по-вашему, можно ли у трамвайного вагона отрубить буфера?* [Чиж, 1934, № 2, с. 21]. Глаголы ментального действия с этикетной частицей *не* в сложноподчиненных предложениях, которая формально переводит их в разряд общих вопросов, а также специфические наречия типа *по-вашему* относятся к маркерам презумптива и инферентива.

Помимо специальных вопросов в исследованном материале были также отмечены общие вопросы с обращениями: *Ребята, видели вы в цирке дрессированных зверей дедушки Дурова* [Чиж, 1933, № 7, с. 8]; *Папочка, а ты ему (ежу. — А. Б.) позволишь у нас остаться? — попросила Шурка* [Еж, 1928, № 9, с. 5]; *Можно мне повидать своего отца, доктор?* [Чиж, 1938, № 8, с. 6]. В качестве предикатов в этих вопросах могут выступать глаголы действия в форме прошедшего времени, а также модальные слова, которые на речевом уровне маркируют жанр просьбы (на что указывают и глаголы в повествовательных отрезках текстов, например *попросить*). В этом случае, так как речь идет скорее о разрешении на совершение некоего действия, чем на сообщение информации, вопрос о наличии эвиденциального потенциала у обращений, вероятнее всего, остается открытым. При этом специфика категории эвиденциальности, предполагающая

маркирование эвиденциальности косвенной, позволяет говорить, что эвиденциальное приращение для обращений характерно в том случае, если они становятся показателями именно косвенной эвиденциальности, так как в этом случае само появление обращения более прагматически нагружено.

Общие вопросы с частицами *разве* и *неужели*, которые также были отмечены в исследуемом материале, актуализируют вопрос о взаимодействии категории эвиденциальности с категорией эпистемической модальности, сущность которой заключается в выражении говорящим своего отношения к истинности сообщения: — *Дожили! Ребят на машины меняют! — Да что ты, кума, неужели?* [Еж, 1931, № 12, с. 2]; *Мне папа подарил глобус и сказал, что земля такая же, как этот глобус <...> Чиж! Разве земля в середине пустая?* [Чиж, 1934, № 1, с. 21]. Вопрос о возможности включения категории эвиденциальности в категорию эпистемической модальности остается дискуссионным. Одни исследователи склонны считать эвиденциальность и эпистемическую модальность разными категориями [см., например: Мельчук; Храковский; Козинцева; Aikhenvald], другие указывают на определенную зону их пересечения [см.: Ницолова]. Показательно, что, например, Е. В. Падучева разграничивает цитацию и цитатив на основе того, что последний предполагает разделение ответственности за истинность сообщаемого между говорящим и тем, кого он цитирует [Падучева, 2011].

Если принять во внимание то, что необходимость в указании на источник информации может возникнуть только в рамках прагматически нагруженной передачи информации, то вопрос о ее истинности становится актуальным³. Указание на источник информации становится одним из способов акцентирования внимания, в том числе и на информации, истинность которой, как и истинность канала сообщения, может быть подвергнута сомнению со стороны слушающего.

Говорили с Петей дети:
— Петя, Петя, ты ученый —
Говорят они ему:
— Облетает лист зеленый,
Объясни нам почему
И ответил Петя:<...>
Лист зеленый облетает <...>
Потому что он плохими
К ветке нитками пришит.
Услыхали это дети
И сказали:
— Что ты, Петя,
Неужели в самом деле,

³ Особенно если учесть, что для обозначения категории эвиденциальности нередко также используют его русский аналог *з а с в и д е т е л ь с т в о в а н н о с т ь*, производящее которого, как и в случае английского слова *evidence*, содержит в своем лексическом значении сему истинности.

В самом деле
Это так?

[Чиж, 1932, № 11–12, с. 1]

В приведенном примере обращение является и указанием на источник информации, и указанием на саму информацию, а частица *неужели* — маркером эпистемической модальности, отражающим сомнение говорящего как в достоверности источника информации, так и в истинности самой информации.

Тот же принцип построения текстового отрезка можно видеть в случае, если обращение появляется в предложениях, представляющих собой согласие или несогласие: «*Можно ли долететь до солнца?*» <...> *Нет, Женя, самолетом до солнца долететь не могут, как бы высоко они ни летали* [Чиж, 1934, № 1, с. 21]; *Ты прав, тов. Сафонов, когда говоришь, что рассказов с приключениями появлялось в 1933 году мало* [Еж, 1933, № 12, с. 32]. Здесь обращение выступает как указание на источник информации и одновременно как отсылка к самой информации, являясь дополнительным способом текстовой связности в рамках своеобразного диалога между читателями и работниками журналов.

Канал сообщения

Формирование эвиденциального потенциала обращения во многом зависит от семантики слов, стоящих в его позиции. Значение имеет понятие социальной роли, определяющее ожидания участников коммуникации, в том числе и относительно того, может ли референт выступать в роли достоверного источника информации, что накладывает свои ограничения на речевое наполнение позиции обращения.

В исследованном материале в позиции обращения с эвиденциальным потенциалом были отмечены лексемы тематических групп «Семья», «Должности и профессии», а также имена собственные и слова тематической группы «Животные» (в сказочных жанрах).

Наибольшим потенциалом среди указанных тематических групп обладают слова тематических групп «Семья» и «Должности и профессии», так как в рамках художественных произведений для детей они выступают как речевые маркеры людей с более высоким статусом (по отношению к герою-ребенку или читателю-ребенку), а также с большим опытом и знаниями: — *Отец, откуда на небе взялись лягушки? — спросил Жанно* [Чиж, 1941, № 4, с. 8]; *Зачем это вы, доктор, обрызгали медведя?* [Еж, 1930, № 18, с. 13].

Имена собственные в позиции обращения встречались применительно как к детям, так и ко взрослым, при этом эвиденциальный потенциал последних следует рассматривать как более высокий: *Мы устали, — кричат мальчики. — Николай Яковлевич, скажите ему, мы весь день качали (воду. — А. Б.)* [Еж, 1929, № 2, с. 16].

Отдельного упоминания требуют имена собственные — названия журналов, употребленные в позиции обращения в метонимической функции и появляющиеся в рамках общения между читателями-детьми и работниками журналов. «Милый Чиж, — пишет Аня Дорошко из Твери. — Я отморозила себе щеку и теперь боюсь выходить на улицу. Посоветуй мне, как сделать, чтобы не отмораживать щеки» [Чиж, 1934, № 1, с. 2]. Эвиденциальный потенциал обращения объясняется тем, что его референтом становятся работники журнала, оцениваемые читателями как возможный источник достоверной информации.

С точки зрения лексического наполнения позиции обращений, обладающих эвиденциальным потенциалом, выявляются ограничения на использование оценочных лексем, в первую очередь с негативной семантикой, так как они чаще всего переводят вопрос в косвенный императив и не предполагают реакции со стороны адресата. Она (мама. — А. Б.) сказала: — Ах ты, противный мальчишка, зачем ты убежал на улицу? [Чиж, 1937, № 6, с. 4]. Исключения составляют лексемы с положительной семантикой: Ты, знаменитый математик, сумеешь ли решить наши задачи? [Еж, 1932, № 5–6, с. 25]. Подобного рода словосочетания могут считаться еще одним указанием на пересечение категории эвиденциальности и эпистемической модальности, так как оценочное прилагательное является маркером уверенности говорящего относительно истинности запрашиваемой информации (или же наличия способностей).

Эвиденциальный потенциал обращения зависит не только от его речевого наполнения и типа речевого акта и жанра, но и от позиции обращения в текстовом отрезке. Примеры показывают, что более частотной позицией в этом случае становится неначальная позиция, так как здесь обращение не реализует контактоустанавливающую функцию, его появление является факультативным и потому более прагматически нагруженным⁴.

Выводы

Таким образом, исследование конкретных примеров показывает, что обращение может использоваться в качестве своеобразного маркера эвиденциальности, так как не только указывают на канал информации, но и актуализирует факт сообщения, а также характер информации.

Обращения с эвиденциальным приращением обнаруживаются в вопросительных, а также в утвердительных словах-предложениях с разными типами предикатов — действия, состояния, идентификации, при совпадении и несовпадении субъекта обращения и субъекта / объекта речевого акта. В последнем

⁴ Вариативность в позиционном размещении обращения, вероятно, может быть связана со способом оформления речевого акта: в исследованном материале в вопросах с местоимениями причины обращения фиксировались в начальной позиции, если там отсутствовало междометие: Ребята! — крикнул я. — Почему у вас огонь без мягкого знака написан? [Чиж, 1932, № 4–5, с. 3]; А почему у тебя, командир, голова завязана? [Чиж, 1935, № 6, с. 12].

случае эвиденциальное приращение более очевидно, так как обращение выступает в роли маркера косвенной эвиденциальности.

Гипотеза о наличии эвиденциального потенциала обращения позволяет также расширить понятие «канал информации», учитывая социальные основания классификации, что объясняет и набор лексем в позиции обращения, предполагающих в качестве референта человека определенного социального статуса и роли. Это, в свою очередь, еще раз обозначает онтологическую связь категорий эвиденциальности и эпистемической модальности, имеющих границы пересечения, и включается в общую воспитательную традицию, отраженную в советских журналах для детей.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999.

Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол*. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Язык о языке : [сб. ст.] / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 437–449.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Гипотеза как мыслительный акт // Логический анализ языка. Ментальное действие : [сб. ст.] / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М. : Наука, 1993. С. 78–82.

Дмитриева Л. К. Обращение и вводный компонент. Лекции. Л. : ЛГПИ, 1976.

Еж : ежемесячный журнал для детей старшего возраста. Л. : Гос. изд-во, 1928–1935.

Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. ст. памяти Натальи Андреевны Козинцевой / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; отв. ред. В. С. Храковский. СПб. : Наука, 2007. С. 6–36.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии : [в 4 т.]. Т. 2. Ч. 2 : Морфологические значения. М. ; Вена : Языки русской культуры : Венский славистический альманах, 1998.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам. М. : Языки славянской культуры, 2010.

Ницолова Р. Моделизованная эвиденциальная система болгарского языка // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. ст. памяти Натальи Андреевны Козинцевой / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; отв. ред. В. С. Храковский. СПб. : Наука, 2007. С. 107–196.

Падуцева Е. В. Показатели чужой речи: *мол* и *дескать* [Электронный ресурс] // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 70 (3). 2011. URL: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/ksenomarkery.pdf> (дата обращения: 06.10.2015).

Падуцева Е. В. Есть ли в русском языке грамматически выраженная категория эвиденциальности? // Рус. яз. в науч. освещении. 2013. № 2 (26). С. 9–29.

Проницев В. П. Синтаксис обращения. (На материале рус. и сербохорв. яз.). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1971.

Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения. М. : Учпедгиз, 1959.

Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. ст. памяти Натальи Андреевны Козинцевой / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; отв. ред. В. С. Храковский. СПб. : Наука, 2007. С. 600–628.

Чиж : ежемесячный журнал для детей младшего возраста. Л. : Гос. изд-во, 1930–1941.

Чуковский К. И. Живой как жизнь: о русском языке. М. : Зебра Е, 2010.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М. : Эдиториал УРСС, 2001.

Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя : [сб. ст. / сост. и предисл. О. Г. Ревзиной] ; АН СССР. Ин-т востоковедения. М. : Наука, 1972. С. 95–113.

Aikhenvald A. Y. Evidentiality in typological perspective // Studies in evidentiality / eds. A. Y. Aikhenvald, & R. M. W. Dixon. Amsterdam : John Benjamins Publish. Company, 2003. (Typological Studies in Language, Vol. 54). P. 1–32.

Статья поступила в редакцию 03.02.2016 г.

Брыкова Александра Андреевна
аспирант кафедры русского языка
Санкт-Петербургский государственный
университет
199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11
E-mail: kakoslik88@yandex.ru

Brykova, Aleksandra Andreevna
Postgraduate Student,
Russian Language Chair
Saint Petersburg State University
11, Universitetskaya Emb.,
199034 Saint Petersburg, Russia
E-mail: kakoslik88@yandex.ru

THE EVIDENTIAL POTENTIAL OF FORMS OF ADDRESS (With Reference to Children's Magazines *Yozh* and *Chizh* (1928–1941))

The paper considers forms of address found in different types of questions and some types of affirmative sentences. The analysis is based on contexts taken from children's magazines *Yozh* (Eng. "Hedgehog") (1928–1935), and *Chizh* (Eng. "Siskin") (1930–1941) which were among of the most significant and original Soviet children's magazines. Forms of address are a speech element of the new Soviet society that serves to solve a number of pragmatic purposes. The main reason for linguistic attention to forms of address is due to their connection to linguistic reality as a syntactic unit and the extralinguistic reality of social relations. The author puts forward a hypothesis that the forms of address in the contexts under consideration have a special pragmatic function of an evidential marker, i.e. an indicator of the information source. The evidential connotation of the forms of address testifies to the fact that they are used as an indicator of the source of syncretic information whose existence is proved by the social role of the addressee. Except for the notion of the information source, the form of address substantiates the message itself and the type of information. In its turn, the evidential potential of the form of address directly depends on its position within the text and its lexical meaning. In this case, preference is given to socially important lexemes from the topic-specific groups, namely, family, offices and occupations, which – on a larger scale – are a means to realize the cognitive and educational functions of the Soviet children's magazines, one of whose goals was to adapt children to the new society.

К е y o r d s: form of address; children's magazine; category of evidentiality; evidential connotation; information source; information features; thematic group.

Aikhenvald, A. Y. (2003). Evidentiality in Typological Perspective. In A. Y. Aikhenvald, & R. M. W. Dixon (Eds.), Studies in evidentiality. *Typological Studies in Language* (Vol. 54, pp. 1–32). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2003.

Arutyunova, N. D. (1999). *Jazyk i mir cheloveka* [Language and Human World]. Moscow: Yaz. rus. kul'tury. (In Russian)

Arutyunova, N. D. (2000). Pokazateli chuzhoi rechi *de, deskat', mol.* K probleme interpretatsii rechepovedencheskikh aktov [Markers of Another Person's Speech *De, Deskat', Mol.* To the Issue

of Speech and Behavior Acts Interpretation]. In N. D. Arutyunova (Ed.), *Iazyk o iazyke* [Language on Language] (pp. 437–449). Moscow: Jaz. rus. kul'tury. (In Russian)

Bulygina, T. V., & Shmelyov, A. D. (1993). Gipoteza kak myslitel'nyi akt [Hypothesis as a Mental Act]. In N. D. Arutyunova, & N. K. Ryabtseva (Eds.), *Logicheskii analiz iazyka. Mental'noe deistvie* [Logical Analysis of Language. Mental Act] (pp. 78–82). Moscow: Nauka. (In Russian)

Chizh. Ezhemesiachnyi zhurnal dlia detei mladshago vozrasta [Monthly Magazine for Young Children]. (1930–1941). Leningrad: Gos. izd-vo. (In Russian)

Chukovskij, K. I. (2010). *Zhivoj kak jizn: o russkom jazyke* [Alive Like Life: On the Russian Language]. Moscow: Zebra E. (In Russian)

Dmitrieva, L. K. (1976). *Obrashchenie i vvodnyj komponent. Lekcii* [Forms of Address and Parenthetical Component. Lectures]. Leningrad: LGPI. (In Russian)

Khrakovskij, V. S. (2007). Evidentsial'nost', epistemicheskaia modal'nost', (ad)mirativnost' [Evidentiality, Epistemic Modality, Admiration]. In V. S. Khrakovskij (Ed.), *Evidentsial'nost' v iazykakh Evropy i Azii. Sbornik statei pamiati Natal'i Andreevny Kozintsevoi* [Evidentiality in the European and Asian Languages. A Collection of Articles in Memory of Natalia Andreevna Kozintseva] (pp. 600–628). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)

Kozintseva, N. A. (2007). Tipologija kategorii zasvidetel'stvovannosti [The Typology of the Evidential Category]. In V. S. Khrakovskij (Ed.), *Evidentsial'nost' v iazykakh Evropy i Azii. Sbornik statei pamiati Natal'i Andreevny Kozintsevoi* [Evidentiality in the European and Asian Languages. A Collection of Articles in Memory of Natalia Andreevna Kozintseva] (pp. 6–36). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)

Mel'chuk, I. A. (1998). *Kurs obshchei morfologii* [Common Morphology Course] (Vols. 1–4). (Vol. 2, Part 2: Morfologicheskie znacheniiia [Morphological Meanings]). Moscow; Vein: Yazyki russkoi kul'tury: Venskij slavisticheskij al'manakh. (In Russian)

Mustajoki, A. (2010). *Teoriia funkcional'nogo sintaksisa. Ot semanticheskikh struktur k iazykovym sredstvom* [Functional Syntax Theory. From Semantic Structure to Linguistic Expressions]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)

Nitsolova, R. (2007). Modalizirovannaia evidentsial'naiia sistema bolgarskogo iazyka [The Modalized Evidential System of the Bulgarian Language]. In V. S. Khrakovskij (Ed.), *Evidentsial'nost' v iazykakh Evropy i Azii. Sbornik statei pamiati Natal'i Andreevny Kozintsevoi* [Evidentiality in the European and Asian Languages. A Collection of Articles in Memory of Natalia Andreevna Kozintseva] (pp. 107–196). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)

Paducheva, E. V. (2011). Pokazateli chuzhoi rechi. *Mol i deskat'* [Markers of Another Person's Speech. *Mol* and *Deskat'*]. *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka*, 70 (3). Retrieved from <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/ksenomarkery.pdf>. (In Russian)

Paducheva, E. V. (2013). Est' li v russkom iazyke grammaticheski vyrazhennaia kategoriiia evidentsial'nosti? [Is There Evidentiality as a Grammatical Category in Russian?]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenij*, 2 (26), 9–29. (In Russian)

Pronichev, V. P. (1971). *Sintaksis obrashhenija. (Na materiale russkogo i serbohorvatskogo jazykov)* [Syntax of Forms of Address. (with Reference to Russian and Serbo-Croatian)]. Leningrad: Lenin. State Univ. Publ. (In Russian)

Rudnev, A. G. (1959). *Sintaksis oslozhnjonnogo predlozhenija* [The Syntax of a Complex Sentence]. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian)

Shakhmatov, A. A. (2001). *Sintaksis russkogo iazyka* [Russian Language Syntax]. Moscow: Editorial URSS. (In Russian)

Yakobson, R. O. (1972). Shiftery, glagol'nye kategorii i russkii glagol [Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb]. In O. G. Revzina (Ed.), *Printsipy tipologicheskogo analiza iazykov razlichnogo stroia* [Principles of Typological Analysis of Languages of Different Structures] (pp. 95–113). Moscow: Nauka. (In Russian)

Yozh. Ezhemesiachnyi zhurnal dlia detei starshego vozrasta [Monthly Magazine for Older Children]. (1928–1935). Leningrad: Gos. izd-vo. (In Russian)

Received 3 February 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.054
УДК 94(4) + 37.012.1(091) + 27-1

А. М. Болгова
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*
Белгород, Россия

К ВОПРОСУ О ЗАКРЫТИИ АФИНСКОЙ АКАДЕМИИ В 529 г.

Статья посвящена одному из наиболее значимых событий в культурной жизни Византии периода правления императора Юстиниана I — закрытию языческой философской школы в Афинах в 529 г. Основываясь на юридических источниках, автор приходит к выводу, что законодательные акты Юстиниана не были непосредственно связаны с Афинской Академией, но имели общеимперский характер. Политика императора в сфере образования была направлена не на закрытие отдельных языческих школ, а на ликвидацию преподавания классической философии на всей территории Византии. По свидетельству хроникера Иоанна Малалы, специального указа о закрытии Афинской школы не существовало. Опираясь на источниковедческие исследования Й. Турна, автор приходит к выводу, что содержание указа 529 г. касалось преподавателей философии, гадателей, астрологов и содержателей игорных притонов. В дальнейшем указ был выполнен местными муниципальными властями, и к 531 г. Афинская школа прекратила свое существование. В заключение автор указывает на основную тенденцию в эволюции ранневизантийской высшей школы VI в.: оптимальной моделью для нее была классическая по содержанию, но христианизированная по форме управления.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Византия; Юстиниан; Афинская философская школа; классическое образование; язычество; христианство.

В процессе трансформации позднеантичной цивилизации в византийскую христианскую большое значение имели изменения в сфере образования. Высшая школа ранней Византии являлась важным звеном межцивилизационного континитета и одним из основных каналов трансляции позднеантичной культурной

традиции. В целом, на протяжении IV — первой половины VI в. она сохраняла светский классический облик.

Эволюция ранневизантийской высшей школы показала, что оптимальной для нее была модель, классическая по содержанию, но христианизированная по форме управления. Начало формирования такой структуры связано с деятельностью Оригена в 230–240-е гг. в Кесарии Палестинской (*Caesarea Maritima*) [Trigg, p. 36–38; Heine, p. 151–154]. Завершение этого процесса мы можем наблюдать в Газе VI в., когда будущие клирики и миряне в школе под управлением епископа одновременно изучали классическую риторику и христианское богословие. В это время в школе риторики в Газе преподавали известные риторы и теологи ранневизантийской эпохи Эней Газский, Прокопий Газский и Хорикий [Болгов, с. 43–47].

Можно констатировать, что к середине VI в. значение идеологически цельных, замкнутых в рамках одной конфессии, образовательных учреждений в общекультурном плане понизилось. Богословские академии в Александрии и Антиохии, в первую очередь, обеспечивали локальные потребности египетского и сирийского патриархатов. Философские школы, продолжавшие придерживаться классической традиции, воспринимавшиеся государством, церковью и обществом как языческие, постепенно сходили с исторической сцены.

В ранневизантийскую эпоху наибольшей известностью и авторитетом среди «эллинских» школ пользовалась афинская Новая Академия (*Néa Akadēmía*), наследница знаменитой Платоновской Академии (*Akadēmía Plátwos*). В 529 г. она была ликвидирована распоряжением императора Юстиниана I (527–565). Так как данное мероприятие являлось важнейшим в процессе реорганизации византийского школьного образования, оно традиционно привлекает внимание исследователей [Blumenthal, p. 369–375; Cameron; Hällström; Beaucamp].

В историографии не сложилось однозначной трактовки событий 529 г., ряд аспектов этой проблемы вызывает дискуссии. По нашему мнению, наиболее актуальным является вопрос о степени целенаправленности и организованности политики Юстиниана I по искоренению языческого образования [Геростергиос, с. 111–118]. Следует ли рассматривать закрытие «эллинской» Афинской школы как разовую акцию или же за этим последовало уничтожение всей системы классических школ? Кроме того, заслуживает внимания вопрос о причине ликвидации Платоновской Академии — было ли это мероприятие вызвано только религиозно-идеологическими мотивами или император руководствовался политическими, административными, экономическими и прочими соображениями.

В отечественной историографии преобладает мнение, что закрытие Академии в Афинах стало решающим шагом в ликвидации системы классических школ, а также способствовало искоренению язычества на территории Византии [Самодурова, с. 497–498; Светлов, Лукомский, с. 755–759]. Однако прекращение деятельности одной, пусть и самой авторитетной, школы вряд ли могло привести к столь глобальным последствиям. По нашему мнению, значение событий 529 г. в Афинах в историографии сильно преувеличено.

До закрытия Афинская Академия считалась лучшей среди классических философских школ. В свою очередь, обучение философии расценивалось как наивысшая ступень образования, которой предшествовали грамматика и риторика. В Афинах проходили обучение не только приверженцы идеалистических философских учений, восходящих к Платону и Аристотелю, но также будущие «отцы церкви», такие как свт. Григорий Назианзин (Γρηγόριος Ναζιανζηνός; 329–389) и свт. Василий Великий (Μέγας Βασίλειος; ок. 330–379) [Cameron, p. 7–8].

Несмотря на противоречивые оценки правления Юстиниана — крупнейшего государственного деятеля эпохи раннего Средневековья, — исследователи, в целом, отмечают последовательность его внутривосточного курса. Мероприятия, направленные на искоренение язычества, нашли отражение в законодательстве империи. В первую очередь, речь идет о правовых нормах, лишивших язычников возможности преподавать, чтобы «не привлекать к своим ошибкам простые души» [C. J., 1.5.18.4; 1.11.9]. В одном из законодательных актов прямо говорилось: «Мы запрещаем давать какие-либо уроки тем, кто одержим языческим безумием» [C. J., 1.11.10].

В исследовательской литературе отмечалось, что законодательство Юстиниана в части, касающейся высшего образования, представляло собой симметричный ответ на так называемые школьные законы императора Юлиана (361–363). В частности, речь идет об эдикте *De medicis et professoribus* от 17 июня 362 г., в котором учителям-христианам запрещалось преподавать в школах [Schemmel, S. 495]. Однако в Кодексе Феодосия говорится о том, что учителям и наставникам следует выделяться чистотой нравов и красноречием, а кандидатуры преподавателей должны одобряться императором или, в его отсутствие, куриалами. Прямого запрета для христиан заниматься преподаванием сохранившийся до нашего времени текст эдикта 362 г. не содержит [C. Th., 13.3.5]. В одном из писем Юлиан пространно рассуждал о качествах, которыми должен обладать учитель. Император указывал, что преподаватели должны быть нравственными людьми, умеющими публично излагать свои мысли. Подчеркивая свои религиозные предпочтения, Юлиан писал, что среди наставников хотел бы видеть философов, риториков и грамматиков, придерживающихся языческих взглядов [Imp. Caesaris..., p. 69–75, ep. 61].

Следует отметить, что перечисленные выше законодательные акты не были непосредственно связаны с Афинской Академией, они имели общеимперский характер. О том, как развивались события в Афинах, известно из хроники Иоанна Малалы. Византийский автор писал, что в 529 г. василевс отправил в Афины распоряжение, «чтобы никто не преподавал философию, не толковал законы (курсив наш. — А. Б.), и не устраивал игорного притона ни в одном из городов» [Ioannis Malalae..., 1831, p. 451.16–18]. Поводом для издания этого указа стало обнаружение нескольких игорных притонов в Константинополе. Это было расценено властями как страшное богохульство, виновных подвергли жестокому наказанию, отрезав им руки и провезя по городу на верблюде [Ibid., p. 451.18–21].

Изучение «Хронографии» Иоанна Малалы имеет сложную источниковедческую историю. Издание Л. Диндорфа, вышедшее в 1831 г. в составе «Боннского корпуса», было основано на единственной греческой рукописи (*Oxford, Baroccianus gr. 182*). Этот текст охватывает период от сотворения мира до последних лет правления Юстиниана. Однако в рукописи имеются лакуны, а также отсутствует начальная часть. Текстологическая реконструкция этого источника представляет собой сложную задачу, которая до сих пор не решена [Jeffreys, p. 497–501]. В частности, в издании английского перевода хроники впервые было использовано деление текста на книги и главы, по образцу античных классических сочинений [Chronicle of John Malalas]. В настоящее время наиболее полным является критическое издание «Хронографии», опубликованное немецким филологом Й. Турном [Ioannis Malalae..., 2000].

Возвращаясь к интересующему нас отрывку из сочинения Иоанна Малалы, обратим внимание, что в издании Л. Диндорфа при пересказе распоряжения Юстиниана упоминается запрет на «толкование законов» (*νόμια ἐξηγεῖσθαι*). Й. Турн, на основании сравнения разных рукописей, исправил текст на «толкование астрономии» (*ἀστρονομίαν ἐξηγεῖσθαι*).

Принимая конъектуру Й. Турна, необходимо констатировать, что общий смысл приведенного отрывка в значительной степени изменился. Так как текст императорского указа не сохранился, то на основании сведений Иоанна Малалы устанавливаются время и место событий — 529 г., Афины. Одна из целей указа — прекращение преподавания философии — также не вызывает сомнений. Однако далее контекст сообщения расширяется, охватывает и другие города в связи с инцидентом, случившимся в Константинополе (игорные притоны). По сути, «толкование астрономии» приравнивается к деятельности заведений для азартных игр, содержатели которых незаконно наживались, обманывая обывателей. Так как между астрономией и астрологией в ранневизантийское время разницы не существовало, то под «толкователями астрономии» подразумеваются всевозможные гадатели и прорицатели.

Напротив, «толкование законов» никогда не считалось незаконной деятельностью. Более того, эта сфера находилась под строгим государственным контролем. Преподавать право и разъяснять законы разрешалось только в юридических школах в Константинополе и Берите (Бейруте), тесно связанных с административными структурами империи. Известно также, что в Афинской Академии право не преподавалось. Конъектура Й. Турна позволяет установить, что в конце 520-х гг., по мнению законодателя, преподавателей философии в Афинах следовало приравнять к представителям маргинальных групп — гадателям, астрологам и содержателям игорных притонов.

Ограничения и репрессивные меры, направленные на представителей перечисленных профессий, известны в законодательстве империи более раннего времени. В частности, этому были посвящены некоторые указы императоров Феодосия I (379–395) и Феодосия II (408–450). Несмотря на это, количество

последователей различных языческих культов в империи оставалось велико [Chuvin, p. 95–97; Ведешкин].

Таким образом, император Юстиниан являлся продолжателем политики, имевшей давнюю традицию. По нашему мнению, закрытие Афинской Академии необходимо рассматривать в широком контексте религиозной политики Юстиниана, направленной на окончательное вытеснение «эллинствующих» из общественной и культурной жизни Византии. После 529 г. гонения на преподавателей-язычников продолжились. В 546 г. они произошли в Константинополе [Prosopius, XI.31], а в 562 г. коснулись всех «эллинов» и сопровождались сожжением языческих книг. По мнению византийского хрониста XII в. Иоанна Зонары, закрытие языческих школ было вызвано необходимостью изыскать денежные средства на проведение военных кампаний [Ioannis Zonarae..., p. 157.1–7].

Обратимся к еще одному аспекту данной проблемы, который редко привлекает внимание исследователей. Афинская школа традиционно поддерживала тесные связи с языческой элитой города. В связи с этим закрытие Академии стало ощутимым ударом по старой муниципальной знати. Вскоре после распоряжения Юстиниана местными структурами управления было принято решение о запрете на обучение философии в Афинах. Оно основывалось на жалобах на антихристианское содержание философского образования в Академии [Watts, 2006, p. 129].

В годы царствования Юстиниана произошли значительные изменения в системе местного управления. Старые муниципальные органы постепенно утрачивали властные полномочия, которые переходили к государственным бюрократическим структурам. В сфере образования в это время совершался «драматический переворот», который лишил муниципальные власти влияния на данную сферу, фактически передав ее под контроль церкви [Whittow, p. 12].

Большое значение для изменений в системе образования имел финансовый вопрос. По конституции Антонина Пия (138–161), подтвержденной Константином Великим (306–337) в эдикте *De professoribus et medicis*, учителя городских школ находились на содержании муниципальных советов [C. J., 10.53.6]. Позже данная практика сохранялась, что подтверждается сведениями исторических хроник и агиографии [Рудаков, с. 109].

При Юстиниане местные власти, выполняя императорские указы, были обязаны лишить преподавателей финансового обеспечения. Следует согласиться с мнением английского историка Дж. Бьюри, что саму школу при этом закрывать не требовалось [Bury, p. 369–370]. В последующие годы Юстинианом были проведены значительные преобразования в финансовой сфере. Местные структуры управления лишились права формировать и использовать муниципальные бюджеты; отныне все финансовые вопросы перешли под контроль государства [Серов, с. 48–50].

Преподаватели Афинской Академии некоторое время ожидали, что ситуация изменится в лучшую сторону. Когда стало понятно, что изменения государственной политики в скором времени не произойдет, глава Афинской

школы Дамаский (Δαμάσκιος ὁ σχολάρχης) принял решение уехать в Персию. По свидетельству Агафия Миринейского, в 531 г. вместе со схолархом на Восток отправились шестеро его коллег. Дамаский и его спутники считали, что на территории Персидской державы царила справедливость и можно было воплотить в жизнь утопические идеи Платона об «идеальном государстве» [Agathiae Myrinaei..., p. 131.5–132.13; Watts, 2006, p. 116–117].

В последние годы существования Афинской Академии ее руководители, Дамаский и другие философы-неоплатоники, утратили представление о происходивших в Византии изменениях в религиозной сфере. На это в конце XIX в. обращал внимание немецкий исследователь К. Крумбахер: «Неоплатоновская Академия в Афинах была лишь незначительной точкой в огромном греко-римском мире, и ее исчезновение не привело к... существенным переменам. Кажется, что учителя и учащиеся, т. е. те, кто непосредственно пострадал от декрета, были весьма малочисленны и имели совсем незначительный авторитет, утратив контакт с народом задолго до этого» [Krumbacher, S. 20].

Для сохранения Академии руководству школы необходимо было отказаться от раздражавшего власти «эллинского» характера обучения, пожертвовать финансовой самостоятельностью и, в первую очередь, допустить христианизацию образовательного процесса. В этом случае Афинская школа не попала бы под действие закона о запрете преподавания философии язычниками. Тем более, что специального эдикта по поводу ее закрытия Юстиниан не издавал [Watts, 2004, p. 180].

Политика императора не была направлена против одной только Афинской Академии. Она предусматривала ликвидацию преподавания классической философии и, одновременно с этим, удаление из образовательного процесса многих языческих практик, мистики, теургии, астрологии и т. д. Следует отметить, что риторика, к обучению которой у властей не было претензий, благополучно продолжала преподаваться в муниципальной школе Афин вплоть до VIII в. [Schemmel, S. 511–512].

По мнению ряда исследователей, процесс постепенной христианизации был характерен для другой весьма известной философской школы — Александрийской. Следует отметить, что начался он с острого конфликта между александрийским патриархом Петром III Монгом (Πέτρος ὁ Μογγός; 477–490) и схолархом Аммонием Гермием (Ἀμμώνιος τοῦ Ἑρμίου). Во время гонений на язычников (ок. 480 г.) философская школа в Александрии была закрыта по распоряжению патриарха. Однако Аммоний умело использовал противоречия среди высших церковных иерархов Александрии, боровшихся за патриарший престол. Приняв христианство и добившись компромисса с Петром III Монгом, схоларх получил разрешение вновь открыть школу [Watts, 2006, p. 224–225; Sorabji; ср.: Самодурова, с. 499]. Окончательно Александрийская школа была христианизирована при преемнике Аммония Иоанне Филопоне (Ἰωάννης ὁ Φιλόπονος).

Подводя итоги, присоединимся к мнению исследователей, которые считают правление Юстиниана «мрачными и печальными временами для культурной жизни империи» [Светлов, Лукомский, с. 757]. С середины VI в. государство взяло курс на тотальную христианизацию, широко применяя насильственные методы. Тем не менее, прямого распоряжения о закрытии Афинской школы в законодательстве Юстиниана нам обнаружить не удалось. В отличие от Александрии, в Афинах постепенная христианизация Академии не состоялась. Знаменитая философская школа безвозвратно погибла, оставаясь до последних дней существования языческой.

Болгов Н. Н. Ранневизантийская Газа в Палестине: город и его писатели // Античная древность и средние века. 2014. Вып. 42. С. 38–52.

Ведешкин М. А. Язычники Восточной Римской империи в VI в. // Классическая и византийская традиция. 2014 : материалы VIII междунар. конф. / под ред. Н. Н. Болгова. Белгород : БелГУ, 2014. С. 228–234.

Геростергиос А. Юстиниан Великий — император и святой / пер. с англ. прот. М. Козлова. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010.

Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб. : Алетей, 1997.

Самодурова З. Г. Школы и образование // Культура Византии. IV — первая половина VII в. / отв. ред. З. В. Удальцова. М. : Наука, 1984. С. 478–503.

Светлов Р. В., Лукомский Л. Ю. Дамаский Диадок как представитель афинской школы неоплатонизма // Дамаский Диадок. О первых началах / пер. с древнегреч., ст., коммент. и указ. Л. Ю. Лукомского, Р. В. Светлова. СПб. : Рус. Христ. гуманитар. ин-т, 2000. С. 755–828.

Серов В. В. К вопросу о месте курий в ранневизантийском государстве: финансовый аспект // Византийский временник. 2001. Т. 60 (85). С. 46–55.

Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque / rec. B. G. Niebuhrius. Bonn : Weber, 1828. Т. 2. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae, Vol. 3).

Beaucamp J. Le philosophe et le joueur. La date de la “fermeture de l’École d’Athènes” // Travaux et mémoires. 2002. Т. 14. P. 21–35.

Blumenthal H. J. 529 and its Sequel: what happened to the Academy? // Byzantion. 1978. Т. 48. P. 369–385.

Bury J. B. History of the later Roman Empire: from death of Theodosius I to death of Justinian, A.D. 395–565. London : Macmillan, 1923.

Cameron A. The Last Days of the Academy at Athens // Cameron A. Literature and Society in the Early Byzantine World. London : Variorum Reprints, 1985. Pt. XIII. P. 7–30.

Chronicle of John Malalas / transl. by E. Jeffreys, M. Jeffreys, R. Scott. Melbourne : Australian Association for Byzantine Studies, 1986. (Byzantina Australiensia, Vol. 4).

Chuvin P. A chronicle of the last pagans. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 1990.

C. J. — Corpus iuris civilis. Vol. 2 : Codex Iustinianus / ed. P. Krüger. Berlin : Weidmann, 1905.

C. Th. — Theodosiani libri XVI: cum Constitutionibus Sirmundianis et Leges novellae ad Theodosianum pertinentes / ed. P. Krüger, Th. Mommsen. Berlin : Weidmann, 1905. Vol. 1.

Hällström G. The closing of the neoplatonic school in A.D. 529: an additional aspect // Post-Herulian Athens: aspects of life and culture in Athens, A.D. 267–529 / ed. P. Castrén. Helsinki : Finnish Institute at Athens, 1994. P. 141–160.

Heine R. E. Origen: scholarship in the service of the Church. Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 2011.

Imp. Caesaris Flavii Claudii Iuliani Epistulae, Leges, Poematia, Fragmenta varia / rec. I. Bidez, F. Cumont. Paris : Les Belles Lettres, 1922.

Ioannis Malalae Chronographia / rec. L. Dindorf. Bonn : Weber, 1831. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae, Vol. 28).

Ioannis Malalae Chronographia / rec. I. Thurn. Berlin ; New York : De Gruyter, 2000. (Corpus fontium historiae Byzantinae, Vol. 35).

Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XIII–XVIII / ed. Th. Büttner-Wobst. Bonn : Weber, 1897. T. 3. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae, Vol. 49).

Jeffreys E. The beginning of Byzantine chronography: John Malalas // Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D. / ed. by G. Marasco. Leiden ; Boston : Brill, 2003. P. 497–527.

Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453). München : C. H. Beck, 1897.

Procopius. The Anecdota or Secret History / transl. by H. B. Dewing. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1935. (Loeb Classical Library, Vol. 290).

Schemmel F. Die Hochschule von Athen im IV. und V. Jahrhundert p. Ch. n. // Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur und für Pädagogik. 1908. Bd. 22. S. 494–513.

Sorabji R. Waiting for Philoponus // Aeneas of Gaza: Theophrastus with Zacharias of Mytilene, Ammonius / ed. and pref. by R. Sorabji ; transl. by S. Gertz, J. Dillon, D. Russell. Bristol : Bristol Classical, 2012. P. VII–XXX.

Trigg J. W. Origen. London ; New York : Routledge, 1998.

Watts E. J. Justinian, Malalas, and the End of Athenian Philosophical Teaching in A.D. 529 // Journal of the Roman Studies. 2004. Vol. 94. P. 168–182.

Watts E. J. City and school in late antique Athens and Alexandria. Berkeley : Univ. of California Press, 2006.

Whittow M. Ruling the Late Roman and Early Byzantine City: A Continuous History // Past & Present. 1990. No. 129. P. 3–29.

Статья поступила в редакцию 12.05.2016 г.

Болгова Анна Михайловна

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры всеобщей истории и зарубежно-
го регионоведения

Белгородский государственный нацио-
нальный исследовательский университет
308015, Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: bolgova@bsu.edu.ru

Bolgova, Anna Mikhailovna

PhD (Pedagogical Sciences),
Associate Professor,
Chair of World History and Foreign
Regional Studies
Belgorod National Research University
85, Pobeda Str., 308015 Belgorod, Russia
E-mail: bolgova@bsu.edu.ru

ON THE ISSUE OF ATHENS SCHOOL CLOSING IN 529 AD

The article describes one of the most important events in the cultural life of Byzantium under Justinian I, namely, the closure of the pagan school of philosophy in Athens in 529 AD. Referring to legal sources, the author concludes that Justinian's legal acts were not directly connected with the Academy of Athens but had an Empire-wide

character. The Emperor's policy in the sphere of education did not mean closing of certain pagan schools but the elimination of classical philosophy teaching in Byzantium as a whole. According to John Malalas, there did not exist a special decree ordering to close the School of Athens. Referring to the source studies by J. Thurn, the author concludes that the 529 decree concerned teachers of philosophy, soothsayers, astrologers, and owners of gambling houses. Further on, the decree was carried out by the local municipal authorities and by 531, the School of Athens had ceased to exist. Finally, the author points out the main tendency in the evolution of Early Byzantine higher school of the 6th century: its most suitable model was a classical one in its content, but Christian in its form of management.

Keywords: Byzantium; Justinian; Athens school of philosophy; classical education; paganism; Christianity.

Beaucamp, J. (2002). Le philosophe et le joueur. La date de la "fermeture de l'École d'Athènes". *Travaux et mémoires*, 14, 21–35. (In French)

Bidez, I., & Cumont, F. (Eds.) (1922). *Imp. Caesaris Flavii Claudii Iuliani Epistulae, Leges, Poemata, Fragmenta varia*. Paris: Les Belles Lettres.

Blumenthal, H. J. (1978). 529 and Its Sequel: What Happened to the Academy? *Byzantion: revue internationale des études byzantines*, 48, 369–385.

Bolgov, N. N. (2014). Rannevizantiiskaia Gaza v Palestine: gorod i ego pisateli [Gaza in Palestine in the Early Byzantine Period: The City and Its Writers]. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 42, 38–52. (In Russian)

Bury, J. B. (1923). *History of the Later Roman Empire: From the Death of Theodosius I to the Death of Justinian, A.D. 395–565*. London: Macmillan.

Büttner-Wobst, Th. (Ed.) (1897). Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XIII–XVIII. T. 3. *Corpus scriptorum historiae Byzantinae* (Vol. 49). Bonn: Weber.

Cameron, A. (1985). The Last Days of the Academy at Athens. In A. Cameron, *Literature and Society in the Early Byzantine World* (Pt. XIII, pp. 7–30). London: Variorum Reprints.

Chuvin, P. (1990). *A Chronicle of the Last Pagans*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Dindorf, L. (Ed.) (1831). Ioannis Malalae Chronographia. *Corpus scriptorum historiae Byzantinae* (Vol. 28). Bonn: Weber.

Gerostergios, A. (2010). *Justinian Velikii – imperator i sviatoi* [Justinian the Great: An Emperor and a Saint]. Moscow: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja. (In Russian)

Hällström, G. (1994). The Closing of the Neoplatonic School in A.D. 529: An Additional Aspect. In P. Castrén (Ed.), *Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A.D. 267–529* (pp. 141–160). Helsinki: Finnish Institute at Athens.

Heine, R. E. (2011). Origen: Scholarship in the Service of the Church. *Christian theology in context*. Oxford; New York: Oxford University Press.

Jeffreys, E. (2003). The Beginning of Byzantine Chronography: John Malalas. In G. Marasco (Ed.), *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Fourth to Sixth Century A.D.* (pp. 497–527). Leiden; Boston: Brill.

Jeffreys, E., Jeffreys, M., & Scott, R. (Eds.) (1986). Chronicle of John Malalas. *Byzantina Australiensia* (Vol. 4). Melbourne: Australian Association for Byzantine Studies.

Krüger, P. (Ed.) (1905). *Corpus iuris civilis* (Vol. 2: Codex Iustinianus). Berlin: Weidmann.

Krüger, P., & Mommsen, Th. (Eds.) (1905). *Theodosiani libri XVI cum Constitutionibus Sirmondianis et Leges novellae ad Theodosianum pertinentes* (Vol. 1). Berlin: Weidmann.

Krumbacher, K. (1897). *Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453)*. München: Verlag C. H. Beck. (In German)

- Niebuhrus, B. G. (Ed.). (1828). *Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque* (Vol. 2). *Corpus scriptorum historiae Byzantinae* (Vol. 3). Bonn: Weber.
- Procopius (1935). *The Anecdota or Secret History*. *Loeb Classical Library* (Vol. 290). Cambridge: Harvard University Press.
- Rudakov, A. P. (1997). *Ocherki vizantiiskoi kul'tury po dannym grecheskoi agiografii* [Byzantine Culture according to the Data of Greek Hagiography]. Saint Petersburg: Aleteiia. (In Russian)
- Samodurova, Z. G. (1984). *Shkoly i obrazovanie* [Schools and Education]. In Z. V. Udaltsova (Ed.), *Kul'tura Vizantii. IV — pervaiia polovina VII v.* [Culture of Byzantium, 4th — First Half of the 7th c.] (pp. 478–503). Moscow: Nauka. (In Russian)
- Schemmel, F. (1908). Die Hochschule von Athen im IV. und V. Jahrhundert p. Ch. n. *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur und für Pädagogik*, 22, 494–513. (In German)
- Serov, V. V. (2001). *K voprosu o meste kurii v rannevizantiiskom gosudarstve: finansovyi aspekt* [On the Question of the Place of Curiae in the Early Byzantine State: The Financial Aspect]. *Vizantiiskii vremennik*, 60 (85), 46–55. (In Russian)
- Sorabji, R. (2012). *Waiting for Philoponus*. In R. Sorabji (Ed.), *Aeneas of Gaza: Theophrastus with Zacharias of Mytilene, Ammonius* (pp. VII–XXX). Bristol: Bristol Classical.
- Svetlov, R. V., & Lukomskii, L. Iu. (2000). *Damaskii Diadokh kak predstavitel' afinskoii shkoly neoplatonizma* [Damascius Diadochus as a Representative of the Athenian School of Neoplatonism]. In R. V. Svetlov, & L. Iu. Lukomskii (Eds.), *Damaskii Diadokh. O pervykh nachalakh* [Damascius Successoris De primis principiis] (pp. 755–828). Moscow: Russkii Khristianskii gumanitarnyi institut. (In Russian)
- Thurn, I. (Ed.). (2000). *Ioannis Malalae Chronographia*. *Corpus fontium historiae Byzantinae* (Vol. 35). Berlin; New York: De Gruyter.
- Trigg, J. W. (1998). *Origen. Early Church Fathers*. London; New York: Routledge.
- Vedeshkin, M. A. (2014). *Iazychniki Vostochnoi Rimskoi imperii v VI v.* [Pagans of the Eastern Roman Empire in the 6th Century]. In N. N. Bolgov (Ed.), *Klassicheskaya i vizantijskaya traditsiya* [Classical and Byzantine Tradition] (pp. 228–234). Belgorod: Belgorodskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
- Watts, E. J. (2004). *Justinian, Malalas, and the End of Athenian Philosophical Teaching in A.D. 529*. *Journal of the Roman Studies*, 94, 168–182.
- Watts, E. J. (2006). *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley: University of California Press.
- Whittow, M. (1990). *Ruling the Late Roman and Early Byzantine City: A Continuous History*. *Past & Present*, 129, 3–29.

Received 12 May 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.055
УДК 342.56 + 343.81(470.5) +
+ 343.81(571.1)

Е. В. Бородина
Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. (на примере мест заключения Урала и Западной Сибири)

Статья посвящена малоизученным вопросам развития пенитенциарной системы в России первой четверти XVIII столетия. Основываясь на данных, содержащихся в нормативных правовых актах, документальных источниках и воспоминаниях иностранцев, побывавших в России в середине XVII – первой четверти XVIII в., автор реконструирует условия содержания заключенных с целью выяснить, насколько реформы Петра Великого повлияли на основные принципы организации тюрем и образ жизни заключенных в них арестантов. Сравнительно-исторический анализ позволил выявить частоту использования тюремного заключения как одного из видов наказаний того времени, а также обратиться к характеристике различий, существовавших в содержании колодников во второй половине XVII и первой трети XVIII в. Изучение источников и оценок состояния тюрем, содержащихся в историографии, показало отсутствие серьезных изменений условий содержания арестантов в России эпохи Петровских преобразований. Как и в предыдущем столетии, основным противоречием существования мест заключения являлось отсутствие внимания государства к проблеме их финансирования при стремлении диктовать жесткие требования к охране колодников. Правда, в отличие от XVII в. арестанты имели больше возможностей заработать на свое содержание, так как их труд очень часто использовался в заводских и иных вспомогательных работах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Российская империя; реформы Петра Великого; пенитенциарная система; судебная система; история Урала; история Сибири; социальная история; история повседневности.

Первая четверть XVIII в. стала временем крупных государственных преобразований, составной частью которых являлось проведение судебной реформы 1717–1727 гг. Новое судоустройство предполагало организацию специализированных судебных учреждений – надворных и нижних судов, – которые предполагалось сделать независимыми от местной администрации. Правда, с 1722 г. большая часть из них вновь перешла под опеку уездных и губернских властей. Судебная реформа коснулась и мест содержания подследственных и заключенных.

В соответствии с новым государственным устройством судам следовало обзавестись собственными помещениями для этих целей. Несмотря на стремление

властей создать новую систему органов суда и следствия, идея о реорганизации мест заключения в нормативной документации периода реформ Петра Великого не прослеживается. В условиях уничтожения старых административных структур в центре и на местах вопрос о подчиненности прежних тюрем и создании новых был обойден вниманием преобразователей. В связи с этим проблема содержания заключенных в России первой четверти XVIII в. представляется одной из ключевых как для более глубокого понимания правовой ситуации в стране, так и для определения положения социальной категории «колодники» в активно модернизирующемся обществе.

Степень исследованности данного вопроса неоднозначна. Характеризуя условия тюремного содержания в XVII–XVIII вв., историки и юристы обращались к реконструкции условий жизни наиболее видных представителей российской истории. Они описывали быт оказавшихся в опале «раскольников и церковников» (протопопа Аввакума), провинившихся бояр — Артамона Матвеева и Михаила Никитича Романова, представительниц видных боярских и дворянских родов (боярыни Феодосии Морозовой, княгини Натальи Долгоруковой) [Мещанинов, с. 9–12; Пругавин].

Лишь немногие ученые, в основном занимающиеся исследованием политического сыска в России XVIII в., останавливались на вопросах содержания подследственных и преступников и условий работы с ними [Есипов; Анисимов; Курукин, Никулина; Акельев]

Анализ имеющейся литературы позволяет говорить о том, что в большинстве исследований данная проблематика рассматривается с точки зрения институционального или историко-правового подходов, когда история тюрем показана в связи с развитием государственных учреждений или представляется как один из элементов системы наказания. На фоне подобных научных работ тем ценнее оказываются сочинения, посвященные истории тюрьмы и ссылки в связи с историей людей, где тюрьма и политическое заключение рассматриваются как явления социальные, имеющие свою особенную специфику, а обстановка, в которую попадает арестант, рассматривается как среда, способная определить его будущую жизнь.

Все вышесказанное определяет фокус и подходы нашего исследования. Так как основное внимание в статье сосредоточено на выяснении условий жизни «рядовых» заключенных и подследственных, собирательным названием для которых являлся термин «колодники», базовой методологией исследования стала методология истории повседневности. Взгляд через призму подхода истории повседневности позволил не только выявить основные особенности образа жизни и бытовых условий в местах содержания заключенных, но и определить отношение общества к арестантам, установить господствовавшие взгляды по вопросу о необходимости тюремного заключения в России периода раннего Нового времени [Пушкарева].

В центре внимания данной статьи — вопрос, как изменились содержание и быт заключенных в результате преобразований первой четверти XVIII в. Мы

сосредоточились на изучении организации тюремного быта в западных уездах Сибирской губернии. Это позволяет отойти от истории изучения тюрем и колодничьих Москвы и столичного Санкт-Петербурга, описания и реконструкции которых содержатся в трудах И. В. Курукина, Е. В. Акельева и других авторов [Курукин, Никулина, с. 131–138; Акельев, с. 18–32], и обратиться к выявлению региональной специфики данного социального явления.

В статье использован широкий круг источников разной видовой принадлежности, среди них — законодательные акты, документы делопроизводства и повествовательные источники, представленные сочинениями иностранцев (воспоминания и дневниковые записки о путешествиях по России). Каждый вид источников по-своему отражает различные аспекты организации жизни и быта колодников. Законодательные акты позволяют увидеть позицию государства по исследуемой проблеме. Документы канцелярского делопроизводства дают ценные сведения, необходимые для реконструкции реальной ситуации в местах заключения. Содержащаяся в них прямая и косвенная информация предоставляет сведения о тюремной обстановке, материальном обеспечении, количестве заключенных, строгости охраны, а также об отношении к тюрьмам и арестантам в административных структурах региона.

Нарративные источники использованы нами с целью выявления сведений, которые были известны о местах заключения в России иностранцам. Несмотря на высокую степень субъективности данных источников и фрагментарность содержащейся в них информации, нами была произведена выборка сочинений, которые дают более точные сведения о распространенности тюремного наказания, о жизни и быте заключенных.

В частности, наше внимание привлекли труд А. Олеария, который получил признание среди современников и историков как одно из наиболее точных описаний России 1630-х — середины 1640-х гг. [Ловягин, с. 3; Олеарий], и воспоминания о пребывании в России военнопленного Северной войны К. фон Роланда [Roland]. Его воспоминания содержат ценные сведения об организации и быте тюрем западных уездов России, которые позволяют сопоставить ситуацию в местах заключения на западных и восточных «окраинах» страны. Ряд исследователей сходятся во мнении, что мемуары шведского офицера обладают высокой степенью достоверности. Тем не менее, следует отметить, что характеристика тюремных сооружений могла быть несколько преувеличена, чтобы усугубить драматизм событий, участником которых являлся сам автор. Кроме того, воспоминания, написанные в 1740-е гг., могли быть искажены временем [Balzamo, Joukovskaïa-Lecerf, p. 612–613].

Таким образом, комплекс находящихся в нашем распоряжении источников позволяет произвести реконструкцию условий содержания заключенных с высокой степенью достоверности и выявить произошедшие в течение второй половины XVII — первой четверти XVIII в. изменения.

Для лучшего понимания ситуации с положением колодников следует рассмотреть, во-первых, эволюцию законодательства, посвященного вопросу

установления наказаний, во-вторых, изучить проблемы жизни и быта лиц, находившихся в заключении.

Можно согласиться с дореволюционными исследователями, считавшими, что основы организации и функционирования пенитенциарной системы России были заложены в середине XVII в. [Никитин, с. 1–6; Фойницкий, с. 315; Мещанинов, с. 9]. Как можно увидеть по законодательным актам первой половины — середины XVII столетия, тюремное заключение не являлось распространенной мерой наказания. Мимолетные упоминания о существовании практики тюремного заключения, встречающиеся в записках европейских путешественников и дипломатов, чаще всего связывают тюрьму с наказанием за долги. Указаний на то, что лишение свободы применялось в качестве кары за тяжкие преступления, нет. Описаний мест заключения в текстах также практически не имеется [Олеарий, с. 411, 433].

В Соборном Уложении 1649 г. слово «тюрьма» упоминается несколько раз. Термин используется для определения мест лишения свободы, где в течение определенного срока отбывают наказание за уже установленные правонарушения. Среди них — кражи и разбои, взяточничество, челобитье царю во время службы в храме, бесчестье или нанесение физического вреда человеку на государевом дворе и др. [Соборное Уложение 1649 г., с. 70–71, 76–77, 295]. Всего в Соборном Уложении можно насчитать до 40 случаев, когда тюремное заключение указывается в качестве самостоятельной меры наказания.

Кроме того, тюрьмами в источнике называются места содержания подследственных. Например, ст. 38 гл. XXI «О разбойных и татинных делах» предписывает содержать в тюрьме до передачи на поруки лиц, не признавших свою вину под пытками, обвиненных по «язычной молке» в разбое, татьбе и других тяжких преступлениях [Там же, с. 272]. Несмотря на то, что в большинстве случаев помещения для досудебного содержания подследственных никак не называются или не упоминаются вообще, можно сделать вывод, что в середине XVII в. не было установлено четких разграничений между местами для содержания заключенных и помещениями, использовавшимися для задержания до выяснения обстоятельств.

Нормы Соборного Уложения позволяют выявить позицию власти в отношении тюремных сидельцев. По ст. 9 гл. XXI «О разбойных и татинных делах» видно, что за свое противоправное поведение колодники не только лишались свободы, но и должны были отправляться «в кайдалах работать на всякие изделия». Устанавливалась необходимость строгого контроля над заключенными. Тюремные помещения следовало часто осматривать, чтобы «тюрьмы были крепки, и у тюремных сидельцов в тюрьмах ничего не было, чем им ис тюрьмы вырезатися» [Там же, с. 266–268, 286].

Жизнь бывших заключенных была предопределена. Так как осужденные за тяжкие преступления подвергались обязательной стигматизации (клеймение, вырезание ноздрей или ушей, отсечение пальцев), их перемещения можно было легко контролировать. По окончании отбывания наказания их предписывалось

отправлять на поселение в «украинные города» с письмом за «дьячей подписью» о том, что они выпущены из тюрьмы. Ст. 19 гл. XXI давала четкие инструкции местным администраторам об обращении с теми, «у которых уши резаны, а письма у них» нет. До выяснения всех обстоятельств освобождения и появления соответствующего указа из Москвы, их предписывалось «держатъ» в тюрьме [Соборное Уложение 1649 г., с. 266–268].

В Уложении были определены и первые источники финансирования строительства тюрем. Ст. 97 гл. XXI оговаривала возведение тюрем «на Москве» из средств Разбойного приказа. Формирование штата тюремных служителей — целовальников, подъячих, сторожей, палачей — происходило на выборных началах. Все тюремные служители получали жалование из денег, собиравшихся для содержания тюрем со всех категорий тяглового населения «по их договору» [Там же, с. 284–285].

Уже в середине XVII столетия встречаются жалобы на переполненность тюрем. Так, Н. С. Таганцев в качестве примера перенаселенности мест заключения приводит отрывок из Муромской губной грамоты 1637 г. Из него следует, что «воеводы в татинные и разбойные тюрьмы сажают всяких людей в исцовых исках, и в холопстве, и в крестьянстве, и оттого татым и разбойникам и оговоренным людям чинится теснота и голод и от тесноты и духу помирают» [Таганцев].

В 1663 г. переполненность тюрем Москвы и царящая в них антисанитария привели государственную власть к мысли о необходимости установить порядок захоронения колодников, умерших в них. Указ от 4 июня определял, что трупы нужно тотчас же передавать родственникам. В случае, если родных усопшего не находилось, деньги на его погребение требовалось получить из Разбойного приказа. Это законодательное установление было вызвано к жизни не только неудовлетворительной ситуацией в самих тюрьмах, но и необходимостью поддерживать порядок в самой столице, чтобы «на кресцы и на улицу мертвых из тюрьмы не возить» [ПСЗРИ, т. 1, с. 577–578].

Анализ законодательных актов последней трети XVII в. показывает, что государство стремилось контролировать количество арестантов, обращая особое внимание на рецидивистов и виновных в совершении тяжких преступлений. Так, «Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах» 1669 г. дополнили перечень лиц, которых следовало подвергнуть ссылке или тюремному заключению. Наблюдается более активное использование ссылки в качестве наказания за совершение тяжких преступлений. В частности, «на украину» отправляются за умышленное убийство. В Сибири оказываются воры, разбойники и фальшивомонетчики [ПСЗРИ, т. 1, с. 301–302, 421, 583; т. 2, с. 216, 286; т. 3, с. 112–113].

Кроме того, «Новоуказные статьи» 1669 г. предписывали освобождать из тюрем на поруки людей, попавших в заключение по искам, если «исцову правежу нет, и сидят они в тюрьмах лет по пять и больше». Для возмещения материального ущерба от преступления и прочих затрат «животы разбойничьи и татинные» передавались «в платеж» истцам. В тюрьме их долговременно

держатъ запрещается. Рецидивисты и прочие «воры» могли находиться в тюрьме не более месяца. В документе рефреном повторяется мысль о том, что все дела должны решаться как можно скорее [ПСЗРИ, т. 1, с. 777–800; т. 2, с. 513–514].

Для лучшего исполнения этих предписаний устанавливается система отчетности губных старост о находившихся в их распоряжении заключенных. «Старые тюремные сидельцы» поименно переписывались. В списках требовалось указывать, кто они, «какого чину», в каких преступлениях обвинялись, где были совершены эти правонарушения. Все «рописи» передавались в Разбойный приказ. Правда, такие отчеты перед центральными учреждениями пока не имели регулярного характера [Там же, с. 800].

Таким образом, власти обращали первоочередное внимание на численность и состав содержащихся в местах заключения колодников и подследственных, но не заботились об улучшении условий их содержания.

Проявление государственного интереса к обустройству тюрем и содержанию в них заключенных наблюдается лишь в первые годы самостоятельного правления Петра Алексеевича. Возможно, первые мероприятия в этой области были связаны с частыми жалобами местной администрации на плачевное состояние тюремных острогов. В 1687 г. был издан указ о создании «комиссии» из подьячих Сыскного приказа для осмотра мест заключения. Каждый подьячий должен был при свидетелях составить отчет о состоянии тюремных помещений, оценить необходимые на ремонт затраты [Там же, с. 908].

Переполненность тюрем центральной России, наблюдавшаяся как из-за роста преступности вследствие Северной войны 1700–1721 гг., так и в результате сосредоточения в тюрьмах большого числа военнопленных шведской армии, потребовала от государства решения вопроса об организации новых мест заключения. Еще одной причиной реконфигурации тюремной системы стало начало проведения модернизационных преобразований конца XVII в. Для реализации социально-экономических реформ требовалась дешевая рабочая сила. Новые тюремные остроги появляются как в Центральной России и Сибири, так и в других малоосвоенных регионах.

В январе 1696 г., например, было принято решение об отправке в Верхотурье заключенных, сидящих в Вологде, а также всех ссыльных из Москвы «из розных приказов». В данной верхотурскому воеводе грамоте содержалось повеление о создании мест для содержания вновь прибывших: «построить двор со стоячим тыном и поставить в нем сколько изб пристойно» [ПСЗРИ, т. 3, с. 218–219]. С 1699 г. начинается высылка колодников и каторжан в Азов, где они трудились под контролем Адмиралтейств-коллегии [ПСЗРИ, т. 3, с. 636; т. 4, с. 210, 217, 228]. С 1705 г. организуется их переброска на строительство Санкт-Петербурга [ПСЗРИ, т. 4, с. 289].

В целом внимание к вопросам наказания и размещения заключенных оставалось незначительным, что хорошо заметно при анализе нормативных правовых актов. Лишение свободы как «общественная мера» в годы правления Петра Великого устанавливается лишь во второй половине его царствования:

в Артикуле воинском 1715 г. и Регламенте Главному магистрату 1721 г. [Филиппов, с. 357, 394].

Одним из немногих мероприятий Сената, направленных на улучшение содержания колодников, стал указ от 1717 г., предписывавший менять солому для их подстилок [Никитин, с. 6]. В целом власти мало занимались обустройством тюремных помещений и вопросами финансирования содержания арестантов.

Каким образом выглядели тюрьмы этого периода? Как отмечает Е. В. Анисимов, основная масса тюрем в России XVIII в. представляла собой остроги, которые находились в эксплуатации с XVII столетия [Анисимов, с. 589].

В воспоминаниях офицера шведской армии Карла фон Роланда тюрьма Галича — города, где он провел какое-то время в качестве военнопленного, — описывается как часть замка воеводы, который был окружен высоким тыном из деревьев, предназначавшихся более для производства мачт, и рвом с водой. Вход в помещения, где содержались арестанты, был очень низким и узким, так что в него приходилось влезать ползком, на входной двери висел большой замок. Тюрьма имела подвальные помещения, где также содержались колодники, находившиеся в духоте и практически полной темноте [Roland, p. 642–643].

В отличие от шведского военнопленного, отечественные историки дают хотя и похожие, но более сдержанные реконструкции российских мест заключения. Например, Г. В. Есипов описывает тюрьму 1710-х гг. следующим образом. «Содержание колодников в то время было очень простое, незатейливое. Возле приказной избы или в другой части города построены были избы одноэтажные, большею частию из двух светлиц, разделенных сенями. Тюремный двор обведен был высоким частоколом, что и называлось “острогом”. Избы стояли окнами на улицу или на площадь, и приходящие могли легко разговаривать с колодниками сквозь железные решетки, прибитые к окнам. Сторож тюремный сидел в шалаше, при тюремном дворе, а солдаты караульные были только при государственных преступниках и дежурили в сенях, а чаще всего в самой избе с колодником» [Есипов, с. 574].

Схожее описание тюрьмы можно найти в делопроизводственных источниках Урало-Сибирского региона. Например, тюрьма при Кунгурской канцелярии судебных дел начала 1720-х гг. представляла собой избу, находившуюся недалеко от других административных зданий. Она была обнесена «тыном», на «вольной стороне» которого находился «чулан» тюремных сторожей. Тюремная изба не имела никаких удобств, поэтому заключенные поочередно справляли «нужду телесную» во дворе. Ночью им это делать запрещалось, так как тюрьма запиралась. На засовы и ключ закрывались не только двери тюремной избы, но и ворота «тына». В ночное время при заключенных могло находиться всего два сторожа, один из которых следил за колодниками, ночуя с ними в избе, а другой осуществлял надзор за тюремной оградой [РГАДА, ф. 941, оп. 1, д. 5, л. 1–2 об.].

В целом, как и в XVII в., тюрьмы были разнообразны: каменные, земляные, деревянные срубы с тыном. Они устраивались при государственных учреждениях, в монастырях и иных местах, в том числе и в частных жилищах [Фойницкий,

с. 315; Мещанинов, с. 9–14; Сергеевский, с. 179]. Степень строгости содержания «арестантов» зависела, с одной стороны, от ранга учреждения, при котором находилась тюрьма, с другой — от административно-территориального статуса населенного пункта, в котором она была расположена. Отсутствие в первой четверти XVIII в. четко проработанных законодателями тюремных нормативов требует обратиться к широкому кругу источников для реконструкции мест содержания заключенных.

В документальных источниках данного периода различается содержание в тюрьме и пребывание «под арестом» [РГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 158, л. 15–15 об.]. По мнению некоторых дореволюционных ученых, это разделение сохраняется с предыдущего столетия, когда существовала разница между тюрьмами для уголовников и местами для содержания подсудимых и ответчиков по исковым челобитьям, которую, как можно было заметить, законодательные акты XVII в. увидеть не дают [Сергеевский, с. 189–191].

Как и в XVII в., распределение по тюремным избам по роду дел часто не соблюдалось. Это видно по описи тюремных сидельцев Кунгурской судебной канцелярии. Наряду с мелкими и крупными ворами, конокрадами и фальшивомонетчиками, чья вина была доказана, в одной избе содержались беглые солдаты и несостоятельные должники, попавшие в заключение по исковым челобитным. Кроме того, в апреле 1722 г. в Кунгурской судебной канцелярии находились сознавшиеся в своих винах арестанты. Среди них были и мужчины, и женщины. По всей видимости, различия между мужской и женской половинами арестантской здесь не существовало [РГАДА, ф. 941, оп. 1, д. 5, л. 5–9].

То же можно увидеть и на примере тюрьмы Тюменского дистрикта, где вместе с ворами и убийцами сидели беглые татары и крестьяне. В ряде случаев разделения преступников по видам правонарушений не было. Иногда часто используемые в источниках выражения «держан в тюрьме» и «держан под караулом» можно приравнять по своему значению [ГАТО, ф. И-181, оп. 1, д. 12, л. 5, 6 об.–7; РГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 158, л. 152, 160 об.–161].

Пожалуй, единственным отличием между сидельцами являлась степень строгости их содержания. Наиболее опасные правонарушители чаще всего заковывались в железные кандалы или деревянные колодки. В случае большого скопления арестантов с целью предотвращения побега их могли сковать по двое, как это было, например, в тюремном замке воеводы Галича в годы Северной войны [Roland, p. 643]. Нормой содержания особо опасных правонарушителей являлось вырывание ноздрей, что предотвращало возможность их побега [ПСЗРИ, т. 7, с. 204].

Караульщики несли личную ответственность за охраняемых [ГАТО, ф. И-181, оп. 1, д. 2, л. 7 об.]. При смене караула колодники передавались «с рук на руки», их «железа» и «кандалы» подвергались тщательному осмотру. Так было в тюрьме Тюмени, которая располагалась в «башнях» — «караульнях» Тюменского острога. В делопроизводстве Тюменской судебной канцелярии мы можем найти названия двух таких башен: Спасская и Егорьевская [Там же, д. 12, л. 5].

Тюрьмы Тюмени находились под присмотром канцелярии воеводского правления. Задание по охране мест заключения служилые люди города получали от воеводы. Глава судебной канцелярии или ее старший подьячий давал начальнику караула особые указания относительно содержания заключенных, попавших сюда из Тюменской судебной канцелярии. Штат охранников в ночное и дневное время состоял из двух караульных (на две башни) и их начальника. Таким образом, несмотря на подчиненность караульчиков воеводе, существовало разделение между колодниками и арестантами судебной и воеводской канцелярий. Чтобы заполучить из-под ареста необходимых лиц, воеводе следовало потребовать их промеморией в судебную канцелярию [ГАТО, ф. И-181, оп. 1, д. 16, л. 10–10 об.].

Кроме специально подготовленных для размещения тюрьмы изб время от времени практиковалось досудебное задержание в домах представителей мирского самоуправления. Описание случаев таких задержаний, датируемых 1725 г., содержится в документах административно-судебных учреждений Каменского уезда [ГАСО, ф. 42, оп. 1, д. 9, л. 679]. Ввиду отсутствия на Каменских заводах судей осуществлением суда и следствия занималась земская контора.

Помимо функции заключения преступников и содержания обвиняемых на период досудебного следствия тюремные остроги Урала и Сибири регулярно использовались для содержания колодников, направлявшихся к следователям в Москву или ехавших в ссылку в самые восточные регионы России. В данном случае они выполняли функции пересылочных тюрем. Кроме того, в 1720-е гг. были часты ситуации, когда колодники передавались из одного ведомства в другое [ГАСО, ф. 24, оп. 2, д. 114, л. 34; д. 101, л. 18 об., л. 456 об.; РГАДА, ф. 282, оп. 1, ч. VI, кн. 21656, л. 388 об.; кн. 21645, л. 8–13; ф. 1015, оп. 1, л. 128 об.].

В связи с транзитным характером территории в местах заключения Урала время от времени наблюдались скученность и «перенаселенность». Так, в 1725–1726 гг. при Екатеринбургской судебной канцелярии содержалось «многое число колодников», которые, как отмечалось в доношении в надворный суд, сидели «без решения в разных делах, в том числе иные есть в смертных убийствах и в деле воровских денег, к которым требуются в караул солдат множество, от чего солдаты весьма караулом отягчены, и опасно, чтоб колодники разбив тюрьмы не разбежались или весьма какой причины не учинили» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 61, л. 186].

Вопрос о содержании колодников был очень серьезным. В надворные и нижние суды периодически поступали распоряжения из Юстиц-коллегии о «недержании колодников без решения долговременно» [РГАДА, ф. 282, оп. 1, ч. VI, кн. 21656, л. 402; ГАСО, ф. 24, оп. 2, д. 114, л. 34]. Маленькие избы были неудачным местом для размещения заключенных, иногда помещения даже не имели небольшого отделения для охранников. Избы было невозможно проветрить, процветала антисанитария. Несмотря на это, власти неоднократно предписывали «крепкому караулу» бдеть и не давать колодникам никакой «воли», «чтоб колодники даже вытти не могли» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 5, л. 114].

Не случайно Юстиц-коллегия часто получала доношения от фискалов, касавшиеся вопроса содержания заключенных. Так, в 1721 г. в коллегии неоднократно писал вятский обер-фискал Кикин, который обвинял вятского городского судью И. Телепнева в том, что он «задерживает колодников года на два и больше», и «от той задержки помирает немалое число» [РГАДА, ф. 282, оп. 1, ч. VI, кн. 21622, л. 15 об.]. Кикин обращал особое внимание на духоту в колодничьей избе.

Воспоминания К. фон Роланда также подтверждают царившую в местах заключения антисанитарию. Находясь под следствием, шведский военнопленный был вынужден провести несколько дней в воеводской избе без каких-либо удобств, а после перевода в места содержания русских арестантов начал жестоко страдать от «паразитов» (вшей) [Roland, p. 633].

Многие арестанты умирали, так и не дождавшись вынесения приговора. Так, в начале 1724 г. в колодничьей Сибирского обербергамта содержалось 14 больных. Из них семеро страдали от болезней ног, двое были «больны руками», четверо недомогали от головных болей, двое — «нутром», один «весь распух», один болел «французской болезнью» и один находился при смерти. Врачебной помощи им оказано не было [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 39, л. 394].

В начале XVIII в. многие заключенные продолжали кормиться за счет мирского подаяния. Это подтверждают указы, разрешающие отпускать колодников, скованных по двое или трое, для сбора милостыни.

Как и в XVII столетии, организация питания и снабжение всем необходимым подследственных ложились грузом на плечи истцов или родных ответчика [Сергеевский, с. 196–197; Мещанинов, с. 10; Фойницкий, с. 316]. В частности, указ от 12 декабря 1720 г. предписывал истцам выплачивать на содержание ответчиков по делу, находившихся в Москве по 1 копейке в день, а в Санкт-Петербурге — по 2 копейки [ПСЗРИ, т. 6, с. 781, 772–773]. Повеления, содержащиеся в указе, фактически касались всей территории государства. Существующие документальные свидетельства также показывают, что родственники могли посетить арестантов в местах заключения [ГАСО, ф. 42, оп. 1, д. 2, л. 6 об.].

В случае отсутствия «кормильцев» из числа родных и близких, в их качестве могли выступать другие люди. Так, одним из немногих каналов с внешним миром и источником пропитания К. фон Роланда были его «слуги», которые также на какое-то время оказались под арестом. В отсутствие возможностей связаться с родными и близкими арестантов-военнопленных спасали только деньги, которые они периодически передавали в обмен на еду своим охранникам [Roland, p. 633, 642].

Некоторых колодников отпускали в сопровождении охраны на «обед». Например, осенью 1726 г. тюменский «вор и смертной убийца» новокрещеный татарин Роман Достафеев обедал «за Тюменкой речкой» «неведомо у кого и в какой слободе». Его препровождал тюремный охранник [ГАТО, ф. И-181, оп. 1, д. 12, л. 6–6 об.].

Заключенные, высланные из центральных регионов России и находившиеся в работе при заводах и иных предприятиях, получали скудное пропитание

от заводской администрации [ПСЗРИ, т. 5, с. 669–670]. Сумма денежных отчислений, направлявшаяся для этих целей, была определена лишь в 1722 г., когда государство установило минимальный норматив — 4 деньги в день.

Скованных в железо колодников часто использовали в работах на уральских железоделательных заводах. Их работа была оценена В. Н. Татищевым 1 копейкой в день [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 70, л. 171 об.]. Таким образом, арестанты сами зарабатывали средства для тюремного содержания и имели возможность выйти из душного помещения. Порой они так и не дожидались заслуженного «провианта», так как его присваивали должностные лица, распорядившись распределением съестных припасов. Так, в октябре 1724 г. колодники подали в Сибирский обер-бергamt жалобу на дьякона Кирилла Пономарева в том, что он брал провиант за колодников, не отдавая его арестантам [Там же, д. 24, л. 123]. Многие колодники, содержащиеся в местах, где каторжных работ не предполагалось, не могли найти пропитания даже таким способом. Они голодали [ГАТО, ф. И-47, оп. 1, д. 1988, л. 1].

Как уже было отмечено выше, выполнение разнообразных работ являлось одним из немногих способов вырваться из колодничьей, которым заключенные пользовались для совершения побега. Другими возможностями были выход «по нужде» и поход в баню, несогласованные действия караула на посту и отпуск «на промыслы» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 94, л. 34–34 об.; ГАТО, ф. И-47, оп. 1, д. 1650, л. 21; ф. И-181, оп. 1, д. 2, л. 32; д. 9, л. 13 об.; д. 12, л. 4–4 об.; РГАДА, ф. 941, оп. 1, д. 5, л. 1–5 об.].

Одной из основных причин побегов и «отпусков» колодников из-под стражи являлись низкий уровень финансирования и отсутствие оплаты труда работников судебных канцелярий, которые, поступив на службу, могли не получать жалование годами. Например, присланный Тобольским надворным судом в судебную канцелярию Екатеринбурга отставной солдат Андрей Ларионов не имел стабильного источника доходов, так как ему не было установлено определенного «денежного и хлебного кормового жалования», и он «служил из доходов» этого учреждения [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 94, л. 374].

Многие «караульщики» не имели оружия, а «тюремные избы» подчас даже не запирались соответствующим образом. Первое упоминание об одном из крупнейших побегов (11 человек) содержится в фонде «Тобольского надворного суда» и датируется 17 апреля 1722 г. Бежали колодники Кунгурской судебной канцелярии, воспользовавшись в первую очередь тем, что охрана избы на тот момент была малочисленна (всего 2 человека) и не вооружена. Не менее часто встречаются сообщения о побегах колодников и тюремных сидельцев и в других дистриктах: Уктусском и Тюменском [РГАДА, ф. 941, оп. 1, д. 5, л. 1–5 об.; ГАТО, ф. И-181, оп. 1, д. 2, л. 7 об.; д. 9, л. 13 об.; д. 12, л. 4].

Единственным мотивом, чтобы хорошо охранять, было наказание за недосмотр. О наградах и денежных поощрениях никогда не упоминалось. В апреле 1722 г. был издан сенатский указ о наказании за побег из тюрем не только

тюремных сторожей, но и подьячих, занимавшихся судебной-следственной документацией сбежавших [ГАШ, ф. И-224, оп. 1, д. 38, л. 25 об.].

Безусловно, положение заключенных вызывало жалость даже у их надзирателей. В большинстве случаев им делались поблажки. Несмотря на то, что ряд ученых — исследователей истории тюрем XVII–XVIII вв. отмечает, что колодники содержались в строгости, а тюремные избы не отапливались [Мещанинов, с. 11–12], документы, отложившиеся в результате деятельности административно-судебных органов Урала и Сибири, свидетельствуют об обратном. В частности, источники административно-судебных органов Урала и Сибири содержат информацию, что в тюремном дворе Кунгура были размещены поленицы. В первой четверти XVIII в. арестантов даже отпускали в баню [ГАТО, ф. И-47, оп. 1, д. 1650, л. 21].

Таким образом, положение тех, кто попадал в тюрьмы и колодничьи избы, было неудовлетворительным. Для того чтобы выжить, колодникам требовалось быть людьми состоятельными. Только так они могли получить минимум благ, необходимых для жизни. Способов выхода из сложившейся неблагоприятной ситуации было немного: побег, написание челобитных с просьбами выпустить ввиду окончания или продолжительности дела, передача на поруки свидетелей и ответчиков, сидевших по бездоказательным обвинениям [Там же, л. 46].

Среди архивных документов часто встречаются челобитные и поручные записи, благодаря которым многие ответчики, участвовавшие в тяжбах по гражданским искам или проходившие свидетелями по уголовным делам, освобождались из-под ареста [ГАТО, ф. И-47, оп. 1, д. 1649, л. 23–28; д. 1652, л. 2; ф. И-167, оп. 1, д. 3, л. 3; ф. И-181, оп. 1, д. 2, л. 4]. Необходимым условием освобождения являлось обязательство не выезжать из населенного пункта до окончания следствия. Сами судьи стремились отпустить ответчиков и свидетелей «на поруки», чтобы не множить количество заключенных в подведомственных им канцеляриях, колодничьих и тюрьмах.

Можно заметить, что представители власти были порой снисходительны даже к тем преступникам, чья вина была доказана. Несмотря на все попытки государства рационально использовать труд арестантов, все эти начинания наталкивались на ряд препятствий. Они в первую очередь были обусловлены практически полным отсутствием и непоследовательностью политики государства по отношению к организации и содержанию тюрем. Как было показано выше, возможности содержания тюремных острогов Урало-Сибирского региона были ограничены. Это можно заметить даже по местам заключения при воеводских канцеляриях. Каторжные, находившиеся при уральских заводах, находились в особенно стесненном положении, так как их число постоянно росло, а размер площади на одного человека в тюрьме не увеличивался. Порой число колодников в несколько раз превышало количество людей, надзиравших за ними.

Все это привело в конечном итоге к формированию взгляда на заключенных как на мучеников. Тюрьма представлялась «юдолюю плача и страдания» [Мещанинов, с. 14]. Арестантам было принято подавать милостыню, а к концу

XVIII — началу XIX в. становится популярной меценатская помощь тюрьмам [Гармс, с. 16].

Активно шедшие в России конца XVII — начала XVIII в. модернизационные процессы не затронули тюремной сферы. Взгляд на нее оставался сугубо традиционным до рубежа XVIII–XIX вв., когда в годы правления Екатерины II появляются проекты тюремной реформы, а при ее внуке Александре I проводится первая реформа пенитенциарной системы страны. Тюремное заключение еще долго не воспринималось как самостоятельный вид наказания.

Акельев Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М. : Молодая гвардия, 2012.

Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М. : Новое лит. обозрение, 1999.

Гармс О. О. Пенитенциарная система Томской губернии (1804–1861 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2008.

ГАСО. Ф. 24. Уральское горное правление. Оп. 1. Д. 5, 24, 39, 61, 70, 94; Оп. 2. Д. 101, 114; Ф. 42. Каменская земская контора. Оп. 1. Д. 2, 9.

ГАТО. Ф. И-47. Тюменская воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 1649, 1650, 1652, 1988; Ф. И-167. Тюменская губернская рагуша. Оп. 1. Д. 3; Ф. И-181. Тюменская судебная канцелярия. Оп. 1. Д. 2, 9, 12, 16.

ГАШ. Ф. И-224. Далматов монастырь. Оп. 1. Д. 38.

Еситов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии : в 2 т. Т. 1 : Дело 1713–1714 гг. СПб. : Тип. Кожанчикова, 1861.

Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М. : Молодая гвардия, 2008.

Ловягин А. М. Введение // Олеарий А. Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск : Русич, 2003. С. 3–19.

Мещанинов И. В. Из истории русской тюрьмы. Лекция, прочитанная 25 марта 1905 г. сенатором И. В. Мещаниновым посетителям Санкт-Петербургского комитета для оказания содействия молодым людям в достижении нравственного и физического развития (Маяк). СПб. : Типолит. С.-Петерб. тюрьмы, 1905.

Никитин В. Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времен возникновения русской тюрьмы до наших дней. 1560–1880 г. СПб. : Тип. Г. Шпарварт, 1880.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев / под ред. О. Ю. Ивановой. Смоленск : Русич, 2003. С. 257–487.

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 1 : в 45 т. СПб. : Тип. II Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 1–7.

Пругавин А. С. В казематах. Очерки и материалы по истории русских тюрем. Шлиссельбург, Суздальская тюрьма, Петропавловская крепость. СПб. : Тип. Первой С.-Петерб. трудовой артели, 1909.

Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Женская повседневность в России XVIII–XX вв. : материалы междунар. науч. конф. 25 сентября 2003 года. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2003. С. 3–11.

РГАДА. Ф. 248. Сенат и его учреждения. Оп. 4. Кн. 158; Ф. 282. Юстиц-коллегия. Оп. 1. Ч. VI. Кн. 21622, 21645, 21656; Ф. 941. Тобольский надворный суд. Оп. 1. Д. 5; Ф. 1015. Кунгурские административные и судебные учреждения. Оп. 1.

Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб. : Изд. кн. магазина А. Ф. Цинзерлинга, 1887.

Соборное уложение 1649 года / под ред. М. Н. Тихомирова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961.

Таганцев Н. С. Курс уголовного права. СПб., 1902 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.google.com/document/pub?id=1iСК46BI8KMVg1BULK0хоНТМg-ABtlxSkLaSbPw6qtbU> (дата обращения: 16.02.2016).

Филитов А. Н. О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой. М. : Университетская тип., 1891.

Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб. : Тип. М-ва путей сообщения, 1889.

Balzamo E., Joukovskaïa-Leserf A. Avant-propos // Cahiers du Monde russe. 2006. 47/3. P. 611–613.

Roland C. von. Souvenirs de captivité en Russie // Cahiers du Monde russe. 2006. 47/3. P. 615–658.

Статья поступила в редакцию 19.02.2016 г.

Бородина Елена Васильевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора социальной истории
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16
E-mail: sosnovi-bor@yandex.ru

Borodina, Elena Vasilyevna

PhD (History), Senior Research Fellow
Department of Social History
Institute of History and Archaeology, RAS
(Ural Branch)
16, S. Kovalevskaya Str.,
620990 Yekaterinburg, Russia
E-mail: sosnovi-bor@yandex.ru

**CONDITIONS OF CONFINEMENT OF RUSSIAN PRISONERS
BETWEEN THE 2ND HALF OF THE 17TH – 1ST QUARTER
OF THE 18TH CENTURIES
(With Reference to Ural and Western Siberian Prisons)**

The article considers the little studied issue of Russia's penitentiary system development in the 1st quarter of the 18th century. Referring to a variety of sources, such as laws, documentary sources and memoirs of foreigners who visited Russia between the mid-17th – 1st quarter of the 18th century, the author reconstructs the living conditions of prisoners in order to determine the scale of influence of Peter the Great's reforms on the main principles of prison organization and the prisoners' confinement conditions. A comparative and historical analysis helps establish the frequency of imprisonment as a punishment during the period in question, and refers to the differences there existed in the confinement of convicts in the second half of the 17th and the 1st third of the 18th century. The study of primary sources and assessments of prisons contained in the historical books has shown no drastic changes in incarceration conditions during Petrine transformations. As in the previous century, the main contradiction in the life of prisons was the lack of the government's attention to the problem of funding and a tendency to dictate strict requirements to the guarding of convicts. Nevertheless, unlike in the 17th century, prisoners had more opportunities to earn their living as their labour was used in factories and they did other hard work.

Keywords: Russian Empire; reforms of Peter the Great; penitentiary system; tribunal system; history of Urals; history of Siberia; social history; history of everyday life.

Akel'ev, Ye. V. (2012). *Povsednevnaia zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina* [Everyday Life of the Moscow Thieves' World in the Time of Vanka Cain]. Moscow: Molodaja gvardija. (In Russian)

Anisimov, Ye. V. (1999). *Politicheskij sysk i ruskoje obschestvo v XVIII v.* [Political Police and Russian Society in the 18th Century]. Moscow: Novoje literaturnoje obozrenije. (In Russian)

Balzamo, E., & Joukovskaia-Leserf, A. (2006). Avant-propos [Preface]. *Cahiers du Monde russe*, 47/3, 611–613. (In French)

Garms, O. O. (2008). *Penitentsiarnaja Sistema Tomskoj gubernii (1804–1861 gg.)* [The Penitentiary System of Tomsk Governorate (1804–1861)] (doctoral dissertation abstract). Barnaul. (In Russian)

Jesipov, G. V. (1861). *Raskolnich'i dela XVIII stoletija. Izvlechenija iz del Preobrazhenskogo prikaza i Tajnoj rozysknyh del kantseljarii. Vol. 1. Delo 1713–1714 gg.* [Schismatic Cases of the 18th Century. Excerpts of Cases of the Preobrazhensky Prikaz and Secret Chancellery. Vol. 1. Case of 1713–1714]. Saint Petersburg: Tipografija Kozhanchikova. (In Russian)

Kurukin, I. V., & Nikulina, E. A. (2008). *Povsednevnaia zhizn' Tajnoj kantseljarii* [The Everyday Life of the Secret Chancellery]. Moscow: Molodaja gvardija. (In Russian)

Lovjagin, A. M. (2003). Vvedeniye [Introduction]. In A. Olearij. *Opisanije puteshestvija v Moskoviju* (pp. 3–19). Smolensk: Rusich. (In Russian)

Meschaninov, I. V. (1905). *Iz istorii ruskoj tjurny. Lekcija, pročitannaja 25 marta 1905 g. senatorom I. V. Meschaninovym posetiteljam Sankt-Peterburgskogo komiteta dlja okazanija sodejstvija molodym ljudjam v dostizhenii npravstvennogo i fizicheskogo razvitija (Majak)* [From the History of Russian Prison. Lecture Delivered on March 25, 1905 by I. V. Meschaninov to the Visitors of Saint Petersburg Committee to Assist Young People Achieving Moral and Physical Development (Lighthouse)]. Saint Petersburg: Tipolitografija Sankt-Peterburgskoj tjurny. (In Russian)

Nikitin, V. N. (1880). *Tjurma i ssylka. Istoricheskoe, zakonodatelnoje, administrativnoje i bytovoe polozhenije zakljuchennyh, peresylnyh, ih detej i osvobodzhdennyh iz-pod strazhi so vremen vozniknovenija ruskoj tjurni do nashih dnei. 1560–1880 g.* [Prison and Exile. Historical, Legislative, Administrative, and Domestic State of Prisoners, Exiles, Their Children and Released from the Times of Emergency of Russian Prison to Date]. Saint Petersburg: Tipografija G. Shparvart. (In Russian)

Oljearij, A. (2003). *Opisanije puteshestvija v Moskoviju* [A Description of a Journey to Muscovy] In O. Ju. Ivanova (Ed.), *Rossija XVII veka. Vospominanija inostrantsev* (pp. 257–487). Smolensk: Rusich. (In Russian)

Philippov, A. N. (1891). *O nakazanii po zakonodatel'stvu Petra Vjelikogo v svjazi s reformoju* [About Punishment in Accordance with Peter the Great's Legislation in connection with the Reform]. Moscow: Universitetskaja tipografija. (In Russian)

Phojnitskij, I. Ya. (1899). *Uchenije o nakazaniyah v svjazi s tjurmovedenijem* [The Doctrine of Punishment in Connection with Prison Studies]. Saint Petersburg: Tipografija ministerstva putej soobschenija. (In Russian)

Prugavin, A. S. (1909). *V kazematah. Oчерki i materialy po istorii russkih tjurem. Shlissel'burg, Suzdalskaja tjurma, Petropavlovskaja krepost'* [In Fortress Prison Cells. Essays and Materials on the History of Russian Prisons. Schlisselburg, Suzdal Prison, Peter and Paul Fortress]. Saint Petersburg: Tipografija Pervoj Sankt-Peterburgskoj trudovoj arteli. (In Russian)

Pushkarjeva, N. L. (2003). *Predmet i metody izuchenija "istorii povsednevnosti"* [The Subject and Methods of Everyday History]. In P. P. Scherbinin, *Zhenskaja povsednevnost' v Rossii XVIII–XIX vekov: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii 25 sentjabrja 2003 goda* (pp. 3–11). Tambov: Izd-vo Tambovskogo universiteta. (In Russian)

Roland, C. von (2006). *Souvenirs de captivité en Russie* [Recollections of Captivity in Russia]. *Cahiers du Monde russe*, 47/3, 615–658. (In French)

Sergeevskij, N. D. (1887). *Nakazanije v russkom prave XVIII veka* [Punishment in the Russian Law of the 18th Century]. Saint Petersburg: Izdanije knizhnogo magazina A. F. Tsinzerlinga. (In Russian)

Speranskij, M. M. (Ed.) (1830). *Polnoje sobranije zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda* [Complete Laws of the Russian Empire since 1649] (Vols. 1–45). Saint Petersburg: Tipografija II Otdelenija Sobstvennoj Evo Imperatorskogo Velichestva Kantseljarii. (In Russian)

Tagantsev, N. S. (1902). *Kurs ugolovnogogo prava* [A Course in Criminal Law]. Retrieved from <https://docs.google.com/document/pub?id=1iCK46BI8KMOVg1BULK0xoHTMg-ABtlxSkLaSbPw6qtbU>. (In Russian)

Tikhomirov, M. N. (Ed.). (1961). *Sobornoje ulozhenije 1649 goda* [The Law Code of 1649]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian)

Received 19 February 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.056
УДК 279.99 + 271.22 + 94(470.56) +
+ 355.233.232

Т. С. Романюк
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

НАЧАЛО РАСПРОСТРАНЕНИЯ СТАРОВЕРИЯ СРЕДИ ЯИЦКОГО КАЗАЧЕСТВА*

В статье рассматривается начало процесса распространения староверия на территории Яицкого казачьего войска. Отдельное внимание уделено зарождению Яицкого войска, так как историография данного вопроса непосредственно повлияла на складывание гипотезы о «занесении» старообрядчества на Яик с Дона. На основе широкого круга источников была подтверждена первоначальная дата (предложенная А. Б. Карповым) и путь проникновения первых проповедников староверия на Яик, что ставит под сомнение тезис о непосредственном влиянии Донского войска на данный процесс на Яике, а также позволяет отнести территорию проживания казаков на Южном Урале к одному из ранних старообрядческих центров. На основе сравнения обоих войск рассмотрены причины неучастия яицких казаков в волнениях на Дону в 1688–1689 гг. Расположение Яицкого казачьего войска на окраинах государства, характер отношений со светскими и церковными властями во многом повлияли на формирование специфических черт староверия в данном регионе. В отличие от Донского войска, здесь беглые священники были приняты в местные храмы. Тем самым было положено начало практике служения в православных церквях по старым книгам и обрядам, просуществовавшей более чем полтора века.

Ключевые слова: Яицкое казачье войско; Донское казачье войско; старообрядчество; беглопоповцы; казаки; Казанская епархия; Русская православная церковь.

Развернувшиеся после церковной реформы Никона гонения на последователей старой веры привели к увеличению числа беглых из центральных районов страны на окраины государства и за его пределы. Начиная с 70-х гг. XVII в. в нижегородских, черниговских, донских, поморских и польских землях появляются первые беглопоповские и беспоповские центры [Смирнов, с. 93; Юхименко, т. 1, с. 7]. Что касается территории Яицкого войска, в историографии не сложилось единого мнения по вопросу о времени начала распространения здесь староверия. Как правило, исследователи относили этот процесс к широкому хронологическому периоду — второй половине XVII или

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

© Романюк Т. С., 2016

началу XVIII в.¹ [см.: Витевский, 1877, с. 4–5; Черемшанский, с. 119; Махрова, 2001, с. 106; Ягудина, с. 115]. Впервые попытка более точной датировки была предпринята В. Г. Дружининым. По его мнению, яицкие казаки находились в подчинении Донского войска, с территории которого в 1680-е гг. на Яик и было занесено староверие [Дружинин, с. 34]. С этой точкой зрения нельзя согласиться. Не только тезис о зависимом положении яицких казаков от донских является бесосновательным [см.: Дариенко, 1966а, с. 24], но и источники, на которые ссылается автор, не подтверждают сделанные им выводы [см.: Дружинин, с. 34; ДАИ, т. 12, с. 122–283]. Вероятно, на концепцию В. Г. Дружинина повлияла теория, согласно которой Яицкое войско сформировалось на основе переселившихся сюда в 1520-е гг. отрядов донских казаков. Впервые высказанная П. И. Рычковым, она была воспринята последующими исследователями и с некоторыми оговорками переходила из работы в работу [Рычков, ч. 2, с. 60–70, 79; Левшин, с. 7–11; Пушкин, с. 107–108; Витевский, 1879, с. 282; 1897, т. 2, с. 220; Чернавский, 1899, с. 9; 1900, т. 2, с. 32, 157; Соколов, с. 135; Потто, т. 1, с. 31].

Во второй половине XIX в. появилась гипотеза о том, что родоначальниками Яицкого войска стали волжские казаки. Среди ее сторонников были А. Д. Рябинин, Н. А. Бородин и Ф. М. Стариков [Рябинин, ч. 1, с. 4; Бородин, т. 1, с. 1; Стариков, с. 12–13; см. также: Абаза, с. 166; Казачьи войска, с. 6]. Наиболее подробно данный вопрос изучил А. Б. Карпов [Карпов, с. 35–54]. Несмотря на популярный характер его работы, многие из сделанных автором выводов являлись результатом серьезного анализа источников и по сей день сохраняют большую научную значимость. А. Б. Карпов считал, что первое войско на Южном Урале сложилось на основе отрядов Василия Гугни и Матвея Мещеряка, прибывших на Яик в 1520–1550-е гг. и в 1584–1586 гг. соответственно. Последний основал поселение на о. Кош-Яик в устье р. Илек². Заметим, что если прибытие второго отряда является установленным фактом, то сведения о В. Гугне носят легендарный характер. Уточнил время появления на Яике казаков, положивших начало формированию войска, современный историк Э. Л. Дубман. Согласно ему, возвратившийся из Сибири в 1585 г. отряд во главе с ермаковским атаманом Матвеем Мещеряком соединился с казаками Богдана Барбоши. В 1586 г. они основали городок на о. Кош-Яик [Дубман, с. 38, 52]. Эта теория получила развитие в работах А. Т. Шашкова и Н. А. Мининкова [Шашков, 2001, с. 38, 50 (сноска); 2007, с. 94; Мининков, с. 57]. Несмотря на ее справедливость, большинство современных исследователей продолжают придерживаться ошибочной концепции П. И. Рычкова [см.: Дариенко, 1966б,

¹ Не вполне ясна точка зрения Е. С. Данилко. В работах разных лет она датирует начало распространения староверия на Южном Урале концом XVII в. — 40-ми гг. XVIII в., концом XVII — началом XVIII в., либо временем, последовавшим за разгромом Керженских скитов в 1722 г. [Данилко, 2000, с. 24, 43; 2006, с. 115; 2007, с. 39, 297].

² Позднее казаки построили поселение в устье р. Чаган, которое получило название Яицкого городка (Уральска).

с. 8; История казачества..., т. 1, с. 22; Махрова, 2001, с. 106; Ауский, с. 23] или предпочитают обходить данный вопрос стороной [см.: Кобзов, Шадрин, с. 9, 13; Кузнецов, с. 65–66].

Самая ранняя датировка начала распространения староверия на Яике — 1673 г. — была предложена А. Б. Карповым [Карпов, с. 353]. Она подтверждается обнаруженными нами в фондах РГАДА материалами. Согласно им, в 1673 г. в Яицкое войско из Пошехонья прибыл отлученный поп Петр [РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1688 г., стб. 7, л. 1, 5; 1689 г., стб. 7, л. 1]. Незадолго до этого, в 1670/71 г. на Дон бежал старец Иов (в миру Иван Тимофеев [Там же, 1686 г., стб. 14, л. 5]³), ставший там первым старообрядческим проповедником среди местного населения. Отметим, что В. Г. Дружинин датой появления старца на Дону ошибочно называл 1672 г. [Дружинин, с. 71]. Ученый также упоминал об иноках Корнилии и Досифее, появившихся на Дону после собора 1667 г. Однако они не контактировали с местным населением и через три года уехали, не оставив «следов своего... пребывания». Поэтому, вслед за В. Г. Дружининым, мы не будем считать их появление началом распространения здесь старообрядчества [Там же, с. 69]. Таким образом, практически одновременное появление на территории войск Петра и Иова ставит под сомнение возможность занесения староверия на Яик с Дона.

Различная социально-политическая и религиозная ситуация в этих казачьих войсках, о чем будет сказано ниже, повлияла на то, какое место заняли первые старообрядческие наставники среди населения. По сообщению попа Ермолая (1686), «на речке Чиру от Дону в 50-ти верстах» находилась «часовня деревянная, а строил... часовню раскольник и церкви божией противник старец Иев (Иов. — Т. Р.)... да по той же речке Чиру от той же часовни вверх со сто верст и болши тот же старец... построил пустынь». После смерти Иова (умер в 1679 г.) в 1686 г. с разрешения донских казаков упомянутый выше священноинок Досифей освятил эту часовню [РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1686 г., стб. 14, л. 5–6]. В 1677 г. следственная экспедиция обнаружила в Иевской пустыни неких Киприана, Трофима, 30 чернецов и 20 бельцов [Там же, 1677 г., стб. 21, л. 1]. В отличие от донского старца Иова, жившего обособленно, поп Петр на Яике служил в церкви в Кирсановской станице⁴ [Там же, 1688 г., стб. 7, л. 1; ДАИ, т. 12, с. 216]. Не позднее 1688 г. в войске появился второй старообрядческий священник. Им стал поп Алексей из Казани (в документах он также фигурирует под черническим именем Андреяна) [РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1688 г., стб. 7, л. 1]. По сведениям А. Б. Карпова, последний служил в Михайло-Архангельском соборе

³ В статье А. Т. Шашкова старец, со ссылкой на современного московского археографа И. В. Поздееву, фигурирует под фамилией Лихачева [Шашков, 2004, с. 165].

⁴ Данная церковь была построена до прибытия Петра в войско. Известно, что этот священник служил в ней еще до перенесения станицы в Яицкий городок, случившегося, по сведениям А. Б. Карпова, в 1682 г. [ДАИ, т. 12, с. 216; Карпов, с. 334, 347, 849]. В документе 1688 г. церковь фигурирует как «неосвященная» [РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1688 г., стб. 7, л. 1]. Трудно сказать была ли она таковой на протяжении всех предыдущих лет. Возможно, церковь была освящена, однако пострадала в ходе пожара, случившегося между 1683–1685 гг. После восстановления она какое-то время стояла неосвященной.

в Яицком городке [Карпов, с. 347]. Из писем яицких казаков к митрополиту Казанскому Андриану нам известно о том, что во второй половине XVII в. их окормляли назначенные из епархиального центра Герасим Нефельев (1657–1672) и Иван Гурьев (1674–1686). Население жаловалось на то, что не только оно само не всегда могло воспользоваться услугами священников, но и упомянутые иереи умерли без покаяния (исповеди), так как совершить таинство было некому [РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1688 г., стб. 7, л. 3–5; ДАИ, т. 12, с. 217]. Вероятно, после смерти Г. Нефельева казаки, пользуясь правом самостоятельного приглашения на пустующие места попов [ДАИ, т. 12, с. 217], приняли у себя Петра, а после смерти И. Гурьева, видимо, и Алексея. Недостаток священнослужителей и слабый контроль церковных властей над территорией войска способствовали распространению на Яике практики служения в православных церквях по старым книгам и обрядам.

Епархиальные власти впервые заинтересовались пребыванием на Яике беглых священников только в 1688 г. [РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1688 г., стб. 7]. Можно предположить, что это было связано с событиями в Донском войске. К концу 1680-х гг. здесь назрел острый социально-политический конфликт, как между проправительственной «старшинской» и «народной» партиями, так и внутри них. Противники усиления влияния Москвы отстаивали старую веру. Одновременно с пропагандистской деятельностью Кузьмы Ларионова (Косого) на р. Медведице, на Дону [см. подробнее: Шашков, 2004] выступили казаки в Черкасске. Идеологами движения в столице войска стали атаман Самуил Лаврентьев, казаки Кирилл Чурносков, Павел Чекунов, Леонтий Белогородец и беглый поп Самуил Маницкий [ДАИ, т. 12, с. 122–283]. Последний в 1687 г. служил в соборной церкви Иоанна Предтечи на Дону [РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1688 г., стб. 5а, л. 43; ДАИ, т. 12, с. 138]. Восставшие рассчитывали на поддержку со стороны Яицкого и Терского войск. Туда были отправлены письма с призывом, «чтобы (казаки. — *Т. Р.*) не слушали ни царей, ни патриархов... держались за веру старую» и встали «один за другого» против Москвы [РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1688 г., стб. 5а, л. 71; стб. 5в, л. 378; ДАИ, т. 12, с. 180]. Ответа не последовало, а посыльные были отосланы обратно на Дон [ДАИ, т. 12, с. 180]. Вскоре руководителей восстания захватили и привезли в Москву. По итогам следствия некоторые из них 10 мая 1688 г. были казнены, остальные — сосланы в Сибирь и на Двину [Там же, с. 210–211]. Впрочем, конфликт на Дону на этом не прекратился. Позже, не имея сил к сопротивлению, часть казаков-старообрядцев бежала на Терек, Кубань и в Крымские степи [Дружинин, с. 191–213]. Видимо, малочисленность Яицкого войска⁵, не достигшие в нем крайней степени напряженности социально-политические разногласия и постоянная военная угроза со стороны кочевников сыграли важную роль в том, что Яик остался в стороне от донских событий.

⁵ По сведениям Г. К. Котошихина к 1666–1667 гг. на Дону насчитывалось около 20 000 казаков. На Яике даже в 1725 г. (перепись полковника Ивана Захарова) было не более 5 722 человек, из которых служилыми являлись 3 196 человек [Котошихин, с. 82, 151; Витевский, 1897, т. 2, с. 365].

В марте 1688 г. митрополит Казанский Андриан сообщил патриарху Иоакиму о пребывании на Яике священников Петра и Алексея (Андреяна). В послании говорилось о том, что на требование епархиальных властей выдать попа Петра казаки ответили отказом [РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1689 г., стб. 7, л. 3]. Свое решение они аргументировали тем, что «на святую и апостольскую церковь, и на благочестивейших православных царей... и... архиереев, и на весь монашеский и священнический чин... от него (Петра. — Т. Р.)... никакой хулы и расколу нет». В Петре они, в первую очередь, видели пастыря, который «живет с смиреньем, не пьянствует» [ДАИ, т. 12, с. 215–216]. Заявление казаков не удовлетворило церковные власти и в 1689 г. на Яик были отправлены донцы Фома Алексеев и Василий Лаврентьев. Они везли письма к атаману Прокофию Семенову «со товарыщи» и должны были доставить священников в Казань. Отправка донских казаков для сыска беглых священников была обусловлена ожиданием быстрого разрешения дела и соображениями финансовой экономии⁶. Однако на Яике посыльные застали только попа Алексея. Что касается Петра, то неизвестно, бежал ли он или был укрыт от розыска местным населением [РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1689 г., стб. 7, л. 1]. В присутствии Ф. Алексеева и В. Лаврентьева яицкие казаки присягнули на верность царям и патриарху и целовали крест «в том, что никакого раскола им не иметь». Лишь Андреян, под предлогом того, что он находится у духовного отца «под запрещением», не пошел в церковь [ДАИ, т. 12, с. 269]. После этого на войсковом кругу было принято решение о выдаче попа⁷. Судя по всему, оно объяснялось вовсе не принадлежностью священноинока к старой вере, а его отказом присягать царям и патриарху. Донские посыльные в сопровождении яицких казаков Ивана Исаева и Тимофея Кожевникова доставили священника в Казань⁸, откуда его планировалось отправить в Москву [РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1689 г., стб. 7, л. 3, 5]. Однако, неясно, было ли это сделано. Эпизод с попом Алексеем стал единственным известным нам почти за 200 лет случаем выдачи с Яика старообрядческого священника.

Таким образом, начало распространения староверия на Яике не было связано с донским влиянием. Появление первого проповедника в начале 70-х гг. XVII в. позволяет отнести данную территорию к одному из ранних старообрядческих центров. Слабый контроль официальных властей над Яицким войском привел к тому, что уже в первые десятилетия XVIII в. казаки не только принимали беглых попов, но и отправляли на рукоположение в Казань выходцев из своей среды, с чем были вынуждены мириться представители епархии. Служба в православных церквях по старым книгам и обрядам в XVIII — середине XIX в.

⁶ Москва рассчитывала на то, что яицкие казаки скорее прислушаются к донцам, чем к представителям церковных или светских властей. К тому же отправка двух казаков сопровождалась меньшими расходами для казны, чем целого отряда служилых людей.

⁷ А. Б. Карпов относил проведение круга к 3 марта 1689 г. Однако в документе, на который ссылается автор, этим числом датируется получение отписки яицких казаков казанским воеводой Д. А. Барятинским. Время же проведения круга неизвестно [Карпов, с. 357; ДАИ, т. 12, с. 269].

⁸ А. Б. Карпов неверно относил прибытие казаков со священником в Казань к 17 марта 1689 г. В действительности эта дата является лишь заголовком документа [Карпов, с. 357; ДАИ, т. 12, с. 269].

стала одной из отличительных черт староверия на Яике. Кроме того, широкое распространение староверия в регионе оказало влияние на характер антиправительственных выступлений казаков во второй половине XVIII в., в том числе под предводительством Е. И. Пугачева.

Абаза К. К. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. СПб. : Колокольная, собств. дом, № 14, 1899.

Ауский С. Казаки. Особое сословие. М. ; СПб. : [б. и.], 2002.

Бородин Н. Уральское войско. Статистическое описание в двух томах с картами. Уралск : Тип. Урал. казачьего войска, 1891.

Витевский В.Н. Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в половине XVIII в. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1877.

Витевский В. Н. Яицкое войско до Пугачева // Русский архив. 1879. № 3. С. 273–304.

Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. : в 3 т. Казань : Типолит. В. М. Ключникова, 1897.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией : в 12 т. СПб. : Тип. В. В. Прагц, 1846–1872.

Данилко Е. С. Старообрядчество на Южном Урале: историко-этнографическое исследование : дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000.

Данилко Е. С. Ранняя история старообрядчества на Южном Урале: особенности распространения и субконфессиональный состав // Вестн. Башк. гос. ун-та. 2006. № 3. С. 114–118.

Данилко Е. С. Механизмы самосохранения русских и финно-угорских старообрядческих общин Урало-Поволжья : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.

Дариенко В. Н. Классовая борьба на Яике в XVII — начале XVIII в. М. : Высш. шк., 1966а.

Дариенко В. Н. Социально-экономические отношения и классовая борьба на Яике в XVII — первой четверти XVIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966б.

Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1889.

Дубман Э.Л. Князь Григорий Засекин (Хроника жизни и деятельности строителя волжских городов). Самара : Изд-во Самар. ун-та, 1995.

История казачества Азиатской России : в 3 т. Т. 1 : XVI — первая половина XIX века / ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : УрО РАН, 1995.

Казачьи войска: Хроники гвардейских казачьих частей (из изд. «Императорская гвардия») (Репринт. изд. 1912) / под ред. В. К. Шенка, сост. В. Х. Казин. [Б. м.] : Дорваль, 1992.

Карпов А. Б. Уральцы. Исторический очерк. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.). Уралск : Войсковая тип., 1911.

Кобзов В. С., Шадрин В. М. Не ради славы. Оренбургское казачество в государственно-правовой системе Российской империи. М. : Изд. Моск. ун-та, 2003.

Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб. : [б.и.], 1884.

Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края в XVIII–XIX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2011.

Левшин А. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб. : Воен. тип. глав. штаба е. и. в., 1823.

Махрова Т. К. Раскол и единоверие в казачьих станицах Оренбургской епархии // Оренбургское казачье войско. Религиозно-нравственная культура : сб. науч. тр. / ред. А. П. Абрамовский. Челябинск : Изд. центр ЧелГУ, 2001. С. 104–124.

Мишиков Н. А. Незвестные страницы историографии похода Ермака: Ростовская рукопись // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. / ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. С. 56–66.

Потто В. А. Два века Терского казачества (1577–1801) : в 2 т. Владикавказ : Электронпечатня Тип. Тер. Обл. Правления, 1912.

Пушкин А. С. История Пугачева. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1978.

РГАДА. Ф. 111. (Донские дела). Оп. 1. 1677 г. Стб. 21; 1686 г. Стб. 14; 1688 г. Стб. 5а, 5в, 7; 1689 г. Стб. 7.

Рычков П. И. Топография Оренбургского края, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской академии наук корреспондентом Петром Рычковым : в 2 ч. СПб. : Имп. Акад. наук, 1762.

Рябинин А. Уральское казачье войско. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба) : в 2 ч. СПб. : Тип. Э. Веймара, 1866.

Смирнов П. С. История русского раскола старообрядчества. Рязань : Тип. В. О. Тарасова, 1893.

Соколов А. В. Церковь Уральского казачьего войска в XVIII-м столетии (Исторический очерк церковного быта яицких казаков по архивным документам) // Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1903 год (седьмой год издания). Уральск : Типолит. газ. «Уралец», 1902. С. 134–166.

Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. С приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург : Типолит. Б. Бреслина, 1891.

Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа : Тип. Оренб. Губ. Правления, 1859.

Чернавский Н. Учреждение Оренбургской епархии (1799 г.) и разделение ее на Уфимскую и собственно Оренбургскую (1859 г.). Очерк по истории Оренбургской епархии. Оренбург : Типолит. Ф. Б. Сачкова, 1899.

Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем : в 2 т. Оренбург : Тип. Оренб. Духовной Консисории, 1900.

Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4 : Евразийское пограничье / ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург : Волот, 2001. С. 8–51.

Шашков А. Т. Староверческое движение на Дону и ссылка его участников в Сибирь в конце XVII в. // Изв. УрГУ. 2004. № 31. С. 164–182.

Шашков А. Т. «И нарекоша имя ему Тоболеск...» // Изв. УрГУ: Документ. Архив. Исследование. Современность. 2007. Вып. 7. С. 88–97.

Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература : в 2 т. М. : Языки славянской культуры, 2002.

Ягудина О. В. Старообрядчество Уральского и Оренбургского казачьих войск в период с 1851–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2005.

Статья поступила в редакцию 20.03.2016 г.

Романиук Татьяна Сергеевна

аспирант кафедры истории России,
младший научный сотрудник
лаборатории эдиционной археорафии
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: tatiana.s.romaniuk@gmail.com

Romaniuk, Tatiana Sergeevna

Postgraduate Student, Chair of Russian History
Junior Research Fellow,
Laboratory of Primary Sources Studies
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: tatiana.s.romaniuk@gmail.com

THE START OF OLD BELIEF DISSEMINATION IN THE YAIK COSSACK TROOP

The article considers the initial process of Old Belief dissemination on the territory of the Yaik Cossack Troop. Special attention is paid to the emergence of the Yaik Troop as the historiography of this issue directly affected the hypothesis that Old Belief came to the Yaik from the Don. On the basis of a wide range of sources the author confirms the original date (proposed A. B. Karpov) and the way the penetration of the first preachers of Old Belief to the Yaik. This casts doubt on the fact that the Don Troop had a direct influence on the process on the Yaik, and also allows one to include the territory of the Cossacks in the Southern Urals into one of the earliest centres of Old Belief. Based on the comparison of the two armies, the author considers the reasons for Yaik Cossacks' not participating in the disturbances in the Don Region between 1688 and 1689. The disposition of the Yaik Cossack Troop on the outskirts of the state, and their relations with secular and church authorities largely influenced the formation of the distinctive features of Old Belief in the region. Unlike in the Don Troop, here fugitive priests were taken to the local churches. This lay the foundation for liturgical practices based on old books and rituals which existed in Russian Orthodox churches for more than a century and a half.

Key words: Yaik Cossack Troop; Don Cossack Troop; Old Belief; Beglopopovtsy; Cossacks; Kazan Eparchy; Russian Orthodox Church.

Acknowledgements

The article is published as part of the grant provided by the Government of the Russian Federation and meant to attract the leading scholars to Russian higher professional educational establishments and educational establishments of the state Academies of Sciences and State Research Centres of the Russian Federation (Laboratory of Primary Sources Studies, Ural Federal University). Agreement #14.A12.31.0004 as of 26.06.2013.

Abaza, K. K. (1899). *Kazaki. Donci, ural'ci, kubanci, terci* [Cossacks. The Don, Urals, Kuban, Terzi]. Saint Petersburg: Kolokol'naia, sobstvennii dom, № 14. (In Russian)

Alekseev, V. V. (Ed.). (1995). *Istoriia kazachestva Aziatskoi Rossii* [History of Cossacks of Asian Russia] (Vols. 1–3) (Vol. 1. XVI – *pervaia polovina XIX veka* [16th – First Half of the 19th Century]). Yekaterinburg: UrO RAN. (In Russian)

Auskii, S. (2002). *Kazaki. Osoboiе soslovie* [Cossacks. Special Class]. Moscow; Saint Petersburg: [s. n.]. (In Russian)

Borodin, N. (1891). *Ural'skoie voisko. Statisticheskoe opisanie v dvukh tomakh s kartami* [The Ural Host. Statistical Description in Two Volumes with Maps] (Vols. 1–2). Ural'sk: Tipografiia Ural'skogo kazach'ego voiska. (In Russian)

Cheremshanskii, V. M. (1859). *Opisanie Orenburgskoi gubernii v khoziaistvenno-statisticheskoi, etnograficheskoi i promishlennom otnosheniiakh* [Description of Orenburg Province in the Economic-Statistical, Ethnographic and Industrial Relations]. Ufa: Tipografiia orenburgskogo gubernskogo pravleniia. (In Russian)

Chernavskii, N. (1899). *Uchrejdenie Orenburgskoi eparkhii (1799 g.) i razdelenie ee na Ufimskuiu i sobstvenno Orenburgskuiu (1859 g.)* [The Establishment of the Orenburg Diocese (1799) and Its Division into the Ufa and the Orenburg Diocese Proper (1859)]. Orenburg: Tipo-litografiia F. B. Sachkova. (In Russian)

Chernavskii, N. (1900). *Orenburgskaia eparkhiia v proshlom i nastoiashchem* [Orenburg Diocese in the Past and Present] (Vols. 1–2). Orenburg: Tipografiia Orenburgskoi dukhovnoi konsistorii. (In Russian)

Danilko, E. S. (2000). *Staroobriadchestvo na Iujnom Urale: istoriko-etnograficheskoie issledovanie* [Old Believers in the Southern Urals: Historical and Ethnographic Research] (doctoral dissertation). Ufa: Bashkirskii gosudarstvennii universitet. (In Russian)

Danilko, E. S. (2006). Ranniaia istoriia staroobriadchestva na Iujnom Urale: osobennosti rasprostraneniia i subkonfessional'nii sostav [The Early History of Old Believers in the Southern Urals: Features of Distribution and Subconfessional Composition]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 114–118. (In Russian)

Danilko, E. S. (2007). *Mekhanizmi samosokhraneniia russkikh i finno-ugorskikh staroobriadcheskikh obshchin Uralo-Povolzh'ia* [The Mechanisms of the Russian and Finno-Ugric Old Believer Communities' Self-preservation in Ural and Volga Regions] (habilitation dissertation). Moscow: Institut etnologii i arkhologii im. N. N. Miklukho-Maklaia RAN. (In Russian)

Darienko, V. N. (1966a). *Klassovaia bor'ba na Iaike v XVII – nachale XVIII v.* [Class Struggle in the Yaik Region in the 17th – Early 18th Centuries]. Moscow: Vishaia shkola. (In Russian)

Darienko, V. N. (1966b). *Social'no-ekonomicheskoie otnoshenie i klassovaia bor'ba na Iaike v XVII – pervoi chetverti XVIII vv.* [Socio-economic Relations and Class Struggle in the Yaik Region in the 17th – First Quarter of the 18th Centuries] (doctoral dissertation). Moscow: Moscow State University. (In Russian)

Dopolneniia k Aktam istoricheskim, sobrannie i izdannie Arkheograficheskoiu komissieiu [Addenda to the Historical Acts, Collected and Published by the Archaeological Commission] (Vols. 1–12). (1846–1872). Saint Petersburg: Tipografiia II-go otdeleniia sobstvennoi e. i. v. kanceliarii. (In Russian)

Druzhinin, V. G. (1889). *Raskol na Donu v konce XVII v.* [The Split in the Don Region in the Late 17th Century]. Saint Petersburg: Tipografiia I. N. Skorokhodova. (In Russian)

Dubman, E. L. (1995). *Kniaz' Grigorii Zasekin. (Khronika jizni i deiatel'nosti stroitelia voljskikh gorodov)* [Prince Grigory Zasekin. (A Chronicle of Life and Activity of the Builder of Volga Cities)]. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta. (In Russian)

Iagudina, O. V. *Staroobriadchestvo Ural'skogo i Orenburgskogo kazach'ikh voisk v period s 1851–1917 gg.* [Old Belief of the Ural and Orenburg Cossack Troops between 1851 and 1917] (doctoral dissertation). Orenburg: Orenburg State University. (In Russian)

Iukhimenko, E. M. (2002). *Vigovskaia staroobriadcheskaia pustin': Dukhovnaia jizn' i literatura* [Vyg Old Believer Hermitage: Spiritual Life and Literature] (Vols. 1–2). Moscow: Iaziki slavianskoi kul'turi. (In Russian)

Karpov, A. B. (1911). *Ural'ci. Istoricheskii ocherk. Iaickoie voisko ot obrazovaniia voiska do perepisi polkovnika Zakharova (1550–1725 gg.)* [Historical Review. The Yaik Troop from the Formation of the Troop until the Census by Colonel Zakharov (1550–1725)]. Ural'sk: Voiskovaia tipografiia. (In Russian)

Kobzov, V. S., & Shadrin, V. M. (2003). *Ne radi slavi. Orenburgskoie kazachestvo v gosudarstvenno-pravovoi sisteme Rossiiskoi imperii* [Not for Fame. Orenburg Cossacks in the State and Legal System of the Russian Empire]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian)

Kuznetsov, V. A. (2011). *Irreguliarnie voiska Orenburgskogo kraia v XVIII–XIX vv.* [Irregular Troops of Orenburg Region in the 18th and 19th Centuries] (habilitation dissertation). Cheliabinsk: Cheliabinsk State University. (In Russian)

Levshin, A. (1823). *Istoricheskoe i statisticheskoe obozrenie ural'skikh kazakov* [A Historical and Statistical Review of Ural Cossacks]. Saint Petersburg: Voennaia tipografiia glavnogo shtaba ego imperatorskogo velichestva. (In Russian)

Makhrova, T. K. (2001). Raskol i edinoverie v kazach'ikh stanicakh Orenburgskoi eparkhii [The Schism and Edinoverie in the Orenburg Diocese]. In A. P. Abramovskii (Ed.), *Orenburgskoie kazach'e voisko. Religiozno-nravstvennaia kul'tura. Sbornik nauchnikh trudov* [The Orenburg Cossack Troop. Religious and Moral Culture. A Collection of Research Papers] (pp. 104–124). Chelabinsk: Izdatel'skii centr ChelGU. (In Russian)

Mininkov, N. A. (2005). Neizvestnie stranici istoriografii pokhoda Ermaka: Rostovskaia rukopis' [The Unknown Pages of the Historiography of Yermak's Conquest of Siberia: Rostov Manuscript]. In E. K. Romodanovskaia (Ed.), *Obschestvennaia misl' i tradicii russkoi dukhovnoi kul'turi v istoricheskikh*

i literaturnikh pamiatnikakh XVI–XX vv. [Public Thought and Traditions of Spiritual Culture in the Historical and Literary Monuments of the 16th–20th Centuries] (pp. 56–66). Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN. (In Russian)

Potto, V. A. (1912). *Dva veka Terskogo kazachestva (1577–1801)* [Two Centuries of the Terek Cossacks (1577–1801)] (Vols. 1–2). Vladikavkaz: Elektropechatnia tipografii Terskogo oblastnogo pravleniia. (In Russian)

Pushkin, A. S. (1978). *Istoriia Pugacheva* [The Story of Pugachev]. Ufa: Bashkirkoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

Riabinin, A. (1866). *Ural'skoe kazach'e voisko. (Materiali dlia geografii i statistiki Rossii, sobranie oficerami general'nogo shtaba)* [Ural Cossack Troop. (Materials for the Geography and Statistics of Russia Collected by Officers of the General Staff)] (Parts 1–2). Saint Petersburg: Tipografiia E. Veimara. (In Russian)

Rychkov, P. I. (1762). *Topografiia Orenburgskogo kraia, to est' obstoiatel'noie opisanie Orenburgskoi gubernii, sochinennoie kollejskim sovetnikom i imperatorskoi akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym* [Orenburg Region Topography, i.e. a Detailed Description of Orenburg Province, Composed by a Collegiate Adviser and Imperial Academy of Sciences Correspondent Peter Rychkov] (Parts 1–2). Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk. (In Russian)

Shashkov, A. T. (2001). Nachalo prisoedineniia Sibiri [The Start of the Conquest of Siberia]. In A. T. Shashkov (Ed.), *Problemi istorii Rossii: Evrazijskoe pogranič'e* [Problems of the History of Russia: Eurasian Border Territories] (Vol. 4, pp. 8–51). Yekaterinburg: Volot. (In Russian)

Shashkov, A. T. (2004). Starovercheskoie dvijenie na Donu i silka ego uchastnikov v Sibir' v konce XVII v. [Old Believer Movement on the Don and Its Members' Exile to Siberia in the Late 17th Century]. *Izvestia UrGU*, 31, 164–182. (In Russian)

Shashkov, A. T. (2007). «I narekosha imia emu Tobolesk...» [“And So It Was Named Tobolesk...”]. *Izvestia UrGU. Dokument. Arkhiv. Issledovanie. Sovremennost'*, 7, 88–97. (In Russian)

Shenk, V. K. (Ed.) (1992). *Kazach'i voiska: Khroniki gvardeiskikh chastei (iz izdaniia “Imperatorskaia gvardiia”)* [Cossack Troops: Chronicles of Household Cossack Guards (from ed. “The Imperial Guard”) (reprint 1912)]. [S. l.] : Dorval'. (In Russian)

Smirnov, P. S. (1893). *Istoriia russkogo raskola staroobriadchestva* [The History of the Russian Old Believer Schism]. Riazan': Tipografiia V. O. Tarasova. (In Russian)

Sokolov, A. V. (1902). *Cerkov' Ural'skogo kazach'ego voiska v XVIII-m stoletii (Istoricheskie ocherk cerkovnogo bita iaickikh kazakov po arkhivnim dokumentam)* [The Church of the Ural Cossack Troop in the 18th Century (Historical Review of Yaik Cossacks' Church Life according to Archival Documents)]. *Pamiatnaia knijka i adres-kalendar' Ural'skoi oblasti na 1903 god (sed'moi god izdania)* [Memory Book and Directory of Ural Region for 1903 (7th Year of Publication)] (pp. 134–166). Ural'sk: Tipo-litografiia gazeti «Uralec». (In Russian)

Starikov, F. (1891). *Istorko-statisticheskie ocherk Orenburgskogo kazach'ego voiska. S prilozheniem stat'i o domashnem bite orenburgskikh kazakov, risunkov so znamen i karti* [A Historical and Statistical Review of the Orenburg Cossack Troop. With an Appendix in the Form of an Article about the Everyday Life of Orenburg Cossack, Pictures of Banners and Maps]. Orenburg: Tipo-litografiia B. Breslina. (In Russian)

Vitevskii, V. N. (1877). *Raskol v Ural'skom voiske i otnoshenie k nemu dukhovnoi i voennograjdanskoj vlasti v polovine XVIII v.* [The Split in the Ural Troop and the Attitude to It of the Clerical and Military-Civilian Authorities in the 1st Half of the 18th Century]. Kazan': Tipografiia imperatorskogo universiteta. (In Russian)

Vitevskii, V. N. (1879). Iaickoie voisko do Pugacheva [The Yaik Troop before Pugachev]. *Russkii arkhiv*, 3, 273–304. (In Russian)

Vitevskii, V. N. (1897). *I. I. Neplyuev i Orenburgskii kraj v prejnem ego sostave do 1758 g.* [I. I. Neplyuev and Orenburg Region in Its Former Form before 1758] (Vols. 1–3). Kazan': Tipo-litografiia V. M. Kliuchnikova. (In Russian)

Received 20 March 2016

ДИСКУССИЯ О ПАТРИОТАХ И ПАТРИОТИЗМЕ В БРИТАНИИ 60–70-х гг. XVIII в.

Статья посвящена исследованию истории понятий «патриот» и «патриотизм» в общественной и политической жизни Британии 60–70-х гг. XVIII в. Методология исследования основывается на подходе Кембриджской школы истории понятий, заключающемся в анализе понятий в контексте эпохи. Источниками выступают памфлеты Джона Уилкса и его оппонента доктора Сэмюэла Джонсона, а также публицистические очерки анонимных авторов, опубликованные в 1763–1774 гг. В центре внимания статьи — проблема интерпретации понятий «патриот» и «патриотизм» представителями разных политических взглядов. В роли «патриота» выступил эсквайр Уилкс, полагавший, что патриоты должны находиться в оппозиции к власти до тех пор, пока не будут восстановлены «естественные» права и свободы англичан. Иное понимание патриотизма нашло отражение в памфлетах доктора Джонсона и его сторонников. В их понимании, патриот — это «человек, чьей руководящей страстью является любовь к своей стране». Автором делается вывод о победе в дискуссии доктора Джонсона, сумевшего вывести понятие «патриот» за пределы политического пространства. Более того, дискуссия о мнимом и подлинном патриотизме стала маркером складывания публичной сферы и гражданского общества в Британии 60–70-х гг. XVIII в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Британия XVIII в.; эпоха Георга III; патриотизм, «Северный британец»; Джон Уилкс; Сэмюэл Джонсон.

Понятие «патриотизм» прочно закрепилось в лексиконе эпохи Просвещения и стало одним из ключевых в общественно-политическом дискурсе Британии 60–70-х гг. XVIII в. Это была эпоха апогея формирования британской нации, ознаменовавшаяся противостоянием «внешнему врагу». Мало кто обращает внимание, что одновременно она являлась эпохой противостояния и «внутреннему врагу», попирающему «свободы и вольности» древней конституции Англии. Первое десятилетие правления Георга III оказалось отмеченным острейшими политическими дискуссиями по поводу «внутренних» и «внешних» врагов и, как следствие, чехардой кабинетов и борьбой за свободу слова. В данной статье на обсуждение выносятся следующий тезис: дискуссия о мнимом и подлинном патриотизме стала маркером складывания публичной сферы и гражданского общества в Британии 60–70-х гг. XVIII в.

В спорах о завершении Семилетней войны со всей остротой проявилось новое качество общественной реакции на внешнеполитические события. Конечно,

Георг III поступил «непатриотично», отправив главного героя этой войны Уильяма Питта в отставку осенью 1761 г., а тем более «сдав» по Парижскому миру от 10 февраля 1763 г. завоеванные британцами территории — отнятые у Франции острова в Вест-Индии (Мартинику и Гваделупу) и у Испании (Гавану и Манилу). Большой частью общества это рассматривалось не просто как проявление слабости правительства Георга III, а как прямое предательство национальных интересов. Шлюзом, открывшим публичное выражение общественного негодования, стала тронная речь Георга III от 23 апреля 1763 г. на первом заседании парламента нового созыва. Самым дерзким и откровенным оказался выпад в этот же день английского «друга свободы» Джона Уилкса в 45 номере «Северного британца», посчитавшего выступление короля прямым свидетельством попрания свобод английского народа. Эти обстоятельства и открывают период 1763–1774 гг., получивший в историографии устойчивое наименование «патриотического апогея», или уилксовского радикализма [Wilson, p. 206].

Данная проблематика не осталась без внимания исследователей. История понятий «патриот» и «патриотизм» в Британии XVIII столетия рассмотрена в статье современного британского исследователя Хью Каннингхэма «Язык патриотизма, 1750–1914 гг.» [см.: Cunningham]. В частности, он делает вывод о том, что в Британии XVIII в. термин «патриотизм» использовался преимущественно оппозицией. Более того, историк связывает процесс формирования понятий «патриот» и «патриотизм» с радикальной политической традицией. Самостоятельный интерес в рамках исследуемой проблематики представляют работы, посвященные патриотическому дискурсу в поэзии Британии [см.: Gerrard; Pittock]. Наиболее полным исследованием такого рода является монография профессора Университета Нью-Йорка Дастина Гриффина [Griffin]. Автор определяет «патриотический дискурс» как «продолжительную полемику с 1730 по 1800 гг. между представителями оппозиции и сторонниками правительства о патриотизме и истинных патриотах» [Ibid., p. 16]. Кроме того, Д. Гриффин подробно излагает историю дискуссий о патриотизме сквозь призму британского поэтического наследия в политическом контексте XVIII столетия. В исследованиях политической и социокультурной истории Британии XVIII в. [см.: Armitage; Brewer; Sainsbury; Wilson; Семенов] также уделено внимание взаимосвязи взлета популярности Уилкса и роста патриотических настроений в третьей четверти XVIII столетия.

Представляется, что в анализе исследуемой проблематики будет продуктивным использование идей Кембриджской школы истории понятий. В данном случае нам хотелось бы воспользоваться подходом «распаковывания понятий» британского исследователя Квентина Скиннера [см.: Skinner, vol. 1]. Итак, в центре нашего внимания находятся ключевые тексты патриотического дискурса 60–70-х гг. XVIII столетия: памфлеты Джона Уилкса и его оппонента — доктора Сэмюэла Джонсона, а также злободневные публицистические очерки анонимных авторов, опубликованные в 1763–1774 гг. Таким образом, исследование

направлено на контекстуальный анализ терминов «патриот» и «патриотизм» в памфлетной литературе Британии 60–70-х гг. XVIII в.

До 1763 г., времени начала дискуссии о патриотизме, идеи лорда Болингброка о короле-патриоте определяли содержание патриотической риторики в Британии XVIII столетия. Суть воззрений Болингброка состояла в выстраивании политического равновесия между королем, Палатой лордов и Палатой общин, гарантом которого должен стать король. «Едва Король-Патриот взойдет на престол, — писал Болингброк, — это будет целительной панацеей: естественным образом возродится дух конституции, а по мере его возрождения будут восстанавливаться в своей первоизданной целостности порядки и формы конституции, которые станут тем, чем им предназначено быть, то есть подлинными преградами произволу власти, а не ширмами и не масками, под которыми будет скрывать свой лик тирания» [Болингброк, с. 221]. По мнению лорда Болингброка, патриотизм «должен быть основан на высоких принципах и подкреплен высокими добродетелями», лишь в этом случае патриот может считаться «истинным сыном Отечества» [Там же, с. 209]. Таким образом, Болингброк заложил основу для формирования определения патриотизма.

С начала 1760-х гг. патриотическая риторика все активнее начинает использоваться в проправительственной и оппозиционной прессе. Окончание Семилетней войны не принесло британскому обществу долгожданного спокойствия. Первое десятилетие правления Георга III стало временем «памфлетной войны» на страницах журналов и газет. Недаром, выступая в парламенте, лорд Норт сетовал: «первое, что мы берем в руки утром — это пасквиль; последнее, что мы берем в руки вечером — это пасквиль» [The Parliamentary History..., р. 1165–1166]. Как уже было сказано, зачинателем «памфлетной войны» стал Джон Уилкс (1725–1797). Также он воспринимается исследователями как один из первых представителей радикального движения. Напомним, что ключевым лозунгом английских радикальных публицистов Дж. Бурга и Дж. Картрайта было достижение политического равенства путем введения всеобщего избирательного права. Главной опорой формирующегося радикального движения стали горожане, по-прежнему в подавляющей массе лишённые избирательных прав. На городское население и были сориентированы речи и статьи Джона Уилкса.

Уилкс начал свою политическую карьеру как сторонник У. Питта в 1757 г., когда был избран в состав палаты общин от избирательного округа Эйлсбери (Aylesbury), графство Бэкингемшир. Оказавшись в оппозиции к власти после отставки кабинета Питта в октябре 1761 г., эсквайр Уилкс в разгромных статьях основанного им журнала «Северный британец» обрушился на правительство, сформированное лордом Бьютом при поддержке Георга III. По его мнению, оно стремилось отобрать у английского народа его исконные свободы. «Прерогативой короны, — писал Уилкс в уже упомянутом 45 номере “Северного британца”, — являются конституционные полномочия, возложенные на нее не в пользу чего-либо интереса или пристрастности, но в пользу мудрости и рассудительности. Это дух нашей конституции. Народ тоже имеет свои прерогативы

и, я надеюсь, что прекрасные слова Драйдена будут выгравированы в наших сердцах: Свобода — это прерогатива англичанина» [Wilkes, 1763, p. 268]. Будучи острым на язык и талантливым журналистом, именно «патриотизм» Уилкс избрал в качестве главного орудия разоблачения власти.

Уилкс представлялся патриотом-борцом против коррупции и тирании власти [Sainsbury, p. 176], представители которой вовсе не думают о народе. Заключение Парижского мира в 1763 г. — яркий тому пример и явно непатриотичный акт. Мирный договор предусматривал ряд унижительных территориальных уступок. Именно вест-индские колонии считались среди британцев наиболее ценными колониальными владениями. Колонии становились очевидным фактором процветания английской нации. Недаром однажды «в разгар Семилетней войны, в 1759 г., Питт-старший воскликнул в палате общин: “Сахар, м-р спикер, кто сейчас станет смеяться над сахаром!”» [Соколов, с. 121]. Кроме того, Уилкс играл на «инородности» шотландца Бьюта. Уилкс-патриот считал англичан избранным народом, а правительство и окружение Георга III — находящимися под властью иностранцев, далеких от понимания истинных «традиционных прав и свобод» английского народа [Colley, p. 106].

Нарастающую волну негодования и патриотизма отражает другой памфлет «Министерский патриотизм разоблачен» [Ministerial Patriotism Detected] 1763 г. Анонимный автор отрицал наличие каких-либо признаков патриотизма у лорда Бьюта. Достойными называться «патриотами» автор считает «лорда Темпла, Питта и Уилкса, людей с прекрасной репутацией» [Ibid., p. 25]. Памфлетист пишет, что если бы «этот министр (Бют. — Т. К.), хотя бы в глубине души, желал принести благо нации», то он не заключил бы столь невыгодный для Британии Парижский мир [Ibid., p. 33]. Неизвестный памфлетист убеждает читателей, что истинные патриоты являются оппозиционерами двора Георга III.

Таким образом, мы можем выделить следующие характерные черты «уилксовского патриотизма». Во-первых, истинные «патриоты», по мнению Уилкса и его сторонников, радеют за «древнюю конституцию» и сохранение «естественных» прав английского народа. Потому «патриотам» следует быть в оппозиции к власти до тех пор, пока не будут восстановлены права и свободы англичан. Во-вторых, патриотизм Уилкса зиждился на идее об англичанах как избранной нации, поскольку Англия есть не что иное, как «дом свободы и конституции». Однако и то, и другое, как полагал Уилкс, «патриоты» должны были вернуть английскому народу.

Последующее отношение к «патриотам» и «истинным друзьям свободы» определялось реакцией самого Уилкса на обвинения в «мятежной клевете» (*sedition libel*). Вместе с еще 49 «подстрекателями к мятежу» он был заключен под стражу 30 апреля 1763 г. Первое, к чему апеллировал Уилкс в этой ситуации, так это к своей парламентской неприкосновенности. Он был отпущен по решению лорда главного судьи до суда. В это время его сочинения стали предметом обсуждения в обеих палатах парламента. В палате лордов было зачитано

скабрёзное стихотворение Уилкса «Эссе о женщине» (пародия на А. Поупа «Эссе о человеке»). Сочинение было признано непристойным, а Уилкс — аморальным человеком, что повлекло за собой решение о лишении его парламентского мандата. Несмотря на то, что по всей стране прошла волна в его поддержку «Уилкс, свобода и 45 номер!», он позорно бежал в Париж, не дождавшись решения суда. Суд прошел без обвиняемого. Уилкс заочно был признан виновным в написании «непристойного пасквиля» и «мятежной клевете», и был объявлен вне закона 19 января 1764 г. Когда в 1768 г. он был вынужден вернуться в Англию, скрываясь от французских кредиторов, на решение суда власти прикрыли глаза, дабы не возбуждать общественного спокойствия.

Может быть, на этом история и закончилась бы, но наш герой выставил свою кандидатуру на выборах 1768 г. в парламент от Мидлсекса. Все это заставило взяться за перо истинных патриотов. Анонимный автор «Эссе о патриотизме» 1768 г. [Essay on Patriotism...] с негодованием отзывался о так называемых «популярных джентльменах», которые изображают себя патриотами, хотя на деле такими не являются. Подобный джентльмен — Джон Уилкс, настоящий «мошенник», обманувший доверчивую публику своей патриотической риторикой: «он только притворяется Патриотом, чтобы исписывать бумагу и кричать ради Свободы и Независимости, а все его распутство и расточительность позабыты и никем не припоминаются» [Ibid., p. 3].

Самая глубокая критика уилковского «патриотизма» принадлежит литературному гению английского Просвещения — доктору Джонсону (1709–1784). Сэмюэл Джонсон, большую часть своей жизни далекий от перипетий политической жизни, не смог остаться в стороне. Британия была погружена в общественно-политические дискуссии, ожесточенные парламентские дебаты о судьбе Уилкса, избранного в 1768 г. депутатом от Мидлсекса. По итогам прений, длившихся без малого два года, 17 апреля 1770 г. обвинения с «друга свободы» были сняты, и избранник Мидлсекса стал парламентарием. Несогласный с этим итогом, Джонсон взял на себя роль разоблачителя «патриотизма» Уилкса.

Памфлет С. Джонсона «Ложная тревога», опубликованный в январе 1770 г., развивает мысли анонимного автора «Эссе о патриотизме». Литератор считает, что народ оказался излишне доверчив к воззваниям тех, кто стремится «всеми силами подогреть к себе интерес и поддерживаться гулом толпы» [Johnson, 1770, p. 38]. «Любая уловка», по мнению Джонсона, «используется для подстрекательства к мятежу, чтобы пробудить недовольство и разжечь возмущение. Каждый день статьи наполнены призывами и угрозами. Безумие охватывает все ранги и представителей обоих полов, женщины и дети ратуют за мистера Уилкса» [Ibid., p. 16]. Джонсон передает атмосферу общественных настроений: «сгорая в лихорадке эпидемического патриотизма, портной откладывает свой наперсток, суконщик бросает свою ткань, а кузнец кладет свой молоток; они встречаются в пивной, обсуждают положение дел нации, читают или слушают новую петицию, оплакивают бедствия времени. Бьют тревогу об ужасном кризисе и подписываются в поддержку билля о правах» [Ibid., p. 39].

Памфлет Джонсона привлек внимание Уилкса и вскоре, в феврале 1770 г., «друг свободы» ответил лексикографу в «Письме к Джонсону», полагая, что народ имеет «право выбирать так, как ему заблагорассудится» [Wilkes, 1770, p. 28]. Уилкс выступил в качестве борца за всеобщее право: «слово “Избиратель” имеет такое же отношение к палате общин, как Творец к созданному им. Права народа не то, что палата общин уступила им, а то, что они сохранили себе» [Ibid., p. 23]. Популизм Уилкса сделал свое дело: в 1771 г. жители Лондона избирают Уилкса шерифом, а в 1774 г. — лорд-мэром Лондона.

Такой поворот событий заставил доктора Джонсона вновь взяться за перо. В 1774 г. литератор публикует эссе «Патриот. Обращение к избирателям Великобритании». Целью этого сочинения стало разоблачение ложного патриотизма, которым прикрывались так называемые «патриоты» для защиты своих интересов. По мнению Джонсона, «только истинный патриот может получить место в парламенте» [Johnson, 2008, p. 580]. Истинный патриот для Джонсона — это человек, «чье публичное поведение определяется одним мотивом — любовью к своей стране» и, будучи представителем народа в парламенте, он «не имеет ни личных надежд, ни страха, ни доброжелательства, ни обиды, но направляет это исключительно на общее благо» [Ibid.].

Джонсон подчеркивает, что Уилкс и его сторонники вовсе не являются патриотами. Таких «патриотов» стоит остерегаться избирателям, поскольку «велико число тех, кто способен лишь неистовствовать и бранить, вопрошать и обвинять, нисколько не страшась общества и не заботясь о нем» [Ibid., p. 582]. Потому Джонсон призывает нацию «выздороветь от своего заблуждения и объединиться в общем отвращении к тем, кто, обманывая доверчивых мнимым вредом, подчиняя слабых смелой ложью, обращаясь к суждениям невежества и лстя тщеславию посредственности, клеветца на честность и оскорбляя достоинство... присваивают себе имя патриотов» [Ibid., p. 587]. В представлении доктора Джонсона, «истинный патриотизм» определяется любовью к своей стране, в то время как «ложный патриотизм», напротив, оказывается «последним прибежищем негодяя» [Boswell, p. 543]. Таким негодяем и был, по мнению Джонсона и многих других, Джон Уилкс.

После 1775 г. основной темой патриотического дискурса в Британии становится Война за независимость США. Споры о природе патриотизма, «истинных» и «ложных» патриотах уступили место дискуссиям о будущем английских североамериканских колоний. Анализ дискуссии об «истинном» и «ложном» патриотизме в период «уилксовского радикализма» 1763–1774 гг. позволяет делать вывод о победе доктора Джонсона и тех, кто разделял его мнение. Революция в Англии не случилась. Уилкс был разоблачен как негодяй, рядящийся в тогу патриота и борца за права и свободы народа. По мнению доктора Джонсона, «патриотизм» внепарламентской оппозиции был лишь средством достижения корыстных интересов «ложных патриотов». Таким образом, дискуссия о патриотизме в британском обществе 60–70-х гг. XVIII в. продемонстрировала конфликт интерпретаций понятий «патриот» и «патриотизм», но, в то же время,

способствовала тому, что эти понятия вышли за пределы политического пространства и начали приобретать нравственно-этическую окраску. Более того, дискуссия о мнимом и подлинном патриотизме была открытой, свободной, что свидетельствовало о складывании публичной сферы и элементов гражданского общества в Британии 60–70-х гг. XVIII в.

Bolingbroke G. C. Дж. Идея о Короле-Патриоте // Письма об изучении и пользе истории / под ред. М. А. Барга. М. : Наука, 1978. С. 197–239.

Семенов С. Б. Парадокс Джона Уилкса // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 196–213.

Соколов А. Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики. СПб. : Алетейя, 2015.

Armitage D. A Patriot for Whom? The Afterlives of Bolingbroke's Patriot King // Journal of British Studies. 1997. № 36 (4). P. 397–418.

Boswell J. The Life of Samuel Johnson. London : Everyman, 1992.

Brewer J. Party Ideology and Popular Politics at the Accession of George III. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1976.

Colley L. Britons: Forging the Nation, 1707–1837. London : Pimlico, 2003.

Cunningham H. The Language of Patriotism, 1750–1914 // History Workshop. 1981. № 12 (1). P. 8–33.

Essay on Patriotism: And on the Character and Conduct of some late famous pretenders to that virtue, particularity of the present Popular Gentleman. London : Fleet-street, 1768.

Gerrard C. The patriot Opposition to Walpole: Poetry, Politics and the National Myth, 1725–1742. Oxford : Oxford Univ. Press, 1994.

Griffin D. Patriotism and Poetry in the Eighteenth-Century Britain. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002.

Johnson S. The False Alarm. London : T. Cadell, 1770.

Johnson S. Patriot. Addressed to the Electors of the Great Britain // Samuel Johnson: Major Works / ed. by D. Greene. Oxford : Oxford Univ. Press, 2008. P. 580–588.

Ministreal Patriotism Detected; or the Present Opposition Proved to be Founded on Truly, Just and Laudable Principles, by the Evidence of Facts. London : J. Cooke, 1763.

Pitcock M. G. H. Poetry and Jacobite politics in the Eighteenth-century Britain and Ireland. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1994.

Sainsbury J. John Wilkes, Debt, and Patriotism // Journal of British Studies. 1995. № 34 (2). P. 165–195.

Skinner Q. Visions of Politics. Vol. I : Regarding Methods. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002.

The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the year 1803. Vol. XVI. 1765–1771 / ed. by W. Cobbett, J. Wright. London : T. C. Hansard, Peterborough-court, Fleet-street, 1813.

Wilkes J. The North Briton. Dublin : J. Potts, 1763.

Wilkes J. The Letter to Samuel Johnson. London : J. Almon, 1770.

Wilson K. The Sense of the People: Politics, Culture and Imperialism in England, 1715–1785. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995.

Статья поступила в редакцию 01.03.2016 г.

Косых Татьяна Анатольевна

аспирант
кафедры новой и новейшей истории
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: kskhtt@gmail.com

Kosykh, Tatiana Anatolyevna

Postgraduate Student,
Chair of Modern and Contemporary History
Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: kskhtt@gmail.com

DISCUSSION ABOUT PATRIOTS AND PATRIOTISM IN BRITAIN IN THE 1760s–1770s

The article studies the history of the notions of “patriot” and “patriotism” in the political and social life of 18th-century Britain. The methodology of research is based on the approach of the Cambridge School of the history of political thought, consisting in the analysis of certain notions in the context of the epoch. The material of the paper is pamphlets of John Wilkes, and his main opponent Samuel Johnson as well as some anonymous journalistic essays. The paper focuses on the problem of interpretation of “patriot” and “patriotism” as notions by followers of different political views. John Wilkes acted as a “patriot”, supposing that it implied opposition to power until the “natural” rights and liberties of Englishmen were restored. Another understanding is reflected in Doctor Johnson’s and his supporters’ pamphlets. According to them, a patriot is “he whose public conduct is regulated by one single motive, the love of his country”. The author comes to the conclusion about Samuel Johnson’s victory in the discussion, because he took the notion of “patriot” beyond the limits of political space. Moreover, the discussion about “false” and “true” patriotism indicated the formation of the public sphere and civil society in England of the 1760s–1770s.

Key words: 18th-century Britain; patriotism; era of George III; patriotism; “North Briton”; John Wilkes; Samuel Johnson.

Armitage, D. (1997). A Patriot for Whom? The Afterlives of Bolingbroke’s Patriot King. *Journal of British Studies*, 36 (4), 397–418.

Bolingbroke, H. S. J. (1978). Ideja o Korole-Patriote [The Idea of a Patriot King]. In M. A. Barg (Ed.), *Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii* [Letters on the Study and Use of History] (pp. 197–239). Moscow: Nauka. (In Russian)

Boswell, J. (1992). *The Life of Samuel Johnson*. London: Everyman.

Brewer, J. (1976). *Party Ideology and Popular Politics at the Accession of George III*. Cambridge: Cambridge University Press.

Cobbett, W., & Wright, J. (Eds.). (1813). *The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803 (Vol. XVI. 1765–1771)*. London: T. C. Hansard, Peterborough-court, Fleet-street.

Colley, L. (2003). *Britons: Forging the Nation, 1707–1837*. London: Pimlico.

Cunningham, H. (1981). The Language of Patriotism, 1750–1914. *History Workshop*, 12 (1), 8–33. *Essay on Patriotism: And on the Character and Conduct of Some Late Famous Pretenders to That Virtue, Particularity of the Present Popular Gentleman*. (1768). London: Fleet-street.

Gerrard, C. (1994). *The patriot Opposition to Walpole: Poetry, Politics and the National Myth, 1725–1742*. Oxford: Oxford University Press.

Griffin, D. (2002). *Patriotism and Poetry in the Eighteenth-Century Britain*. Cambridge: Cambridge University Press.

Johnson, S. (1770). *The False Alarm*. London: T. Cadell.

Johnson, S. (2008). Patriot. Addressed to the Electors of the Great Britain. In D. Greene (Ed.), *Samuel Johnson: Major Works* (pp. 580–588). Oxford: Oxford University Press.

Ministreal Patriotism Detected; or the Present Opposition Proved to be Founded on Truly, just and laudable Principles, by the Evidence of Facts (1763). London: J. Cooke.

Pittock, M. G. H. (1994). *Poetry and Jacobite Politics in Eighteenth-Century Britain and Ireland*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sainsbury, J. (1995). John Wilkes, Debt, and Patriotism. *Journal of British Studies*, 34 (2), 165–195.

Semenov, S. B. (1997). Paradoks Dzhona Uilksa [The Paradox of John Wilkes]. *Novaja i noveishaja istorija*, 5, 196–213. (In Russian)

Skinner, Q. (2002). *Visions of Politics (Vol. I: Regarding Methods)*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sokolov, A. B. (2015). «Prav', Britanija, morjami»? *Politicheskie diskussii v Anglii po voprosam vneshnej i kolonial'noj politiki v XVIII veke* ["Britain, rule the seas"? Political Discussions about Foreign and Colonial Affairs in 18th-Century England]. Saint Petersburg: Aleteyja. (In Russian)

Wilkes, J. (1763). *The North Briton*. Dublin: J. Potts.

Wilkes, J. (1770). *The Letter to Samuel Johnson*. London: J. Almon.

Wilson, K. (1995). *The Sense of the People: Politics, Culture and Imperialism in England, 1715–1785*. Cambridge: Cambridge University Press.

Received 1 March 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.058
УДК 325.2:355.1(470) + 342.395:355.081.3 +
+ 94(510) + 94(518)

С. В. Смирнов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

КОРПУС ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ И ФЛОТА В БОРЬБЕ ЗА ЛИДЕРСТВО В СРЕДЕ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ (1920-е — начало 1940-х гг.)

Стремление антибольшевистских сил российской эмиграции к реваншу в проигранной большевикам Гражданской войне выдвинуло на первый план вопрос о консолидации остатков Белой армии и создании единого руководящего центра. Добиться единства не удалось. В результате появились две крупнейшие организации, объединявшие бывших русских военных, — Корпус Императорской Армии и Флота (КИАФ) и Русский Обще-Воинский Союз (РОВС). Статья посвящена малоизученным вопросам становления, развития, организации и деятельности подразделений КИАФ на территории Китая в 1920-е — начале 1940-х гг. Исследование опирается на достаточно слабо введенные в научный оборот документы из центральных и региональных архивов РФ, а также эмигрантскую периодику. Большое внимание уделено проблемам противостояния КИАФ и РОВС в стремлении возглавить военную эмиграцию в осуществлении антисоветской борьбы, а также причинам провала деятельности китайских подразделений КИАФ. Подводя итоги деятельности КИАФ в Китае, автор указывает основные причины его неудач: стратегические просчеты (ставка на сохранение значительной частью населения Советского Союза монархических взглядов и восприятие Красной Армии восприимчивой Императорской Армии), личные амбиции и имперско-патриотический романтизм ВК Кирилла Владимировича, приведшие к расколу монархического движения и русской военной эмиграции, что вызвало, в свою очередь, нездоровую конкуренцию в рядах антибольшевиков, а также отсутствие у легитимистов надежной финансовой базы и серьезные недостатки в работе руководства китайских подразделений КИАФ.

Ключевые слова: российская эмиграция; Корпус Императорской Армии и Флота; легитимисты; Русский Обще-Воинский Союз; Китай; Маньчжурия.

Корпусу Императорской Армии и Флота (КИАФ), монархической, легитимистской организации, главному оппоненту РОВС в объединении российской военной эмиграции в 1920–1930-е гг., к сожалению, не уделено серьезного внимания в отечественной историографии. Исследователи дают либо общие сведения о легитимистском движении, либо останавливаются на отдельных эпизодах деятельности организации [Громов; Серегин]. Особенно в этом отношении не повезло дальневосточным подразделениям КИАФ, информация о которых фрагментарна и противоречива [Антонов; Между Первой и Второй мировыми войнами; Усов]. Причина состоит в том, что в сравнении с РОВС, деятельность

которого достаточно полно отражена в многочисленных документах, хранящихся в архивах США и России, материалов, относящихся к легитимистскому движению, сохранилось сравнительно немного. Тем не менее, обращение к документам региональных российских архивов (ГАХК, ГААОСО), фондам ГАРФ и эмигрантской периодике позволяет представить структуру и деятельность китайских подразделений КИАФ достаточно полно.

Оформление русского монархического движения в эмиграции произошло на Рейхенгалльском съезде, проходившем в Баварии в мае-июне 1921 г. Съезд сформировал так называемую «Рейхенгалльскую платформу», основанную на признании необходимости реставрации монархии в освобожденной от большевиков России при сохранении династии Романовых. Однако фигура конкретного претендента на престол не называлась. Руководящим органом монархического движения стал Высший монархический совет (ВМС).

В августе 1922 г. Великий Князь (ВК) Кирилл Владимирович, старший в порядке престолонаследия член Императорского дома Романовых, издал обращение к «Русскому Народу и Воинству». Кирилл Владимирович объявлял себя Блюстителем Государева престола «впредь до той поры, когда весть о злодейском убийении Государя Императора Николая Александровича и Наследника Цесаревича Алексея Николаевича будет опровергнута, или, если сей надежде не суждено осуществиться, впредь до того дня, когда Земский Собор провозгласит Законного Государя». В обращении к Российскому Воинству Великий Князь указал, что «нет двух Русских армий. Имеется, по обе стороны рубежа Российского, Единая Русская Армия, беззаветно преданная России, ея вековым устоям, ея исконным целям». Именно Русская Армия и должна спасти многострадальную Родину и вернуть России светлое будущее [НИА, б. 7, f. 11. *Émigré organization*].

Выступление Кирилла Владимировича не было поддержано ВМС и многими представителями императорского дома. Это не остановило Великого Князя, и в мае 1924 г. он объявил себя Российским императором (резиденция в Сен-Бриаке, Бретань) и призвал к объединению вокруг себя народа и армии. Этот шаг окончательно расколол монархическое движение на легитимистов, сторонников ВК Кирилла Владимировича, и непредрешенцев, считавших, что новый император должен быть избран только после освобождения России и при участии всего народа.

В конце апреля 1924 г. Кирилл Владимирович, стремясь возглавить Русскую армию в изгнании, утвердил образование Корпуса Офицеров Императорской Армии и Флота (позднее Корпус Императорской Армии и Флота), «с целью произвести отбор достойных Русских Офицеров, верных Престолу и Основным Законам Российской Империи и объединить их под Знаменем Законности для предстоящего служения Родине...» [Серегин, с. 96].

Главнокомандующий Русской армией генерал П. Н. Врангель, не заявляя прямо о своем неподчинении Великому Князю, в то же время инициировал создание в сентябре 1924 г. альтернативного объединения — Русского Обще-Воинского

Союза. Главой всех русских вооруженных сил за рубежом был признан бывший главнокомандующий Императорской армией ВК Николай Николаевич, не признавший Кирилла Владимировича императором. Создание КИАФ и РОВС привело к расколу и дальнейшему противостоянию в среде военной эмиграции.

Дальний Восток, где в начале 1920-х гг. еще сохранялась единственная неподконтрольная большевикам территория (российское Приморье) и находилась большая масса эмигрантов, не мог не привлечь внимание легитимистов. К тому же в августе 1922 г. во Владивостоке было сформировано правительство Приамурского Земского края во главе с генералом М. К. Дитерихсом с ярко выраженной монархической направленностью.

Задача организации легитимистского движения на Дальнем Востоке была возложена на назначенного в 1922 г. представителем ВК Кирилла Владимировича в этом регионе генерал-майора Ф. А. Риттиха, в годы Гражданской войны являвшегося генералом для поручений при Верховном уполномоченном правительства адмирала А. В. Колчака на Дальнем Востоке генерале Д. Л. Хорвате [ГАРФ, ф. Р-6081, оп. 1, д. 16а, л. 49].

Генерал Риттих был очень осторожен в своих действиях, поскольку генерал Дитерихс не поддержал выдвижение Великого Князя в качестве Блюстителя Государева престола. Опубликованное в Харбине воззвание Великого Князя не получило значительного отклика и в состав организации легитимистов первоначально вошло лишь 37 человек [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 46300, л. 225]. Главными фигурами, с которыми Риттиху удалось установить связи в Харбине, были генерал-лейтенант Н. А. Лохвицкий (бывший командующий Дальневосточной армией) и полковник Н. Л. Жадвойн (бывший начальник разведывательного отделения штаба 1-го Забайкальского корпуса).

В 1923 г. генералы Лохвицкий и Риттих уехали в Европу, где Риттих вскоре скончался. Лохвицкий же занял видное место в легитимистском движении, будучи в 1925–1933 гг. председателем Совета по военным и морским делам при Великом князе. Уезжая в Европу, Риттих по согласованию с центром передал полномочия представителя ВК Кирилла Владимировича полковнику Жадвойну.

Сведений о первых легитимистах сохранилось очень мало. Однако известно, что одним из доверенных лиц Жадвойна являлся капитан Т. П. Москалев, по имеющимся свидетельствам, личность весьма темная. Всю Гражданскую войну Москалев провел в Забайкалье в составе Броневой дивизии атамана Г. М. Семенова. Одно время командовал бронепоездом «Истребитель», участвовал в боях с партизанами и был известен своей жестокостью [Там же, д. 40158, л. 23]. Среди офицеров семеновского Особого Маньчжурского отряда отношение к нему было недоверчивым и в некоторой степени брезгливым. Ходили слухи о том, что жена Москалева ушла к богатому иностранцу, так он стал этого иностранца шантажировать и «перебрал порядочно денег от него». В то же время в окружении атамана Семенова Москалев, хотя и не пользовался любовью, но считался человеком нужным [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 15158, л. 12]. Вероятно, уже тогда будущий легитимист был связан с японцами.

В 1924 г. Жадвойн перебрался из Харбина в Чаньчунь, а оттуда — в столицу Трех Восточных провинций — Мукден. Причинами этого стало усиление советского влияния и активная деятельность советской разведки в Харбине после установления в мае 1924 г. дипломатических отношений между СССР и Китайской республикой и восстановления совместного управления Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД). Согласно воспоминаниям ветеранов советских спецслужб, Жадвойн якобы входил в руководство так называемого «Таежного штаба», координировавшего деятельность белых партизан в приграничных с СССР районах [Антонов; Между Первой и Второй мировыми войнами]. Осенью 1924 г., благодаря успешным действиям советской разведки, «Таежный штаб» был разгромлен и Жадвойн, опасаясь за свою жизнь, покинул Харбин.

С образованием КИАФ в легитимистском движении в Маньчжурии появились новые лица — генерал-майоры В. И. Печенкин, П. А. Федосеев, полковники А. В. Эглау, Ф. Д. Друри и др. Важную, но тщательно скрываемую роль в работе харбинских легитимистов играл генерал-майор К. К. Акинтиевский (в 1919 г. офицер Штаба Верховного Главнокомандующего в Омске, в Забайкалье — начальник штаба Дальневосточной армии). Находясь на официальной службе в Управлении КВЖД и имея китайское подданство, Акинтиевский, тем не менее, был причастен к работе так называемого оперативного отделения харбинского Офицерского союза, поддерживавшего связи с боевым подпольем [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 4922, л. 97]. Была ли легитимистская ориентация Акинтиевского обусловлена только его искренней приверженностью монархии и симпатией к ВК Кириллу Владимировичу, сказать сложно. Возможно, свою роль в выборе Акинтиевского сыграло его исключение из ориентированного на РОВС Офицерского союза за «заискивание перед советскими служащими КВЖД» [Там же].

Почти сразу после образования КИАФ и РОВС между ними разгорелась борьба за привлечение в свои ряды объединений бывших военных, в чем первоначально Обще-Воинский Союз был более успешен. К концу 1920-х гг. общая численность РОВС составляла около 100 тысяч человек, тогда как в рядах КИАФ находилось лишь 15 тысяч [Граф, с. 123]. В Харбине, по имеющимся данным, количество легитимистов до конца 1920-х гг. едва превышало сто человек [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 46300, л. 255].

Конкурируя с РОВС, представители легитимистского руководства в Маньчжурии предпринимали попытки перетянуть на свою сторону видных членов Обще-Воинского Союза. В частности, это касалось генералов Е. Г. Сычева и И. Ф. Шильникова, руководивших партизанскими группами, действовавшими на границе с Приамурьем и Забайкальем. Есть сведения, что Сычев и Шильников в 1926 г. высказывались о своей лояльности в отношении ВК Кирилла Владимировича [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 139, л. 14 об.]. Эмиссары легитимистов работали в казачьем Трехречье и оторванной от других частей «русского Китая» провинции Синьцзян.

Важным объектом конкуренции для РОВСовцев и легитимистов были русские военные, служившие в китайской Шаньдунской армии. Представителем КИАФ в Русской группе войск Шаньдунской армии являлся начальник штаба 65-й дивизии генерал-майор (полковник русской службы) М. В. Куклин [Политическая история русской эмиграции, с. 41]. В Русской группе служил и капитан Москалев. После возвращения из китайской армии Москалев был отстранен Жадвойном от работы в организации легитимистов, по-видимому, за махинации, связанные с его именем (попытка шантажа атамана Семенова в компании со своим сослуживцем капитаном Закржевским), и сотрудничество с японской разведкой [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 15158, л. 12]. Борьба КИАФ и РОВС за Русскую группу войск оказалась неудачной. После ряда поражений в боях с войсками южного революционного лагеря и в связи с общим ухудшением политической обстановки для северных милитаристов, в чьих войсках и служили эмигранты, Русская группа стала редеть и в конце 1928 г. была полностью ликвидирована.

Помимо РОВС, конкурентом для легитимистов в Маньчжурии являлись монархисты, подчинявшиеся ВМС. В Харбине существовал отдел ВМС и ориентированный на него Окружной совет объединенных монархических организаций. Одним из руководителей Окружного совета генерал-майора Д. В. Загоскина, развернувшего активную борьбу против легитимистов, последние объявили едва ли не агентом Коминтерна [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 139, л. 14 об.].

В конце 1920-х гг., на фоне обострения советско-китайских отношений, усилилась политизация русской эмигрантской общины в Маньчжурии. Выросла численность членов антисоветских организаций, активизировалась деятельность боевого подполья в приграничных районах. В это время организационная структура КИАФ в Китае приобретает более определенный вид. В 1928 г. в Китае имелось три отдела Корпуса: Харбинский под руководством полковника Эглау, Мукденский под руководством произведенного ВК в генерал-майоры Жадвойна и Шанхайский. В 1929 г. был сформирован Маньчжурский округ КИАФ с центром в Харбине. Во главе округа встал Георгиевский кавалер генерал-лейтенант В. А. Кислицин, привлеченный в организацию легитимистов Акинтиевским. В то время Кислицин являлся сотрудником китайской железнодорожной полиции, где служило немало бывших русских военных. Вступление генерала в организацию легитимистов повлекло за собой пополнение рядов КИАФ русскими полицейскими. В период советско-китайского вооруженного конфликта вокруг КВЖД (лето-осень 1929 г.) Кислицин сформировал несколько вооруженных отрядов для борьбы против большевиков [Кислицин, с. 14], которые вскоре были распущены, не приняв участия в вооруженных столкновениях.

Ситуация в Маньчжурии в 1929 г. не могла остаться без внимания легитимистского центра, тем более что ее стремились использовать и РОВСовцы. Наиболее активным сторонником вооруженной борьбы с советской властью в окружении ВК Кирилла Владимировича являлся генерал Лохвицкий. Лохвицкий

считал, что самым уязвимым с точки зрения обороны местом Советского Союза является Дальний Восток. Здесь и нужно было готовить главный удар Советам. Генерал предлагал реорганизовать КИАФ, сделав его основой интервенционной армии, и создать в приграничных с СССР районах Дальнего Востока сеть партизанских отрядов. Великий Князь, противник освобождения России путем интервенции, не принял проект Лохвицкого [Граф, с. 123, 133].

Все попытки эмигрантских антибольшевистских сил в Китае включиться в открытую вооруженную борьбу с Советами в 1929 г. не увенчались успехом. Китайские власти не доверяли белым и практически не давали им возможности действовать. После поражения китайских войск в боях с частями Красной армии и заключения советско-китайского соглашения в Хабаровске в январе 1930 г. было предписано распустить все белые партизанские отряды, а белых активистов выдворить за пределы Маньчжурии. Начались чистки и в среде русских служащих КВЖД.

Весной 1930 г. из Управления КВЖД был уволен генерал Акинтьевский. После этого он стал открыто работать у легитимистов, занимая должность помощника генерала Кислицина. В реальности же умный, дальновидный, решительный Акинтьевский являлся неофициальным руководителем маньчжурского подразделения КИАФ. Есть упоминания, что Акинтьевский, острый на язык, за глаза называл Кислицина, рубаку-кавалериста, имевшего четырнадцать ранений, и не сильно искушенного в политике, «всадником без головы» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 46300, л. 227]. Несмотря на неблагоприятные для белых условия, численность легитимистов в Маньчжурии в 1930–1931 гг. выросла до нескольких сотен человек [Там же, л. 226]. В какой-то степени этому способствовало снижение авторитета РОВС в связи со смертью его руководителей — генерала Врангеля и ВК Николая Николаевича и неспособностью Союза наладить эффективную борьбу против советского режима, а также привлечение легитимистами в свои ряды молодежи, что было результатом взаимодействия с такими крупными молодежными организациями, как Союз Мушкетеров, Черное кольцо, Орден крестоносцев [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 139, л. 14 об.].

Помимо Харбина, крупным центром легитимистского движения в Китае являлся Шанхай. В 1929 г. представителем ЕИВ в Шанхае был назначен перебравшийся сюда из Мукдена генерал Жадвойн. В организационном плане Шанхайское подразделение КИАФ представляло собой Отдельный район, первоначально состоявший из двух отделов, и Отдельный морской отдел. С декабря 1930 г. начальником Отдельного района и Отдельного Морского отдела стал контр-адмирал В. В. Безуар (в годы Гражданской войны в Приморье помощник командующего Сибирской флотилией), служивший в Шанхае на гражданских судах. Помощником Безуара являлся полковник Н. Н. Николаев, начальником 1-го отдела — подполковник Аппарович, 2-го отдела — подполковник В. А. Иеропес. Канцелярия района первоначально располагалась на авеню Жоффр, одной из наиболее населенных русскими эмигрантами улиц Шанхая на территории Французской концессии [Там же, ф. Р-9145, оп. 1, д. 241, л. 1].

Третий отдел Отдельного района, являвшийся до конца 1930 г. самостоятельным, находился в Тяньцзине. В Циндао, а также в Японии функционировали Отдельные группы КИАФ. В 1931 г., в связи с увеличением численности легитимистов, в составе Отдельного района в Шанхае были сформированы 4-й, 5-й и 6-й отделы, возглавляемые соответственно ротмистром Гапановичем, полковником Б. Николаевым и штабс-капитаном Отлановым [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 139, л. 59].

В Шанхае так же, как и в Маньчжурии, разгорелась активная борьба между РОВС (Шанхайское отделение Союза было сформировано в 1930 г.) и КИАФ за влияние на военные организации и объединения, которых в Шанхае было около двух десятков. Борьба шла с переменным успехом — до 1932 г. перевес был на стороне РОВС, но позднее часть объединений бывших военнослужащих откололись от Обще-Воинского Союза и примкнули к легитимистам. Достаточно сильные позиции КИАФ имел в Русском отряде Шанхайского волонтерского корпуса, являвшемся постоянной воинской частью, охранявшей Международный сэттльмент.

В сентябре 1931 г. японская Квантунская армия вторглась в Маньчжурию и обеспечила здесь в марте 1932 г. провозглашение «независимого» маньчжуромонгольского государства Маньчжоу-го. Для политически активной части русской эмиграции приход в Маньчжурию японцев, казалось бы, открыл новые перспективы борьбы против советской власти при поддержке японской стороны. В самом деле, эмигрантские политические организации в Маньчжоу-го были легализованы, выросла их численность и заметно усилилась роль в жизни эмигрантской общины. Легитимистское движение в Маньчжурии в это время достигло пика в своем развитии.

Глава Маньчжурского округа КИАФ генерал Кислицин был назначен главным представителем ЕИВ Кирилла Владимировича в Маньчжоу-го. Заместителями Кислицина являлись: по военной линии — генерал-майор Акинтьевский, по гражданской — генерал-майор (производства Сен-Бриака) Эглау. Штаб отделения имел в своем составе ряд отделов: пехотный (начальник — генерал-майор Н. Н. Соболевский), кавалерийский (в 1932 г. — полковник Г. И. Круглик, в 1933–1934 гг. — полковник Л. А. Зеленцов), артиллерийский (полковник С. Н. Цилов), инженерный (полковник С. Куксин), морской (капитан Запольский, в 1933 г. — ст. лейтенант М. И. Никифоров), санитарный (генерал-майор С. И. Тарновский), молодежный (полковник А. А. Павловский) [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 36825, л. 31, 32; д. 36449, л. 24; д. 39453, л. 28].

Территориально Маньчжурский округ КИАФ разбивался на районы и отделы. Харбин, где было сосредоточено наибольшее количество членов Корпуса, делился на пять районов. В каждом районе существовало по два отдела. Например, 4-й отдел 4-го Харбинского района именовался Ижевским. Он был сформирован в 1930 г. на базе Ижевского объединения бывших военнослужащих ижевских частей и выходцев из района Ижевского завода. Главой Ижевского объединения и 4-го Ижевского отдела КИАФ являлся штабс-капитан Ф. Н. Зорин, воевавший

в 1918 г. в рядах Ижевской Народно-Революционной армии [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 46300, л. 207]. Представительства Ижевского объединения действовали в столице Маньчжоу-го — Синьцзине (капитан Вершинин) и на ст. Куанченцзы (поручик Богданов) [Грядущая Россия, 1934, № 15–16, с. 42].

Наряду с Харбином центрами районов КИАФ являлись Мукден (в 1929–1932 г. начальник — генерал-майор Н. Ф. Петухов, в 1934 г. — подполковник Гонелин), Хайлар, Цицикар, Трехречье, ст. Пограничная [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 36825, л. 32]. Известны некоторые отделы КИАФ — 24-й Уссурийский казачий отдел в Харбине, 27-й отдел на восточной линии КВЖД (ст. Пограничная и Мулин, раз. Эхо), 32-й отдел на южной линии КВЖД (Синьцзин — ст. Куанченцзы) [Грядущая Россия, 1934, № 11, с. 23, 24]. Общая численность членов КИАФ в Маньчжурии в 1934 г. превышала 1 000 человек [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 36825, л. 29].

В Трехречье, приграничном районе с советским Забайкальем, главной фигурой среди легитимистов стал подполковник Москалев, получивший сюда назначение от генерала Кислицина. Будучи доверенным лицом японцев, Москалев к тому же возглавлял Трехреченский пограничный полицейский отряд, назначая на должности в основном близких себе людей. Как отмечал один из эмигрантских информаторов, «легитимисты торопятся к нему (Москалеву. — С. С.) на поклон, в Трехречье назначают исключительно легитимисты. В какие-нибудь 3–4 месяца все Трехречье начинает ненавидеть легитимистов» [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 15158, л. 13].

Большое внимание легитимисты так же, как и РОВС, уделяли работе с молодежью, которая должна была стать надежной сменой старшему поколению в борьбе за освобождение России. В Харбине действовал входивший в состав КИАФ Союз монархической молодежи, возглавляемый ротмистром П. П. Меем [Часовой, 1935, № 141–142, с. 33]. Легитимисты установили шефство над харбинским приютом-училищем «Русский Дом», директор которого, капитан 2-го ранга К. И. Подольский, являлся членом КИАФ. При 24-м Уссурийском казачьем отделе в декабре 1933 г. был создан отряд потешных. Инициатором создания отряда стал и. д. начальника отдела подхорунжий Афракков [Грядущая Россия, 1934, № 14, с. 22]. «Потешные» мало чем отличались от объединений русских скаутов и разведчиков, разве что своей «политической ориентацией». Ставка на создание своего скаутского объединения объяснялась тем, что наиболее многочисленный контингент скаутов в Маньчжоу-го — Национальная организация русских разведчиков — находился под влиянием РОВСа.

Для военного обучения молодежи легитимисты организовали в Харбине в 1932 г. полугодовые вечерние унтер-офицерские курсы, а в мае 1934 г. была открыта инструкторская школа. В составе школы предполагалось развернуть техническую роту, батарею, эскадрон-сотню и пехотную (стрелково-пулеметную) роту [Грядущая Россия, 1934, № 9–10, с. 44]. Кроме того, руководство Маньчжурского округа КИАФ организовывало для офицеров заочное обучение на Высших военно-научных курсах генерала Н. Н. Головина (Париж).

В конце 1933 г. при штабе отделения был организован Дамский Благотворительный кружок, возглавляемый О. В. Кислициной. Одной из главных задач кружка являлось участие в изыскании средств для поддержания деятельности КИАФ.

Для политических организаций эмиграции вопрос финансирования являлся едва ли не самым сложным и легитимисты здесь не были исключением. Финансирование организации осуществлялось за счет членских взносов, проведения увеселительных вечеров и балов, сборов в фонд «Грядущей России». В Харбине существовала касса взаимопомощи (в 1934 г. председателем Правления кассы состоял генерал Соболевский). По состоянию на 1 июня 1934 г. членами кассы взаимопомощи являлись 481 человек. Касса предоставляла средства на лечение и операции для больных членов КИАФ и на погребение умерших. Как показывает отчет Правления кассы за апрель-май 1934 г., приход был мизерный и составил в апреле около 103 китайских долларов, в мае — 69,5 [Грядущая Россия, 1934, № 14, с. 24].

Легитимисты имели в Китае несколько собственных печатных изданий. В Маньчжоу-го таким изданием являлся журнал «Грядущая Россия». Здесь размещалась информация из Сен-Бриака, приказы штаба Маньчжурского округа КИАФ, сведения о мероприятиях, проводимых легитимистами, различного рода статьи, выдержанные, в целом, в аляповатом патриотически-монархическом тоне. В Шанхае самым ранним печатным органом легитимистов являлась газета «Штандарт», первым редактором которой был контр-адмирал Безуар. В первой половине 1930-х гг. еще одной печатной трибуной легитимистов стал журнал «Армия и Флот», издававшийся полковником Н. В. Колесниковым, изгнанным в свое время из рядов РОВС. Стиль издания Колесникова отличался не менее велеречиво-пышным патриотически-монархистским пафосом.

В 1933–1934 гг. генерал Кислицин и его окружение развернули невероятно активную «деятельность». Кислицин регулярно издавал приказы и распоряжения, организовывал торжественные молебны, собрания, выступления старших чинов КИАФ с докладами и т. п. Сносился с Сен-Бриаком, направляя подробные отчеты о деятельности Маньчжурского округа и пространные списки желающих стать членами легитимистской организации как по военному, так и по гражданскому ведомствам. Согласно воспоминаниям Г. К. Графа, «проверить, кто все эти люди и выполняют ли они те функции, о которых сообщал Кислицин, было невозможно, поэтому приходилось Кислицину верить» [Граф, с. 191]. В конце 1932 г. по инициативе дальневосточного руководства легитимистов стали учреждаться Кадры старых боевых полков Российской Армии. В Харбине — 79-го пехотного Куринского (начальник — полковник Ф. Недоспасов) и 38-го стрелкового Сибирского (начальник — полковник Павловский) полков, в Шанхае — 1-го стрелкового Сибирского Императора Николая II полка (начальник — полковник Н. Н. Николаев) [Армия и Флот, 1932, № 6, с. 63].

Практически ничего не известно о боевой и пропагандистской работе легитимистов на советской территории. Основную роль здесь играли сотрудничавшие

между собой Дальневосточные отделы Братства Русской Правды и РОВС. Имеются отрывочные сведения лишь о переброске на территорию СССР легитимистской литературы, которую на ст. Пограничная прятали в вагонах поездов, отправлявшихся в Советский Союз. При этом русские чины железнодорожной полиции, среди которых было немало легитимистов, оказывали помощь в осуществлении политической «контрабанды» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 36873, л. 21].

«Служение» членов КИАФ Родине и Императорскому дому щедро вознаграждалось Сен-Бриаком производством в очередные офицерские чины и награждением достойных учрежденным в 1929 г. орденом Святителя Николая Чудотворца. Среди легитимистов, повышенных в воинских чинах, были генерал-лейтенант Кислицин, удостоенный звания генерала от кавалерии, полковники Жадвойн, Эглау, И. П. Пацковский (начальник одного из харбинских районов Корпуса) [Там же, д. 36825, л. 14 об.], произведенные в чин генерал-майора, штабс-капитан Зорин, последовательно ставший капитаном (1930) и подполковником (1934), капитан Москалев, «добравшийся» до генерал-майора, и мн. др.

Орденский знак Святителя Николая Чудотворца можно были приобрести или заказать в Харбине в ювелирном магазине Сарапова при предъявлении свидетельства на право ношения ордена. Стоило это недешево — 5 гоби без стоимости ленты [Грядущая Россия, 1934, № 11, с. 24].

В 1934 г. в Маньчжоу-го наметилось сближение между КИАФ и РОВС на платформе идеи создания единого антибольшевистского фронта. По информации дальневосточного корреспондента журнала «Часовой» (центральный печатный орган РОВС), в 1934 г. в Харбине на празднике кавалеров ордена св. Георгия произошла встреча генералов Вержбицкого, начальника Харбинского отделения РОВС, и Кислицина, где было объявлено об объединении двух организаций [Часовой, 1934, № 121, с. 29]. Впрочем, создать объединение так и не удалось. Не последнюю роль в этом сыграла активная поддержка ВК Кириллом Владимировичем младоросского движения, идеократическая монархия которого была совершенно неприемлема для РОВС, усмотревшего в ней созвучие с социализмом.

Предложение из Сен-Бриака объединиться с отделением Партии младороссов, возникшим в Харбине в 1932 г., вызвало недовольство и в рядах маньчжурских легитимистов. Главным противником младороссов выступил генерал Акинтиевский, тогда как Кислицин предложение из штаб-квартиры воспринял как приказ [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 46300, л. 228]. Отношения между генералами накалились, тем более что Кислицин давно тяготился ролью «всадника без головы». В результате Акинтиевский вышел из состава КИАФ и стал работать начальником штаба в Военно-монархическом союзе (ориентировался на ВМС), возглавляемом генералом В. Д. Косьминым [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 565, л. 10, 11].

Между тем, к середине 1930-х гг. руководящее положение Японии в Маньчжоу-го окончательно приобрело свои политические и экономические формы. Русской политической эмиграции недвусмысленно дали понять, что

ее будущее напрямую связано с отношением к Японии. Японии нужна была по возможности единая и лояльная к ней русская эмиграция. В 1934 г. японцы возглавили процесс объединения эмигрантских организаций, который к тому времени зашел в тупик из-за острых «межпартийных» противоречий. Результатом объединительной политики японцев стало создание в декабре 1934 г. Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), представительного административного органа эмигрантской общины.

Легитимисты в лице генерала Кислицина поддержали «объединительную» политику японских властей, в отличие от РОВС, который не желал признавать выдвижение японцами атамана Семенова в качестве вождя русской эмиграции в Маньчжоу-го. Интересно отметить, что в рядах Обще-Воинского Союза практически не было офицеров-семеновцев, тогда как у легитимистов их было немало. Генерал Кислицин, несмотря на разговоры о его противоречиях с атаманом, относился к Семенову вполне лояльно. Главный представитель ЕИВ в Маньчжоу-го на страницах эмигрантской печати неоднократно высказывался в поддержку всех тех, кто борется против «злейшего врага всего мира, кровавого Коминтерна», и особенно симпатизировал Японии: «...дружба с великим Ниппонским народом, освященная кровью на полях Великой Войны и Сибири, еще сильна в наших сердцах и что только в тесном единении с нашими союзниками — залог успеха нашей работы здесь на Дальнем Востоке» [Грядущая Россия, 1934, № 14, с. 2].

В отношениях легитимистов с японскими политическими кругами вновь встал вопрос о младороссах, которых японцы считали скрытыми большевиками. Вероятно, не без указки японской стороны в начале осени 1934 г. на ст. Пограничная и в близлежащих населенных пунктах прошли аресты эмигрантов, подозреваемых в связях с советской стороной. Среди арестованных было много легитимистов. Руководил этой акцией начальник полицейского пограничного отряда штабс-капитан Б. Н. Шепунов, сотрудничавший с японской жандармерией и в то же время возглавлявший отделение РОВС на ст. Пограничная. Арестованные подвергались избиениям и пыткам, но в результате дальнейших судебных разбирательств их оправдали и освободили [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 41212, л. 20–22]. Шепунов и его команда, тем не менее, не получили никаких взысканий за применение насилия в отношении подозреваемых.

В этой ситуации Кислицин, понимая, кто является настоящим хозяином положения в Маньчжоу-го, заявил в конце 1934 г. о своем выходе из КИАФ. Вместе с ним организацию только в Харбине покинули более 300 человек [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 36825, л. 29]. После разрыва с Сен-Бриаком Кислицин был лишен штаб-квартирой всех своих чинов и званий и объявлен «предателем», вместе с ним ярлык «изменника» получил и генерал Акинтьевский [Там же, д. 46300, л. 228]. Новым руководителем существенно поредевшего Маньчжурского округа легитимистов стал генерал Эглау.

Летом 1935 г. в Харбине прошли аресты и выдворение за пределы Маньчжоу-го неугодных японцам и БРЭМ эмигрантских активистов. Первый удар был

нанесен по РОВС: часть его руководителей были высланы, а в конце 1935 г. деятельность организации на территории Маньчжоу-го запрещена. Репрессии последовали и в отношении КИАФ. В июле 1935 г. начальник Маньчжурского округа генерал Эглау был арестован и затем выдворен из Маньчжурии. Поговаривали, что этому поспособствовал генерал Кислицин [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 55241, л. 28]. Вслед за Эглау из Маньчжоу-го выслали генерала Акинтиевского, который, обосновавшись в Шанхае, обрушился с разоблачительной критикой на прояпонские круги эмиграции [Там же, д. 565, л. 28]. Согласно имеющимся свидетельствам, не последнюю роль в развале легитимистской организации играл возвратившийся в 1935 г. в Харбин из Трехречья генерал Москалев, выполнявший задание японцев [Там же, д. 15158, л. 13].

Уезжая из Маньчжоу-го в Тяньцзин, генерал Эглау назначил своим заместителем полковника Ф. В. Друри, хотя куда более важную роль среди харбинских легитимистов в это время играл подполковник Ф. Н. Зорин, объединивший вокруг себя около сотни членов КИАФ, среди которых особенно выделялись ижевцы [Там же, д. 55241, л. 7]. Зорин обратился с письмом к ВК Кириллу Владимировичу, подробно изложив все произошедшее в Маньчжурии. В Сен-Бриаке Зорина считали наиболее «твердым легитимистом» и назначили в 1936 г. новым представителем ЕИВ в Маньчжоу-го. Впрочем, деятельность КИАФ на северо-востоке Китая в это время практически прекратилась — был закрыт печатный орган, молодежная и военно-учебная структуры вошли в состав созданного летом 1935 г. в качестве военного отдела БРЭМ Дальневосточного союза военных (начальник — генерал Кислицин), численность легитимистов сократилась до 100–150 человек.

В 1938 г. японские власти, чтобы ликвидировать всякую неподконтрольную им «монархическую возню», организовали в Харбине под руководством Шепунова Монархическое объединение, куда были включены все русские организации, стоявшие на монархической платформе. Одновременно «верноподданническим» легитимистам было запрещено даже проведение молебнов.

Попытка Зорина в мае 1938 г. организовать молебен по случаю тезоименин ВК Кирилла Владимировича закончилась весьма печально. Он был вызван в Японскую военную миссию, где, по свидетельствам, отразившимся в документах БРЭМ, с ним обошлись очень грубо. «В самом начале, почему-то, от него требовали, чтобы он встал на колени, это требовали от него уже семь раз. Он отказался. Далее на него набросились за его приверженность к Кириллу Владимировичу. Зачем его почитают за Императора России. “Ваш Кирилл младоросс, большевик”. Далее ему сказали, что японцы против великого князя, так как он разговаривает с французами и англичанами, а они враги Японии и поэтому враг и К. В. Японец, который с ним говорил, все больше горячился и под конец заявил: “плевать мы хотим на ваших Романовых и династию”, при этом плюнул и растер ногой» [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 46300, л. 231].

В августе 1938 г. Зорин по требованию властей был вынужден покинуть Харбин и перебраться в Шанхай, где совершенно отошел от политики. Большая

часть документов архива КИАФ были изъяты департаментом полиции [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 55241, л. 8]. «Дело Зорина» всколыхнуло общественность Харбина. Согласно свидетельствам информаторов БРЭМ, многие считали, что высылка Зорина являлась явной несправедливостью. В то же время в отношении «шепуновского» Монархического объединения люди были настроены весьма негативно [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 46300, л. 252].

После ликвидации легитимистской организации в Маньчжоу-го единственным легитимистским центром в Китае остался Шанхай. В конце 1930-х гг. представителем главы Российского Императорского дома на Дальнем Востоке являлся генерал-майор А. И. Исаков, долгое время руководивший монархическим обществом «Вера, Царь и Народ». После смерти Исакова в сентябре 1940 г. его преемником был назначен контр-адмирал Безуар [Ван, с. 391]. По одной из версий, Безуар, служивший капитаном на английском пароходе, погиб в первый день Тихоокеанской войны, когда на своем судне протаранил японский миноносец [Купцов, Буяков, Юшко, с. 50].

Установление в 1942 г. полного контроля японцев над иностранными концессиями Шанхая привело к окончательному прекращению деятельности легитимистов. Свою роль здесь сыграл и факт поддержки главой Российского Императорского дома фашистских властей во Франции, негативно воспринятый многими военными эмигрантами, занявшими в начавшейся советско-германской войне «оборонческую» позицию.

Подводя итоги деятельности КИАФ в Китае, необходимо отметить, что даже в сравнении с РОВС и БРП, чья борьба против советского режима была весьма неэффективна, результаты антисоветской работы легитимистов выглядят еще менее значимыми. Причины этого были не только и не столько в неблагоприятной политической обстановке на Дальнем Востоке и успешной деятельности советских спецслужб, сколько в стратегических просчетах — ставке на сохранение значительной частью населения Советского Союза монархических взглядов и восприятии Красной Армии восприемницей Императорской Армии, признании того, что «нет двух Русских Армий», Армия по обе стороны границы едина. Еще одной причиной, способствовавшей в целом ослаблению антибольшевистского движения, являлись личные амбиции и имперско-патриотический романтизм ВК Кирилла Владимировича, приведшие к расколу монархического движения и русской военной эмиграции, что вызвало нездоровую конкуренцию в рядах антибольшевиков. Помимо прочего, стоит отметить отсутствие у легитимистов надежной финансовой базы (впрочем, как и у их идеологических оппонентов в эмиграции), серьезные недостатки в работе руководства китайских подразделений КИАФ, которое зачастую свою главную задачу видело в том, чтобы «обставить» РОВС во влиянии на бывшую воинскую массу и молодежь, а также незначительное количество в рядах легитимистов «идейных борцов с большевизмом». Для многих борьба за освобождение России свелась к «срыванию» очередных чинов, наград, высочайших благоволений, тем самым антисоветское движение превратилось в «монархическую бутафорию».

Антонов В. Об основных вехах жизни и деятельности полковника Дмитрия Федичкина [Электронный ресурс] // Резидент-дипломат. 2005. 16 дек. URL: <http://svr.gov.ru/smi/smi.htm> (дата обращения: 02.04.2013).

Армия и Флот. 1932. № 6.

Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М. : Рус. Путь : Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2008.

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Архивно-следственные дела. Д. 36449, 36825, 36873, 39453, 40158, 46300.

ГАРФ. Ф. Р-5826. Русский Обще-Воинский Союз (РОВС). Оп. 1. Д. 139; Ф. Р-6081. Управление КВЖД, г. Харбин. Оп. 1. Д. 16а; Ф. Р-9145. Коллекция отдельных документов различных эмигрантских организаций. Оп. 1. Д. 241.

ГАХК. Ф. Р-830. Главное Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (1934–1945 гг.). Оп. 3. Д. 565, 4922, 15158, 41212, 55241.

Граф Г. К. На службе императорскому дому России. 1917–1941: Воспоминания. СПб. : Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 2004.

Громов А. Антикommунистическая деятельность легитимистов в межвоенный период [Электронный ресурс] // Легитимист. Информационное агентство Российского императорского Союза-Ордена. URL: <http://legitimist.ru> (дата обращения: 22.10.2013).

Громов А. Корпус Императорской Армии и Флота [Электронный ресурс] // Легитимист. Информационное агентство Российского императорского Союза-Ордена. URL: <http://legitimist.ru> (дата обращения: 22.10.2013).

Грядущая Россия. 1934. № 9–10; 11, 14, 15–16.

Кислицин В. А. В огне Гражданской войны // Русская Атлантида. 2010. № 36. С. 7–14.

Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны : биограф. справочник. М. : Кучково поле : Ассоциация «Военная книга», 2011.

Между Первой и Второй мировыми войнами. Ликвидация «Таежного штаба» [Электронный ресурс]. URL: <http://greatoperation.narod.ru/3/likvidstaba.htm> (дата обращения: 18.02.2015).

Политическая история русской эмиграции. 1920–1940-е гг.: Документы и материалы : учеб. пособие / под ред. А. Ф. Киселева. М. : Владос, 1999.

Серегин А. В. Монархисты-легитимисты и Русский Общевоинский Союз // Новый исторический вестник. 2014. № 39. С. 89–104.

Усов В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М. : Т-во науч. изд. КМК, 2007.

Часовой. 1934. № 121; 1935. № 141–142.

НИА. Moravskii. Box 7. F. 11. Émigré organization.

Статья поступила в редакцию 18.03.2016 г.

Смирнов Сергей Викторович

кандидат исторических наук, доцент
кафедры новой и новейшей истории
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: smirnov_sergei@mail.ru

Smirnov, Sergei Viktorovich

PhD (History), Associate Professor
Department of Modern and Contemporary
History
Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: smirnov_sergei@mail.ru

**THE CORPS OF THE IMPERIAL ARMY AND NAVY
IN ITS STRUGGLE FOR THE LEADERSHIP OF THE RUSSIAN
MILITARY EMIGRATION IN CHINA (1920s – Early 1940s)**

The desire of the anti-Bolshevik forces of the Russian emigration to avenge for the civil war they lost to the Bolsheviks highlighted the issue of consolidation of the remains of the White Army as well as creation of a unified command centre. They failed to achieve this unity. As a result there emerged two largest organizations uniting the former Russian military, i.e. the Corps of the Imperial Army and Navy (Rus. KIAF) and the Russian All-Military Union (Rus. ROVS). The article is devoted to some understudied issues of the formation, development, organization, and operation of the KIAF units in China between the 1920s and the early 1940s. The study is based on a number of little-known documents from central and regional archives of the Russian Federation and émigré periodicals. An important emphasis is made on the confrontation of the KIAF and the ROVS caused by their desire to dominate in the anti-Soviet struggle of the military emigration, as well as the reasons behind the failure in the activity of the Chinese KIAF units. Summarizing the results of the KIAF activities in China, the author points out the main causes of failures, namely, strategic miscalculations (the fact that they expected a considerable part of the Soviet population to still stand by the monarchist views and perceive the Red Army as a successor to the Imperial Army), personal ambitions and imperial patriotic romanticism of Grand Duke Kirill Vladimirovich, leading to a split in the monarchist movement and Russian military emigration, which led, in its turn, to unhealthy competition among anti-Bolsheviks, the absence of appropriate financial resources and serious deficiencies in the management of the Chinese KIAF units.

Key words: Russian émigré; Corps of the Imperial Army and Navy; legitimists; Russian All-Military Union; China; Manchuria.

Antonov, V. (2005, December 16). Ob osnovnykh vekhakh zhizni i deiatel'nosti polkovnika Dmitriia Fedichkina [On the Major Stages of Life and Activity of Colonel Dmitry Fedichkin]. *Resident-diplomat*. Retrieved from <http://svr.gov.ru/smi/smi.htm>. (In Russian)

Armia i Flot. (1932). (In Russian)

Chasovoi. (1934, 1935). (In Russian)

Graf, G. K. (2004). *Na sluzhbe imperatorskomu domu Rossii. 1917–1941: Vospominaniya* [Serving the Imperial House of Russia. 1917–1941: Memoirs]. Saint Petersburg: Publishing house Rus.-Balt. information center “BLITZ”. (In Russian)

Griaduschaia Rossiia. (1934). (In Russian)

Gromov, A. Antikommunisticheskaia deiatel'nost' legitimistov v mezhozhennyi period [The Anti-Communist Activity of Legitimists during the Interwar Period]. *Legitimizist. Informatsionnoe agentstvo Rossiiskogo imperatorskogo Souza-Ordена* [The Legitimist. The News Agency of the Russian Imperial Union – Order]. Retrieved from <http://legitimizist.ru>. (In Russian)

Gromov, A. Korpus Imperatorskoi Armii i Flota [Corps of the Imperial Army and Navy]. *Legitimizist. Informatsionnoe agentstvo Rossiiskogo imperatorskogo Souza-Ordена* [The Legitimist. The News Agency of the Russian Imperial Union – Order]. Retrieved from <http://legitimizist.ru> (In Russian)

Kiselev, A. F. (Ed.). (1999). *Politicheskaiia istoriia russkoi emigratsii. 1920–1940-e gg.: Dokumenty i materialy: uchebnoe posobie* [The Political History of Russian Emigration. 1920s–1940s: Documents and Materials: A Textbook]. Moscow: Vldos. (In Russian)

Kislitsin, V. A. (2010). V огне Grazhdanskoi voiny [In the Fire of the Civil War]. *Russkaia Atlantida*, 36, 7–14. (In Russian)

Kuptsov, I. V., Buyakov, A. M., & Yushko, V. L. (2011). *Belyi generalitet na Vostoke Rossii v gody Grazhdanskoi voiny: Biograficheskii spravochnik* [The White Generals in the East of Russia during the Civil War: A Biographical Handbook]. Moscow: Kuchkovo pole; Assotsiatsiia “Voennaia kniga”. (In Russian)

Mezhdru Pervoi i Vtoroi mirovymi voynami. Likvidatsiia “Taezhnogo shtaba” [Between the First and Second World Wars. The Elimination of the “Taiga’ Staff”]. Retrieved from <http://greatoperation.narod.ru/3/likvidstaba.htm>. (In Russian)

Seregin, A. V. (2014). Monarkhisty-legitimisty i Russkii Obschevoinskii Souz [Monarchists-Legitimists and the Russian All-Military Union]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 39, 89–104. (In Russian)

Usov, V. N. (2007). *Sovetskaia razvedka v Kitae: 30-e gody XX veka* [Soviet Intelligence in China: 1930s]. Moscow: Tovarischestvo nauchnykh izdaniy KMK. (In Russian)

Wang Zhicheng (2008). *Istoriia russkoi emigratsii v Shankhae* [The History of Russian Emigration in Shanghai]. Moscow: Russkii put’: Biblioteka-fond “Russkoe Zarubezh’e”. (In Russian)

Received 18 March 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.059
УДК 780.643.2 + 78.087.64 + 78.071.1

А. М. Понькина
*Белгородский государственный институт
искусств и культуры*
Белгород, Россия

«КВАРТЕТ ДЛЯ ЧЕТЫРЕХ САКСОФОНОВ» А. ГЛАЗУНОВА: К ПРОБЛЕМЕ ТРАДИЦИЙ И ОБНОВЛЕНИЯ

В статье в аспекте соотношения традиционного и обновленного рассматривается одно из первых произведений для академического ансамбля саксофонов. Целью данной статьи стал анализ сочинения в различных ракурсах: с позиции выявления особенностей композиторского стиля и определения взаимодействий принципов и тенденций музыкального искусства различных исторических периодов. Достижение поставленной цели стало возможным благодаря системному подходу и принципу историзма. Выбор материала обусловлен особым положением Квартета как в репертуаре для саксофона, так и в эволюции жанра. Основными литературными источниками стали архивные данные, касающиеся творчества А. Глазунова, и труды, посвященные анализу музыкальных произведений. На основе текстологического разбора удалось выявить сложные переплетения различных процессов музыкального искусства начала XX столетия: влияние вне-европейских музыкальных культур, новые принципы интонационного развития, возвращение к истокам (возрождение старинных форм и жанров), использование традиционных трактовок и одновременно обновление жанра. Главным фактором обновления становится состав инструментального ансамбля — разнотесситурный квартет саксофонов. Таким образом, в специфике звучания «Квартета для четырех саксофонов» композитор выделил общие моменты с группой струнных инструментов и в то же время подчеркнул своеобразие тембра нового для европейской музыки инструмента, что в свою очередь повлекло за собой изменение как в образной сфере, так и в структуре цикла и трактовке жанра.

К л ю ч е в ы е с л о в а: саксофон; А. Глазунов; квартет; традиции; обновление; квартет для четырех саксофонов; ансамбль; ансамбль саксофонов; исполнительство на саксофоне.

В первой половине XX в. многие композиторы начали обращаться к саксофону не только как к оркестровому, но и как к сольному и ансамблевому инструменту. Несмотря на то, что группа саксофонов так и не вошла в основной состав оперного и симфонического оркестра, инструменты этого семейства все больше обращали на себя внимание. Творческое экспериментирование авторов сочинений как со всей группой, так и с ее отдельными тесситурными разновидностями помогло полностью раскрыть тембровые возможности инструмента. Большое значение имело введение всех видов саксофона в инструментарий профессиональной музыки и создание для них оригинального репертуара. Одним из первых сочинений, предназначенных для инструментального ансамбля саксофонов, стал «Квартет для четырех саксофонов» А. Глазунова. Обращение к данному произведению показало, что композитор использовал многие традиции предшествующих эпох, творчески переосмыслил их и воплотил в оригинальном произведении. Раскрыть все факторы обновления жанра стало возможным при помощи выявления в сочинении традиционных и новых черт.

Квартет для саксофонов А. Глазунова оказал существенное влияние не только на особенности формирования репертуара для этого инструментального состава, но и на эволюцию всей музыки для саксофона новой исторической эпохи. Композитор заменил обычно используемый состав — квартет струнных инструментов — квартетом саксофонов, что в музыкально-исполнительской практике еще не встречалось. Сам автор так отзывался по этому поводу: «почти окончил квартет для четырех саксофонов. Работа эта меня очень заинтересовала своей новизной, так как до сих пор я писал квартеты для струнных инструментов. Не знаю, как все будет звучать» [Глазунов, 1958, с. 410]. В связи с этим, несмотря на оригинальный состав, в данном квартете привлекают внимание традиционные функции инструментов и наличие всех тесситурных разновидностей — от самой высокой до самой низкой (что было полностью заимствовано из струнного квартета).

Изменение тембрового колорита в данном произведении привело к частичному изменению жанрового содержания — оно не воспринимается как образец жанрово-бытового музицирования. Композитор воплощает в нем процесс размышлений, состояние лирико-психологического осмысления прошлого и сопоставления его с настоящим, отчасти безысходности и поиска выхода. Обращаясь к строению и трактовке цикла в целом, можно сказать, что использование А. Глазуновым трехчастной структурной композиции является вполне традиционным для жанра квартета. Также традициям соответствует и распределение функций частей в его драматургии: отчасти «центром тяжести» становится первая часть сочинения, развитие тематического материала в которой идет в эпическом ключе, вторая часть — сфера лирики, третья часть — финал с опорой на жанрово-бытовой тематизм.

Тип тематизма и процессы его развития определили особенности формообразования, структуру каждой части и строение цикла в целом. В трактовке цикла проявляется сочетание разнонаправленных романтических и классицистических

тенденций. При контрасте тематизма частей можно отметить наличие тематических арок между ними, что расценивается как влияние романтических традиций и способствует большей целостности цикла. Строение каждой из частей отражает тот же синтез традиций и их обновления: первая часть написана в свободной форме с чертами рондальности, во второй части использована форма жанровых вариаций, в третьей — сонатная форма имеет признаки концертности.

Первая часть из-за эпической манеры повествования, отразившейся в характере тематизма, слабой степени контрастности тем, отсутствия сонатной формы и присущего ей динамизма, отчасти теряет функцию «центра тяжести» цикла. В ней излагается один из образных тезисов, связанных с передачей хода размышлений автора. В определенной степени это можно отнести к факторам обновления, так как подобная сфера образности в первых частях сонатных циклов встречалась довольно редко. В этой части квартета использована трехчастная композиция с ярко выраженными чертами рондальности. Тема вступления не обладает яркой индивидуальностью. Ей свойственна аккордовая фактура, мелодия каждого голоса малоподвижна, с постепенно утихающей динамикой. Неквадратность структуры (5 + 6 + 5), завуалированная тональность, изложение мелодии крупными длительностями — все это создает ощущение ожидания, подготовки к будущему повествованию. Использование материала темы вступления как связки между главной и побочной партией в разработке создает «внутреннее напряжение» в развитии, придавая эпический характер всей части.

Появление главной темы первой части воспринимается как начало изложения и привлекает широтой мелодического дыхания, ясностью и простотой. Мелодический рисунок характеризуется плавным, спокойным чередованием уравнивающих друг друга подъемов и спадов. Довольно ясно прослушивается ориентация музыкального мышления композитора на гармоническое, ладовое, ритмическое и тембровое своеобразие народной музыки. Переплетение специфических черт русской протяжной песни и американских ритмов можно расценивать как своеобразный сплав двух различных национальных культур. «Окончил пьесу для четырех саксофонов <...> немного американисто!» [Глазунов, 1960, т. 2, с. 69]. Основная тема первой части звучит в начале каждого крупного раздела, подчеркивая членение формы, а также появляется и внутри среднего раздела, образуя внутреннюю рондальность. Каждый раз проявляясь, эта тема предстает в несколько разных «обличьях».

Вторая часть квартета — канцона с вариациями. По своей сути она является лирическим центром всего сочинения, воплощая лирико-психологический оттенок содержания. Через всю часть проходит состояние художественной возвышенности и идеализированности, одновременно переплетающееся с чертами созерцательности, самоуглубленности, сосредоточенности, близкой к аскетизму. Тема и первые две вариации образуют своеобразный микроцикл, который можно рассматривать как исторический срез пластов, где каждая вариация представляет собой исторический этап развития канцоны, обогащенный стилями различных эпох. Тема канцоны изложена в гомофонно-гармоническом

стиле и имеет ярко выраженную структуру. Ее развитие построено на секвенцировании первых четырех тактов темы, напоминающих строфы старинных хоралов. Темп *Andante* и размер $2/2$, использовавшийся в церковной старинной музыке, способствуют созданию настроения величественных, старинных церковных хоралов XIII–XIV вв.

Вариация 1 написана в полифоническом стиле, типичном для канцон XVI в. Здесь тема проводится сначала в партии саксофона-альта, а затем — у саксофона-сопрано в сопровождении контрапункта остальных голосов, что в целом образует сложную полифоническую ткань. Общее изложение утратило прежнюю четкость синтаксиса, но сама тема и ее мелодические контуры не изменились. Варьированию подвергается фактура, из гомофонно-гармонической превращаясь в полифоническую.

Вариация 2 представляет типичный ансамблевый стиль позднейших канцон XVII в. «Большое влияние на него (стиль. — А. П.) оказало формирование инструментального ансамбля с *basso continuo*. Этот компонент ансамбля выполнял двоякую функцию: был и самостоятельным голосом, и фактором гармонической поддержки прочих голосов ансамбля» [Протопопов, с. 51]. В соответствии с этим мелодия темы помещена в партии саксофона-баритона, который выполняет функцию баса, а партии остальных голосов напоминают аккордовое сопровождение. В фактуре проявляются элементы как имитационности, так и гомофонно-гармонической вертикали. Образная сфера, заданная в теме, в первых двух вариациях не меняется, а лишь приобретает дополнительные оттенки.

Вариация 3 — *a la Schumann* — по своей сути является жанрово-пейзажной зарисовкой. Начиная с нее, вариационный цикл приобретает черты свободных вариаций. В свободных вариациях «тема может служить лишь поводом для создания цепи разнохарактерных миниатюр, многие из которых связаны с ней весьма отдаленно. Вариации приобретают при этом настолько индивидуальные черты, что становится возможным написание их в различных жанрах — вальса, мазурки, марша и т. п.; возникает особая разновидность свободных вариаций — жанровые» [Тюлин, с. 186].

Авторская ремарка «*a la Schumann*», очевидно, подчеркивает преломление традиций этого композитора через воплощение стилевых особенностей письма. Тема вариации оказывается раздробленной на отдельные интонационные элементы, окруженные мелодико-ритмической фигурацией. Она влетает в общее фактурное «кружево», развивающееся в процессе регистровых переключений-имитаций. Структура темы потеряла первоначальную четкость и воспринимается как ряд подъемов и спадов. Медленный темп и общий минорный колорит придают звучанию меланхолический оттенок, подчеркивают созерцательный характер музыкальной образности.

Вариация 4 — *a la Chopin* — размер $6/8$ в темпе *Allegretto* с ритмическим рисунком (восьмая с точкой — шестнадцатая, четыре восьмые и четверть восьмая — восьмая четверть) по своей сути напоминает старинный танец сицилиану. Указание композитора «*a la Chopin*» может восприниматься как стилизация,

отсылающая нас к танцевальным жанрам фортепианных пьес Ф. Шопена. Тема в этой вариации проводится по очереди в различных партиях. Варьированию здесь подвергаются почти все стороны музыкальной организации: фактура, ритм, тонально-гармоническая логика развития, структура, но общий характер образности сохраняет изначальную лиричность и сдержанную сосредоточенность, хотя более подвижный темп придает этой вариации некоторую оживленность.

Вариация 5 — быстрый обобщающий финал, напоминающий жигу, где тема из четырехдольной превращается в трехдольную. Здесь возвращается гомофонно-гармонический тип фактуры, свойственный теме. «В объединении свободных вариаций в одно целое большую роль начинает играть принцип контрастности, что в сочетании с разножанровостью и индивидуализированностью отдельных вариаций приближает характер всего цикла к сюитному» [Тюлин, с. 186]. Эта черта довольно отчетливо проявилась в строении второй части квартета. Так, Тема — Вариация 1 — Вариация 2 (создают своеобразный микроцикл) могут рассматриваться как умеренно медленная первая часть сюитного цикла. Вариация 3 — как очень медленная вторая часть цикла. Вариация 4 — оживленная — третья часть сюиты. Вариация 5 — быстрая — заключительная четвертая часть.

Преломление композитором во второй части квартета традиций старинной музыки и романтического стиля стало одним из способов обновления этого жанра. Такая трактовка вариационной формы, в которой сочетаются свойства как старинных вариаций на хорал, так и романтических свободных жанровых вариаций, может служить фактором обновления. К новациям также следует отнести и полифонизацию фактуры во многих вариациях. Наличие названия у второй части квартета («Канцона») может являться элементом программы, что также можно рассматривать как фактор обновления.

Заключает произведение третья часть квартета — Финал — *Allegro moderato*. По содержанию она является жанрово-бытовой картиной и трактуется более традиционно. Это отразилось в танцевальном типе тематизма. Подвижный темп, обычно характерный для финала циклов, придает этой части обобщающий характер. Музыка его жизнерадостна, полна веселья и добродушного народного юмора. Юмористический характер звучания саксофонов великолепно подчеркивает, делает выпуклыми жанрово-юмористические музыкальные образы этой части. Обилие форшлагов, неожиданных акцентов и фермат, стаккатируемых октавных последовательностей (напоминающих подобные в «Концерте для саксофона» этого же автора), частые смены тональностей — все это и составляет «игривый стиль» финала [Глазунов, 1960, т. 2, с. 69].

Эта часть написана в сонатной форме с некоторыми отклонениями в тональном плане в репризе. Следует отметить тематическую самостоятельность главной, связующей и заключительной партий. Это придает форме постоянное обновление и динамичность. По отношению к предыдущим частям в третьей части явно ощутимы тематические арки как с первой, так и со второй частями. Многие темы финала непосредственно связаны с тематизмом, который появлялся ранее. Так, во вступлении к финалу звучит оборот, родственный началу одной

из вариаций второй части. Это является следствием преломления традиций романтизма и способствует созданию целостности всего цикла. Наличие тематических арок, присутствие которых создает целостность произведения, в финале квартета приобретает иной смысл. В этой части они проводятся не только между частями произведения, но и между «Квартетом» и «Концертом для саксофона», написанными почти одновременно.

Рассматривая тематический материал концерта и третьей части квартета хочется отметить сходство их музыкального материала и в связи с этим — наличие концертности в финале квартета. Построение финала на резких контрастах и принципе соревновательности инструментов одного ансамбля в жанре квартета — явление довольно редкое. Черты этого явления своими корнями уходят в творчество нововенцев, у которых в камерно-инструментальных ансамблях усиливается роль принципов концертирования. Специфической особенностью инструментального концерта является принцип соревнования сольной и оркестровой партий. В третьей части квартета А. Глазунова обращает на себя внимание разделение партий инструментов на солирующие и сопровождающие (выполняющие функции оркестровой партии). В этом случае саксофон-сопрано является солистом, а саксофоны тенор, альт и баритон — выполняют функцию оркестра.

Кроме того, в общем фактурном изложении присутствуют эпизоды с «переменным» типом фактуры, которые и образуют концертную состязательность партий инструментов. Исходя из этого, можно сказать, что в финале квартета концертность более очевидна, и в свете этого по-новому воспринимаются некоторые моменты в предшествующих частях. В новом ракурсе можно рассматривать и вторую часть — канцону с вариациями. Здесь вариации являются импровизацией на основную тему, что может быть воспринято как проявление концертности. Следует отметить и соло саксофона-альта в разработке главной темы первой части, также несущее в себе признаки концертности. В связи с этим, по-особому воспринимаются окончания всех частей, построенных на постепенном ускорении темпа. Это можно расценивать как проявление театральности (игровой логики), которая тоже рассматривается как элемент концертности.

Исследуя характер взаимодействия традиций и их обновления в «Квартете для четырех саксофонов» А. Глазунова, следует отметить их особое соотношение. Это сочинение стало важным этапом в эволюции жанра квартета. Сопоставление данного сочинения с другими, написанными в жанре квартета, но принадлежащими иным эпохам, показало многие точки их соприкосновения. Особое внимание хотелось бы обратить на одну из главных отличительных черт — инструментальный состав. Обычно используемый состав — квартет струнных инструментов — здесь заменен квартетом однородных духовых инструментов — саксофонов. Такое решение, безусловно, является фактором обновления, но, несмотря на это, привлекают внимание традиционные функции инструментов и наличие всех диапазонов от самого высокого до самого низкого (как в струнном квартете). В связи с этим саксофон-сопрано трактуется как первая скрипка,

саксофон-альт — как вторая, саксофон-тенор — как альт, саксофон-баритон — как виолончель.

В данном квартете тематизм всех частей сочинения обладает подчеркнутой индивидуальностью. В целом для него свойственна жанрово-стилевая «многослойность». Многие темы связаны с каким-либо пластом. В них происходит переплетение различных национальных черт. Каждый из использованных композитором приемов письма можно отнести к тому или иному стилевому направлению. Можно найти параллели с барочной стилистикой (использование определенных форм и жанров, полифонического типа фактуры), с классицистическими чертами (жанрово-танцевальная природа тематизма, трехчастная структура цикла), с романтическими тенденциями (тематические арки в цикле и свободные вариации в средней части). Однако, несмотря на столь яркое проявление, они почти нигде не выступают в чистом виде. Композитор стремится к единству разностилевых и разножанровых элементов. При внешнем следовании традициям жанра, внутренняя сущность музыкального воплощения отражает индивидуально-авторскую трактовку традиций, что и составляет суть их обновления.

Глазунов А. К. Письма, статьи, воспоминания. Избранное. М. : Гос. муз. изд-во, 1958.

Глазунов А. К. Музыкальное наследие. Исследования, материалы, публикации, письма : в 2 т. Л. : Музгиз, 1959–1960.

Протопов Вл. В. Очерки из истории инструментальных форм XVI — начала XIX века. М. : Музыка, 1979.

Тюлин Ю. Н. Музыкальная форма. М. : Музыка, 1974.

Статья поступила в редакцию 06.04.2016 г.

Понькина Антонина Михайловна

кандидат искусствоведения, доцент
кафедры оркестровых инструментов
Белгородский государственный институт
искусств и культуры
308033, Белгород, ул. Королева, 7
E-mail: ponkina_2006@mail.ru

Ponkina, Antonina Mikhajlovna

PhD (Art Studies), Assistant Professor
Chair of Orchestral Instruments
Belgorod State Institute of Arts
and Culture
7, Korolev Str., 308033 Belgorod, Russia
E-mail: ponkina_2006@mail.ru

**QUARTET FOR FOUR SAXOPHONES BY ALEXANDER GLAZUNOV:
ON TRADITION AND RENEWAL**

The article considers one of the first pieces of music for an academic saxophone ensemble through the aspect of the correlation of the traditional and the renewed in it. The article aims to analyze this work from a variety of angles, namely, the identification of the distinctive features of the composer's style and also the demonstration of how

various principles and tendencies belonging to different periods of musical art correlate in the work in question. The author employs the systematic approach and the principle of historicism which make it possible to reach the purpose of the research. Additionally, the author focuses on the quartet as it plays a special role both as part of repertoire for the saxophone and for the genre evolution as a whole. The main literary sources are archival data related to A. Glazunov's creative activity and works on the analysis of musical pieces. Based on textological analysis, the author reveals the complexity of different processes of the musical art of the 20th century, i.e. the influence on non-European musical cultures, the new principles of intonational development, the return to the origins (the revival of some old forms and genres), the use of traditional interpretations and, simultaneously, the renovation of the genre. The main factor of renovation is the composition of the ensemble, i.e. a saxophone quartet of different tessituras. Consequently, in his *Quartet for four saxophones*, the composer both accentuated the common moments with the string instruments and emphasized the timbre peculiarities for the new instrument of European music which led to changes both in the images and in the structure of the cycle and the interpretation of the genre.

Key words: saxophone; A. Glazunov; quartet; traditions; renewal; quartet for four saxophones; ensemble; saxophone ensemble; playing the saxophone.

Glazunov, A. K. (1958). *Pis'ma, stat'i, vospominaniya. Izbrannoe* [Letters, Articles, Memoirs. Selected Works]. Moscow: State Musical Publishing House. (In Russian)

Glazunov, A. K. (1959–1960). *Muzykal'noe nasledie. Issledovaniya, materialy, publikacii, pis'ma* [Musical Heritage. Studies, Materials, Publications, Letters] (Vols. 1–2). Leningrad: Muzgiz. (In Russian)

Protopopov, V. V. (1979). *Ocherki iz istorii instrumental'nykh form XVI – nachala XIX veka* [Essays on the History of Instrumental Forms of the 16th – Early 19th Centuries]. Moscow: Music. (In Russian)

Tjul'in, Ju. N. (1974). *Muzykal'naja forma* [Musical Form]. Moscow: Music. (In Russian)

Received 6 April 2016

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.060
УДК 94(37) + 341.218.1 + 316.323.62 +
+ 316.462

М. В. Шистеров
*Уральский государственный
педагогический университет*
Екатеринбург, Россия

ВОСЕМЬ ЛИКОВ РИМСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Рец. на кн.: *Revell L. Roman Imperialism and Local Identities.* — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009. — xvi + 221 p.

В рецензии на примере монографии специалиста по римской археологии из Университета Саутгемптона Луиз Ревелл анализируются особенности трактовки в современной зарубежной историографии римского империализма, проблемы этнокультурной и политической идентичности в Римской империи I–II вв. н. э. Рассматривается методология рецензируемого исследования, а также эвристический потенциал концепта «римскости» (Roman-ness), замещающего в работе Л. Ревелл традиционный концепт «романизации». В рецензии разбираются источники (археологические и эпиграфические материалы из восьми римских провинциальных городов Испании и Британии), базовые положения рассматриваемого исследования (идеология и практическое воплощение урбанизма в римском мире, образ и культ римского императора в городах империи, провинциальная практика отправления римских религиозных культов), а также аргументация, приводимая в защиту основных тезисов работы. Показано, каким образом автор монографии реконструирует социальный облик и отношения в римском провинциальном обществе, взаимодействие провинциальных и имперских элит.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Древний Рим; Римская империя; римский империализм; римский император; римская религия; урбанизм; римскость; романизация; локальная идентичность.

В современной зарубежной романистике наблюдается устойчивый интерес к проблемам культурной идентичности и политического воображения в Римской

империи, на ее протяженных границах и весьма разнородной периферии. Только в англоязычном антиковедении за последние десятилетия вышла целая серия работ, в том числе монографических, в которых на различном материале и с использованием разнообразных методик — от классических приемов «проработки текста» и методов «римской археологии» до современных постмодернистских и пост-постмодернистских техник — анализируется разнообразие культурных практик и способов бытования человека в «римском мире» (как «взрослых богатых мужчин», так и других категорий населения, включая женщин и детей) [см., напр.: Adams; Gowing; Hingley, 2000; 2005; Longfellow; Mattingly; Roman Imperialism..., 2003; Roman Imperialism..., 1996; Whittaker, 1997; 2004; Woolf; и др.]. При этом источниками изучения для исследователей-романистов все чаще становятся не только письменные свидетельства, дошедшие до нашего времени в виде классической антично-римской традиции, но также разноформатные археологические и эпиграфические материалы, в том числе памятники скульптуры и архитектуры.

Показательное в указанном смысле исследование представляет собою опубликованная в Кембридже в 2009 г. монография о римском империализме (основана на докторской диссертации) специалиста по римской архитектуре и эпиграфике из Университета Саутгемптона (Англия) Луиз Ревелл [Revell]. Центральной проблемой своего исследования автор заявляет вопрос о «римскости» (*Roman-ness*); о том, что значило «быть римлянином» в пространстве, времени и культурном контексте Римской империи (р. ix, 191–193). Проблематизируя понятие «римский» (*Roman*), Ревелл указывает на некорректное использование термина в новейшей историографии, где под «римским» может пониматься и тип материальной культуры, и хронологический период, и географическая локация, и этническая принадлежность. Непригодными для современного исследования Ревелл полагает также классические концепты *Romanitas* и «романизация» (*Romanization*), сложившиеся в XIX столетии в эпоху господства в европейской общественно-политической мысли модели государства-нации и «цивилизаторского этоса» (р. 5–6) [см. также: Hingley, 2000, р. 91–92; ср.: Roman Imperialism..., 2003, р. 1–7]. Вместо меганарратива романизации, внутри которого по большей части до сих пор «вращается римская археология», автор предлагает другой подход, базовым понятием которого является «римскость» (*Roman-ness*). Деконструируя термины «римский» / «римлянин», Ревелл предлагает понимать их как «дискурс возможностей», «несметное число потенциальных интерпретаций» в рамках «материальной культуры человека, который жил в пределах Римской империи» (р. ix–xi, 1–9 ff.).

Структурно монография Ревелл делится на три неравные части. В первой (вводной) части представлена общая методологическая основа исследования и своего рода «введение в проблему». Во второй (основной) части рассматриваются «структуры римского общества», которые, по мнению автора, составляют суть римского империализма: урбанизированный образ жизни, культ императора и римская религия (как религиозная практика). В третьей (заключительной) части делается попытка реконструировать формы личных идентичностей,

которые существовали (могли существовать?) в контексте «общей этнической идентичности римлян» (р. xii, 150 ff.).

Первая глава формирует «контекст дискуссии»: отказываясь от традиционной парадигмы романизации, Ревелл апеллирует к активно разрабатываемой рядом авторов в 1990–2000-е гг. парадигме регионализации (*regionality*)¹, в рамках которой изменчивость региональных вариантов «римской культуры» находит описание через акцентирование влияния «культуры коренных народов» [см.: Millett; Alcock; Roman Imperialism..., 2003; Woolf; etc.]. Фундаментальной частью римской этнической идентичности исследователь полагает парадокс «сходства и различия»: сочетание «глобальной материальной культуры», маркирующей культурно-символическое и социально-политическое пространство Римской империи, и «региональной материальной культуры», всегда специфически окрашенной (р. 2–3, 191–193). Базовый концепт «римский» / «римлянин» выступает здесь скорее как дискурс (на основе идеи общего бытия римлян), нежели как феномен конкретной реальности. Органичное и неравномерное сочетание «глобальных» и «локальных» элементов позволяет автору говорить о неоднородности «римской идентичности», формируемой через включенность индивида в социальные практики, принятые внутри гражданской общины. «Римская идентичность» в такой интерпретации — это «текущий концепт» (*fluid concept*), имеющий множественную, ситуативную, изменчивую природу. Таким образом, материальная культура «обслуживает» коллективную идентичность, конституируя ту или иную ее конденсированную форму через каждодневные практики («повторные процедуры» в терминологии Ревелл). Следует отметить, что автор монографии исходит из теоретической посылки, согласно которой идентичность (с учетом разнообразия ее конкретных форм²) — это сложный дискурс, создаваемый множеством элементов (таких как пол, возраст, социальный статус, род занятий и т. п.), который корректнее трактовать скорее как пространство возможностей, нежели «набор данностей» (р. 7–8). Кроме того, Ревелл (со ссылкой на Э. Гарднера) полагает возможным говорить о разных уровнях конституирования такого дискурса: «глобальный» (этническая идентичность), «средний» (возрастная или половая идентичность) и «микроуровень» (индивидуальные особенности личности) [подробнее см.: Gardner]. Результатом такого подхода становится опорный тезис автора: римский империализм (в своих неодинаковых формах) воплощался в конкретных социальных и материальных структурах, доступных для исследования.

Для того чтобы объяснить механику римского империализма, Ревелл обращается к популярной (в том числе и в российской гуманитаристике) теории

¹ Правильнее, вероятно, говорить о различных вариантах теории «регионализации» — теории креолизации, постколониальной теории, модели ассимиляции и сопротивления, — в комплексе формирующих современный «построманизационный интеллектуальный климат».

² Конкретное исследование, как показывает исследовательская практика последних десятилетий, может строиться вокруг личной или коллективной идентичности, этнической или культурной идентичности, винской идентичности, идентичности сельских или городских жителей, и т. д.

структуризации Э. Гидденса, которая основана, как известно, на принципе взаимодействия и взаимообусловленности социальной структуры и индивида, выступающих как условие и продукт друг друга [см.: Giddens; рус. пер.: Гидденс]. Таким образом, автор монографии подводит теоретическое основание под то, каким образом «социальные структуры римского империализма связывали вместе различные народы империи»: население империи не «жертвы романизации», но «римляне», поскольку действуют соответствующим образом, воспроизводя римские социальные структуры, римский тип личности и, в конечном итоге, римскую власть. Кроме того, применение теории Гидденса позволяет Ревелл выстроить логику исследования: изучая римскую архитектуру, становится возможным восстановить социальную практику, а через практику — реконструировать тип личности и идеологию римлян; «представления о том, каким образом должен быть [правильно] организован мир» (р. 13). Идеология, понятая не только как механизм контроля одной части общества над другой (в том числе центра над периферией), но также как способ структурирования социально-политического пространства Римской империи, вмонтированная в социальную практику и оформленная в дискурс, который самовоспроизводит определенные социальные условия и переживания через регулярные поведенческие действия и ритуалы — вот теоретико-методологическая позиция, которая лежит в основе рассматриваемого исследования [см.: Shanks, Tilley, p. 132 ff; Miller, Tilley, p. 14 ff].

Римская провинциальная архитектура и эпиграфика — основные источники исследования Ревелл. Поясняя свой метод работы с археологическими материалами, автор обращается к постмодернистским подходам: римская архитектура рассматривается в монографии не с эстетической точки зрения, как принято в искусствоведении, но с точки зрения формирования социального пространства, как воплощение «живого опыта» людей [Parker Pearson, Richards, p. 40]. Пространство римского города, вне зависимости от его географического положения, понимается как сформированное через общепринятый ритуал (политический или религиозный) [см., напр.: Brown]. Таким образом, Ревелл изучает не римскую архитектуру в строгом понимании термина, а «римское городское пространство» и «римские здания (сооружения)»: «Для того чтобы понять его пространственную логику, здание должно рассматриваться во всей полноте, объединяя архитектуру с другими формами художественного оформления и отделки, и интерпретироваться как единое целое» (р. 21)³.

Подобным же образом автор монографии увязывает эпиграфические надписи с «конкретным контекстом»: «они [надписи] создаются для удовлетворения конкретных потребностей и отражают общественные отношения, структуры власти и идеологию общества» (р. 22). Широкое распространение латинских надписей на камне (например, в римской Британии) свидетельствует не только о распространении грамотности в провинциях империи, но также о связи

³ Указанный исследовательский метод обозначил известный антиковед Э. Уоллас-Хейдрилл [Wallace-Hadrill, p. 7], на которого ссылается автор монографии.

«эпиграфической привычки» (*epigraphic habit*) с римским империализмом. Следует отметить, что в своей интерпретации эпиграфической традиции римлян как механизма сохранения и воспроизведения социальных структур в «акте чтения» Л. Ревелл, помимо прочего, выходит на проблему «вспоминания» в социально-культурном контексте, т. е. сталкивается с феноменом «культурной памяти» (в трактовке немецкого египтолога Я. Ассмана) [Assmann; рус. пер.: Ассман]. К сожалению, автор монографии не концептуализирует данную проблему, ограничиваясь конкретными наблюдениями: указанием на значимость пространственного расположения надписей, склонность римлян апеллировать к «аудитории» или получить признание и социальный престиж (р. 179–184).

Конкретной источниковой базой, на основе которой обосновываются выводы исследования, служат материалы археологических раскопок восьми римских поселений в Испании и Британии: *Colonia Aelia Augusta Italica* (Италика) в римской провинции Бетика; *Municipium Flavium Muniguense* (Мунигуа), располагавшийся в 40 км от Италики; *Colonia Clunia Sulpicia* (Клуния) в Тарраконской Испании; *Municipium Augusta Bilbilis* (Бильбилис), находившийся там же; *Londinium* (Лондиний), вероятная столица римской провинции Британия; *Venta Silurum* (Вента Силуров, совр. Каэрвент), маленький городок в той же провинции; *Viroconium Cornoviorum* (Вироконий, ныне — Роксетер), римское военное поселение и столица племени корновиев; наконец, *Aquae Sulis* (Аквы Сулийские, совр. Бат), маленький британский городок, «монументализация» которого относится к эпохе Флавиев и Антонинов.

Вторая глава монографии посвящена проблеме римского урбанизма. Градостроительная политика римлян (например, в Британии), разумеется, может рассматриваться как проявление римского империализма (на сей счет имеется обширная литература — от классических работ М. Финли и Э. Салмона до новейших исследований П. Цанкера, Р. Лоренса, Дж. Крайтона и др. [Finley; Salmon; Zanker; Laurence; Creighton; etc]). Ревелл интересуют преимущественно два аспекта этого явления: во-первых, градостроительство как идеология «правильного» («римского») образа жизни, воспринятая местным населением (прежде всего, провинциальными элитами); во-вторых, проблема городского опыта жизни, взаимодействия человека и города (р. 43). Автор критикует взгляд на римский урбанизм как на «бледную имитацию» греческого опыта: город в качестве особого способа общежития, религиозно-сакрального пространства, символа культуры и цивилизации прослеживается и в римских текстах (в отрефлексированном виде — от Цицерона до Тацита, и далее), и в конкретной религиозной практике римлян. Город для римлян (образцом служил сам Рим [см., напр.: Edwards]) обладал «метафизической идентичностью», создавал новые социально-политические отношения (например, через практику публичных религиозных празднеств и зрелищ), формировал сложное коллективное единство — «городское сообщество», которое становилось частью самоидентификации жителей. Римская власть конституировалась через «принятие» местным провинциальным населением городского образа жизни

(при этом количество и качество общественных сооружений, формирующих «костяк» римского города, не так важны, как практика их повседневного использования) (р. 55–57) [ср.: Wiedemann, р. 18–23]. На примере четырех различающихся многими характеристиками городских общин (Италики, Клунии, Лондиния и Венты Силуров) автор иллюстрирует общие и особенные черты римского урбанизма.

К примеру, для Италики, получившей статус колонии при императоре Адриане, который оказывал городу покровительство, отмечаются такие черты, как значительное количество и высокое качество монументальных построек (театр, амфитеатр, храмы и термы в «старом» и «новом» городе, и пр.), сравнительное обилие эпиграфических надписей представителей местной городской элиты (например, понтифика и трижды дуумвира Л. Герия, севира и организатора общественных зрелищ Л. Целия Сатурнина, отреставрировавших городской театр за свои средства Л. Блаттия Траяна Полиона и Гая Траяна Полиона, и др.). В Клунии, получившей статус муниципия при императоре Тиберии (и несколько позже — статус колонии), хорошо прослеживается единый политико-религиозный комплекс городского форума. В Британии, где городов было меньше, и они были скромнее (дефицит «политической архитектуры»), Лондиний был крупнейшим из всех, хотя его правовой статус как столицы провинции по-прежнему вызывает сомнения [см., напр.: Birley]. Ревелл полагает, что археологические и эпиграфические свидетельства указывают на Лондиний как на политико-административный центр Британии, но не настаивает на том, что город служил постоянной резиденцией наместника (р. 69). Вента Силуров (Каэрвент), оформившийся во II в. н. э., — самый маленький из известных римских городов в Британии, имеет некоторые характерные черты, сближающие его с Лондинием и отличающие от Италики или Клунии (например, отсутствие на форуме храмов, публичных надписей и статуй, несущих политическую символику).

Таким образом, анализируя конкретный источниковый материал из четырех провинциальных городов империи, автор пытается подкрепить заявленный тезис: римское градостроительство — это больше, чем искусство сооружения зданий, но «идеология того, как жить, предпочитая одну форму общежития любой другой». Иными словами, для многих жителей империи «город был физическим объектом, метафизической персонификацией и необходимым условием для правильного образа жизни», включая политическое участие и ответственность, общественные события религиозного и развлекательного толка, представления об уровне благосостояния общества и пр. (р. 76–79). Несмотря на некоторую декларативность и дефицит аргументации, трудно не согласиться с автором монографии в том, что в урбанистическом дискурсе римлян можно усматривать одну из структур, воспроизводивших имперскую власть: общая приверженность идее города (не исключавшая локальных вариаций в архитектурно-пространственном и социально-политическом обустройстве конкретных городских общин) формировала общую идентичность и общий опыт римской власти.

«Фигуре императора» как носителя высшей политической власти в римском мире посвящена третья глава монографии. «Император стоял в центре сложной комбинации властных отношений внутри империи, но любая попытка классифицировать их по одной главной линии — социальной, политической, идеологической или религиозной — рискует затенить эту сложность», — поясняет свой метод Л. Ревелл (р. 81). Проблема восприятия императорской власти жителями провинций интересует автора в контексте повседневности. Например, посредством многократного копирования сравнительно однородных и немногочисленных по типу императорских статуй — император как гражданский магистрат («судья») и жрец, император как победоносный полководец, император как «обожествленный герой» — осуществлялась визуализация образа императора; портрет принцепса (и членов его семьи) делался узнаваемым образом. При этом автор вновь обращается к новейшим методологическим подходам, подчеркивая «роль зрителя как участника процесса»: образ, который транслирует статуя императора, должен адекватно восприниматься зрителем, только в этом случае «передача сообщения» может считаться эффективной. Представленные на форумах, в театрах и других общественных местах римских городов⁴ статуи правящего императора, членов его семьи и их предшественников становились объектами публичного просмотра: «сам акт просмотра и признания этих изображений как образов правящего и прошлого императоров служил проявлением императорской власти в повседневной жизни жителей империи, подтверждал общеимперский характер политической власти» (р. 86). Менее подробно анализируются надписи, которыми часто сопровождалась статуя императоров, или «посвящения», обращенные к принцепсу. Кроме того, практически без внимания автора остаются монеты — великолепный памятник императорской иконографии (р. 87–89).

Императорский культ, отправлявшийся в провинциях, автор монографии рассматривает в контексте «динамического взаимодействия» римской и местных культур. Ревелл признает трудности, связанные с атрибуцией сохранившихся археологических материалов, не всегда позволяющих надежно определить, относилось ли то или иное сооружение к императорскому культу или нет (наиболее надежно идентифицированы храм, посвященный Траяну в Италике, и храм Клавдия в Колчестере). Более убедительны выводы автора, сделанные на основе анализа эпиграфических данных (указания на отправлявшиеся культы и жреческий персонал). Тем не менее, базовый тезис Ревелл о том, что императорский культ не был «наложением» чуждой местному населению культурной практики, но, напротив, активно принимался подданными императора, как минимум нуждается в дополнительной аргументации (кроме того, материал, который автор приводит в защиту данного тезиса, почти полностью заимствован из городов Испании) (р. 99).

⁴ Из восьми рассматриваемых Л. Ревелл городов наибольшее количество императорских статуй (не всегда надежно атрибутируемых) найдено в Италике, пользовавшейся покровительством императоров-испанцев из династии Антонинов.

Четвертая глава монографии посвящена провинциальному опыту римской религии. Отметим, что Л. Ревелл не склонна — в духе академической моды на «кельтский миф» — противопоставлять «римскую» и «кельтскую» религии. По нашему мнению, автор справедливо считает оправданным подход, основанный на идее религиозного синкретизма, когда сохранявшиеся в эпоху Империи «местные» («доримские») культы не отрываются от религиозных практик, привнесенных римлянами. Как и применительно к ранее рассматриваемым феноменам, исследователь предлагает «дискурсивный» анализ: важно не столько, какому божеству («римскому» или «местному») поклонялись жители провинциальных городов, сколько каким образом они это делали («по-римски» или в соответствии с местными обрядами) (р. 115–116). Только так можно ответить на вопрос о том, как римская религия участвовала в воспроизведении римской власти и римских социальных структур в провинциях империи. Попытка найти ответ на этот вопрос заставляет Л. Ревелл обратиться к конкретному материалу из римских поселений Испании и Британии (храмы Траянеума в Италике с характерными посвящениями *plante pedum* — мраморными мемориальными плитами с отпечатками ступней ног, часто обращенные к Немезиде; несколько не всегда надежно идентифицированных храмов Мунигуа (Меркурия, Августа Геркулеса (?) и др.), где среди надписей-посвящений почти отсутствуют обеты; храмово-театральный комплекс в Бильбилисе, на территории которого вовсе не зафиксировано никаких эпиграфических памятников; храм синкретичного кельтско-римского божества («Сулийской Минервы» или Суль-Минервы) в современном Бате, где обнаружены немногочисленные обеты-посвящения, около 130 «таблеток проклятия» и более 12 тысяч римских монет).

Выводы автора, сделанные на основе анализа этих археологических и эпиграфических материалов, по существу, сводятся к утверждению, что «форма *religio*, которая может пониматься как “римская”... оставляет возможность для разнообразия и индивидуализации», «дихотомии между местной изменчивостью и парадигмой “римского”» (р. 146). Отмечая местную специфику — во всех городах акцентируется специфика материальных свидетельств, что трактуется автором как отличия в ритуале поклонения, — Л. Ревелл в то же время настаивает на наличии некоей общей «римской» основы для всех исследованных объектов (например, «принятие и присвоение чужих богов было частью имперского дискурса» (р. 148)).

В последней, пятой главе работы рассматриваются аспекты персональной и групповой идентичности, связанные с проблемой социально-политического статуса. Автор исходит из тезиса, что в римских провинциях социальный статус выражался через богатство и политические привилегии (а не через воинскую доблесть, к примеру), которые было возможно реализовать только в «политическом пространстве города», где различные социальные группы и индивиды имели «разный уровень доступа к общественным сооружениям и играли разные роли в социальных ритуалах, которые там проводились» (р. 151).

Центральную роль в создаваемой через такие привилегии властной иерархии Л. Ревелл отводит «дискурсу тела» — культурному конструированию телесности,

воплощавшему «предрассудки и нормы», принятые в обществе (в данном вопросе Л. Ревелл опирается на: [Giddens]). Нормативным для римской культуры был опыт свободного «сильного, взрослого, богатого мужчины», который рассматривается автором монографии в двух аспектах: как «оппозиционный» по отношению к другим, менее привилегированным группам (бедным мужчинам, женщинам, детям, рабам) и как дискурс, формирующий условия для поддержания иных идентичностей: «...даже если мы не можем надежно определить место женщин, детей и бедных людей Римской империи, мы должны, по крайней мере, понять... способы, благодаря которым эти группы стали “невидимы” в римском обществе» (р. 154).

Для этого Ревелл вновь обращается к «городскому пространству»: изучая архитектурное оформление и планировку различных общественных сооружений (базилик, храмов, театров и амфитеатров, терм) автор реконструирует — в ряде случаев достаточно убедительно — социальные отношения в римском провинциальном обществе. Так, архитектурные особенности оформления базилики, где располагалась курия (например, на форуме в Каэрвенте), указывает на то, что «политическая элита физически отделяла себя от остальной части общества»⁵, визуализируя и театрализуя свою публичную деятельность, и таким образом «демонстрируя политическую власть» (р. 156, 159–161). В отличие от политической деятельности, религиозные практики были доступны для более широкого круга лиц (например, богатых женщин и вольноотпущенников) (р. 166–167). На примере Италики и Бильбилиса демонстрируется пространственная дифференциация и сегрегация в римских театрах, куда имели доступ большое количество лиц разного социального положения (р. 169–170). Посещение общественных бань также, по мнению Ревелл, было важной составляющей процесса конструирования и поддержания социального и политического влияния (в противовес распространенному мнению об эгалитарной природе данного феномена [см., напр.: Yegül]): «купание было важным событием, во время которого различные социальные группы собирались вместе для взаимодействия» (если они не посещали бани в разное время). Играя важную роль в «создании и поддержании социально-политических сетей», римские термы использовались для демонстрации своего социального статуса, групповой идентичности и неравенства, выступая «технологией, посредством которой мужская элита могла продемонстрировать свое превосходство» (р. 174–175, 178).

Общие выводы исследования сводятся, в сущности, к тезису о «разнообразии опытов» населения (и городских общин) Римской империи, тем не менее, имелось некое общее понимание того, «что значит быть римлянином»: жить в городе, участвовать в общественной жизни (в той степени, в которой это определялось социальным статусом индивида), признавать власть императора

⁵ При общей схожести архитектурного облика базилики в различных городах империи («базилика была построена по римской модели») отмечается ряд интересных нюансов: например, в Каэрвенте и Роксетере (в отличие от Лондиния и Клунии) существовал дополнительный «служебный вход» через боковую дверь в неф (р. 158).

и отправлять соответствующие культы. В результате, римский империализм для Л. Ревелл становится «союзом интересов завоеванных и завоевателей», где один из важнейших аспектов — «процесс культурных изменений, приводящий к формированию общей этнической идентичности» (р. 191–192).

Рассматриваемому исследованию сложно отказать в актуальности. «Атмосфера дробности и индивидуализации», о которой не так давно с пафосом и тревогой писал отечественный антиковед-романист Г. С. Кнабе [Кнабе], чувствуется в сочинении саутгемптонского археолога на каждой странице. Уже в силу этого «ощущения» новоевропейской дисперсии интересно отметить в рецензируемой работе не столько оригинальность выводов (степень которой не приходится преувеличивать) и даже не их обоснованность, доказательную базу (200-страничную монографию сложно назвать фундированной), сколько общую культурно-исследовательско-методологическую парадигму, в рамках которой работает Л. Ревелл и которая отличается заметной конъюнктурной «рамочностью» (если не сказать — «запрограммированностью») результатов исследования. (Притом, что многие исследовательские приемы Л. Ревелл представляются научно адекватными и эвристически значимыми, а результаты, полученные с их помощью, как минимум, заслуживающими внимания.)

Маститый британский археолог Дэвид Маттингли в работе, вышедшей по случайному совпадению в том же году, что и небольшое исследование Г. С. Кнабе, замечательно проиллюстрировал явление, свидетельством которого является монография Л. Ревелл, количественно и качественно проанализировав использование в научной литературе о Древнем Риме (за период с 1995 по 2007 г.) терминов «романизация» (ныне все более стигматизируемого) и «идентичность» (все более популярного) [Mattingly, p. 208 ff.]. Стремление пересмотреть римский опыт управления Европой в инструментально-технологическом ключе (отрицающем, прежде всего, насильственную этнокультурную унификацию) представляется весьма характерным симптомом не только критически понятой современной социально-политической ситуации, но, вероятно, всей западноевропейской интеллектуальной атмосферы 2000-х гг. В этом смысле рецензируемая монография может служить замечательным образчиком современного постпостмодернистского исторического исследования, а к восьми частным случаям «римского империализма» можно без особого труда добавить еще некоторое количество... по вкусу.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / пер. с англ. М. : Академический проект, 2003.

Кнабе Г. С. Европа с римским наследием и без него. СПб. : Нестор-История, 2011.

Adams J. N. Bilingualism and the Latin Language. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003.

Alcock S. E. Graecia capta : the landscapes of Roman Greece. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1993.

- Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München : C. H. Beck, 1992.
- Birley A. R.* The Roman government of Britain. Oxford : Oxford Univ. Press, 2005.
- Brown F.* Roman architecture. London : Prentice-Hall International, 1961.
- Creighton J.* Britannia: the creation of a Roman province. London : Routledge, 2006.
- Edwards C.* Writing Rome. Textual approaches to the city. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1996.
- Finley M.* The ancient economy. London : Chatto and Windus, 1973.
- Gardner A.* Social identity and the duality of structure in late Roman-period Britain // Journal of Social Archaeology. 2002. 2. 3. P. 323–351.
- Giddens A.* The constitution of society. Outline of the theory of structuration. Cambridge : Polity, 1984.
- Gowing A.* Empire and memory : the representation of the Roman republic in imperial culture. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2005.
- Hingley R.* Roman officers and English gentlemen : the imperial origins of Roman archaeology. London : Routledge, 2000.
- Hingley R.* Globalising Roman Culture : Unity, Diversity and Empire. London : Routledge, 2005.
- Laurence R.* Roman Pompeii: space and society. London : Routledge, 2007.
- Longfellow B.* Roman Imperialism and Civic Patronage : Form, Meaning, and Ideology in Monumental Fountain Complexes. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2011.
- Mattingly D. J.* Imperialism, Power and Identity. Experiencing the Roman Empire. Princeton ; Oxford : Princeton Univ. Press, 2011.
- Miller D., Tilley C.* Ideology, power and prehistory: an introduction // Ideology, power and prehistory / eds. D. Miller, C. Tilley. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1984. P. 1–15.
- Millett M.* The Romanization of Britain : an essay in archaeological interpretation. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1990.
- Parker Pearson M., Richards C.* Ordering the world: perceptions of architecture, space and time // Architecture and order: approaches to social space / eds. M. Parker Pearson, C. Richards. London : Routledge, 1994. P. 1–37.
- Revell L.* Roman Imperialism and Local Identities. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009.
- Roman Imperialism and Provincial Art / eds. S. Scott, J. Webster. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003.
- Roman Imperialism : Post-colonial perspectives / eds. J. Webster, N. Cooper. Leicester : School of Archaeological Studies – University of Leicester, 1996.
- Shanks M., Tilley C.* Ideology, symbolic power and ritual communication : A reinterpretation of Neolithic mortuary practices // Symbolic and structural archaeology / ed. I. Hodder. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1982. P. 129–154.
- Wallace-Hadrill A.* Houses and society in Pompeii and Herculaneum. Princeton : Princeton Univ. Press, 1994.
- Whittaker C. R.* Frontiers of the Roman Empire : A Social and Economic Study. Baltimore ; London : The J. Hopkins Univ. Press, 1997 [1994].
- Whittaker C. R.* Rome and its Frontiers : The Dynamics of Empire. London : Routledge, 2004.
- Wiedemann T.* Emperors and gladiators. London : Routledge, 1992.
- Wolf G.* Becoming Roman : The Origins of provincial administration in Gaul. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1998.
- Yegül F.* Baths and bathing in Classical Antiquity. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1992.
- Zanker P.* The city as symbol: Rome and the creation of an urban image // Romanization and the city: creation, transformations and failures / ed. E. Fentress. [Journal of Roman Archaeology Supplementary Series. 38. 2000]. P. 25–41.

Шистеров Максим Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей истории
Уральский государственный
педагогический университет
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: mshisterov@rambler.ru

Shisterov, Maxim Valerievich

PhD (History), Associate Professor
Chair of General History
Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavty Ave.,
620017 Yekaterinburg, Russia
E-mail: mshisterov@rambler.ru

THE EIGHT FACES OF ROMAN IMPERIALISM

Review of Revell, L. (2009). *Roman Imperialism and Local Identities*. Cambridge: Cambridge University Press

Referring to the work by Louise Revell, a lecturer in Roman History at the University of Southampton, the author examines the peculiarities of interpretation of Roman imperialism, and issues of cultural and political identity in the 1st–2nd Century AD Roman Empire in modern foreign historiography. The author analyzes Revell's methods of research and the heuristic potential of the concept of "Roman-ness" that the scholar uses instead of the traditional concept of "Romanization". The reviewer examines the historical sources (archaeological and epigraphic materials from eight Roman towns of Spain and Britain), the basic propositions of the monograph (the ideology and the practical implementation of urbanism in the Roman world, an image and cult of the Roman emperor in the cities of the Empire, as well as the provincial practice of religious rites) and also the author's arguments. The review demonstrates how the author of the monograph reconstructs the social image and relations in the Roman provincial society, and the interaction between the provincial and imperial elites.

Key words: Ancient Rome; Roman Empire; Roman imperialism; Roman emperor; Roman religion; urbanism; Roman-ness; Romanization; local identity.

Adams, J. N. (2003). *Bilingualism and the Latin Language*. Cambridge: Cambridge University Press.

Alcock, S. E. (1993). *Graecia capta: the landscapes of Roman Greece*. Cambridge: Cambridge University Press.

Assmann, J. (1992). *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination]. München: C. H. Beck. (In German)

Assmann, J. (2004). *Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination]. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Birley, A. R. (2005). *The Roman Government of Britain*. Oxford: Oxford University Press.

Brown, F. (1961). *Roman Architecture*. London: Prentice-Hall International.

Creighton, J. (2006). *Britannia: The Creation of a Roman Province*. London: Routledge.

Edwards, C. (1996). *Writing Rome. Textual Approaches to the City*. Cambridge: Cambridge University Press.

Finley, M. (1973). *The Ancient Economy*. London: Chatto and Windus.

Gardner, A. (2002). Social Identity and the Duality of Structure in Late Roman-period Britain. *Journal of Social Archaeology*, 2, 3, 323–351.

- Giddens, A. (1984). *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity.
- Giddens, A. (2003). *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow: Akademicheskii proekt. (In Russian)
- Gowing, A. (2005). *Empire and Memory: The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hingley, R. (2000). *Roman Officers and English Gentlemen: The Imperial Origins of Roman Archaeology*. London: Routledge.
- Hingley, R. (2005). *Globalising Roman Culture: Unity, Diversity and Empire*. London: Routledge.
- Knabe, G. S. (2011). *Evropa s rimskim naslediem i bez nego* [Europe with the Roman Heritage and without It]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia. (In Russian)
- Laurence, R. (2007). *Roman Pompeii: Space and Society*. London: Routledge.
- Longfellow, B. (2011). *Roman Imperialism and Civic Patronage: Form, Meaning, and Ideology in Monumental Fountain Complexes*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mattingly, D. J. (2011). *Imperialism, Power and Identity. Experiencing the Roman Empire*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Miller, D., & Tilley, C. (1984). Ideology, Power and Prehistory: An Introduction. In D. Miller & C. Tilley (Eds.), *Ideology, Power and Prehistory* (pp. 1–15). Cambridge: Cambridge University Press.
- Millett, M. (1990). *The Romanization of Britain: An Essay in Archaeological Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Parker Pearson, M., & Richards, C. (1994). Ordering the World: Perceptions of Architecture, Space and Time. In M. Parker Pearson & C. Richards (Eds.), *Architecture and Order: Approaches to Social Space* (pp. 1–37). London: Routledge.
- Revell, L. (2009). *Roman Imperialism and Local Identities*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Scott, S., & Webster, J. (Eds.). (2003). *Roman Imperialism and Provincial Art*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shanks, M., & Tilley, C. (1982). Ideology, Symbolic Power and Ritual Communication: A Reinterpretation of Neolithic Mortuary Practices. In I. Hodder (Ed.), *Symbolic and Structural Archaeology* (pp. 129–154). Cambridge: Cambridge University Press.
- Wallace-Hadrill, A. (1994). *Houses and Society in Pompeii and Herculaneum*. Princeton: Princeton University Press.
- Webster, J. & Cooper, N. (Eds.). (1996). *Roman Imperialism: Post-colonial Perspectives*. Leicester: School of Archaeological Studies – University of Leicester.
- Whittaker, C. R. (1997). *Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study*. Baltimore; London: The J. Hopkins University Press.
- Whittaker, C. R. (2004). *Rome and its Frontiers: The Dynamics of Empire*. London: Routledge.
- Wiedemann, T. (1992). *Emperors and Gladiators*. London: Routledge.
- Woolf, G. (1998). *Becoming Roman: The Origins of Provincial Administration in Gaul*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Yegül, F. (1992). *Baths and Bathing in Classical Antiquity*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Zanker, P. (2000). The City as Symbol: Rome and the Creation of an Urban Image. In E. Fentress (Ed.), *Romanization and the City: Creation, Transformations and Failures. Journal of Roman Archaeology Supplementary Series*, 38, 25–41.

Received 5 June 2016

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.061
УДК 94(37)“395/476” + 316.323.62 +
+ 316.462

А. С. Козлов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПОЗДНЕРИМСКАЯ МОНАРХИЯ В РАЗВИТИИ

Рец. на кн.: Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD / ed. J. Wienand. — Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 2015. — xix + 530 p. (Oxford Studies in Late Antiquity)

Рецензия раскрывает концептуальную и содержательную стороны сборника статей преимущественно американских и немецких антиковедов, анализирующих особенности формы и функционирования политического режима Римской империи IV в. Указана актуальность избираемой исследователями тематики в рамках заявленной сборником проблемы. Подчеркнута спорность решения вопросов, касающихся взаимоотношений императорской власти эпохи домината с социальными, имущественными и политическими группами, интересы которых приходилось постоянно принимать в расчет. Особое внимание обращено на статьи сборника, по новому раскрывающие религиозно-политические аспекты функционирования монархии IV в. как открытой формы военной диктатуры, прагматично использовавшей для стабилизации общества как инструментарий язычества, так и христианство.

Ключевые слова: поздняя античность; императорская власть; режим домината.

«Оспариваемая монархия» — сборник из 20 статей, базирующихся главным образом на соответствующих докладах, прочитанных на конференции в Констанце в июле 2012 г. и пытающихся осмыслить отличительные формы, принимаемые римской монархией IV в. Авторы — известные западные специалисты по истории поздней античности вообще и государственности эпохи домината в частности. Составитель и редактор книги, *Йоханнес Винанд*, академический советник Института исторических наук Университета Генриха Гейне (Дюссельдорф), справедливо исходит из того историографического факта, что с 70-х гг. XX в. исследователи поздней античности делали акцент на истории социальной, культурной и религиозной. Политическая, административная и институциональная история поздней Римской империи привлекала меньше внимания, — тем более что долгое время политико-институциональный режим данного периода вообще считался не вызывающим особых вопросов, — в отличие, например, от характеристик режима принципата. Анализ позднеантичной императорской власти, в частности, не был включен в исследовательскую программу «Transformation of the Roman World» («Преобразование Римского мира»), профинансированную в 90-е гг. XX в. Европейским научным фондом. И хотя существуют прекрасные,

выполненные с помощью самых современных методик, исследования правлений отдельных позднеантичных владык, комплексного разбора режима домината пока еще нет. Но научный интерес к отдельным аспектам этой темы, как показывает историография, в последние годы явно возрастает, — и рецензируемый сборник наглядно иллюстрирует такую тенденцию.

Однако у данной книги есть особенность: это произведение или, лучше сказать, совместная акция группы ученых из числа тех, кто в последнее время предпочитает называть себя сторонниками преодоления «методологических и эвристических границ», преодоления, которое «способствует синергетике дополняющих друг друга подходов к анализу римской монархии» (р. VIII–IX). И в центре внимания авторов — не все институты и функции монархической власти в относительно стабильный для нее IV в., а «усилия императоров», направленные «на политическую и культурную интеграцию в пределах коммуникативной структуры, характеризующейся взаимодействием имперской администрации, достижений монархического лидерства и религиозной политики» (р. VIII). Поэтому статьи сборника распределены по трем разделам: «1. Имперская администрация»; «2. Результативность монархии»; «3. Баланс религиозных перемен».

Поскольку речь идет о монархии, авторы этих статей справедливо исходят из того, что никакой император не мог править один — его власть и легитимность были сконструированы и оговорены в дискурсе с теми, кем он управлял. Во «Введении» И. Винанд прямо заявляет, что императорская власть преобразовывалась в легитимное правление (в социологическом смысле) только на основе *societal consensus* («общественного соглашения»). Поэтому даже позднеримским императорам приходилось постоянно быть в контакте с обществом и разными способами вести переговоры о своих полномочиях, идеологии и публичном имидже, — дабы обеспечить себе поддержку среди множества социальных групп, а именно — при дворе, у аристократов-богачей, в военном и гражданском аппарате, в церкви, среди заинтересованных групп провинциалов, у городской верхушки, у городской толпы и т. д. Иначе говоря, управление империей даже при доминате не находилось в состоянии застоя, не было «пассивным» (как еще сравнительно недавно полагали многие — вслед за Ф. Миллером [Millar]), а пребывало в динамике.

Поскольку в ограниченной по объему рецензии невозможно дать анализ всех статей и положений сборника, я сосредоточусь лишь на тех из них, которые посчитал наиболее интересными по методике и потому стимулирующими дальнейший поиск. Начну с того, что книга завершается эпилогом-статьей того же И. Винанда, посвященного анализу символической значимости изображений на золотом медальоне, отчеканенном императором Констанцием II в Антиохии в 346 г. (р. 423–451). Фото медальона эффектно украшает обложку сборника. По мысли автора эпилога, изображения, помещенные на аверсе и реверсе медальона (бюст императора в диадеме и воинском одеянии; император, одетый в *tunica palmata* и *toga picta*, в диадеме и управляющий квадригой), их

церемониальное наполнение, контекст и военно-политические обстоятельства чеканки отражают квинтэссенцию идей, анализируемых в книге. Что касается ее названия, то оно опять-таки рассчитано на эффект, ибо восходит к анекдотическому высказыванию короля Теодориха Великого по поводу короны — это, дескать, головной убор, пропускающий капли дождя. Винанд возражает Теодориху: это был все-таки головной убор, за обладание которым весьма и весьма боролись (р. 451).

Работы, содержащиеся в первом разделе книги, охватывают довольно пестрый спектр управленческих проблем империи IV в. — от отслеживания изменения отношений между императорами и сенаторами (*Д. Вайсвайлер*), инфляции сословно-служебных разрядов (*Д. Н. Диллон*) и долговременных моделей интеграции провинциальной знати в имперскую администрацию и императорский двор (*М. Куликовский*) до презентации Галлии как пространства, решающего для управления западными областями империи (*И. Зидат*).

Думаю, особо следует обратить внимание на анализ *Себастьяном Шмидт-Хофнером* законодательства Валентиниана I и Валента периода 364–365 гг. Как известно, оба императора-соправителя издали в столь короткое время много новых законов и переиздали ряд эдиктов своих предшественников, адресованных представителям разных социальных групп (р. 67–99). Шмидт-Хофнер убедительно доказывает, что данная совокупность законодательных текстов служила средством для поддержания старта в правлении двух выходцев из паннонской среды и имела явную коммуникативную функцию — обеспечить лояльность к новому режиму. Здесь следует вспомнить, что большинство императоров IV в. были военными лидерами, добившимися своих постов своими руками, в том числе — на поле брани. Успехи в воинских кампаниях весьма добавляли веса императорскому престижу и обеспечивали дополнительную поддержку со стороны граждан. Однако в самом достижении этих успехов имела место определенная доля зависимости императора как от высшего офицерского корпуса армии, так и от центурионов и даже рядовых солдат.

Именно эти аспекты бытия позднеантичной монархии выделяет в своей работе *Д. Ли*, анализируя отношения между императорами и вооруженными силами и особенно делая акцент на мерах, которые автократор принимал для обеспечения лояльности легионеров, как рядовых, так и высокопоставленных (р. 100–118). Правда, в констатации этих мер трудно заметить что-то новое: лояльность солдат достигалась разными формами как материального стимулирования, так и нематериального (в частности, ритуальными поощрительными процедурами); амбициозные высокопоставленные чины (прежде всего магистры войск) могли оказаться серьезной угрозой для императора, — здесь, естественно, ярчайшими примерами являются узурпации Магненция и Магна Максима. Конечно, для предотвращения такого рода потенциальных угроз император располагал многими тактическими и стратегическими средствами — от тех же денежных наград, предоставления должности консула и даже статуса сенатора до снятия с должности, изгнания и даже физического уничтожения.

Материалы второго раздела рецензируемого сборника контрастируют с работами первой его части не только тематически, но и высокой вариативностью, граничащей с эклектикой. Содержательный спектр этих статей крайне широк — от разбора уголовного законодательства Константина I как своеобразного построения «социального дискурса» и как вклада в развитие и оправдание монархического строя (*Х. Райтценштейн-Роннинг*), династического принципа как формы легитимации автократоров (*Х. Борм*), сравнения презентаций правления Траяна панегириком Плиния и правления Феодосия панегириком Паката Дрепаниа (*К. Келли*) до трех работ (*М. Хемфрис*, *И. Винанд* и *Х. Леппин*), главными темами которых являются некоторые аспекты позднеантичных гражданских войн, узурпаций и триумфов после такого рода явлений. Так, Хемфрис оригинально сравнивает визиты Константина I, Констанция II и Феодосия I в Рим (р. 151–168). Все эти визиты были связаны с победами указанных императоров в гражданских войнах, и то, что в большинстве случаев римская элита поддерживала узурпаторов, делало подобные посещения столицы Запада крайне существенными политико-ритуальными мероприятиями в демонстрации отношений императоров с ее гражданами.

Материал, презентуемый И. Винандом, частично коррелирует с анализом Хемфриса, так как немецкий исследователь, рассматривая триумфы IV в., совершенные после гражданских войн именно в Риме, приходит, например, к очень важному выводу, что Константин I порвал с республиканской и ранней имперской традицией, согласно которой триумфы могли праздноваться только после побед над внешними врагами (р. 169–197). Дело в том, что в поздней античности победа в гражданской войне демонстрировала уже не мощь римского гражданства, а воинские качества императора, и *victoria civilis* («гражданская победа») трансформировалась в данном случае в феномен триумфального правления.

Ни разу не затрагиваемый в историографии, насколько я знаю, феномен анализирует *Хартмут Леппин* — лечение солдат врага после победы в гражданской войне. Речь идет о трех случаях, демонстрируемых источниками, — об уходе за пострадавшими после победы Констанция над Магненцием, после поражения, нанесенного Валентом Прокопию, и после успеха Феодосия в войне против Магна Максима (р. 198–214). Конечно, во всех трех случаях победители демонстрировали милосердие (*clementia*) по отношению к побежденным. С одной стороны, думаю, исследователь прав в том, что *clementia* и в IV в. сохраняла свой классический античный заряд. Но Леппин видит здесь и влияние христианства, а это — момент спорный, ибо о глубине воздействия религии, к которой государство (и тем более подданные) только-только привыкало, до сих пор существуют диаметрально различные точки зрения. К тому же в условиях больших проблем с практикой рекрутирования в IV в. здесь мог работать обычный прагматизм — императоры, постоянно нуждаясь в солдатах, как правило, рассматривали в то время полное уничтожение армий противника в междоусобной войне как нерациональную растрату воинских ресурсов. Вспомним хотя бы частые сетования

тогдашних историков и ритором на гибель тысяч солдат в подобных конфликтах — особенно при описании войн Констанция с Магненцием.

Статья Леппина в известной мере задает тематический тон работам, размещенным в третьем разделе книги. Старая, многократно разбираемая, но даже приблизительно не исчерпанная самой постановкой конкретных вопросов проблема соотношения и взаимодействия чисто религиозных и идейно-политических феноменов и тенденций развития с изменявшейся ролью императора в конфессиональных делах, конечно же, включает в себя дискуссию о христианизации императорской власти и личном обращении отдельных императоров в христианство, но лишь как один из множества принципиальных сегментов. Рецензируемый сборник демонстрирует как традиционные в этом плане темы, так и новаторские. Здесь и очередной (в историографии) разбор полубожественного статуса императора в «Похвале Константину» Евсевия Кесарийского, и очередная попытка анализа борьбы в трудах отцов церкви поздней античности вокруг понимания особых отношений между императором и Господом (*Х. Дрейк*), и стремление еще раз осмыслить отношения Константина с Римом как городом и, в связи с этим, понять влияние Рима (как христианского, так и языческого) на христианскую имперскую идеологию (*Б. Блекман*), и оригинальный взгляд на религиозную политику Констанция II — в ее векторе на установление универсального вероучения (*Ш. Диффенбах*), и, наконец, оценка специфики насилия в религиозной жизни IV в. — прежде всего со стороны власти (*И. Хан*).

Полагаю, для византинистов особого внимания заслуживает работа *Н. Ленски* «Константин и Тюхе Константинополя» (р. 330–352). Американский специалист берет за исходную позицию анализ изображений известного серебряного медальона (датируемого обычно 330 г.), где на лицевой стороне изображена голова Константина, увенчанная диадемой, а на обратной — восседающая на троне богиня Тюхе (в издании «Roman Imperial Coinage» (VII) фигурирует как Constantinople 53). Статья продолжает многолетние дебаты по поводу наличия языческих мотивов в ритуалах, сопровождавших основание Константинополя. Беря такого рода методический старт и используя зачастую источники и свидетельства, обычно отвергаемые другими специалистами, Ленски приходит к единственно логичному выводу, что языческие мировоззренческие мотивы при закладывании новой императорской резиденции были, и что Константин использовал культ Тюхе, но в адаптированной к обстоятельствам форме, соответствующей возможностям эволюции империи в обстановке христианизации. По мнению автора, подобная тактика отражает в целом религиозную политику Константина — император глубоко осознавал границы и глубину своих шагов в религиозной и вообще в идейно-политической сфере как в новой столице, так и в империи, где все еще преобладало язычество.

Схожая по смыслу проблематика содержится и в статье *Р. Лиззи Теста*, посвященной известной контроверзе вокруг алтаря богини Победы, но демонстрирующей новый взгляд на требования римских сенаторов восстановить

алтарь. По мнению исследовательницы, запрос о реставрации алтаря не следует рассматривать как преимущественно «языческую реакцию» со стороны сената, его следует воспринимать в более широком контексте политики по сохранению монументального идейного облика Рима как выражения истории города, его гражданства и побед империи (р. 405–419).

Я полагаю, что повышенное внимание большинства авторов рецензируемого сборника к символике позднеантичной монархии и к многосторонней рефлексии общества в отношении ее к развивающимся историческим явлениям — очень сильная сторона исследования. Если взять в качестве примера такой известнейший феномен, как принятие римским императором диадемы лишь через три с половиной столетия после падения республики (хотя этот символ монархии был знаком римлянам с тех пор, как они узнали об Александре Македонском), то абсолютно верным представляется тезис того же Винанда, что «диадема стала фиксированным символом власти только после того, как политическая система Римской империи подверглась фундаментальным метаморфозам и достаточно дистанцировалась от аристократического клейма на своем происхождении» (р. 448)¹. Мало того, принятие диадемы Константином I в 325 г. как победителем в почти двадцатилетних гражданских войнах и единоличным правителем в рамках империи означало также разрыв с системой тетрархии и презентацию нового качества правителя — не столько поддерживаемого божеством воина, сколько мироустроителя, справедливо и правосудно правящего воссоединенной державой, воплощая при этом сакральные качества своих бывших и нынешних божественных покровителей [ср.: Wienand; Bastien, p. 78–80; Beyeler, S. 115–121; Grünewald, S. 133–162].

Сама эволюция в сторону короны (в том числе — украшаемость розетками и жемчугом, чеканка из золота, убранный драгоценными камнями, а позже — и реликвиями) делала диадему важным сегментом в системе, в рамках которой сама позднеантичная монархия развивалась как сложная социально-политическая целостность довольно долгое время. Видимо, недаром никакого надлежащего ритуала коронации (вплоть до узурпации Юлиана в 360 г.) источники не фиксируют. Винанд полагает, что такого ритуала просто не было, а легитимность конкретного императора осмыслялась, в том числе, мистическим фактом коронования его Викторией, Юпитером или персональным божеством-покровителем (например, Непобедимым Солнцем) (р. 449). Действительно, только через несколько десятилетий, когда превращение Константинополя в имперскую столицу стало неоспоримым, фиксируется и церемония коронации с участием в ней армии, придворных, церкви, горожан [Pfeilschifter, S. 41–75]. Как метко заметил К. Трампедах, коронация императора объединяла все субъекты империи в мистический момент консенсуса [Trampedach, S. 288–289]. Актуальная для конкретного момента форма церемонии коронации эволюционировала вместе

¹ Относительно «фундаментальных метаморфоз» империи в III в. из последних монографий целесообразно отметить работы П. Айха [Eich] и Ю. Б. Циркина [Циркин].

с политической властью и значимостью общественных групп, ее соучастников, и потому могла служить опорой для монарха в тех же конкретных обстоятельствах для принятия определенных решений [Trampedach, S. 277].

В заключение хотелось бы отметить: хорошо, что книга о позднеантичной монархии ограничена во времени — одним столетием — весьма условно. Историзм она обретает не только демонстрацией развития атрибутов и функций домината, но и последовательным компаративным методом исследования этих атрибутов путем обращения в римское прошлое, и не только в эпоху принципата, но и во времена Помпея и Цезаря. Тем самым почти каждый из авторов касается вопроса о специфике рассматриваемого им явления в IV в. Подобный подход весьма выгодно отличает сборник, вышедший под редакцией И. Винанда, от многих западных исследований, посвященных институциональной истории поздней античности.

Циркин Ю. Б. «Военная анархия» в Римской империи. СПб. : Нестор-История, 2015.

Bastien P. Monnaie et donativa au Bas-Empire. Wetteren : Éd. Numismatique romaine, 1988. (Numismatique romaine. Essais, recherches et documents, XVII).

Beyeler M. Geschenke des Kaisers. Studien zur Chronologie, zu den Empfängern und zu den Gegenständen der kaiserlichen Vergabungen im 4. Jahrhundert n. Chr. Berlin : Akademie Verlag, 2011. (Klio. Beihefte. Neue Folge, Bd. 18).

Eich P. Zur Metamorphose des politischen Systems in der römischen Kaiserzeit. Die Entstehung einer 'personalen Bürokratie' im langen dritten Jahrhundert. Berlin : Akademie Verlag, 2005. (Klio. Beihefte. Neue Folge, Bd. 9).

Grünwald T. Constantinus Maximus Augustus. Herrschaftspropaganda in der zeitgenössischen Überlieferung. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1990. (Historia Einzelschriften, 64).

Millar F. The Emperor in the Roman World 31 BC — AD 337. Ithaca ; London : Duckworth, 1977.

Pfeilschifter R. Der Kaiser und Konstantinopel. Kommunikation und Konfliktaustrag in einer spätantiken Metropole. Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2013. (Millennium-Studien zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr., Bd. 44).

Trampedach K. Kaiserwechsel und Krönungsritual im Konstantinopel des 5. bis 6. Jahrhunderts // Investitur- und Krönungsrituale. Herrschaftseinsetzungen im kulturellen Vergleich / hrsg. M. Steinicke, S. Weinfurter. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, Verlag, 2005. S. 275–290.

Wienand J. Die Poesie des Bürgerkriegs. Das constantinische *aureum saeculum* in den *carmina Optatians* // Costantino prima e dopo Costantino / ed. G. Bonamente, N. Lenski, R. Lizzi Testa. Bari : Edipuglia, 2013. S. 419–444.

Рецензия поступила в редакцию 24.06.2016 г.

Козлов Александр Сергеевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории Древнего мира
и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: alarich@olympus.ru

Kozlov, Aleksandr Sergeevich

PhD (History), Associate Professor,
Chair of the History of the Ancient World
and Middle Ages
Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: alarich@olympus.ru

MONARCHY OF LATE ROME IN DEVELOPMENT

Review of Wienand, J. (Ed.). (2015). *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD*. *Oxford Studies in Late Antiquity*. Oxford; New York: Oxford University Press

The review opens the conceptual and substantial parties of the collection of articles mainly American and German specialises in antiquity, analyzing features of the form and functioning of a political mode of Roman empire the urgency of subjects selected researchers within the limits of the problem declared by the collection 4th century is specified. Argumentativeness of the decision of the questions, concerning mutual relations of the imperial power of an epoch dominatus with the social, property and political groups which interests should be taken constantly into consideration is underlined. The special attention is turned on collection articles, on new opening religious-political aspects of functioning of a monarchy of 4th century as open form of the military dictatorship pragmatically using for stabilisation of a society as toolkit of paganism, and Christianity.

K e y w o r d s: late antiquity; imperial power; mode dominatus.

Bastien, P. (1988). Monnaie et donativa au Bas-Empire [Currency and donativa in Bas-Empire]. *Numismatique romaine. Essais, recherches et documents, XVII*. Wetteren: Éd. Numismatique romaine. (In French)

Beyeler, M. (2011). Geschenke des Kaisers. Studien zur Chronologie, zu den Empfängern und zu den Gegenständen der kaiserlichen Vergabungen im 4. Jahrhundert n. Chr. [Gifts of the Emperor. Studies on the Chronology, to the Beneficiaries, and to the Objects of the Imperial Contributions in the 4. Century of Christ]. *Klio. Beihefte. Neue Folge, 18*. Berlin: Akademie Verlag. (In German)

Eich, P. (2005). Zur Metamorphose des politischen Systems in der römischen Kaiserzeit. Die Entstehung einer 'personalen Bürokratie' im langen dritten Jahrhundert [The Metamorphosis of the Political System in the Roman Imperial Period. The Emergence of a 'Personnel Bureaucracy' in the Long Third Century]. *Klio. Beihefte. Neue Folge, 9*. Berlin: Akademie Verlag. (In German)

Grünewald, T. (1990). Constantinus Maximus Augustus. Herrschaftspropaganda in der zeitgenössischen Überlieferung [Constantinus Maximus Augustus. Rule of Propaganda in the Contemporary Tradition]. *Historia Einzelschriften, 64*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. (In German)

Millar, F. (1977). *The Emperor in the Roman World 31 BC – AD 337*. Ithaca; London: Duckworth.

Pfeilschifter, R. (2013). Der Kaiser und Konstantinopel. Kommunikation und Konfliktaustrag in einer spätantiken Metropole [The Emperor and Constantinople. Communication and Conflict-Discharge in a Late Antique Metropolis]. *Millennium-Studien zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr., 44*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter. (In German)

Trampedach, K. (2005). Kaiserwechsel und Krönungsritual im Konstantinopel des 5. bis 6. Jahrhunderts [Imperial Exchange, and the Coronation Ritual in the Constantinople of the 5th to 6th Century]. In M. Steinicke, & S. Weinfurter (Eds.), *Investitur- und Krönungsrituale. Herrschaftseinsetzungen im kulturellen Vergleich* [Investiture and Coronation Rituals. Rule to be Settling in Cultural Comparison] (pp. 275–290). Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag. (In German)

Tsirkin, Ju. B. (2015). «*Voennaia anarchija*» v *Rimskoi imperii* [«Military Anarchy» in Roman Empire]. Saint Petersburg: Nestor-Istorija. (In Russian)

Wienand, J. (2013). Die Poesie des Bürgerkriegs. Das constantinische *aureum saeculum* in den *carmina* Optatians [The Poetry of the Civil Wars. The Aureum Saeculum of Constantine in the Carmina Optatians]. In G. Bonamente, N. Lenski, & R. Lizzi Testa (Eds.), *Costantino prima e dopo Costantino* [Constantine before and after Constantine] (pp. 419–444). Bari: Edipuglia. (In German)

Received 24 June 2016

ЮБИЛЕИ

«УСЕРДНЕЙ С КАЖДЫМ ДНЕМ ГЛЯЖУ В СЛОВАРЬ...» К юбилею Людмилы Григорьевны Бабенко

1 июля 2016 г. отметила юбилей Людмила Григорьевна Бабенко, Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета, руководитель Уральской семантической школы, обладатель многих научных премий и наград.

Профессор Л. Г. Бабенко — крупный ученый-лингвист, автор более 200 научных публикаций, среди которых 6 монографий и 5 учебников, рекомендованных УМО РФ в качестве учебных пособий для студентов филологических факультетов. Под ее руководством издано более 20 словарей, вышедших в ведущих издательствах России.

За этими строчками официальной биографии — личность талантливого ученого, замечательного преподавателя и организатора науки, учителя и наставника.

Нам выпало счастье стать соавторами Людмилы Григорьевны при составлении идеографических словарей и учиться у нее. Во многом благодаря ее организаторскому и научному таланту, открытости всему новому и настойчивости в достижении целей удалось осуществить множество лексикографических проектов и создать центр идеографической лексикографии в Уральском федеральном университете.

Впечатляют результаты научной деятельности Л. Г. Бабенко и возглавляемого ею коллектива: десятки монографий, более 20 лексикографических изданий, десятки научных проектов, поддержанных грантами различных фондов (РГНФ, РФФИ, РНФ, гранты Президента РФ и др.).

Л. Г. Бабенко начала работать в Уральском государственном университете имени А. М. Горького с 1974 г., прошла путь от лаборанта кафедры до профессора и вот уже более 40 лет верна своему выбору. Многим поколениям студентов запомнятся ее блестящие лекции по лексикологии, лингвистическому анализу текста, семантике эмоций. Они пользуются популярностью не только в Екатеринбурге. Людмилу Григорьевну приглашают читать лекции в вузы Челябинска, Тюмени, Калининграда, Кишинева, Маннгейма и других городов.

Научное имя Л. Г. Бабенко, широко известное не только в России, но и за ее пределами, создавалось благодаря работе в разных направлениях, объединенных общей семантической устремленностью автора. Ее кандидатская диссертация, защищенная в 1980 г. под руководством профессора Э. В. Кузнецовой, была посвящена семантике глаголов речи, интеллектуальной и эмоциональной деятельности в прозе А. Платонова. Уже в этой работе определены константы научных интересов Л. Г. Бабенко — семантика слова, художественный текст, лексика эмоций. Синтез этих направлений осуществлен в защищенной в 1990 г. докторской диссертации «Эмотивная лексика как функциональная система», в которой сформулированы принципы исследования лексики эмоций и впервые предложена идеографическая классификация лексических единиц, отображающих мир эмоций в разных «грамматических масках».

Лексикографическая работа, в которую увлеченно погружена Людмила Григорьевна и возглавляемый ею коллектив, формировалась под влиянием идей Э. В. Кузнецовой и начиналась со словаря лексико-семантических групп русских глаголов. В 1983 г. Л. Г. Бабенко в составе коллектива становится автором-составителем одного из первых в отечественной лексикографии семантических словарей «Лексико-семантические группы русских глаголов: учебный словарь-справочник» (1988). В начале 1990-х гг. Людмила Григорьевна, развивая идеи своего учителя, выдвигает проект создания толкового идеографического словаря, а глагольная группа превращается в словарную группу «Русский глагол».

В 1992 г., когда Л. Г. Бабенко становится заведующей кафедрой современного русского языка, происходит формирование состава словарной группы. Будучи блестящим организатором, Л. Г. Бабенко создает крепкий, трудолюбивый и активный в научно-исследовательском и лексикографическом отношении коллектив. Ее ученики, включившиеся в словарную работу в первой половине

1990-х гг., теперь стали кандидатами и докторами наук. В судьбе каждого Людмила Григорьевна принимает важное, определяющее участие, она знает, как мобилизовать внутренние резервы своих учеников. Под ее мудрым наставничеством защищено 9 докторских и 25 кандидатских диссертаций.

Выдерживать заданный ею темп бывает непросто, но результаты работы заметны: в 1999 г. опубликован «Толково-идеографический словарь русских глаголов (с английскими эквивалентами)» — визитная карточка словарной группы. Параллельно с работой над словарем коллектив авторов выпускает две монографии под общей редакцией Л. Г. Бабенко: «Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм» (1997) и «Русская глагольная лексика: денотативное пространство» (1999). В написанных Людмилой Григорьевной главах сформулированы важнейшие принципы идеографической лексикографии, которые найдут отражение в созданных впоследствии словарях. В 2002 г. выходит в свет словарь «Русские глагольные предложения», в котором модели предложений представлены в словарных параметрах. Экспериментальный синтаксический словарь дает ответ на вопрос, как, зная значение глагола и его принадлежность к определенной лексико-семантической группе, правильно построить фразу, что делает его комплексным словарем активного типа. В 2005 г. коллектив публикует толковый идеографический словарь русских существительных, а вслед за ним создаются принципиально новые для лексикографии «Словарь-тезаурус синонимов русской речи» и «Большой толковый словарь синонимов русской речи», работа над заключительным — пятым — томом которого завершается в этом, юбилейном для Людмилы Григорьевны, году. Эти словари включены в академическую лексикографическую программу общенационального значения «Словари XXI века».

Особое место в научно-исследовательской деятельности Л. Г. Бабенко занимают труды, связанные с реализацией идеи когнитивной лингвистики, востребованных в практике словарного дела. Показательным в этом отношении является подготовленный к изданию словарь «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации», в котором реализованы инновационные принципы толкований, основанные на исследовании лексической концептуализации и категоризации.

Сегодня коллектив, возглавляемый Л. Г. Бабенко, работает над созданием «Универсального идеографического словаря русского языка», и это новая веха в развитии Уральской семантической школы. Создается комплексный словарь нового типа, ориентированный как на лексикографические традиции, так и на новые тенденции в многоаспектной словарной параметризации. Л. Г. Бабенко как лексикограф отличает научная смелость в органичном сочетании с верностью лучшим традициям словарного дела. Не ослабевает азарт коллективного научного труда, самозабвенно и заразительно работает над словарями Л. Г. Бабенко — генератор всех словарных идей и проектов.

Авторитет в научных кругах, талант ученого и руководителя позволили Людмиле Григорьевне организовать и успешно провести ряд крупнейших всероссийских и международных конференций, содержательные итоги которых имели

широкий научный резонанс. Почти каждый год кафедры современного русского языка проводит ставшие традиционными «Кузнецовские чтения». Людмила Григорьевна активно участвует в международных конференциях, конгрессах и симпозиумах, организуемых МАПРЯЛ, РОПРЯЛ, Российской ассоциацией лингвистов-когнитологов. Является членом президиума Российской ассоциации лингвистов-когнитологов, входит в экспертные советы грантовых фондов.

Значимым шагом в развитии университетской науки стало создание в 2008 г. по инициативе и под председательством Л. Г. Бабенко при УрФУ диссертационного совета по теории языка и зарубежной литературе.

Научная деятельность Л. Г. Бабенко, ее книги и словари получили высокую оценку коллег, постоянно отмечаются многочисленными наградами. Переиздания ее учебника по лингвистическому анализу текста, высокий индекс цитирования являются показателями неослабевающего интереса к ставшему уже классическим вузовскому учебнику.

Будучи человеком, открытым для всего нового и современного, решительным и прозорливым, Л. Г. Бабенко выступила инициатором создания магистратуры, а затем и бакалавриата по направлению «Фундаментальная и прикладная лингвистика», что стало импульсом к возникновению нового имени кафедры, которая с 2014 г. по праву называется кафедрой современного русского языка и прикладной лингвистики.

Не подвластная времени и жизненным обстоятельствам, Людмила Григорьевна заражает внутренней созидательной энергией, целеустремленностью, ответственностью и преданностью делу. Каждый из ее учеников помнит неповторимые моменты неформального общения с Людмилой Григорьевной. Это и замечательные рассказы о забавных событиях, которые происходили с ней в многочисленных поездках и путешествиях, трепетное отношение к цветам, выращиваемым на даче, веселые и шумные праздники в Каменке, где собираются на ее дни рождения близкие и коллеги. Огромный талант руководителя и организатора, строгость наставника, предусмотрительность стратега и оперативность тактика гармонично сочетаются в ней с отзывчивостью и широтой души. Вспоминаются детали — привезенные ночью в редакционный отдел, где шла работа над версткой монографии, испеченные Людмилой Григорьевной пирожки или проведенный в зале ожидания аэропорта из-за задержки самолета день рождения Людмилы Григорьевны. И в этих деталях проступает ее характер, умение сохранять оптимизм в любых жизненных обстоятельствах, невероятное обаяние и искренность.

Подвижница словарного дела, талантливый ученый, хозяйка на кафедре и в том коллективе, который она сама создала и о котором неустанно заботится, мудрый наставник, не ограничивающий творческой свободы и готовый взять на себя ответственность в сложных ситуациях. Таков масштаб личности Людмилы Григорьевны.

Коллектив кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики, словарная группа «Русский глагол» и Уральская семантическая школа поздравляют Людмилу Григорьевну с юбилеем и желают здоровья и новых профессиональных достижений.

MEMORIA

ИСТОРИК НИЖНЕГО ТАГИЛА Памяти Татьяны Константиновны Гуськовой

6 сентября 2016 г., не дожив всего несколько дней до своего 90-летнего юбилея, скончалась доктор исторических наук, профессор Татьяна Константиновна Гуськова.

Она родилась в 1926 г. в Нижнем Тагиле в замечательной семье. Отец — Константин Васильевич Гуськов (1892–1979) — потомственный медик, служивший зауряд-врачом во время Первой мировой войны и бывший начальником санитарного поезда во время Второй мировой, заслуженный врач РСФСР и член репертуарного совета Нижнетагильского драматического театра; мать — Зоя Васильевна (1895–1977) — пианистка, потомок известного уральского предпринимательского рода Злоказовых. Была у Татьяны Константиновны и старшая, горячо любимая сестра Ангелина Константиновна Гуськова (1925–2015) — всемирно известный ученый, основоположник радиационной медицины, личный врач И. В. Курчатова, спасшая жизни многих чернобыльцев и участников других радиационных катастроф.

В жизни самой Татьяны Константиновны было немало удивительных сюжетов. Так, уроки игры на фортепиано ей давала знаменитая французская пианистка В. А. Лотар-Шевченко, волей судьбы оказавшаяся в Нижнем Тагиле после нескольких лет пребывания в сталинских лагерях. В доме Гуськовых — одном из центров культурной жизни рабочего города — она нашла приют и возможность играть свои любимые произведения Бетховена и Шопена.

Потом была учеба в Нижнетагильском учительском институте и Уральском государственном университете, работа учителем в школе и научным сотрудником в Краеведческом музее Нижнего Тагила, защита диссертации в Москве под руководством знаменитого Б. Б. Кафенгауза. Большую роль в становлении ученого сыграли научные экспедиции по территории обширного Тагильского края, во время которых молодая сотрудница местного музея набиралась опыта поисковой работы вместе с учеными Института этнографии АН СССР В. Ю. Крупянской и М. Н. Преображенской, знаменитыми тагильскими краеведами Е. В. Боташевой и И. А. Орловым. Значимыми для Татьяны Константиновны были и творческие встречи с замечательными художниками М. В. Дистергеттом, П. М. Бортовым и Е. В. Седухиным, помогавшими оформлять экспозиции краеведческого музея, литературно-мемориальных музеев А. П. Бондина в Нижнем Тагиле и Д. Н. Мамина-Сибиряка в Висиме. Превращение Нижнетагильского краеведческого музея в научный центр изучения Тагильского края происходило в 1950–1960-е гг., когда там работали или сотрудничали с ним такие выдающиеся ученые, как археолог О. Н. Бадер, химик и минералог П. Э. Рикерт, ботаник-генетик Н. М. Грюнер, историки В. В. Данилевский и В. С. Виргинский, литературовед И. Л. Андронников и мн. др. Не случайно две молодые сотрудницы музея того времени — Т. К. Гуськова и А. С. Черкасова — связали свою жизнь с наукой, став известными уральскими историками. Не случайно и то, что именно Нижний Тагил и Тагильский край оказались для Татьяны Константиновны главными объектами изучения на долгие годы. Из первых ее трудов назовем книгу «Нижний Тагил» (1964), написанную коллективом авторов с ее участием, из последних — сборник ее статей «Д. Н. Мамин-Сибиряк и Тагильский край» (2003), где автор представила источниковедческий анализ произведений знаменитого уральского писателя, а также сборник рассказов-воспоминаний И. А. Орлова «Старый Тагил глазами краеведа» (2011), изданный по инициативе и на средства Т. К. Гуськовой.

Важной вехой на научном пути стало участие в 1969 г. вместе с ее университетским наставником В. В. Адамовым в шумевшей Всесоюзной научной сессии в Свердловске, посвященной проблемам многоукладности российской экономики периода империализма. После этого долгие годы за Татьяной Константиновной тянулся шлейф принадлежности к «диссидентскому» «новому направлению» в советской исторической науке, негативно влиявший на ее научную и преподавательскую карьеру. Но тогда же началось и плодотворное сотрудничество с сектором истории СССР периода капитализма Института

истории СССР (с Л. М. Ивановым, Ю. И. Кирьяновым, С. В. Тютюкиным, Н. А. Ивановой), продолжавшееся до последнего времени.

Создание в Нижнетагильском государственном педагогическом институте исторического факультета в 1976 г. ознаменовало новый этап в жизни Татьяны Константиновны. В городе, где было совсем немного профессиональных историков, стал формироваться центр исторической науки. Среди первых преподавателей факультета нашлись единомышленники, увлеченные наукой: репрессированный московский историк, специалист по Средним векам З. М. Корабельников, специалист по истории Парижской коммуны Е. Е. Козлова, а также Ю. Р. Вишневецкий, Ю. П. Петров, Л. А. Марголин, В. Т. Шапко — сотрудники кафедры философии, где вначале «перевоспитывался» идеологически нестойкий доцент Т. К. Гуськова.

В дальнейшем, укрепившись на историческом факультете, Татьяна Константиновна разрабатывала различные общие и специальные курсы с целью глубже постичь тонкости источниковедения, историографии, краеведения, истории Урала и России разных эпох. Долгие годы она руководила архивной и музейной практикой. Горячо было желание делиться знаниями со студентами, на которых она всегда смотрела даже не столько как на будущих педагогов, сколько как на будущих ученых. Для этого она объединяла вокруг себя наиболее близких ей по духу учеников, делясь с ними широчайшими знаниями по истории, литературе, искусству, музыке, одаривая их не только книгами из обширной домашней библиотеки, но и своей бескорыстной поддержкой. В то же время она могла порвать установившиеся отношения с перспективными учениками, если их поступки не соответствовали ее нравственным принципам. На выпускных экзаменах подопечные Татьяны Константиновны всегда представляли дипломные работы, отличавшиеся актуальной тематикой, глубоким анализом научной литературы и опорой на источники, с которыми студенты периферийного вуза знакомились даже в столичных архивах.

Повороты судьбы, связавшие провинциального историка с элитой отечественной науки, определили характер и основной предмет ее собственных научных исследований, сфокусированных не просто на истории родного города, но на ее изучении в контексте истории уральской горнозаводской промышленности, одним из крупнейших центров которой в XVIII–XIX вв. был Нижний Тагил. Неоценимый вклад Т. К. Гуськовой в историческую науку заключается в первую очередь в том, что, основываясь на идеях своих учителей В. В. Адамова и Б. Б. Кафенгауза и на глубоких знаниях огромного комплекса источников, по крупицам собранного в течение всей жизни, она завершила создание органичной и непротиворечивой научной концепции окружной организации уральской горнозаводской промышленности.

Эта концепция дает возможность не только понять, как была устроена эта особая отрасль российской экономики с ее «оригинальным строем», но и выявить закономерности ее стадийного развития. Видя специфику горнозаводской промышленности в ее окружной организации, сформировавшейся благодаря

усилиям заводчиков и государства в особых природных и исторических условиях Урала, Т. К. Гуськова полагает, что такая организация полностью соответствовала возможностям развития здесь крупного металлургического производства протоиндустриального уровня. Представляя собой сложную — многоформную и разноуровневую — систему взаимосвязанных отраслей, предприятий, природных и социальных ресурсов, окружная организация, достигнув сбалансированного уровня, и стала основой расцвета Горнозаводского Урала в XVIII — первой половине XIX в. Но она же оказалась и главным тормозом на пути дальнейшего развития уральской металлургии, когда во второй половине XIX — начале XX в. в стране начался переход к индустриальному обществу. Нараставший структурный дисбаланс в окружной экономике и неадекватность заводладельцев не оставляли шансов для нового подъема металлургии без коренных преобразований, которые и осуществила революция 1917 г. и последовавшая за ней национализация уральской промышленности. Последние же остатки устаревшей организации производства, по мнению Т. К. Гуськовой, были ликвидированы лишь во время «сталинской индустриализации».

Предложенная концепция формирует и особый — системно-структурный — подход к изучению уральской промышленности имперского периода. При таком подходе именно горнозаводский округ как социально-экономическая система, а не отдельный металлургический завод, становится тем объектом, научный анализ которого может дать адекватное представление о происходивших там экономических и социальных процессах. Этот подход включает обязательное изучение таких взаимосвязанных аспектов, как формирование территории округа, создание и функционирование его металлургического комплекса, состояние рудной и топливной отраслей, организация транспортировки продукции и ее сбыт, комплектование и структура рабочих кадров, система управления и финансирования, роль владельцев.

Применение этого подхода реализовано самой Т. К. Гуськовой в двух монографиях, посвященных Нижнетагильскому горнозаводскому округу XIX — начала XX в. — «Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в.» (1995) и «Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. Заводы. Рабочие» (2007). В этих работах Нижнетагильский округ рассматривается не просто как один из многочисленных округов Урала, но в качестве своеобразной модели развития всей уральской горнозаводской промышленности, будучи во многом ее «образцовой» структурной единицей. Особое внимание уделено рабочим, их сложному производственному составу. Доказывается, что от принадлежности рабочих к тем или иным производственным группам зависел и характер их участия в революционном движении. Этот тоже универсальный вывод объясняет особенности формирования уральского пролетариата, отличавшегося от рабочих других регионов страны и отраслей промышленности.

Предложенный Т. К. Гуськовой подход уже используют исследователи других горнозаводских округов Урала. В качестве примера приведем диссертации

А. Н. Торопова о формировании хозяйства С. Я. Яковлева во второй половине XVIII — начале XIX в., Е. С. Бочкаревой о Златоустовском округе во владении рода Лугининых во второй половине XVIII в., Т. Г. Мезениной об особенностях пространственной и социально-экономической организации Строгановских вотчин в XVIII — первой половине XIX в., А. С. Грузинова о хозяйственном комплексе князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX — начале XX в. Можно сказать, что под влиянием основополагающих работ Т. К. Гуськовой формируется особая «научная школа» по изучению уральской промышленности, все более расширяющая круг своих приверженцев.

Своей лучшей ученицей Татьяна Константиновна по праву считала Л. В. Сапоговскую, которой еще во время ее учебы на историческом факультете НТГПИ она помогла выбрать перспективную тему, связанную с историей уральской промышленности. Изучение развития этой промышленности на рубеже XIX–XX вв. позволило талантливому исследователю разработать многофакторную типологию уральских горнозаводских округов по степени их вовлеченности в процесс монополизации и по характеру связей с банковским капиталом. Автору этих строк тоже посчастливилось войти в круг учеников Т. К. Гуськовой и осуществить начатое под руководством наставника изучение уральских заводладельцев как органичной части окружной системы, с эволюцией которой была связана происходившая в XVIII — начале XX в. смена исторических типов заводчиков.

Любовь и глубокое уважение учеников, друзей и коллег Т. К. Гуськовой всегда сопутствовали этому незаурядному человеку. Тагильчане по праву называли Татьяну Константиновну Почетным гражданином города и присудили ей общественную премию с говорящим названием «Духовное сокровище». Память об этом замечательном человеке и выдающемся историке будет долго жить в наших сердцах.

Е. Г. Неклюдов

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

**НАУЧНОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ КАК СПОСОБНОСТЬ
ПРЕОДОЛЕВАТЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ**
**К 70-летию со дня рождения Николая Назаровича Попова
(1946–2009)**

17 октября 2016 г. исполнилось бы 70 лет Николаю Назаровичу Попову — доктору исторических наук, профессору, всю свою профессиональную жизнь связавшему с Уральским государственным университетом. Поступив в 1968 г. в аспирантуру УрГУ, он прошел путь от аспиранта до заведующего кафедрой, профессора, воспитавшего целую плеяду учеников. Период 40-летней научно-педагогической деятельности Н. Н. Попова ознаменовался интеллектуальным творчеством, интенсивными архивными изысканиями, активной общественной и педагогической работой. Н. Н. Попов — автор свыше 500 научно-исследовательских и учебно-методических работ, в том числе более десяти монографий.

Основная тематика исследований Николая Назаровича — общественно-политическая история Урала в период войн и революционных потрясений начала XX в. Приоритетной проблемой, ставшей темой докторского исследования Н. Н. Попова, было политическое поведение солдат в условиях Первой мировой войны и революций, в том числе российской Революции 1917 г. [Попов, 1983]. В последние годы, когда научная мировая общественность обратилась к осмыслению уроков Первой мировой войны в связи со 100-летним юбилеем ее начала и готовится к 100-летию Русской революции 1917 г., проблематика исследований Н. Н. Попова вновь демонстрирует свою актуальность.

Пройдя путь от одной идеологизации, в рамках марксистской доктрины, до другой, обусловленной современной политической конъюнктурой, отечественная историография проблемы участия России в Первой мировой войне, кажется, вырабатывает иммунитет по отношению к необоснованным политизированным оценкам, получившим распространение в общественном дискурсе последнего времени. Так, в некоторых публикациях и выступлениях утверждается, что Россия была готова к войне, успела быстро мобилизовать ресурсы для ее победоносного завершения, но победу у нее «украли» «заговорщики»: либералы, социалисты и другие «враги России», подготовившие революцию 1917 г. Несостоятельность этих выводов показывают не только материалы многочисленных научных конференций, прошедших в период 100-летнего юбилея Первой мировой войны, монографий, вышедших в последние годы [Россия в годы Первой мировой войны...; Первая мировая война — пролог XX века...; Первая мировая война: взгляд спустя столетие...; Поликарпов; Шацилло; Туманова, 2014а; 2014б], но и данные работ Н. Н. Попова, в некоторых своих аспектах опередившие время, вышедшие за пределы идеологических ограничений советского периода.

В ряде современных исследований показаны серьезные проблемы и противоречия в социально-экономической, общественно-политической, идейно-психологической сферах, назревавшие в России накануне и в годы Первой мировой войны. Так, отставание российской военной промышленности в первые

десятилетия XX в. по ряду военно-технических параметров производства по сравнению с более развитыми европейскими странами обосновал В. В. Поликарпов [Поликарпов, с. 265]. Несостоятельность военной политики, причины провала военно-политических планов и программ поднятия боеготовности армии глубоко проанализировал В. К. Шацилло [Шацилло]. Причины и проявления нарастания противоречий в отношениях власти и общества в годы войны убедительно представила в своих исследованиях А. С. Туманова [Туманова, 2014а; 2014б]. Так, она пришла к выводу, что «в нарастании противоречий между властью и общественностью были виноваты обе стороны. ...Стремясь к мобилизации при общественном участии, власть продолжала рассматривать общественные организации не как своего союзника в тотальной войне, но как конкурента. Она была готова приостановить даже авторитетное и эффективное с точки зрения текущих задач начинание в случае малейшего подозрения в его нелояльности... В конце 1916 г. Российская империя находилась в шаге от революции. А от доверия общественных деятелей к власти начального периода войны не оставалось и следа» [Туманова, 2014б, с. 229].

Как показывают документы, обстановка на фронте и в тылу, сложившаяся в 1916 г., довела противостояние между Думой и правительством до крайней степени конфронтации. Выступление П. Н. Милюкова 1 ноября 1916 г., обвинившего окружение царя в «глупости или измене», вызвало политический взрыв в стране. Фактически, это был разрыв с властью [Первая мировая война в оценке современников..., т. 1, с. 50]. В воюющей стране стремительно нарастала радикализация настроений в различных слоях общества [Там же, с. 51]. В 1916 г. эти настроения стали господствующими, дополняя, по выражению думцев, «паралич» экономики и «паралич» власти [Там же, с. 52–53]. Апогеем заседания Государственной Думы 1 ноября 1916 г. стали слова А. Ф. Керенского, заявившего, что «у общества нет большего врага, чем правительство» [Там же, с. 364–365].

Источники и данные современной историографии заставляют вновь и вновь обращаться к анализу причин российской Революции 1917 г., оставив в стороне ненаучные «теории заговора». Сегодня этот анализ проводится на базе новейших эпистемологических подходов, с учетом роли исторических акторов, одними из которых в эпоху мировой войны были солдаты, рабочие, социалисты — те категории населения России, Уральского региона, которые активно изучал Н. Н. Попов. В этой связи важно заново взглянуть на научное наследие рано ушедшего из жизни уральского историка.

Изучая политическое сознание и поведение солдат в условиях мировой войны и революций, Н. Н. Попов сделал ряд новаторских и смелых для своего времени выводов. Прежде всего, он показал степень реального влияния эсеров в армии, привлечших на свою сторону после Февральской революции, по оценке автора, подавляющую часть солдат уральских гарнизонов [Попов, 1983, с. 97]. В монографии и ряде статей Н. Н. Попова была основательно проанализирована деятельность уральских эсеров и меньшевиков в 1917 г. по распространению своего влияния

в тыловых воинских частях региона, показана ее эффективность. Н. Н. Попов обратил внимание на тенденцию преувеличения в исторической литературе степени большевизации солдат уральских гарнизонов накануне Октября 1917 г., опровергнув утверждение, что за большевиками шло до 80 % солдат уральских гарнизонов [Попов, 1981, с. 50]. По подсчетам автора, за большевиков на выборах в Учредительное собрание проголосовало 55,7 % солдат Урала, что примерно соответствовало итоговым показателям по тыловым гарнизонам всей страны [Там же].

В период «перестройки» и после 1991 г. Н. Н. Попов продолжал заниматься изучением военной и общественно-политической истории Уральского края, публиковал документы и материалы по истории региона. Появились его работы, посвященные особенностям процесса российской модернизации, истории городов, интеллигенции, казачества, царизма, различных сторон жизни населения Обь-Иртышского Севера в конце XIX — первой половине XX в., судьбе дореволюционных ссыльных и советских спецпереселенцев. В числе заметных публикаций Н. Н. Попова 1990-х гг. можно назвать книги серии «Урал в новой России», изданные совместно с его учеником, доктором исторических наук А. Д. Кирилловым, где Н. Н. Попов анализировал демократические традиции в истории России [Кириллов А. Д., Попов, Кириллов Б. А., с. 5–56]. Н. Н. Попов участвовал в подготовке «Уральской исторической энциклопедии» [Уральская историческая энциклопедия, с. 103, 128–129, 135, 161, 206–207, 275, 277, 290, 321 и др.], энциклопедии «Екатеринбург» [Екатеринбург, с. 11, 12, 40, 41, 60, 71, 72 и др.] и других крупных научных трудов.

Следует особо выделить этап истории Урала, к которому неоднократно в 1990-е гг. обращался исследователь: события революции 1917 г. в уральских провинциях. Изменения в местных структурах власти, появление новых общественных организаций с научных позиций были освещены в работах Н. Н. Попова и историков его школы (Д. В. Бугрова, В. В. Московкина, И. С. Огановской, Л. А. Обухова, О. С. Поршневой, М. А. Фельдмана, О. Н. Богатыревой, А. В. Антошина и др.) [Бугров, Попов; Попов, 1999, с. 11–18; 2000; Дробышев, Попов; Поршнева].

Книга «Бремя упущенных возможностей. Урал в 1917 году» [Бугров, Попов], написанная совместно с деканом (тогда) исторического факультета УрГУ, а ныне — первым проректором УрФУ, директором ИГНИ кандидатом исторических наук Д. В. Бугровым, находилась в ряду принципиально новых изданий историографии того периода. Н. Н. Попов и Д. В. Бугров попытались дать оценку системе политической власти на Урале весной 1917 г., задавшись вопросом: существовало ли после Февральской революции двоевластие? Взвесив все доводы «за» и «против», авторы пришли к выводу: нет, не существовало. На местах действовали признанные народом органы Временного правительства. В то же время существовали и параллельные органам власти общественные организации в виде Советов, которые принимали участие в решении некоторых проблем экономического и политического характера. Не стоит забывать, продолжали исследователи, что

весной не только эсеро-меньшевистские, но и некоторые большевистские Советы поддерживали, пусть и условно, Временное правительство. И это можно рассматривать как уникальную ситуацию гражданского согласия в первые месяцы после Февральской революции, охватившую большинство населения [Бугров, Попов, с. 41–42]. Однако разнородные элементы управления, при той степени политической организованности и культуры, которые были присущи не только уральским структурам, объективно с трудом складывались в «единую систему, которая регулировала бы ритм хозяйственной жизни» [Там же].

С именем Н. Н. Попова связана политическая реабилитация Комитетов общественной безопасности (КОБов), как и Советы, представлявших интересы широких слоев населения и сконцентрировавших свои усилия на ликвидации местного аппарата старой власти и поддержке Временного правительства, повышении авторитета новой власти на местах. Более того, в некоторых КОБах Советы имели довольно значительное представительство [Там же, с. 38]. В ряде мест, как показали Н. Н. Попов и Д. В. Бугров, они назывались по-другому (комитеты общественных организаций, исполнительные комитеты, советы общественной власти и т. д.), но везде они представляли собой объединенную власть органов местного самоуправления и представителей общественно-политических организаций. КОБы сформировались почти во всех городах края, во многих уездах и даже волостях, селах, сотрудничая с Советами. Функции КОБов были широкими: снабжение населения, охрана порядка и т. д. Как показали авторы, в первые недели после падения царизма КОБы оказались весьма влиятельными, а в ряде мест единственными органами новой власти. Даже в Екатеринбурге КОБ образовался почти на три недели раньше, чем объединенный Совет [Там же].

В работе Н. Н. Попова и Д. В. Бугрова был проведен анализ уровня влияния большевиков на Советы Урала весной 1917 г., показавший, что доля большевистских Советов в общем количестве Советов, возникших в марте-июне 1917 г., неуклонно снижалась. Это означало, что наибольшим влиянием на Советы большевики обладали в марте. Затем шло последовательное снижение уровня этого влияния в крае [Там же, с. 34]. Авторы отвергали традиционные объяснения причин победы умеренных социалистов в Советах, закрепившееся в советской литературе представление о меньшевиках и эсерах как «прислужниках буржуазии», показали их как сторонников демократии, расходившихся с большевиками по принципиальным проблемам выбора путей развития страны [Там же, с. 35–36]. Н. Н. Попов и Д. В. Бугров обратили внимание и на то, что уже в марте 1917 г. имели место конфликты между Советами и КОБами. Ряд Советов предпринимал попытки «очистить КОБы от либералов». Часть большевистских лидеров стала отрицать саму целесообразность деятельности КОБов, поскольку последние «затушевывали классовые интересы» [Там же, с. 39–41]. Методологическое значение имеет обоснованное замечание Н. Н. Попова о невозможности масштабной модернизации страны в условиях продолжения войны и революции [Попов, 1999, с. 12]. В то же время он отмечал, что с учетом прихода в 1917 г. к власти

либералов и вскоре умеренных социалистов, существовала возможность сузить поле и накал трудовых конфликтов.

Оценки характера революционных процессов 1917 г. на Урале, роли его отдельных акторов, данные Н. Н. Поповым и его учениками, сохраняют, на наш взгляд, свою актуальность. Они должны быть осмыслены в контексте современной историографии проблем российской Революции 1917 г., ее динамики в российских регионах. Роль Урала, ставшего ареной острой общественно-политической, а затем и вооруженной борьбы в период Революции 1917 г. и Гражданской войны, предстоит заново осмыслить в преддверии надвигающегося 100-летнего юбилея этих эпохальных событий. Анализ научного наследия Н. Н. Попова показывает, что этот уральский историк внес серьезный вклад в их изучение, проявив стремление к научной истине и предвидение, способные преодолевать идеологические барьеры.

Бугров Д. В., Попов Н. Н. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 г. Екатеринбург : УрГУ, 1997.

Дробышев Г. А., Попов Н. Н. К вопросу о характере деятельности комитетов общественной безопасности на Урале в 1917 г. // Третьи Татищевские чтения / отв. ред. С. П. Постников. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2000. С. 101–104.

Екатеринбург = Ekaterinburg : энцикл. : 280-летию Екатеринбурга посвящается / Ин-т истории и археологии УрО РАН ; [редкол.: В. В. Алексеев и др. ; гл. ред. В. В. Маслаков]. Екатеринбург : Академкнига, 2002.

Кириллов А. Д., Попов Н. Н., Кириллов Б. А. Урал политический: история и современность. Партии. Выборы. Депутаты. Екатеринбург : Уральский рабочий, 1999.

Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне : докл. и выступл. участников III Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С. С. Степанова, Г. Д. Шкундина. М. : Изд-во МНЭПУ, 2015.

Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество 1914–1918 гг. : в 4 т. / под ред. В. Журавлева, А. Иванова. М. : РОССПЭН, 2014.

Первая мировая война — пролог XX века : материалы междунар. науч. конф. Москва, ИВИ РАН — МГУ им. М. В. Ломоносова — МГПУ, 8–10 сентября 2014 г. Ч. II / отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М. : ИВИ РАН, 2015.

Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М. : Индрик, 2008.

Попов Н. Н. Советская историческая литература о борьбе уральских большевиков за солдатские массы в период подготовки и проведения Октябрьской революции // Большевицкие организации Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) / под ред. Н. Н. Попова. Свердловск : УрГУ, 1981.

Попов Н. Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1983.

Попов Н. Н. Противоборство модернизаторства и традиционализма в России в период революции и гражданской войны: политический аспект // Урал в событиях 1917–1921 гг.: актуальные проблемы изучения (к 80-летию прекращения активных боевых действий на Урале) / под ред. И. В. Нарского. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 11–19.

Попов Н. Н. Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Очерк 1–2. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2000.

Поршнева О. С. Проблемы войны и мира в общественной борьбе на Урале. 1914–1918 // Первая мировая война: Пролог XX века. М. : Наука, 1998. С. 463–474.

Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред. А. Н. Артизов, А. К. Левыкин, Ю. А. Петров; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Гос. ист. музей; Федер. арх. агентство; Рос. ист. о-во. М.: [ИРИ РАН], 2014.

Туманова А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2014а.

Туманова А. С. От лояльности до протеста: добровольные общества России в годы Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред. А. Н. Артизов, А. К. Левыкин, Ю. А. Петров; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Гос. ист. музей; Федер. арх. агентство; Рос. ист. о-во. М.: [ИРИ РАН], 2014б. С. 223–230.

Уральская историческая энциклопедия / УрО РАН, Ин-т истории и археологии; гл. ред. В. В. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Академкнига, 2000.

Шаццло В. К. Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917): в 2 т. М.: Мегapolis, 2014.

О. С. Поршнева

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

М. А. Фельдман

доктор исторических наук,
профессор кафедры государственного управления
и политических технологий
Уральский институт – филиал Российской Академии
народного хозяйства и государственной службы
Екатеринбург, Россия

Список сокращений

ГААОСО	Государственный архив административных органов Свердловской области
ГАБО	Государственный архив Брестской области Республики Беларусь
ГАГС	Государственный архив города Севастополя
ГАОО	Государственный архив Одесской области Украины
ГАРК	Государственный архив Республики Крым
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ГАТО	Государственный архив Тюменской области
ГАХК	Государственный архив Хабаровского края
ГАШ	Государственный архив Шадринска
ГИМ ОПИ	Государственный исторический музей, отдел письменных источников
ИАК	Императорская Археологическая Комиссия
НА ИИМК РАН, РА	Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук, рукописный архив
НА РТ	Национальный архив Республики Татарстан
ООИД	Одесское общество истории и древностей
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПСЗРИ	Полное собрание законов Российской империи
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РО ИРЛИ РАН	Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом)
ЦГИА	Центральный государственный исторический архив
ЦДООСО	Центр документации общественных организаций Свердловской области
НИА	Hoover Institute Archives (Stanford University, USA)

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
2016. Т. 18. № 3 (154)

Редактор и корректор
Компьютерная верстка

А. А. Макарова
Л. А. Хухаревой

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48320 от 27.01.12
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Подписано в печать 30.09.2016. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 25,03. Усл. печ. л. 25,68. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 364.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
Отпечатано в ИПЦ УрФУ. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

ПРАВИЛА
направления, рецензирования и опубликования научных статей
в журнале «Известия Уральского федерального университета.
Серия 2. Гуманитарные науки»

I. Информация о журнале

1. Научный журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки» издается с 1999 г. Учредителем и издателем журнала является ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Серия «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского федерального университета» является периодическим изданием (выходит 4 раза в год).

2. Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки»

- зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48320 от 27 января 2012 г.);
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2283;
- включен в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим отраслям наук: исторические науки и археология, филологические науки, искусствоведение;
- включен в Russian Science Citation Index (RSCI), размещенный на платформе Web of Science (WoS);
- включен в объединенный каталог «Пресса России. Газеты и журналы. Т. 1», подписной индекс – 43143;
- материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета (<http://urfu.ru/ru/science/scientific-journals/izvestija-urfu/>) и на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2>).

3. Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность (в рамках проблематики журнала и по заранее выбранным сообществом экспертов проблемам). Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

II. Порядок приема рукописи

1. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков с пробелами). Статьи аспирантов принимаются объемом до 0,5 а. л. (20 000 знаков с пробелами). Публикация в журнале бесплатная.

2. Журнал принимает к публикации научные статьи, научные обзоры, научные рецензии и отзывы, освещающие актуальные вопросы филологии, истории и искусствоведения.

3. Рукописи прилагается одна официальная рецензия (внешнюю рецензию дает специалист соответствующей отрасли знаний, не работающий в одном вузе, на одном факультете или на одной кафедре с автором статьи). Статьи без внешней рецензии не рассматриваются.

4. Авторский оригинал предоставляется в электронной версии и с обязательной распечаткой текста. В статье должны присутствовать следующие метаданные: название статьи; аннотация (в которой указываются тема и цель работы, методология исследования, источники, основные результаты и выводы, объемом не менее 200 слов); ключевые слова (7–10); библиографический список; сведения об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, звание, должность; место работы (с указанием адреса); e-mail). Все метаданные предоставляются на русском и английском языках.

5. Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту. Страницы рукописи нумеруются. Иллюстрации к статье высылаются отдельными файлами в формате JPEG. Все иллюстрации должны быть подписаны и пронумерованы.

6. Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года. Рукописи высылаются по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки».

III. Порядок рецензирования и опубликования научных статей

1. Редакция журнала осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Срок рецензирования статей — от 2 до 6 месяцев.

2. В качестве рецензентов выступают признанные специалисты по тематике представленных на экспертизу материалов, имеющие в течение последних 3 лет публикации по проблеме рецензируемой статьи.

3. Редакция журнала хранит рецензии в течение 5 лет. При поступлении в редакцию издания соответствующего запроса она направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

4. Редакционная коллегия на основании заключения рецензентов принимает решение о публикации поступивших материалов. Принятые к публикации статьи включаются в ближайший выпуск журнала.

5. Редакция уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал, направляет авторам копии рецензий или мотивированный отказ. Рукописи, не принятые редколлегией к изданию, автору не возвращаются.

IV. Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** — А4 (210 × 297 мм), ориентация книжная.
- **Программа** — Word, **гарнитура** — Times.
- **Поля** — все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) — 14 (алгоритм набора: Формат — Шрифт — Размер 14).

- **Межстрочный интервал** — полуторный (Формат — Абзац — Междустрочный — Полуторный).
- **Межбуквенный интервал** — обычный.
- **Абзацный отступ** — 1,25 (Формат — Абзац — Первая строка — Отступ 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат — Абзац — Выравнивание — По ширине).
- **Нумерация страниц** (Вставка — Номер страницы — Внизу, справа).
- **Переносы** обязательны (Сервис — Язык — Расстановка переносов — Автоматическая расстановка переносов).
- **Квадратные скобки** — на латинской клавиатуре.
- **Межсловный пробел** — один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. п.*, *т. д.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин*.
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х — начала 30-х годов*.
- **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941—1945 гг., с. 8—61*.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» — внешние, “...” — внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: «*Наши дети — энциклопедисты по самому характеру своего мышления*», — говорил Маршак¹.
- **Римские цифры** набираются с помощью латинской клавиатуры.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е за исключением важных для смысловоразличения контекстов, например: *Всем обо всём*.
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи — **рубрикационные** (заголовки рубрики) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат — Шрифт — Интервал — Разреженный — 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «неблагозвучны громоздкие сочетания согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты цитируемого текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Примечания и библиографические ссылки

- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.
- Ссылки — затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», введенным с 1 января 2009 г. Обязательно указание на страницы цитируемых статей. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.
- Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Например: [Толстой, т. 4, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

Примеры оформления ссылок:

- Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древние языки / под ред. В. С. Расторгуевой. М. : Наука, 1979. С. 272–346.
- Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории *ius commune* // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115.
- Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж : Изд. Воен.-Мор. Союза, 1930.
- РГАВМФ. Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187.
- Босић Д. Косово. Београд : Новости, 2004.
- Bryson G. Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth Century. Princeton : Princeton Univ. Press, 1945.
- Emerson R. The Social Composition of Enlightened Scotland: The Select Society of Edinburgh 1754–1764 // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century, CXIV. 1973. P. 291–329.
- United States Department of State [Electronic resource] // Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01> (accessed: 12.07.2013).

Список литературы должен быть продублирован в формате APA (American Psychological Association) с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий).

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а после нее в квадратных скобках дается английский перевод.

При транслитерации используются правила Библиотеки Конгресса США (ALA-LC romanization или LC romanization), при этом следует делать исключения для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией (например: В. Янин = V. Yanin, а не V. Ianin; Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznanija, а не Voprosy iazykoznaniiia и т. п.).

Примеры оформления списка:

- Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechija [Scytho-Sarmatian Languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznanija. Drevneiranskije iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
- Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaja kul'tura: etnolingvističeskie issledovanija* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Coss, P. (1989). Bastard Feudalism Revised. *Past and Present*, 125, 27–64.
- Coss, P. (1991). *Lordship, Knighthood and Locality. A Study in English Society, c. 1180-1280*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough, & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
- Harvalik, M. (2004). *Synchronní a diachronní aspekty české onymie* [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech)
- Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When a Proper Name Takes an Article: The Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies*, 2, 185–205. (In French)
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
- Lysova, E. V. (2002). *Ornithonymia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (doctoral dissertation). Ural State University, Yekaterinburg. (In Russian)
- Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from <http://www.dwds.de/>. (In German)
- Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). Berestiane gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g. [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 3–11. (In Russian)

Принципы оформления библиографической записи в формате APA описаны на сайте: <http://www.apastyle.org/>, а также на многочисленных сайтах библиотек.

Правила транслитерации Библиотеки Конгресса США (ALA-LC romanization) описаны на сайте: <http://www.loc.gov/catdir/cpsol/roman.html>. При транслитерации кириллических названий можно воспользоваться автоматическими системами транслитерации, например: translit.net (в выпадающем меню «Варианты...» выбрать LC).

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество	Surname, name, middle name
Ученая степень, звание, должность	Academic degree, position
Организация	Organization
Почтовый адрес и телефон места работы	Mailing address, phone number
E-mail	E-mail

E-mail: izvestia.2@yandex.ru

Сайт: <http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2>

Почтовый адрес: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

«Известия Уральского федерального университета.

Серия 2. Гуманитарные науки»